ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

МАЛАХОВА Виктория Леонидовна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАГМАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, доцент
Пономаренко Евгения Витальевна

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ КАК ОБЛАСТЕЙ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 31

1.1. История становления семантики: основные разделы и подходы к изучению значения 32

1.1.1. Традиционная семантика 38

1.1.2. Бихевиористская семантика 38

1.1.3. Структурная семантика 39

1.1.4. Порождающая (генеративная) семантика 39

1.1.5. Лексическая семантика 40

1.1.6. Грамматическая семантика 41

1.1.7. Логическая семантика 41

1.1.8. Когнитивная семантика 42

1.2. Изменение парадигмы прагматических исследований как фактор расширения круга научных интересов в лингвистике 43

1.2.1. Прагматические теории и направления 54

1.2.1.1. Лингвистическая прагматика 55

1.2.1.2. Теория речевых актов 55

1.2.1.3. Дискурсивная прагматика 60

1.2.1.4. Социокультурная интерактивная прагматика 61

1.2.1.5. Межкультурная или контрастивная прагматика 62

1.2.1.6. Функциональная прагматика 63

1.3. Значение как объект исследования семантики и прагматики и методы его анализа 65

Выводы по главе I 79

ГЛАВА II. ДИНАМИКО-СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ СИНЕРГЕТИКИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 82

2.1. Синергетика, ее исходные положения и принципы 83

2.2. Лингвосинергетика: междисциплинарный подход к изучению языка через концептуальную систему и методы синергетики..... 87
2.3. Основные понятия синергетики и лингвосинергетики..... 89
2.4. Основные характеристики и особенности системной функциональной лингвосинергетики 95
2.4.1. Краткая история становления функциональной лингвистики.. 100
2.4.2. Основные направления в современном функционализме..... 105
2.4.2.1. Функционализм западного побережья..... 106
2.4.2.2. Референциально-ролевая грамматика..... 106
2.4.2.3. Функциональная грамматика дискурса 107
2.4.2.4. Системная функциональная лингвистика..... 108
2.4.2.5. Консервативный, умеренный, экстремальный функционализм..... 108
2.5. Объект исследования функциональной лингвистики. Функциональный анализ. Коммуникативные функции языка..... 112
2.6. Функциональная специфика английского дискурса в перспективе лингвистических исследований 114
2.6.1. Понятие дискурса..... 116
2.6.2. Подходы к изучению дискурса 123
2.6.3. Основные характеристики и функции дискурса 126
2.7. Дискурс и дискурс-анализ 127
Выводы по главе II 136

ГЛАВА III. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА..... 140
3.1. Категория отношения: смысловые и функциональные отношения 140
3.2. Основные типы функциональных отношений английского дискурса..... 162
3.2.1. Логико-семантические отношения..... 167
3.2.1.1. Тождество 170
3.2.1.2. Включение 173

3.2.1.3. Пересечение 179
3.2.1.4. Соподчинение 183
3.2.1.5. Исключение 185
3.2.2. Прагма-семантические отношения 188
3.2.2.1. Пояснение 190
3.2.2.1.1. Репрезентация 193
3.2.2.1.2. Экспликация 195
3.2.2.1.3. Реконструкция 199
3.2.2.2. Уточнение 201
3.2.2.2.1. Специализация 204
3.2.2.2.2. Экземплификация 205
3.2.2.2.3. Партитивность 209
3.2.2.3. Нарастание 210
3.2.2.4. Продвижение 216
3.2.2.5. Альтернатива 221
3.2.2.6. Каузация 225
3.2.2.7. Оппозиция 230
3.2.2.8. Переключение 235
3.2.2.9. Прагматический комментарий 237
3.2.2.10. Контаминация функциональных связей в английском дискурсе 241
Выводы по главе III 244

ГЛАВА IV. ДИНАМИКО-СИСТЕМНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА 249
4.1. Анализ формирования мультимодального смыслового пространства английского дискурса через призму функционально-интегративной методологии 250
4.2. Метод функционального сдвига в применении к анализу трансформации дискурсивного смыслового пространства 263

4.3. Значение и смысл как функциональная основа смыслового пространства английского дискурса 270
4.3.1. Значение и его типы 275
4.3.2. Смысл как взаимодействие семантических отношений, логической формы языковых выражений и прагматической интерпретации 290
4.4. Алгоритм формирования и трансформации смыслового пространства английского дискурса 300
Выводы по главе IV 351

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 356

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 368

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ 422

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА 423

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена разностороннему исследованию формирования смыслового пространства английского дискурса и установлению факторов, влияющих на его модификацию.

Интерес различных лингвистических направлений к изучению смысла – специфики его формирования, трансформации, интерпретации – объясняется существенным влиянием, которое он оказывает на всех уровнях человеческого взаимодействия. Выражение смысла – это не просто способ общения, инструмент передачи информации с помощью определенной системы знаков. Это еще и возможность для индивида мыслить, познавать и воспринимать окружающий мир, изучать и выражать себя, вносить свой вклад в развитие языка и общества.

На протяжении всего развития лингвистической науки смысл анализируется в разных ракурсах, через призму различных подходов, которые, тем не менее, объединяет рассмотрение в качестве основной функции смысла формирование и отражение когнитивных процессов человеческого сознания. Подтверждением этому является ставший уже классическим постулат, сформулированный Л.С. Выготским, о том, что «мысль совершается в слове». Это указывает на одно из самых существенных свойств языка, представляющее собой источник постоянного творческого поиска способа выражения мысли. Кроме того, именно вербально-мыслительная деятельность имеет первостепенное значение для организации социального взаимодействия людей [Пономаренко 2004].

Каждый из нас неоднократно становился свидетелем влияния способа выражения смысла не только на процесс и результат коммуникации, но и, что более важно, на изменения в жизнедеятельности и даже сознании людей. То, как изложена мысль, как она воспринята и интерпретирована, может иметь всевозможные последствия как в позитивном, так и в негативном направлении. Можно с уверенностью утверждать, что образ выражения смысла, удачный и приводящий к достижению цели коммуникации или

неадекватный и разрушающий эффективность речевого акта, способен воздействовать на сознание, чувства и опыт партнера. Принципы формирования смысла непосредственно связаны, с одной стороны, со знанием языка и, с другой стороны, с личностью коммуникантов, с законами человеческого мышления и психики. Неслучайно речевое воздействие на реципиента играет такую важную роль в формировании мнения по каким-либо вопросам или даже общего мировоззрения человека, вызывает определенные реакции, что повсеместно наблюдается сегодня как внутри того или иного языкового сообщества, так и на межнациональном уровне. Поэтому необходимость определения, за счет чего и каким образом происходит формирование значений, под воздействием каких факторов они трансформируются в смыслы, что именно способствует репрезентации и дальнейшей интерпретации общего смысла, придает данному исследованию **актуальность**.

Проблематика смыслообразования неоднократно затрагивалась и плодотворно разрабатывалась в период 1960-1990-х гг. Однако за последние два десятилетия эта тематика в гораздо меньшей степени интересовала языковедов, серьезные фундаментальные исследования проводились научным сообществом довольно редко, вследствие чего образовалась лакуна в развитии ее научного анализа. В то же время регулярное возникновение обозначенных вопросов при анализе практически любых языковых явлений с точки зрения коммуникативной нагрузки текста и риторического воздействия на реципиента, а также появление новых научных тенденций и методологий диктует необходимость дальнейшего развития тематики смыслопорождения с опорой на достижения развивающихся современных направлений. Особенно актуально исследование подобной проблематики на материале английского языка как одного из наиболее распространенных в мире и в значительной степени задающего коммуникативные модели, принимаемые другими языками. Проведенное нами комплексное всестороннее исследование данного языкового явления позволяет восполнить

образовавшиеся пробелы и найти способы совершенствования риторики дискурса и повышения эффективности и результативности коммуникации.

Для достижения поставленной цели в наибольшей степени подходит функциональная лингвосинергетика, представляющая собой активно развивающееся в последние годы направление в рамках функциональной лингвистики, «осуществляющее динамико-системный подход к языку/дискурсу как открытой сложной нелинейной самоорганизующейся системе, тесно взаимосвязанной с внешней средой» [Храмченко 2014: 6]. Это объясняется, прежде всего, актуальностью применения одного из главных принципов функциональной лингвосинергетики – принципа динамической системности – к понятию смысла. Рассмотрение смысла как системы позволяет выявить операторы, синергийное взаимодействие которых гармонизирует либо хаотизирует смысловую систему дискурса. Функциональный подход к изучению смысла делает возможным анализ компонентов системы дискурса и многообразия их отношений в процессе формирования его функционального пространства, изменения динамики смысловой системы дискурса за счет возникновения новых спонтанных свойств дискурса в конкретной коммуникативной ситуации. Сложность смысловой системы требует рассмотрения функционального пространства дискурса как целостной вариативной модели реализуемого речемыслительного процесса, активизирующей функциональные свойства через смысловое и структурное взаимодействие компонентов, многообразие внутренних и внешних зависимостей и свойств которого обусловливает эволюцию (динамическое развитие) дискурса [Пономаренко 2015]. Именно теория систем, в частности теория самоорганизации сложных иерархических систем, обычно называемая синергетикой, позволяет сделать это комплексно и полноценно.

Развитие лингвистической науки предполагает появление множества разнообразных теорий, изучающих языковые явления с разных сторон и тем самым дополняющих друг друга. В то же время многие лингвисты стремятся

создать некую целостную интегративную парадигму, оптимальной основой которой считают синергетический подход. Синергетика представляет собой перспективное направление современных исследований. Ее принципы и методы применяются во многих науках, что подтверждает ее междисциплинарность и даже универсальность. Актуальность данной парадигмы обусловливается тем, что она занимается изучением взаимодействия сложных систем, а понятие «система» широко используется во многих научных сферах. Синергетика способна предложить специфический взгляд на язык, а применение ее законов позволяет внести вклад в теорию эволюции языка.

Применение принципов синергетического анализа к изучению смысла является обоснованным и целесообразным. Прежде всего смысловое пространство речи, как уже неоднократно было отмечено, представляет собой открытую сложную нелинейную систему, которая в процессе эволюции проходит чередование состояний равновесности, упорядоченности и неравновесности (хаотизации). При этом упорядоченность и хаотизация являются довольно условными состояниями, поскольку определенные элементы порядка проявляются в хаосе, а элементы хаоса – в порядке; при этом хаотические колебания в смысловой системе дискурса могут быть в определенной степени конструктивными – в тех случаях, когда они порождают новые смысловые компоненты, способствующие более эффективному движению дискурса к реализации коммуникативной цели [Пономаренко 2004]. В лингвистическом понимании условность хаотизации также объясняется преднамеренностью и осознанностью употребления автором дискурса хаотизирующих смысловую систему языковых средств. Иными словами, хаотизирующий элемент не столько приводит к разупорядоченности смысловой системы, сколько проявляет свое функциональное несоответствие изначальной тенденции ее развития, благодаря чему, по сути, возникают условия для эволюции системы в новом

направлении. С этой точки зрения хаотизация является необходимым механизмом эволюции системы смыслов дискурса [там же].

Изучение процесса эволюции системы, то есть ее перехода из состояния стабильности в состояние неравновесности, нестабильности и далее к новой упорядоченности, выявление механизмов саморегулирования, самосохранения и, как следствие, саморазвития системы входят в круг задач синергетического анализа.

Для данного исследования интерес представляют направления лингвистики, в основу которых легли принципы синергетики – лингвосинергетика и, как ее разновидность, функциональная лингвосинергетика, основания которой были заложены в докторской диссертации Е.В. Пономаренко «Системность функциональных связей в современном английском дискурсе» (2004). В связи с тем, что объектом многих исследований является изучение текста и дискурса, их параметров как сложных систем, лингвосинергетика стала одной из востребованных научных парадигм в данном направлении исследований. Лингвосинергетика предоставляет широкие возможности для описания языка/текста/дискурса как сложной динамической открытой системы, а функциональная лингвосинергетика, в свою очередь, позволяет описать особенности ее функционирования и эволюции.

Поскольку научный интерес снова обращается к понятию «система», исследование дискурса как сложной системы не теряет своей актуальности и значимости, особенно в понимании дискурса как речевого произведения в процессе реализации в совокупности с экстралингвистическими факторами [Арутюнова 2000; van Dijk 2011; Tracy, Craig 2010]. Представители различных лингвистических подходов рассматривают уровень дискурса в качестве основного объекта изучения и соглашаются с тем, что высказывания превращаются в подлинный дискурс в большей степени как генераторы комплекса значений, чем как формальные речевые структуры. В этом смысле, говоря об английском дискурсе, мы подразумеваем совокупность

англоязычных произведений речи, являющихся (относительно) законченными по смыслу целостными образованиями, превышающими уровень предложения. Применение принципов лингвосинергетики и в целом динамико-системного подхода дает возможность выявить и описать внутреннюю эволюцию английского дискурса, объяснить механизмы изменений его смысловой системы как многомерного, объемного функционального пространства.

Перспективы изучения сложных процессов динамики системы дискурса открываются при обращении к изучению категории отношения, ее природы и специфики, установлению взаимосвязи с другими категориями. Особенно важным в этом ракурсе является рассмотрение тех особенностей и аспектов категории отношения, которые в дальнейшем ложатся в основу формирования функционального пространства английского дискурса. При раскрытии смысла текста интерпретатор исходит из системных, закрепленных в словаре, значений слов и эксплицирует впечатление, которое производит текст как относительно типовой алгоритм восприятия, свойственный обычному нормативному человеческому сознанию. Таким образом, исходным пунктом верификации характера функциональных отношений являются словарные дефиниции единиц, входящих в высказывание или текст. Исследователь производит смысловую интерпретацию этих единиц в рамках общего контекста. Кроме того, если рассматривать, например, художественные произведения, то в них, как правило, автор дает сигналы о том, какой эффект речь производит на адресата (не обязательно сразу в этом анализируемом фрагменте, но в более широком контексте). Отчасти поэтому именно художественный дискурс представляет достаточно информативный и достоверный материал для подобного анализа.

Анализ функционального пространства дискурса по существу представляет собой раскрытие актуализированных смысловых отношений, которые в данной работе рассматриваются в синтагматике и парадигматике.

Разные виды отношений ложатся в основу смыслов английского дискурса, которые, в свою очередь, определяют формирование его функциональной системы: адекватные коммуникативной цели и коммуникативной ситуации значения и смыслы обусловливают построение определенных функциональных отношений дискурса, которые со своей стороны воздействуют на смысловое развитие и общую динамику дискурса.

Смысловое поле дискурса представляет собой интеграцию семантического и прагматического пространств речи. Поэтому представляется актуальным и целесообразным проведение комплексного, всестороннего и глубокого анализа данного речевого феномена. Это позволяет описать синергийный процесс формирования определенных прагматических отношений на основе семантических значений и выявить степень участия языковых и экстралингвистических средств в достижении прагматического эффекта. За счет этого становится возможным изучить вклад семантики и прагматики речи в общий процесс коммуникативного взаимодействия. Поскольку фокус внимания лингвистов не был направлен на данную проблему в подобном ракурсе в полной мере, проведение данного исследования является своевременным и целесообразным. Функциональная лингвосинергетика, то есть динамико-системный подход к дискурсу как открытой сложной нелинейной самоорганизующейся системе и интегративная парадигма трансформации смыслового пространства дискурса представляют собой оптимальную перспективу для достижения этой цели.

Более глубокому пониманию специфики формирования функционального пространства английского дискурса способствует анализ особенностей двух лингвистических направлений – семантики и прагматики. Прагма-семантический анализ функционального пространства дискурса помогает установить степень участия семантических и прагматических явлений в процессе формирования общего дискурсивного смысла, выявить потенциал языковых средств при формировании значений и их трансформации в общий смысл под действием контекстуальных факторов,

определить оптимальные способы выражения коммуникативного замысла автора дискурса, направленные на достижение по возможности адекватного понимания смысла реципиентом.

Специфика семантических и прагматических значений, их соотношение создают основу для формирования общего смыслового плана дискурса. Исходное значение задается семантическим значением в его структурном воплощении, затем в процессе актуализации речевого произведения в определенной ситуации общения дополняется прагматическим и далее трансформируется в прагма-семантический и коммуникативно-функциональный смыслы. Это подтверждает правомерность рассмотрения смысла как (относительно) самостоятельной иерархической системы, обладающей специфическими функциями, законами жизнедеятельности и «манерой» поведения. В процессе речевой реализации смысла различные элементы и компоненты дискурса вступают в сложное взаимодействие, влияют и даже обусловливают друг друга; подобная кооперация частей системы приводит к варьированию, динамике, саморегулированию, изменению и адаптации [Пономаренко 2004].

Прагма-семантический анализ английского дискурса, таким образом, позволяет понять механизмы формирования значений и смыслов речевого произведения. Вклад семантики и прагматики в общую картину коммуникативного взаимодействия является неоспоримым, поскольку любое общение обязательно анализируется с учетом семантических и прагматических аспектов.

Формирование и трансформация семантических и прагматических значений в дискурсивный смысл под действием прагматических и экстралингвистических факторов, взаимодействие разнообразных средств выражения неязыкового фона коммуникации в дискурсе выстраивают смысловую систему английского дискурса в виде мультимодального целого. В этом плане представляется актуальным изучение способов передачи в

конкретном дискурсе невербальных средств, влияющих на репрезентируемые значения, конечный смысл дискурса и результат коммуникации.

Функциональное пространство дискурса, являясь индивидуальным и ситуативно обусловленным, оперирует больше смыслами, чем значениями. Значение и смысл являются категориями, формирующимися в ходе и результате коммуникативной деятельности и когнитивных процессов, поэтому эффективность коммуникации зависит от адекватного порождения, передачи и декодирования значений и смыслов. Смысловое пространство дискурса не сводится к сумме формирующих его значений. Оно напрямую зависит от мыследеятельности автора и интерпретации со стороны реципиента, что неизбежно вносит дополнительные смысловые приращения.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Теоретическую основу исследования составляют работы лингвистов, посвященные семантической и прагматической парадигмам, проблемам функциональной лингвосинергетики (динамико-системного подхода к дискурсу), а также вопросам формирования семантических и прагматических значений в определенных коммуникативных условиях, их особенностям и роли в построении функционального пространства дискурса.

В основу исследования легли в первую очередь работы Е.В. Пономаренко по функциональной лингвосинергетике и динамико-системным свойствам английского дискурса, а также труды О.В. Александровой, Н.Ф. Алефиренко, О.С. Ахмановой, А.В. Бондарко, В.Г. Борботько, Г. Грайса, Т.А. ван Дейка, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, М. Хэллидея, А.А. Харьковской, Д.С. Храмченко, Л.В. Щербы и др.

Английский дискурс как система определенных принципов и стратегий речевого поведения в конкретных условиях и ситуациях коммуникативного взаимодействия рассматривается в работах О.В. Александровой, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Базылева, Л.В. Бронник, Т. Гивона, Т.А. ван Дейка, В.З. Демьянкова, Л. Лэнекера, М.Л. Макарова, Е.Н. Малюги, Е.В. Пономаренко, О.Н. Прохоровой, А.В. Радюк, А.А. Харьковской, Д.С.

Храмченко, У. Чейфа, И.В. Чекулая, Д. Шифрин и др. Вопросы, связанные с формированием и проявлением отношений между элементами дискурса, их синергийного взаимодействия и функционирования, затрагиваются в трудах А.И. Варшавской, Э. Косериу, М.В. Ляпон, Д.В. Пивоварова, Е.В. Пономаренко, А.Я. Райбекаса, В.И. Свидерского и др.

Семантика и прагматика как области языкознания, их особенности, отличия и роль в формировании значений и смыслов исследуются такими лингвистами, как Ю.Д. Апресян, А. Баррон, А. Вежбицкая, Дж. Вершуерен, Т.А. ван Дейк, Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, С. Левинсон, Г. Лич, И. Кечкес, Е.С. Кубрякова, Дж. Мей, Н.А. Слюсарева, Ч. Филлмор, Н. Хомский, К. Шнайдер и др.

Проблема значения и смысла поднимается в работах Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, А.И. Варшавской, Г. Грайса, П. Гриффитса, Дж. Лайонса, В.А. Михайлова, Ч.У. Морриса, К.К. Огдена и Дж.А. Ричардса, Р. Павилёниса, Дж.Р. Серля, Э.Д. Сулейменовой, М. Хэллидея, Р.Д. ван Валина и др.

Тем не менее, на данном этапе развития лингвистической науки проблема формирования и трансформации смыслового пространства английского дискурса в целом остается по-прежнему недостаточно изученной и актуальной.

Основным подходом, используемым в работе, является функционально-интегративный аналитический подход, который представляет собой вариант синергетического и, шире, динамико-системного подхода. Его особенность состоит в том, что он дает возможность достаточно наглядно показать процесс трансформации семантики в прагматику, и подобный взгляд на речевое произведение выявляет, с одной стороны, его системные, стабильные (исходные) свойства, с другой стороны, – динамичные, вариативные (возникающие в ходе актуализации текста) свойства. Функционально-интегративный подход способствует углублению понимания отправной точки формирования значений и смыслов, причин

сдвигов в смысловом пространстве дискурса, а также способов отражения в дискурсе неязыкового фона коммуникации.

С этих позиций в диссертации разработан аналитический **метод функционального сдвига**. Актуальность его применения заключается в возможности раскрыть динамику формирования смыслового пространства английского дискурса и набор факторов, модифицирующих его структуру и функции. Также применяются метод интерпретации, семантический и прагматический анализ, функционально-синергетический анализ и традиционный дискурс-анализ, способствующие глубокому изучению кооперативного взаимодействия компонентов дискурса между собой и с внешними факторами. По мере необходимости используются методы систематизации, аналогии, компонентного анализа, индукции и дедукции. Применение комплекса научных методов способствует всестороннему изучению процессов формирования семантических и прагматических значений, трансформирующихся за счет определенных контекстуальных условий и прагматических факторов в общий дискурсивный смысл и структурирующих функциональное пространство дискурса.

Целью исследования является раскрытие динамики и алгоритма трансформации отдельных семантических и прагматических значений в общий дискурсивный смысл, перерастание семантических отношений английского дискурса в прагматические отношения, а также роли этих процессов в обогащении потенциала риторического воздействия речи на реципиента.

Достижение цели исследования требует решения следующих **задач**:

1) описать эволюционные процессы формирования смыслового пространства английского дискурса через взаимодействие его компонентов между собой и с внешней средой;
2) установить соотношение и степень взаимодействия семантических и прагматических явлений в процессе формирования общего смыслового пространства;

3) определить механизмы модификации функциональной системы английского дискурса с позиций функционально-синергетического подхода и в частности функционально-интегративного анализа, позволяющего изучить различия между семантическими и прагматическими значениями в аспекте их интегративной роли в формировании и интерпретации смыслового пространства английского дискурса;
4) разработать метод лингвистического анализа трансформационных смысловых процессов и осуществить с его помощью функционально-интегративный анализ смыслового пространства английского дискурса с целью его наиболее полного, мультимодального описания, учитывая совокупность факторов, способствующих и/или препятствующих модификации значений в новые динамичные и гибкие смыслы;
5) описать функциональные особенности языковых и экстралингвистических средств модификации мультимодального смыслового пространства английского дискурса, раскрыть механизмы их функционирования и взаимодействия в процессе гармонизации дискурсивной системы смыслов, обогащения потенциала риторического воздействия речи на реципиента и повышения эффективности взаимодействия между коммуникантами.

Гипотеза проводимого исследования формулируется следующим образом: сложность процесса эволюции английского дискурса проявляется в формировании в нем системы взаимосвязанных прагма-семантических отношений через приращение семантических значений прагматическими и их дальнейшую трансформацию в прагма-семантическое пространство дискурса.

Объектом исследования являются различные по объему фрагменты английского дискурса, которые содержат языковые приемы и средства, отражающие преобразования функционально-смыслового пространства дискурса.

Предмет исследования – этапы формирования прагма-семантического пространства английского дискурса, факторы, механизмы и операторы его модификаций и трансформаций, влияние этих явлений на реализацию коммуникативных целей партнеров по общению.

Материалом анализа послужили фрагменты английского художественного и публицистического дискурсов как достаточно достоверных аутентичных источников произведений речи, которые отражают или имитируют наиболее характерные свойства реальной речевой деятельности носителей английского языка.

Диссертационная работа в большей степени нацелена на анализ функциональных свойств современного английского дискурса XX – XXI вв. Однако в ряде случаев исследование охватывает английский дискурс XIX в., поскольку эволюционные процессы, происходящие в языке и обществе на протяжении значительно более длительного периода, оказали определенное влияние на модификацию характеристик, свойств и функционирование современного английского дискурса. Поэтому их отражение в работе представляется оправданным. Анализ дискурса в рамках такого довольно длительного периода дает возможность проследить эволюционные процессы в английском дискурсе, изменение моделей общения и характера коммуникации, что составляет научный интерес данного исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые осуществляется комплексный анализ функционального сдвига от семантического плана дискурса к прагматическому как результата смыслового обогащения семантических значений прагматическими приращениями, их трансформации в общее

прагма-семантическое пространство в процессе функциональной эволюции дискурса;

- углубляется функционально-синергетический подход в рамках динамико-системного направления лингвистики применительно к формированию прагма-семантического пространства английского дискурса;
- предлагается метод функционального сдвига как функционально-интегративный анализ, объединяющий разные ракурсы функционального анализа (семантического, прагматического, когнитивного) и способствующий развитию методологии функционального исследования эволюционных процессов смысловой системы английского дискурса;
- разрабатывается функционально-синергетический алгоритм трансформации смысловой системы английского дискурса.

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью использовать полученные результаты для более интегрированного развития семантики и прагматики как областей языкознания, для обогащения теории дискурса, для более глубокого понимания особенностей процесса формирования смысловой системы английского дискурса.

Практическая ценность состоит в том, что материал и результаты работы могут быть востребованными при подготовке теоретических и учебных курсов по функциональной лингвистике, лингвосинергетике, дискурс-анализу, стилистике английского языка и межкультурной коммуникации, а также при разработке пакета рекомендаций для представителей дипломатических и деловых кругов, социальной и политической сфер деятельности, журналистов и других специалистов, в деятельности которых успешное решение профессиональных задач во многом зависит от умения выстраивать оптимальную функциональную перспективу речи, систему смысловых связей дискурса и эффективно продвигать коммуникативный процесс к требуемой цели.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Функциональная эволюция английского дискурса предполагает поступательный процесс обогащения в ходе актуализации текста его семантических значений за счет приращения прагматических значений и их трансформации в общее функциональное (прагма-семантическое) пространство дискурса. Функциональное пространство английского дискурса представляет собой мультимодальное целое значений и смыслов, которые вербализуются языковыми средствами и трансформируются под действием лингвистических и экстралингвистических факторов разного порядка.
2. Трансформация функционально-смысловой системы дискурса осуществляется благодаря включению в речь компонентов, нарушающих линейность развертывания смысловой перспективы текста и участвующих в создании «стереоскопического», нелинейного пространства функциональных связей между высказываниями, в образовании которого немаловажную роль играют спонтанные (хаотизирующие изначально заданное смысловое развитие дискурса) флуктуации. Хаотизация смысловой системы дискурса может быть конструктивной, если порождаемые ею спонтанные значения актуализируют полезные для системы функциональные свойства дискурса, усиливают прагматический эффект и повышают общую выразительность речи. В свою очередь неконструктивная хаотизация порождает значения, препятствующие эффективной коммуникации.
3. В основе смысловой эволюции английского дискурса лежат функциональные отношения между высказываниями, которые играют регулятивную роль параметров порядка смысловой системы и создают сложную сетку взаимосвязей в смысловом пространстве дискурса:

а) логико-семантические отношения (тождество, включение, пересечение, соподчинение, исключение);

б) прагма-семантические отношения (пояснение, уточнение, нарастание, продвижение, альтернатива, каузация, оппозиция, переключение, прагматический комментарий);

4. Трансформационные изменения функционального пространства английского дискурса обусловлены такими свойствами как нелинейность, открытость, динамичность, высокая комбинаторность компонентов дискурса. Взаимодействие этих свойств дискурса позволяет осуществиться функциональному сдвигу от семантического плана дискурса к прагматическому и их интеграции в общее смысловое пространство. Такой функциональный сдвиг обеспечивает органичное сочетание семантических (системных, потенциально заложенных в языке) компонентов смысла и порождаемых коммуникативной ситуацией и другими экстралингвистическими параметрами прагматических (связанных с восприятием текста коммуникантами) смысловых компонентов; при этом семантические и прагматические смысловые компоненты конкретного фрагмента дискурса взаимно влияют друг на друга и выстраивают многомерное смысловое пространство.
5. Смысловое пространство английского дискурса эволюционирует за счет формирования и модификации семантических, семантико-синтаксических, логико-семантических, прагматических значений. Функционально-интегративный анализ разноуровневых эволюционных процессов в смысловом пространстве английского дискурса эффективно раскрывается методом функционального сдвига, который включает анализ базовых значений компонентов дискурса, их контекстуальное

усложнение (смысловые приращения) и переход в смыслы в процессе трансформации смыслового пространства на пути к аттрактору (коммуникативной цели), определение типа функциональных отношений между пропозициями предложений-компонентов дискурса и вывод о результативности коммуникации с точки зрения равновесности/неравновесности смысловой системы.

6. К числу дискурсивных механизмов и приемов, с одной стороны, усложняющих смысловую систему дискурса и ее интерпретацию адресатом, но с другой, прагматически обогащающих и во многих случаях помогающих ее адекватному восприятию, относятся полисемия, метафоризация, фразеологически репрезентируемые концепты, семантическая транспозиция, косвенные речевые акты и коннотации, интердискурсивность и включение в дискурс мультимодального контента (креолизованных текстов, минитекстов, разных режимов оформления дискурса и т.п.), ирония, сочетание функционально разнородных дискурсивных элементов, другие средства образности. Это свидетельствует о высоком функциональном потенциале языковых и неязыковых средств и приемов, которые в своем взаимодействии формируют динамическую (подвижную) прагма-семантическую систему английского дискурса.
7. Эффективность нелинейной смысловой системы английского дискурса, его прагматическое воздействие и достижение целей коммуникации обусловлены выстраиванием оптимальных прагма-семантических подсистем дискурса, конструктивным характером хаотизации смыслового дискурсивного пространства, а главное – синергийным взаимодействием элементов и частей дискурса между собой и с внешней средой (включающей коммуникативную ситуацию, концептуальную систему и

личностные особенности участников коммуникации, общее состояние языковой системы на данном этапе).

8. При оптимальном сочетании разнородных факторов эволюции английского дискурса функциональный сдвиг от семантики к прагматике и трансформация прагма-семантического пространства дискурса способствует тактической реализации стратегии общения в необходимом для достижения коммуникативной цели направлении смыслового развития дискурса (путем включения конструктивных смысловых компонентов, поддерживающих заданную стратегию), препятствует движению системы к менее выгодному аттрактору (позволяя дискурсивной системе «забыть» нежелательные (деструктивные) значения), переводит систему на новый уровень смысловой упорядоченности (восстанавливая когерентное движение компонентов дискурса к цели) и тем самым гармонизирует процесс общения.

Результаты исследования прошли **апробацию** на международных и всероссийских научно-практических конференциях и семинарах в 2016-2021 гг.:

- VII Международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (г. Москва, РУДН, 2016 г.);
- IX Международная научно-практическая конференция «Академическая наука – проблемы и достижения» (США, г. Норт-Чарлстон, 2016 г.);
- X Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «25 лет внешней политике России» (г. Москва, МГИМО МИД России, 2016 г.);

- IV Международная междисциплинарная научная конференция по гуманитарным наукам SGEM (Болгария, г. Альбена, 2017 г.);
- II Научно-практическая конференция «Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: К 75-летию факультета международных отношений» (г. Москва, МГИМО МИД России, 2018 г.);
- V Международная междисциплинарная научная конференция по гуманитарным наукам SGEM (Болгария, г. Альбена, 2018 г.);
- XII Международная конференция по технологиям, образованию и развитию INTED2018 (Испания, г. Валенсия, 2018 г.);
- VI Международная междисциплинарная научная конференция по гуманитарным наукам SGEM (Австрия, г. Вена, 2019 г.);
- Международный научный форум, посвященный Всемирному дню науки за мир и развитие «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (г. Москва, РУДН, 2020 г.);
- IX Международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (г. Москва, РУДН, 2020 г.);
- XIV Международная научная конференция LATEUM (г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021 г.);
- Международная научно-практическая конференция «V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации» (г. Москва, РУДН, 2021 г.);
- IV Международная научная конференция «Германистика 2021: Nove et nova» (г. Москва, МГЛУ, 2021 г.);
- XIII Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «К 30-летию внешней политики новой России» (г. Москва, МГИМО МИД России, 2021 г.);

- II Международная научно-практическая конференция «Лингвистика дистанцирования: человек и его язык в гуманитарной ретроспективе» (г. Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022 г.);
- X Международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (г. Москва, РУДН, 2022 гг.);
- научно-методические конференции профессорско-преподавательского состава МГИМО.

Основные положения диссертационного исследования изложены в 40 публикациях, в том числе: в 2 монографиях; в 15 изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований; в 5 статьях в зарубежных изданиях, индексируемых в международных наукометрических системах Scopus и Web of Science:

1. Малахова В.Л. Функциональные свойства категории притяжательности в английском дискурсе: монография / В.Л. Малахова. – Белгород: БелГУ, 2015. – 128 с.
2. Малахова В.Л. Алгоритм трансформации прагма-семантического смысла в системе английского дискурса / В.Л. Малахова // Функциональные аспекты синтаксиса германских языков: коллективная монография [А.В. Аверина и др.]; под общ. ред. А.В. Авериной, И.А. Шиповой. – М.: Издательство «Перо», 2022. – С. 124-143.
3. Malakhova V.L. Dynamic changes in modern English discourse / O.V. Aleksandrova, E.O. Mendzheritskaya, V.L. Malakhova // Training Language and Culture. − 2017. − Vol. 1. − Issue 1. − Pp. 92-106.
4. Malakhova V.L. Minitexts of poetic titles as markers of the English cognitive paradigm / Y.V. Vedeneva, A.A. Kharkovskaya, V.L.

Malakhova // Training Language and Culture. − 2018. − Vol. 2. − Issue 2. − Pp. 26-39.

5. Malakhova V.L. Phraseologically represented concepts as part of forming students' linguistic consciousness / V.L. Malakhova, O.V. Desyatova // INTED2018 Proceedings: 12th International Technology, Education and Development Conference. − 2018. − Pp. 8468-8475.
6. Malakhova V.L. Multimodal pragmatics and translation. A new model for source text analysis / V.L. Malakhova // Journal of Language and Education. − 2018. – Vol. 4. – Issue 4. − Pp. 97-99.
7. Malakhova V.L. Creolized multimedia space in fostering students' intercultural communication in English language teaching / V.L. Malakhova, N.V. Bykhtina // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. − 2020. – Vol. 97. − Pp. 424-434.
8. Малахова В.Л. О формировании функциональной системности английского дискурса и роли притяжательных номинаций в этом процессе / В.Л. Малахова // Вестник Самарского государственного университета. − 2010. − № 5 (79). − С. 151-155.
9. Малахова В.Л. Притяжательные номинации и их роль в модификации смыслового пространства английского дискурса / В.Л. Малахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. − 2013. − № 2 (20). − С. 139-141.
10. Малахова В.Л. Влияние дискурсивного пространства на формирование притяжательного смысла / В.Л. Малахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. − 2015. − № 2-1 (44). − С. 138-140.
11. Малахова В.Л. Функциональные свойства средств выражения притяжательности в английском дискурсе / В.Л. Малахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. − 2015. − № 3-1 (45). − С. 145-147.

12. Малахова В.Л. Типы фразеологически репрезентируемых концептов в английском языке / В.Л. Малахова // Научные Ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. − 2017. − Т. 33. − № 7 (256). – С. 65-75.
13. Малахова В.Л. Системная организация категории притяжательности в английском дискурсе / В.Л. Малахова // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. − 2017. − № 4 (36). − С. 160-173.
14. Малахова В.Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике / В.Л. Малахова // Филологические науки в МГИМО. − 2021. − Т. 7. − № 3 (27). − С. 24-33.
15. Малахова В.Л. Основные этапы формирования прагма-семантического смысла и методы его анализа / В.Л. Малахова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. − 2021. − Т. 27. − № 4. − С. 114-121.
16. Малахова В.Л. Специфика логико-семантических отношений английского дискурса / В.Л. Малахова // Вопросы прикладной лингвистики. − 2021. − № 44. − С. 76-96.
17. Малахова В.Л. Специфика дискурса в перспективе лингвистических исследований / В.Л. Малахова // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. − 2022. − Т. 41. − № 1. − С. 134-142.
18. Малахова В.Л. Анализ формирования мультимодального смыслового пространства английского дискурса через призму интегративной функциональной методологии / В.Л. Малахова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. − 2022. − № 1. − С. 60-69.
19. Малахова В.Л. Значение и смысл как основа функционального пространства английского дискурса / В.Л. Малахова //

Филологические науки в МГИМО. − 2022. − Т. 8. − № 1. − С. 29-43.

20. Малахова В.Л. Specificity of formation of English discourse sense system multimodality and its integrative functional analysis / В.Л. Малахова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. − 2022. − Т. 28. − № 1. − С. 120-125.
21. Малахова В.Л. Метод функционального сдвига в применении к анализу трансформации дискурсивного смысла / В.Л. Малахова // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». − 2022. − № 45 (1). − С. 86-92.
22. Малахова В.Л. Пояснение как вид прагмасемантических отношений в системе английского дискурса / В.Л. Малахова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. − 2022. − № 1 (856). − С. 65-71.

Объем и структура диссертации. Работа содержит 427 страниц печатного текста и состоит из введения, четырех глав, сопровождающихся выводами, заключения. К работе прилагается библиографический список, список использованных словарей, список источников иллюстративного материала.

Во Введении кратко излагается основное содержание представленного исследования, обосновываются актуальность и научная новизна работы, определяется объект и предмет исследования, освещается степень разработанности проблемы, теоретическая и методологическая основы работы, формулируются ее основные цели и задачи, перечисляются основные методы исследования, указываются области практического применения полученных результатов, излагаются гипотеза и положения, выносимые на защиту, а также определяется объем и структура диссертации.

В главе I «**Этапы развития семантики и прагматики как областей языкознания»** проводится анализ процесса становления семантики и прагматики как лингвистических научных направлений, рассматриваются их основные разделы и подходы к изучению, прослеживается их соотношение, в том числе дается краткое изложение теории речевых актов.

В главе II «**Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике**» рассматриваются теоретические аспекты и концептуальные основы изучения современного английского дискурса с позиций функциональной лингвосинергетики. С применением главных законов синергетики описываются объекты и задачи лингвистической синергетики и в частности функциональной лингвосинергетики, их основные понятия, принципы и методы. Обосновывается выбор динамико-системной научной парадигмы в качестве теоретико-методологической базы для анализа функциональной системы английского дискурса. Описываются основные характеристики и особенности структуры и функционирования системы английского дискурса. Также излагаются специфика дискурс-анализа, его объект и задачи.

Глава III **«Функциональные отношения английского дискурса»** посвящена описанию категории отношения и основных типов логико-семантических и прагма-семантических функциональных связей английского дискурса, актуализируемых в системе дискурса как, соответственно, общие и специальные параметры порядка.

В главе IV **«Динамико-системные особенности формирования смыслового пространства английского дискурса»** рассматривается выстраивание функциональной системы английского дискурса, определяется роль языковых средств, дискурсивных механизмов и приемов, участвующих в формировании и трансформации прагма-семантического пространства английского дискурса. Проводится анализ соотношения понятий *значение* и *смысл*, влияния различных факторов и условий на формирование значений разных уровней, реализующих смысл, и на достижение коммуникативной

цели. Описывается механизм функционального сдвига в смысловом пространстве английского дискурса.

В Заключении в обобщенном виде излагаются результаты исследования, формулируются основные выводы и перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

Библиографический список включает работы, использованные в процессе исследования.

Глава I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ КАК ОБЛАСТЕЙ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Создание объективной картины окружающего мира и последующее отражение этой системы в языке и речи является сложным процессом, требующим комплексного использования принципов семантики и прагматики в совокупности с представлениями о культуре как способе ценностного освоения действительности, о человеке, его общественных отношениях и социальной деятельности, а также предполагающим исследование закономерности связей явлений реальности с системами языка и речи [Александрова 2018 а; Володина 2016].

Обладая специфическими характеристиками, семантика и прагматика взаимно дополняют друг друга. Для решения задач, поставленных в настоящей работе, представляется целесообразным анализ этих двух лингвистических направлений.

Наряду с синтактикой, семантика и прагматика являются аспектами семиотики – общей теории знаков. В своем сущностном выражении они относительно обособлены, но в функциональном плане тесно взаимосвязаны. Через синтактику, семантику и прагматику в семиотике выражаются основные отношения знаков, посредством которых осуществляется процесс коммуникации [Богданов 1990; Киклевич 2007; Норман 2019; Тимофеева 2018]. Впервые подобное разделение было осуществлено Ч. Пирсом и в дальнейшем развивалось Ч. Моррисом. Синтактика исследует знаки и их отношения друг к другу. Семантика занимается изучением значения, точнее, – изучением связи между языковыми выражениями и их значениями. Прагматика нацелена на изучение того, как контекст может влиять на наше понимание смысла лингвистических высказываний.

Семантика представляет значение систематически и объективно. Поскольку значение не является статичным, оно во многом зависит от контекста (дискурса) и участников акта коммуникации, то есть определяется прагматическими факторами. Обмениваясь информацией, коммуниканты

передают не только содержание сообщаемого, но и свое отношение, чувства, оценку, что способствует более глубокой интерпретации исходного значения [Вишнякова 2019; Володина 2016]. Данный факт определяет тесную связь между семантикой и прагматикой, этапы становления и главные направления которых будут рассмотрены в настоящей главе.

1.1. История становления семантики: основные разделы и подходы к изучению значения

Как было сказано выше, семантика исследует то, как значение образуется или создается в языке. Однако она фокусируется не только на способах выражения словами своего значения, но в большей степени на особенностях взаимодействия слов, фраз и предложений между собой для передачи необходимого смысла [Арутюнова 1977; Миронова 2021; Geeraerts 2010]. Семантика связана с изучением того, каким образом человек посредством слов и набора грамматических правил конкретного естественного языка передает и понимает разнообразную информацию о реальной действительности [Булыгина 1980; Davies, Richardson 2021; Saeed 2009].

Структура языка представлена четырьмя основными уровнями: фонетика/фонология (звуки), морфология (слова), синтаксис (предложения) и семантика (значение). Фонология и синтаксис связаны с выразительной силой языка, в то время как семантика изучает значение сообщаемого с учетом грамматических правил и адекватной интерпретации. Следовательно, овладение языком включает в себя не только знание организации звуков и структур, но также понимание того, как связано значение со структурами. Поэтому семантику можно охарактеризовать как научное изучение значения в языке.

Семантика является предметом дискуссий в течение многих лет. Одной из проблем, к которой неоднократно обращались исследователи и которая до сих пор остается наиболее обсуждаемой, является объект изучения

семантики и, следовательно, само определение значения. Считалось, что объектом семантики являются отдельные слова и поэтому семантика касается только внеконтекстуальной абстрактной информации, представленной в словаре. Однако согласно другой точке зрения, семантика охватывает гораздо бóльшую сферу. Это может быть информация, структурированная база данных, содержащая исчерпывающую информацию по многим (если не по всем) отраслям знаний. Или это может быть соотношение слов в тексте (окружающий контекст), взаимодействие с контекстом речевого события, в котором слово используется.

Современная семантика берет свое начало в философии и логике. Попытка изучения смысла философами привела к образованию так называемой философской семантики, исследующей связи и отношения между языковыми выражениями и референтными явлениями окружающего мира. Философская семантика фокусируется на изучении условий, при которых языковые выражения и явления являются истинными или ложными. Это можно проследить еще в работах Платона и Аристотеля. Представителями современной философской семантики являются такие ученые как Р. Карнап, А. Тарский, Ч. Пирс и др.

По очевидным причинам семантика считается одним из молодых направлений лингвистики. Тем не менее, интерес к тому, что мы называем сегодня «проблемами семантики», проявлялся уже в древние времена. Еще в древней Греции философы пытались ответить на вопрос, как слова приобретают свое значение и почему предмет называется именно так, а не иначе. Некоторые философы полагали, что названия вещей получены естественно, что они определяются естественными свойствами самих вещей. Другие философы придерживались противоположной точки зрения и считали, что имена даются вещам произвольно, посредством некоего соглашение. Так, например, Сократ указывал на то, что слова сами по себе не содержат никакой подсказки относительно их «естественного» значения, за исключением природы их звуков. Определенные качества приписываются

конкретным типам звуков, а затем значение слов анализируется с точки зрения качества звуков, из которых они образованы.

Также рассматривались такие проблемы, как связь между языком, мышлением и внешним миром. В этом направлении Платоном был фактически открыт путь для анализа предложения в терминах, являющихся частично лингвистическими и частично относящихся к логике. По сути, он имел дело с вопросами, касающимися синтаксической семантики, значения высказываний, а не значения отдельных слов.

Работы Аристотеля также вносят важный вклад в изучение языка в целом и семантики в частности. Его подход к языку был подходом логика, поскольку он интересовался прежде всего тем, каким образом люди отображают в языке свои знания. Кроме того, в области собственно семантики он определил уровень анализа языка – лексический, – основной целью которого было изучение значения слов как в отдельности, так и в синтаксических конструкциях. Аристотель углубил изучение полисемии, антонимии, синонимии и омонимии и разработал полноценную теорию метафор.

Очевиден вклад стоической философии в развитие семантики, поскольку именно в ее рамках внимание фокусировалось на изучении природы языкового знака. Было положено начало теории лингвистического знака, занимающейся анализом отношений между означающим (звук или графика), означаемым (понятие) и объектом (предмет реальности). Именно эту триаду намного позже взяли в основу своего знаменитого треугольника Ч.К. Огден и А.А. Ричардс.

Среди исследователей в области лингвистики и семантики периода средневековья следует упомянуть «модистов», деятельность которых была направлена на установление способов обозначения, то есть на изучение того, каким образом человек получает представление об объектах действительности и как выражает их в языке.

Как мы видим, на протяжении всей античности и в средние века, а в действительности вплоть до XIX века, почти все, что известно о значении в языке, было результатом философских размышлений и логических рассуждений. Философия и логика стали двумя важными науками, которые оказали значительное влияние на изучение языкового значения.

Активное развитие семантики приходится на вторую половину XIX века, что объясняется появлением фундаментальных лингвистико-гносеологических концепций таких лингвистов, как Г. Штейнтель, А.А. Потебня и В. Вундт. Семантика начинает складываться в самостоятельную отрасль лингвистики, а изучение семантических явлений приобретает те очертания, которые характерны и для современной науки.

Немецкий лингвист К.Х. Рейзиг первым сформулировал в своих работах объект изучения новой науки о значении, которую он назвал семасиологией. Он придавал ей характер исторической науки, целью которой видел изучение принципов, регулирующих эволюцию значения.

Возникновение семантики как современной лингвистической дисциплины ознаменовал труд М. Бреаля. Ученый не только дал название новой науке, которое стало общепринятым, но и более четко описал ее предмет, выдвинув на первый план природу значения в языке.

Теоретической основой лингвистической семантики, изложенной М. Бреалем, опять же являются классическая логика и риторика, к которым добавляются идеи психологии. Продолжая изучение различных изменений в значении слов, ученые направляют внимание на выявление определенных общих законов, регулирующих изменения. Некоторые из этих законов происходят из категорий логики (расширение значения, сужение значения, передача значения), другие обусловлены психологическими процессами (искажением значения и обратным процессом исправления значения).

В становлении семантики как отдельной лингвистической дисциплины особое значение приобретают достижения таких лингвистов, как Й. Триер, Г. Стерн, Ч.К. Огден и А.А. Ричардс. Исследования Триера, на которые

значительно повлияли идеи о языке В. фон Гумбольда, представляют собой попытку приблизить некоторые из принципов, разработанные Ф. де Соссюром, к семантике. Анализируя значение набора лексических элементов, связанных друг с другом по своему содержанию и, как следствие, относящихся к семантическому полю, Й. Триер приходит к выводу, что они структурно организованы в этом поле таким образом, что значимая ценность каждого элемента определена положением, которое он занимает в соответствующем поле. Впервые слова стали анализироваться не изолированно, а с точки зрения их положения в более широком комплексе – семантическом поле, которое, в свою очередь, соединяется с другими полями в еще большее поле. Процесс последующих интегрирований продолжается, пока не будет покрыт весь лексикон. Таким образом, лексикон рассматривается как огромная мозаика, в которой нет ни одной недостающей или лишней части.

Исследования Г. Стерна – это амбициозная попытка изучения составляющих факторов значения и определения на этой основе причин и направлений изменения значения. Стерн предлагает классификации значений и принципы их изменений, используя научные достижения психологии (особенно психологии В. Вундта).

Огден и Ричард в своих исследованиях пытаются отойти от сугубо семантического анализа языковых явлений и привлечь к изучению значения научные знания из других дисциплин. Заслуга ученых состоит в разработке триадической реляционной теории смысла, графически представленной треугольником, носящим имена исследователей.

В этот же период появляется контекстуальная теория смысла, разработанная Б. Малиновским и поддерживаемая британской лингвистической школой, возглавляемой Дж.Р. Фертом.

Середина XIX века стала неким кризисом в развитии семантики. Значение почти полностью стало игнорироваться в лингвистике, как следствие позиции Л. Блумфилда, который считал, что изучение значения

выходит за рамки самой лингвистики и является предметом исследования скорее таких наук, как химия, физика, психология, социология или антропология. Семантика упоминалась в редких случаях, когда лингвистическим теориям не удавалось интегрировать многогранность языковых явлений в единую систему. Отсюда возникает идея рассматривать семантику как нишу, как некий резервуар, в который можно поместить все языковые факты, сложные для описания. Тем не менее, даже в период кризиса семантика накапливает ценные для себя данные о значении, применяя традиционные и осваивая новые методы исследования.

В настоящее время значение перестало быть «анафемой» для лингвистики. Более того, лингвисты признают, что ни одно описание языка не может считаться полным без учета значимых фактов в его анализе. Особенностью современных исследований в области семантики является постоянно растущий интерес к проблемам смысла. В семантических исследованиях стали применять подходы других лингвистических направлений. Так, важным в изучении значения является использование принципов психолингвистического направления, в рамках которого, например, Дж. Лакофф и М. Джонсон изучают метафорические основы значения [Lakoff, Johnson 2003]. В своих исследованиях они опираются на представление Э. Рош о прототипе и принимают позицию, противоположную точке зрения Н. Хомского о том, что значение не отделимо от когнитивных функций ума.

Значительные результаты в развитии семантики, таким образом, достигаются в гармоничном синтезе принципов и подходов четырех основных дисциплин, проявляющих наибольший интерес к значению: лингвистики, философии, логики и психологии [Leech 2016].

История развитии семантики в самостоятельную лингвистическую дисциплину отражается в выделении семантических разделов и подходов к изучению значения. Эти области не являются изолированными и могут пересекаться и дополнять друг друга. Рассмотрим основные из них.

1.1.1. Традиционная семантика

Традиционный подход к изучению семантики связан с именами таких философов как Сократ, Платон и Аристотель. Основное внимание они уделяли природе естественного языка человека. По своим взглядам на природу языка ранние философы делились на натуралистов и нуртуристов.

Для натуралистов язык был дан Богом; поэтому человек не может вносить какие-либо изменения в язык, он должен заниматься лишь соблюдением и описанием правил языка. Нуртуристы, с другой стороны, рассматривали язык как социальную составляющую, общую для речевого сообщества. Язык воспринимался как творение человека для удобства общения. Поэтому, несмотря на разницу в языках, объединяющим моментом являлось то, что все они предназначены для общения.

Традиционная семантика занималась отношением между формой и значением. Значение слова считалось тем, к чему оно относится. Эту позицию разделяли Ч.К. Огден и А.А. Ричардс, которые полагали, что образ слова формируется в сознании говорящего или слушающего. Представители традиционной семантики считали, что значение слова может быть расшифровано по его форме или звучанию. В рамках традиционной семантики были предприняты начальные попытки описать такие важные для науки понятия как концепт, отношение, условия истинности и т.д.

1.1.2. Бихевиористская семантика

С позиций данного подхода внешняя среда рассматривается как основа, своего рода стимул для всех высказываний человека. Модель «стимул-реакция» является аналогией причинно-следственной связи в большинстве реальных ситуаций.

Бихевиористы утверждают, что предметом изучения могут выступать не только объекты окружающей действительности, но и сам язык. Согласно выдвигаемой ими теории, более значимыми являются способы овладения языком, его понимание и воспроизведение, чем его природа. Как следствие,

реальный мир воспринимается важным в большей степени для формирования значения, чем для мыслительных процессов.

Хотя бихевиоризм внес определенный вклад в развитие семантики как науки, его методы исследования, концепции и идеи, тем не менее, подвергаются критике, поскольку не все процессы, отображаемые в языке, можно наблюдать в физическом мире.

1.1.3. Структурная семантика

Отцом структурализма является Ф. де Соссюр. Представители данного подхода изучают структуры и системы в языке, акцентируя внимание на процессе сегментирования и классификации признаков высказываний. Структурная семантика ставит своей целью анализ смысловых отношений, связывающих слова и их значение. Под смыслом в рамках описываемого подхода понимается система семантических отношений слов в том или ином языке. Эти отношения, как правило, являются парадигматическими с точки зрения сходства и различия (синонимия и антонимия). Главным достижением структурного подхода, таким образом, является учет особенностей структурных процессов в лексических отношениях при изучении значения слов.

1.1.4. Порождающая (генеративная) семантика

Порождающая семантика опирается на принципы генеративной грамматики, основателем которой является Н. Хомский. Согласно данной теории, знание языка генерируется в уме. Пользователь языка обладает определенным набором правил, благодаря которым он может генерировать бесконечное количество предложений. На основе подобных трансформационных правил становится возможным преобразование предложений с глубинной структурой (структурой смысловых связей, соответствующей смыслу текста) в другие различные формы. Глубинная структура рассматривается как исходное значение предложения перед

трансформированием. На начальной стадии развития порождающей семантики считалось, что синтаксис автономен и не зависит от семантики, то есть семантический компонент рассматривался как частично зависимый от синтаксиса и в то же время обособленный от него, что создает сложную связь между грамматической структурой и смыслом предложения. Позже Н. Хомский высказал идею о том, что семантический компонент определяет правила, необходимые для интерпретации глубинных структур [Хомский 1972]. Это приводит к тому, что при анализе структуры предложения больше внимания стало уделяться его семантическому компоненту. В то же время возникает проблема, связанная с необходимостью объяснить, каким образом происходит генерирование значения нескольких парафраз из одной глубинной структуры.

Исследователи полагали, что глубинная структура обусловливает генерирование общего смысла всего предложения через корреляцию его частей и элементов. Синтаксический компонент считался генеративным источником грамматики, в то время как семантический компонент имеет дело со структурным описанием предложения и обеспечивает генерирование его значения. Грамматику рассматривали как совокупность механизмов и правил языковой организации, включая значение.

Порождающая семантика, таким образом, изучает структуру, значение и интерпретацию предложения. Это, в свою очередь, приводит к необходимости интерпретации функциональных ролей в предложениях, что описывается в падежной теории, разработанной Ч. Филлмором и получившей дальнейшее развитие в теории Н. Хомского.

1.1.5. Лексическая семантика

Лексическая семантика занимается изучением значения слов. Главное внимание уделяется в большей степени знаменательным частям речи, а не служебным словам. Понятие значения в основном связывается со словом.

Значимая часть слова (например, суффикс) или более широкие языковые единицы (такие как предложения, фразы) остаются вне поля изучения.

1.1.6. Грамматическая семантика

Грамматическая семантика изучает аспекты значения, которые имеют непосредственное отношение к синтаксису в различных его проявлениях. В фокусе внимания находятся синтаксические категории. Еще одним аспектом анализа является значение грамматических морфем.

Грамматическая и лексическая семантика тесно взаимосвязаны, поскольку некоторые грамматические элементы (такие как, например, артикли и предлоги) являются словами. Кроме того, в некоторой степени грамматическое функционирование языковых единиц определяется непосредственно лексическим фактором.

1.1.7. Логическая семантика

Логическая семантика исследует связь между естественным языком и формальными логическими системами. Такие исследования обычно направлены на максимально точное моделирование естественного языка с использованием максимально возможного логического формализма [Демьянков 2021; Cruse 2004]. Ученые проводят исследования на уровне высказываний и предложений и редко обращаются к изучению слов.

В любой языковой системе всегда присутствуют элементы логики. За счет этого логика предстает как один из основных компонентов смысловых процессов естественного языка и приобретает значимость для семантических исследований. Однако следует отметить, что логическая семантика фокусируется, прежде всего, на отношениях, возникающих в сложных предложениях, а не на абстрактных математических формулировках. Она рассматривает структуру предложения и то, как эта структура способствует формированию значения.

1.1.8. Когнитивная семантика

Когнитивная семантика рассматривает язык в контексте познания в целом; для данного подхода исследование функционирования языка также важно, как и сама языковая система. Наблюдается тенденция анализировать то, каким образом значения слов встраиваются или взаимодействуют с явлениями вне языка (например, общими когнитивными принципами или культурным, социальным, историческим опытом пользователя языка). Значение в этом случае рассматривается как когнитивное явление. Исследования по когнитивной семантике часто нивелируют проводимые различия между лингвистическим и энциклопедическим знанием реального мира, а также между буквальным и образным языком.

Сторонники данного подхода считают, что языковое знание не может быть отделено от общего мышления или познания, и рассматривают лингвистическое поведение как часть общих когнитивных способностей, которые позволяют учиться, рассуждать и т.д., что подтверждает идею о том, что лингвистическое знание является частью общего познания [Демьянков 2021; Saeed 2009].

В понимании смысла для когнитивной семантики характерен отказ от того, что называют объективистской семантикой, которая рассматривает категории в их существовании в объективной реальности вместе со свойствами и отношениями независимо от сознания [Фурс 2018; Lakoff 1987]. С этим связано представление о том, что символы языка имеют смысл, поскольку они связаны с объективными категориями. Когнитивная семантика в большей степени учитывает использование участниками коммуникации концептуальных структур при конструировании ситуации общения. С этой точки зрения главным объектом исследования должны выступать концептуальные основы и то, как они отражены в языке [Демьянков 2017; Илюхина 2021].

Когнитивная семантика учитывает прагматический аспект, что подразумевает значительный фокус внимания на использовании языка как

реализации его возможностей. Это свидетельствует о нецелесообразности разграничения семантики и прагматики.

Представленный анализ показывает, что семантика связана с широким кругом дисциплин, с которыми ее объединяет общий интерес к значению. Как самостоятельная отрасль лингвистической науки семантика занимается, прежде всего, значением и смыслом, а также их интерпретацией. Можно с уверенностью заключить, что хотя, например, синтаксис обеспечивает основу для структуры предложения, именно семантика раскрывает его значение и смысл. Становится очевидным прогресс в развитии научной мысли данной дисциплины.

Анализ основных подходов к изучению семантики показывает, что идеи традиционалистов во многом основывались на гипотезах ранних философов, в то время как бихевиористы больше интересовались психологией, а объектом исследования для них являлось то, что поддается наблюдению. Структуралисты занимались исследованием смысловых отношений между словами, а генеративисты подчеркивали зависимость значения от глубинных структур предложения. Кроме того, был предложен краткий обзор четырех основных разделов семантики: лексической, грамматической, логической и когнитивной семантики.

1.2. Изменение парадигмы прагматических исследований как фактор расширения круга научных интересов в лингвистике

Прагматика занимается изучением значений, передаваемых говорящим (или пишущим) и интерпретируемых слушающим (или читающим). В большей степени она фокусируется на анализе того, что коммуниканты подразумевают, конструируя свои высказывания, чем на том, что отдельные слова или фразы в этих высказываниях могут означать сами по себе.

Прагматические исследования подразумевают анализ значений и далее смыслов, которые говорящий/пишущий вкладывает в высказывание в зависимости от определенного контекста. Рассмотрению подвергается то,

каким образом говорящий/пишущий выражает свою идею (интенцию) в зависимости от личности собеседника, в каком месте, в какое время и при каких обстоятельствах происходит общение [Mey 2006; Reich 2011]. Иными словами, прагматика нацелена на исследование контекстуального значения.

Прагматический анализ также направлен на интерпретацию (выводы) высказывания слушающим/читающим. Наибольший интерес для прагматики представляет установление того, каким образом то, что напрямую не репрезентируется в высказывании, декодируется адресатом как часть сообщаемого. Можно сказать, что это исследование скрытого (имплицитно выраженного) смысла, факторов общения, а не высказывания как такового [Болдырев 2016; O'Keeffe et al. 2020]. Отсюда возникает вопрос – что определяет понимание сказанного и подразумеваемого.

Преимущество изучения языка с помощью прагматики заключается в возможности говорить о значениях, выражаемых участниками коммуникации, их интенциях, целях и видах речевых действий, которые они выполняют в процессе общения. Значительным недостатком является то, что все подобные понятия чрезвычайно сложно анализировать последовательно и объективно. Разговор двух людей может подразумевать нечто определенное и приводить к неким выводам, которые могут и не выражаться в четких лингвистических формах, но которые при этом способны указывать на смысл сообщаемого. И наоборот, можно участвовать в коммуникации и не понимать смысл сообщаемого [Журавлев, Журавлева 2017].

Таким образом, прагматика изучает отношения между языковыми формами и теми, кто их употребляет. Прагматика, с одной стороны, помогает понять значение высказываний, выраженное лингвистическими формами, и, с другой, – смысл этих высказываний, вкладываемый участниками коммуникации в зависимости от определенных коммуникативных условий. Иными словами, прагматика рассматривает язык с интерактивной и коммуникативной точек зрения – не просто как систему, организованную более или менее предсказуемым образом, и не как систему, которая служит

только для представления истинного или ложного положения вещей, но как средство общения людей и как способ воздействия [Которова 2019; Nerlich 2010].

Прагматика является довольно молодой отраслью лингвистики. Только в начале 1970-х годов ученые начали уделять значительное внимание прагматическим исследованиям. И несмотря на это, прагматику уже можно определить как самостоятельную дисциплину и одну из доминирующих областей. Как и семантика, прагматика зарождается в философской традиции, основываясь на представлении о языке не просто как о способе передачи мысли, а как о средстве общения и, что более важно, воздействия на реципиента [Nerlich 2010]. Такое видение языка уходит корнями в древнюю философию, риторику, грамматику и логику. Прагматика, таким образом, фокусирует внимание на изучении воздействия языка на участников коммуникации и на том, каким образом это воздействие может быть достигнуто [Mustajoki 2021; Tindale 2013].

Благодаря философии языка появляются две основные теории, которые легли в основу современной прагматики. Первая – это теория речевых актов, изначально сформулированная Дж. Остином и получившая дальнейшее развитие в работах Дж. Серля. Вторая – теория логической коммуникации, разработанная Г. Грайсом.

Считается, что прагматикой как таковой начали заниматься Ч. Пирс и Ч. Моррис. Они изучали отношения между знаками и теми, кто их использует, функционирование знаков в естественном процессе коммуникации и влияние, которое они оказывают на наше поведение и восприятие окружающего мира. В своих работах ученые впервые сформулировали общие идеи функционирования знаков и знаковых систем, определили основные понятия семиотики, обозначили различие между синтаксисом, семантикой и прагматикой.

В дальнейшем их идеи получили развитие в трудах Р. Карнапа и К. Бюлера. В отличие от Ч. Морриса, рассматривающего синтактику,

семантику и прагматику до некоторой степени равноправными, Р. Карнап считает прагматику более широким понятием, включающим семантику. При этом характер значений знаков естественного языка соотносится с контекстом их употребления. Синтактика представлена компонентом семантики, отражающим скорее свойства и специфику так называемых формализованных языков, строящихся на основе логического исчисления и его семантической интерпретации. Отсутствие семантических правил превращает формализованный язык в сугубо синтаксическую систему без возможности его интерпретирования.

Значительный вклад в развитие идей прагматики в языкознании внес австрийский психолог К. Бюлер. Ученый считал, что полноценное функционирование языковых знаков и языка в целом обусловлено связью между отправителем знака, его получателем и особенностью ситуации. Как и его предшественники, К. Бюлер отделяет семантику от прагматики и рассматривает их как взаимодействующие, но самостоятельные по своим функциям области науки.

Выделению прагматики в отдельную дисциплину также способствовали работы Л. Витгенштейна. Он опровергал положение о том, что слова в языке называют объекты и что предложения являются комбинациями таких имен. Вместо этого Витгенштейн предполагает, что значение слова в большинстве случаев – это его использование в языке. Как Ч. Пирс и Ч. Моррис, Л. Витгенштейн продолжает изучение функционирования языка в реальных коммуникативных условиях и на этой основе разрабатывает различные направления и аспекты лингвопрагматики. Витгенштейн изучает язык, опираясь на социальный принцип деятельности, обосновывая это необходимостью следовать определенному набору правил. В то же время ученый трактует языковое значение через его взаимосвязь с употреблением. Значение, по Л. Витгенштейну, принадлежит не столько языку, сколько субъекту, пользующемуся языком. Такой подход, однако, ведет к прагматизации языкового значения, выводя его за рамки

лингвистической семантики, тем самым лишая ее предмета изучения (см., например, [Сусов 1973]). Тем не менее, учитывая философские концепции и гипотезы Л. Витгенштейна, касающиеся языка и его употребления, социальной составляющей контекста и неязыковой ситуации, в дальнейшем исследователи уделяют внимание развитию различных направлений лингвопрагматики, изучая функционирование языка в реальных речевых актах и ситуациях общения.

Продолжая лингвистическую традицию Л. Витгенштейна, Г. Грайс анализирует языковое значение в его взаимосвязи с процессом общения и уделяет особое внимание роли участников коммуникации. Он разрабатывает теорию, получившую название теории прагматического значения. Теория объясняет, каким образом адресат может привносить в значение аспекты, которые говорящий/пишущий не выражает эксплицитно [Grice 1975: 45].

Как и Л. Витгенштейн, Г. Грайс придерживается точки зрения о том, что процесс коммуникации подчиняется достаточно строгим правилам и законам, на основе которых происходит его упорядочивание. Соблюдение этих правил способствует оптимальному осуществлению общения и адекватной интерпретации смысла высказывания, особенно неявного, то есть невыраженного буквально. Грайс формулирует так называемый Принцип Кооперации (или сотрудничества), следовать которому должны все участники коммуникации для достижения максимальной эффективности процесса общения. Принцип Кооперации требует от реципиента проницательности, а от говорящего/пишущего – определенного образа изложения мысли: необходимо избегать неясности, двусмысленности, быть кратким и логически упорядочивать высказывание.

Г. Грайс различает следующие основные принципы: принцип количества, качества, отношения и способа передачи (манеры). Принцип количества связан с объемом предоставляемой информации. Согласно этому принципу, участники коммуникации должны передавать столько информации, сколько необходимо для конкретного акта коммуникации и не

делать его более информативными, чем требуется. Принцип качества предусматривает истинность и адекватность предоставляемой коммуникантами информации и связан с принципом отношения, определяющим уместность сообщаемого. Наконец, принцип способа передачи информации, который соотносится не с тем, что сказано, а с тем, как это сказано.

Следование выделенным Грайсом принципам является необходимым фактором эффективного общения и достижения цели (или целей) коммуникации, однако не всегда возможно соблюдение всех принципов кооперации, например, когда говорящий не может предоставить столько информации, сколько требуется, не нарушая принцип истинности (качества). Предложенные Г. Грайсом идеи способствовали изучению прагматики через призму коммуникации и роли коммуникантов в этом процессе.

Изучением языка в употреблении занимаются создатели теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль. Объектом лингвистических исследований ученые видят человека с его особенностями мировосприятия и целями, которые он ставит при взаимодействии с другими людьми в процессе общения. В рамках разработанной теории, речевой акт распадается на следующие составные элементы: произнесение высказывания (то есть локутивный акт), определенные действия при произнесении высказывания (или иллокутивный акт) и некое воздействие, преднамеренное или непреднамеренное, вызываемое высказыванием (перлокутивный акт) [Searle 1969]. Речевой акт может отражать психологическое состояние участников коммуникации, обусловленное конкретной ситуацией и условиями коммуникации.

Дальнейшее изучение прагматики было связано с определением ее статуса и конкретизации предмета исследования. Эта проблематика отражена, в частности, в работах С.К. Левинсона. В традиционном для лингвистики ракурсе он характеризует предмет прагматики как изучение языкового узуса, подчеркивая, тем не менее, неполноту данной

формулировки, и пытается расширить область применения прагматики. Левинсон исследует прагматику в сочетании с семантикой, а также привлекает идеи таких научных направлений, как социолингвистика и психолингвистика. Его внимание направлено на ситуативно (или контекстно) обусловленные, дискурсивные, прагматические значения используемых в коммуникации языковых единиц. В результате прагматика приобретает статус лингвистической дисциплины в рамках интегрированной теории языка.

Особенность подхода Дж. Лича к прагматике заключается в ее разделении на прагмалингвистику и социопрагматику. В качестве объекта исследования прагматики ученый считал высказывания, приобретающие значение в конкретной ситуации. Представляя собой коммуникативную систему, язык обладает формальным аспектом (грамматика в широком смысле) и контекстуальным (прагматика или узус употребления). Прагматика в этом смысле является аксиологичной и оценочной. Кроме того, Дж. Лич видит необходимость в сближении грамматики и риторики. Исследователь формулирует свою теорию – формально-функциональную парадигму, – фиксируя различия между формальным и функциональным аспектами. Теорию значения он связывает с теорией деятельности, а именно, каким образом создатели речевых актов воздействуют друг на друга.

Современные лингвисты, определяя объект исследования прагматики, связывают его с разнообразными аспектами информации, передаваемыми через язык. Эти аспекты не кодируются используемыми языковыми средствами и формами по общепринятым нормам, но, тем не менее, естественным образом возникают и зависят от значений, закодированных в языковых формах, анализируемых с учетом контекста их использования (см., например, [Cruse 2004]).

Поскольку прагматика рассматривается как наука об изучении языка и языковых явлений с точки зрения их функционирования, подчеркивается ее социальный и культурный аспекты [Мey 2009]. Индивидуумы, являясь

социальными существами, в процессе общения используют язык с учетом определенных социальных установок и условий употребления конкретных языковых и коммуникативных средств. Иными словами, прагматика изучает использование языка в человеческом общении в соответствии с установками и условиями общества и то, как эти условия влияют на язык и его использование.

Некоторые исследователи разделяют прагматику на микро- и макропрагматику [там же; Alba-Juez, Mackenzie 2016]. Микропрагматика имеет дело с контекстом, импликатурой, отношениями, прагматическими принципами, речевыми актами и конверсационным анализом, тогда как макропрагматика охватывает литературную прагматику, межкультурную прагматику и социокультурные аспекты прагматики.

Как видим, множество направлений и подходов к изучению прагматики объединены, тем не менее, общим фокусом внимания на предмет изучения: процесс коммуникации между людьми, опосредованный определенными социальными и межличностными факторами, конкретными мотивами и целями, что, в свою очередь, обусловливает выбор тех или иных языковых средств.

Таким образом, прагматика занимается изучением значения, возникающего при использовании языка в конкретной ситуации и при конкретных условиях. Это также называется компонентным представлением прагматики. Прагматика рассматривается как одна из ключевых областей лингвистики, отвечающая за определенный набор задач и отличающаяся от других основных разделов лингвистики, например, семантики, синтаксиса, морфологии или фонологии [Culpeper, Gillings 2019; Terkourafi 2021]. Среди таких задач можно выделить изучение презумпции, дейксиса, импликатур и речевых актов. Прагматика представляет собой некую специфическую перспективу для изучения языка в целом.

Выделение прагматики в самостоятельную дисциплину повлекло за собой важные сдвиги в области лингвистических исследований [Jucker 2012; Traugott 2008]. Рассмотрим основные из них.

От знания языка к его использованию. Сдвиг парадигмы от анализа компетенции носителей языка к изучению использования языка повлиял на языкознание в целом. Данное изменение часто называют «прагматическим поворотом», поскольку до этого функционированию языка не уделялось достаточного внимания. Так, например, Н. Хомский рассматривал теорию синтаксиса в качестве теоретической основы, хотя и пытался интегрировать в нее другие уровни лингвистических описаний – фонологию, морфологию и семантику. По мнению Н. Хомского, предметом анализа лингвистики является знание языка коммуникантов, то есть языковая компетенция говорящего и слушающего [Chomsky 1986, 2000]. Он исключал изучение использования и функционирования языка в реальных ситуациях. Однако ученый включает в свою теорию такие семантические понятия, как синонимия и двусмысленность, открывая таким образом возможность для развития семантики.

Дж. Росс и Дж. Лакофф стали первыми лингвистами, которые предприняли попытки изучения языка без непосредственной опоры на синтаксис. Дж. Лакофф предложил альтернативный ракурс исследования, назвав его генеративной, или порождающей, семантикой [Лакофф 1971]. Однако порождающая семантика, которая, несмотря на свое название, была в большей степени все же синтаксической, а не семантической теорией, не смогла просуществовать долго, поскольку в ее рамках оказалось невозможным изучить ряд проблем. Позже Росс и Лакофф начинают разрабатывать теорию прагматических исследований. На сдвиг в прагматической парадигме от языковой компетенции коммуникантов к функционированию языка в конкретных условиях значительное влияние также оказали такие лингвисты, как Дж. Остин, Дж. Серль, Г. Грайс, С.К. Левинсон, Дж. Лич и др.

Таким образом, данный сдвиг лингвистической парадигмы предполагает адаптацию языка участниками коммуникации к изменяющимся условиям и ситуациям, в которых они оказываются в ходе общения.

От интроспективных данных к эмпирическим исследованиям. Поскольку первоначально объектом изучения лингвистов являлись компетенции носителей языка – система знаний, лежащая в основе способности человека использовать и понимать язык, особенности употребления языка в реальной ситуации оставались вне поля исследования. В качестве основного метода исследования использовалась интроспекция, так как единственный доступ к внутреннему языку открывался через интуицию носителя языка [Chomsky 1986: 19].

Одним из первых направлений лингвистики, отошедших от этой традиции, стала социолингвистика, которая обратилась к эмпирическим методам с целью исследования фактического использования языка (внешний язык в терминах Н. Хомского) в его взаимосвязи с определенным социальным классом носителей языка. Вскоре многие прагматики тоже начали прибегать к эмпирическим методам изучения языка. Анализ конкретных актов коммуникации и анализ дискурса стали важными объектами для лингвистических исследований. Ученые стали обращать внимание на дискурсивные маркеры и экспериментировать с методами извлечения информации [McConachy, Spencer-Oatey 2021; Schiffrin 1987]. Учитывая больший диапазон эмпирических данных, исследователи смещают фокус внимания от языковой компетенции, интуиции говорящих и изучения конкретных речевых ситуаций в сторону различных форм языка как обширного источника данных для анализа [Taavitsainen, Jucker 2010].

На этом этапе прагматика сталкивается с некоторыми методологическими проблемами, поскольку если конкретные дискурсивные маркеры могут быть сравнительно легко извлечены и проанализированы, то при выявлении речевых функций (например, конкретных значений речевого акта) могут возникать определенные сложности.

Появление различных данных в прагматических исследованиях не рассматривалось как строго линейное развитие лингвистических направлений, ведущее от одного типа исследования к другому и исчезновению старых принципов анализа. Наоборот, прагматические сдвиги подразумевают возможность использования новых типов данных и методов исследования в совокупности с уже существующим, что в результате приводит к значительной диверсификации сферы прагматики. Поэтому некоторые направления (например, когнитивная прагматика и теория релевантности) все еще применяют интроспективный анализ в качестве метода исследования, так как применение того или иного метода зависит, прежде всего, от его релевантности конкретной аналитической задаче [Blakemore 1992; Carston 2002].

От однородности к неоднородности. Еще одним изменением парадигмы, имевшим важное значение для исследования языка, стал переход от гомогенности (описания однородной системы компетенции носителей языка как, например, у Н. Хомского) к гетерогенности (сосредоточению на вариативности языка и его неоднородности, что характерно для социолингвистики и лингвистики текста). Исследователи занимаются описанием диалектных и стилистических различий в английском языке [Scott 2019; Quirk et al. 1985]; анализом различий между устным и письменным вариантами английского языка и между различными жанрами английского языка (язык новостей, академический дискурс и язык художественной литературы) [Александрова 2017 а; Дорджиева 2005; Biber et al. 2021]; сопоставлением прагматических явлений, например, речевых актов в разных языках и разных культурах [Bayat 2013; McConachy, Spencer-Oatey 2021]. Язык стал рассматриваться не как закрытая однородная система, но как динамическая система, подвергающаяся постоянным пространственным, социальным и диахроническим изменениям.

От синхронии к диахронии. С развитием лингвистических традиций четкое разграничение синхронической и диахронической лингвистики,

обозначенное еще Ф. де Соссюром, уступило пониманию языка как динамической системы, в которой сосуществуют более старые и более новые формы, появившиеся с течением времени. В результате возрастает интерес к историческим процессам в лингвистике, что, в свою очередь, расширяет границы науки от собственно лингвистических исследований (фонология, морфология, синтаксис и семантика) до более широкого изучения истории функционирования языка.

Историческая прагматика исследует модели использования языка в более ранние периоды, анализирует диахроническое развитие таких моделей и представляет прагматическое объяснение изменений языка в целом [Александрова 2018 а; Taavitsainen, Jucker 2010].

Как показывает представленный анализ, прагматика значительно расширила сферу своих исследований, охватив вопросы и методы, которые ранее использовались в других областях лингвистики. Смена парадигмы значительным образом определила интересы прагматиков и повлияла на лингвистику в целом.

Основные тенденции и изменения в прагматике, дополняющие друг друга, обусловили ее интенсивное развитие. Кроме того, применение новейших технологий привело к радикальным изменениям в коммуникации людей. В результате возникают новые формы устного и письменного общения, требующие обновленного подхода в прагматическом анализе. Это доказывает огромный потенциал прагматики в будущем.

1.2.1. Прагматические теории и направления

Прагматические теории традиционно подчеркивают роль намерения, рациональности, сотрудничества, взаимопонимания, взаимного знания, актуальности и взаимоответственности в процессе формировании и понимания коммуникативных актов [Александрова 2020; Тарасов 2017; Haugh 2012]. Современные подходы к прагматическим исследованиям стремятся расширить диапазон дисциплины с целью создания более полной

картины функционирования и взаимодействия этих факторов в динамике как внутрикультурной, так и межкультурной коммуникации. Попытки прагматистов этих подходов направлены на:

- расширение сферы прагматики за счет изучения не только языковых и семантических факторов общения, но также социальных и культурных особенностей;
- описание дополнительных движущих факторов общения помимо интенциональности (принцип, выдвинутый еще Г. Грайсом);
- анализ смысла высказывания как в рамках непосредственного контекста, так и вне его – в дискурсивном сегменте и/или последовательности всего диалога.

1.2.1.1. Лингвистическая прагматика

Данный раздел прагматики направлен не столько на изучение значения как такового, сколько на изучение отношения между языковыми выражениями и их значениями в определенной ситуации, то есть контексте или дискурсе. Иначе говоря, лингвистическая прагматика нацелена на анализ того, каким образом контекст влияет на наше понимание лингвистических высказываний. Общее значение употребляемой языковой единицы определяется в значительной степени контекстом в целом и нашим восприятием этого контекста. С этой целью лингвистическая прагматика рассматривает те аспекты информации, которые передаются через язык, но которые в то же время не кодируются используемыми лингвистическими формами вне контекста. Сопутствующая информация (контекст) является тем, рассмотрением чего и занимается лингвистическая прагматика.

1.2.1.2. Теория речевых актов

Устное или письменное общение является своеобразным действием или актом. Данная идея лежит в основе теории речевых актов. Речевой акт –

это «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствие с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [Арутюнова 2004]. Благодаря теории речевых актов становится возможным получить ответ на важный вопрос – каким образом адресат понимает действия (акты), осуществляемые говорящим [Capone 2006; Huang 2006; Searle 2001]. Для правильной интерпретации намерения говорящего необходимо применение контекстуального (дискурсивного) подхода к семантике в сочетании с прагматическим анализом, ориентированным на установление релевантности сообщаемого конкретной коммуникативной ситуации. Сложность в данном случае заключается в том, что многие аспекты содержания высказывания не всегда правильно кодируются; это приводит к искажению или нарушению передаваемого ими смысла [Witek 2015]. Кроме того, широкий спектр лингвистических средств может привносить дополнительные смыслы в высказывание говорящего, помимо явного (буквального) содержания [Stadler 2011; Yuan, Lyu 2022]. Поэтому лингвистическое значение речевых актов следует в большей степени анализировать в ракурсе прагматики, а не семантики.

Основоположниками теории речевых актов являются такие лингвисты, как Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Г. Грайс. Ученые занимались вопросами разграничения сообщаемого (утверждения) как такового и суждения о нем (то есть верно ли это утверждение); исследовали соотнесение смысла сообщаемого с истинностью; анализировали условия, необходимые для совершения успешного речевого акта; изучали взаимосвязь между использованием языка и социокультурными нормами реальной жизни людей и т.д. [Frege 2007; Grice 1975; Wittgenstein 2011]. Впервые был введен термин *перформативное высказывание* (Дж. Остин); сформулировано понятие разговорной импликатуры (Г. Грайс); конкретизированы правила, определяющие форму речевого поведения в конкретных условиях

(Дж. Серль). Уделялось внимание исследованию значения и смысла с учетом намерения говорящего, которое считалось предшествующим значению предложения и заключающимся в стремлении говорящего/пишущего произвести эффект на слушающего/читающего. Подчеркивалось, что кодируемый говорящим смысл охватывает совокупность высказываний, каждому из которых присущи определенная пропозициональная установка и иллокутивная функция. Смысл (значение), который говорящий вкладывает в свое высказывание, учитывается при анализе значения речевого акта в целом.

Как было сказано выше, речевой акт определяется как действие, совершаемое при произнесении/написании чего-либо. Согласно теории речевых актов, выполняемое действие можно анализировать на трех уровнях. Первый уровень анализа – это сами слова, речение, то, что сказано, форма произносимых слов. Акт произнесения известен как локутивный акт. Второй уровень подразумевает определенные действия говорящего/пишущего над произносимыми словами: например, утверждение и выражение намерения относительно собственного действия, требование действия со стороны слушающего. Это иллокутивная сила высказывания, действие при произнесении слов, функция слов, цель говорящего/пишущего. На последнем уровне анализируется результат, эффект произнесенного/написанного, воздействие на адресата и его реакция – перлокутивный эффект. Таким образом, интерпретация смысла высказывания осуществляется с точки зрения того, что говорящий/пишущий намеревался передать и каким образом сказанное воспринято реципиентом.

Локутивные акты. В терминах Дж. Остина и Дж. Лайонса, локутивные акты представляют собой произнесение определенных звуков, выстраивание слов в определенной последовательности (составление предложения) и их выражение с определенным смыслом в рамках конкретной ситуации (контекстуализация) [Lyons 1982].

Первое из этих действий относится к физическому акту говорения, то есть созданию потока звуков (или, в случае письменной речи, набора

письменных символов). Второе относится к процессу составления цепочки слов в соответствии с грамматическими правилами того или иного языка. Дж. Серль объединяет эти два действия, поскольку они осуществляют акт высказывания [Searle 1969].

Последнее, третье, действие имеет два компонента. Во-первых, многие предложения обладают либо лексической, либо грамматической неоднозначностью (двусмысленностью). Как правило, только одна из возможных интерпретаций смысла закладывается говорящим. Намерение говорящего в этом отношении формирует специфику выполняемого локутивного акта. Второй компонент обычно соотносится с экстралингвистическими факторами.

Иллокутивный акт представляет собой действие, являющееся внутренним по отношению к локутивному акту. Иначе говоря, в соответствующих контекстуальных условиях в процессе осуществления локутивного акта осуществляется и иллокутивный акт [Красина 2016; Sbisá 2002].

Важными характеристиками иллокутивных (в отличие от перлокутивных) актов являются следующие. Во-первых, эффекта от иллокутивного акта можно добиться через простое произнесение законченного по смыслу предложения с определенными намерениями и убеждениями и при конкретных обстоятельствах. Во-вторых, иллокутивные акты являются центральными для языкового общения. Когда мы совершаем перлокутивные акты, такие как убеждение или запугивание, мы выполняем их через иллокутивные, такие как утверждение или угроза. В-третьих, – и самое важное – в отличие от перлокутивных выполнение большинства иллокутивных актов может быть успешным всего лишь за счет того, что слушающий признает иллокутивное намерение говорящего [Красина 2016; Натяженко 2008; Yuan, Lyu 2022].

Иллокутивный акт обладает пропозициональным содержанием. Различные типы иллокутивных актов могут иметь одинаковое

пропозициональное содержание. И наоборот, один тип иллокутивного акта может отличаться большим разнообразием пропозиций. Пропозициональное содержание выражается посредством актов упоминания чего-либо и дальнейшего развертывания определенного смысла/значения, то есть когда говорящий ссылается на какой-либо объект, а затем дает ему характеристику [Kang et al. 2013; Yuan, Lyu 2022].

Элементы, которые определяют **перлокутивный акт**, являются внешними по отношению к локутивному акту [Kang et al. 2013; Marcu 2000]. К важным характеристикам перлокутивных актов можно отнести следующие. Во-первых, выполнение перлокутивного акта (в отличие от иллокутивного) не сводится к произнесению законченных перформативных предложений. Во-вторых, в перлокутивные акты вовлекается эффект локутивного и иллокутивного актов. Иными словами, перлокутивный акт может быть представлен как иллокутивный акт говорящего в совокупности с эффектом от его воздействия на слушающего. За счет этого иллокутивный акт является средством для перлокутивного, а не наоборот [Шатуновский 2016; Harris et al. 2018; Kang et al. 2013]. В отличие от иллокутивных перлокутивные акты не так тесно связаны с языковой структурой, семантикой и коммуникацией.

Для достижения цели/целей говорящего в разговоре может потребоваться совершение одного или нескольких типов актов. Однако общение в основном связано с иллокутивными и пропозициональными актами, поэтому они являются центральным объектом научного исследования.

Прямые и косвенные речевые акты. Используемая определенная синтаксическая структура выполняет свойственные ей функции. Так, вопросительное предложение осуществляет функцию получения информации, уточнения; повелительное предложение – функцию приказа или просьбы; повествовательное предложение – функцию сообщения/изложения или утверждения. Когда синтаксическая структура

употребляется в своей непосредственной функции, например, в функции получения информации в случае вопросительной структуры, – ее называют прямым речевым актом (*Can you ride a bicycle?*).

В случае выполнения синтаксической структурой нетипичной для нее функции результатом является косвенный речевой акт, например, если вопросительную структуру использовать в качестве просьбы (*Can you pass the salt?*). Основная причина, по которой мы употребляем косвенные речевые акты, по-видимому, заключается в том, что такая форма выражения, как правило, считается более вежливой, чем прямые речевые акты. Однако употребление косвенного речевого акта может иметь неожиданные последствия, если адресат не распознает косвенный речевой акт адресанта.

Для осуществления речевого акта и достижения поставленной цели коммуникации необходимо соблюдение определенных контекстных условий (например, подготовительные условия, условия искренности, условия релевантности и др.).

1.2.1.3. Дискурсивная прагматика

Согласно Т. ван Дейку, термин «дискурсивная прагматика», или «прагматика дискурса», относится к гибридной области исследования, которая возникла в результате взаимодействия прагматики и дискурса [van Dijk 2011]. Существует множество исследований дискурса, которые в то же время можно назвать прагматическими, поскольку они больше сфокусированы на изучении языка в его употреблении, чем на анализе синтаксиса.

Дискурсивная прагматика выходит за рамки структурного изучения высказывания и фокусируется на более сложных единицах – речевых актах и изменениях коммуникации в целом. Внимание уделяется анализу осуществления речевых актов пользователями языка и их маркированию в текстах. Это подтверждает идею о том, что в процессе коммуникации

речевые акты воспроизводятся последовательно: один речевой акт представляет собой своего рода мотивацию для последующего.

С позиций дискурсивной прагматики дискурс рассматривается через конструкцию всего контекста, через распознавание намерения говорящего и через создание неявных элементов, которые реципиент должен правильно декодировать. Другими словами, дискурсивная прагматика пытается установить принципы согласованности, то есть принципы, которые будут играть роль не только в интерпретации высказываний, но и в их производстве.

Кроме того, в рамках этого подхода осуществляется попытка интерпретации высказываний с учетом внешних (социальных или культурных) факторов. С позиции прагматики дискурса адекватная интерпретация высказывания зависит от ряда предпосылок: знания собеседников об окружающем мире, понимания конкретной языковой ситуации, извлечения нужной информации из предыдущих контекстов и даже отношения собеседников к акту коммуникации.

Как утверждают Л.Р. Хорн и И. Кечкеш, дискурсивная прагматика пытается расширить сферу традиционной прагматики, фокусируясь, прежде всего, на важности социальных и культурных аспектов высказывания помимо его языковых и семантических свойств [Horn, Kecskes 2013]. Ее целью является анализ функций и целостности дискурса в процессе взаимодействия и межкультурного общения людей. Соответственно, выделяют два типа дискурс-прагматики: социокультурно-интерактивную прагматику и межкультурную прагматику.

1.2.1.4. Социокультурная интерактивная прагматика

Социокультурная интерактивная прагматика представляет собой некую «когнитивную, социальную и культурную перспективу изучения языковых явлений в совокупности с их использованием в рамках определенных форм поведения» [Verschueren 1999: 7]. Подтверждение необходимости изучения

языка в его естественном проявлении – человеческом общении, определяемом условиями общества и социокультурными ограничениями использования языка, – находим в работах многих учетных [Arundale 2008; Marmaridou 2000; Mey 2009]. Подчеркивается идея о том, что прагматические исследования должны учитывать социальные и культурные составляющие в использовании языка в дополнение к выражению намерения, поскольку в моделях, основанных на анализе намерений, нет четкого описания того, как говорящий и слушающий определяют то, что действительно было сообщено.

Интерактивная прагматика также подчеркивает сложность выявления намерений относительно значений в дискурсе (а не просто относительно высказываний). Некоторые прагматисты отмечают, что намерения в диалоговом взаимодействии можно охарактеризовать как спонтанно возникающие, так как и адресат, и адресант совместно создают понимание того, что имеется в виду [Kecskes 2010; Haugh, Jaszczolt 2012].

Социокультурная интерактивная прагматика предлагает альтернативное понимание смысла высказывания. Основное внимание уделяется тому, что говорит или подразумевает говорящий [Haugh, Jaszczolt 2012]. Происходит смещение акцента на моральные или этические аспекты. Этот подход рассматривает значение высказывания говорящего как социально значимый акт.

1.2.1.5. Межкультурная или контрастивная прагматика

Изучение различий в понимании высказывания, формирующихся в зависимости от определенных культурных моделей и схем, представляет собой широкую область исследований, известную как межкультурная прагматика.

Межкультурная или контрастивная прагматика основывается на социо-когнитивном подходе, который объединяет изучение намерения автора высказывания и появляющихся изменений в процессе коммуникации [Kecskes 2010]. С учетом этого собеседники рассматриваются как

социальные существа, выстраивающие и воспринимающие смысл высказывания как со своей индивидуальной позиции, так и с точки зрения социокультурного коллектива. Индивидуальные черты собеседников (опыт, социальный статус, когнитивные способности) взаимодействуют с социальными чертами (фактический ситуационный опыт, сотрудничество, намерение). Все черты взаимосвязаны и взаимозависимы. Общность, соглашение, нормы, убеждения, знания и тому подобное – все это создает единую основу, на которой строится прагматика намерений и сотрудничества. Однако, когда подобные основополагающие компоненты коммуникации отсутствуют или ограничены, как в случае межкультурного общения, собеседники не могут воспринимать их как должное; скорее, они должны совместно выстроить их, по крайней мере, временно.

Межкультурность понимается как социально обусловленное явление, зависящее от определенных культурных моделей и норм того или иного речевого сообщества; система правил, которая имеет как относительно нормативные, так и ситуативно возникающие компоненты [Kecskes 2011].

Межкультурная прагматика осуществляет сравнение интерактивных паттернов и фокусируется на взаимодействии между представителями разных культур с целью выявления проблемных областей в процессе коммуникации и определения сложностей, которые могут при этом возникать [Scollon et al. 2012]. Позднее акцент смещается с простого рассмотрения факторов, мешающих пониманию, к тщательному анализу процессов, ведущих к взаимопониманию [Hartog 2006; Shi-xu 2006].

1.2.1.6. Функциональная прагматика

Функциональная прагматика представляет собой лингвистическую теорию, сформировавшуюся в Германии во второй половине XX века. Основываясь на идеях К. Бюлера, Дж. Остина и Д. Вундерлиха, представители данного направления – К. Элих, Й. Ребайн, Л. Хоффман, А. Реддер и др. – разработали теорию речевого поведения и речевых

действий. Согласно данной теории, язык представляет собой сложную взаимосвязь формы и функции, отражаемую в реальности как социальный аспект. Подобно А.Н. Леонтьеву и Л.С. Выготскому, функциональные прагматисты рассматривают язык как нечто специфическое и присущее только человеку, возникающее в результате формирования и развития человеческого общества [Hoffmann 2007]. Следовательно, функциональная прагматика фокусируется не на эволюционных (пре-)формах языка или нейробиологических медиациях, а на возникновении языковых структур в рамках формирования обществ и на адаптации этих структур к потребностям общества [Протасова 2015; Redder 2008]. Функционально-прагматический анализ основывается на социальном аспекте [Ehlich 1999], но не в смысле «прикладной лингвистики», поскольку функциональная прагматика связана с реконструкцией систематичности языка как формы историко-социальной деятельности таким образом, чтобы усилить языковое сознание социальных актантов [Ehlich, Rehbein 1979].

Методологически эта реконструкция должна быть достигнута посредством отраженного эмпиризма, то есть герменевтического анализа. Категории должны быть получены на основе анализа достоверных языковых данных, а теоретические выводы должны быть проверены на соответствие новым данным. Это формирование диалектической теории [Rehbein 1994] является одним из центральных различий между функциональной прагматикой и, например, ранней системной (функциональной) лингвистикой, в рамках которой М. Хэллидей в своей новаторской работе сопоставляет функциональные категории с лингвистическими структурами и их иерархией [Halliday 1973]. Подобно критическому анализу дискурса, функциональная прагматика рассматривает общество как ключевой аспект понимания языка, но пытается разграничить лингвистические формы и идеологические функции, детально реконструируя лингвистические и психические процессы.

Таким образом, языковой знак не является для функциональной лингвистики основной категорией и рассматривается как медиальная конкретизация способов действия, то есть выработанных обществом способов достижения целей [Redder 2008].

1.3. Значение как объект исследования семантики и прагматики и методы его анализа

Тесная взаимосвязь семантики и прагматики давно вошла в базовые постулаты функциональной лингвистики, поскольку в центре внимания этих направлений находится лингвистическое значение. Важность семантических и прагматических исследований обосновывается достаточной сложностью установления четких границ между тем, что относится к собственно лингвистике, а что нет; что является намеренным в речевой деятельности коммуникантов, а что нет; и (следовательно) что подразумевается, а что нет. Даже в рамках того, что подразумевается, крайне сложно бывает установить четкие отличия между семантическим и несемантическим значением. С этой точки зрения прагматика как научная парадигма принимает на себя те явления в функциональном пространстве речи, которые недостаточно отражены в сфере семантики.

Данный параграф посвящен определению основных отличий между этими двумя типами значения и степени участия каждого из них в процессе формирования общего смыслового плана дискурса, что, на наш взгляд, пока недостаточно четко определено, несмотря на существование общеизвестных трактовок семантики и прагматики (начиная с трудов Ч. Пирса, Ч.У. Морриса и др.). Актуальность данной проблематики обусловливается тем, что анализ функционального пространства дискурса позволяет выявить неисчерпаемый потенциал языковых средств формирования значений и смыслов, установить оптимальные способы их вербализации, способствующие максимально точному выражению коммуникативной интенции автора дискурса и адекватной интерпретации общего смысла реципиентом.

Использование в исследовании семантического и прагматического анализа, а также дискурс-анализа способствует установлению соотношения между базовым семантико-синтаксическим значением выражения и тем, какой коммуникативный эффект хочет произвести говорящий, используя это выражение в определенном контексте (то есть прагматическое значение). Контекст представляет собой первостепенный прагматический фактор, поскольку определяет особенности формирования смысла и раскрывает внутренние характеристики языка в функционировании, что выводит изучение высказываний на новый уровень.

Прагма-семантическое исследование английского дискурса, таким образом, позволяет определить отличия семантического (буквального, естественного) значения от прагматического и описать особенности формирования этих типов значений, трансформирующихся в общий дискурсивный смысл под действием контекстуальных факторов.

Как уже было отмечено, формирование смыслового плана дискурса основывается на двух основных типах значения – семантическом и прагматическом. Существуют определенные отличия между этими типами лингвистического значения:

- для семантического значения характерно прежде всего то, что закодировано в системе языка, а не зависит непосредственно от контекста;
- для прагматического значения первостепенно то, что передается конкретными коммуникантами с использованием данного высказывания именно в этом определенном контексте, а также то, что подразумевается, оттенки и тонкости описываемого объекта и т.д.

Разграничение семантики и прагматики как научных направлений прослеживается в сопоставлении понятий *текст* и *дискурс*. При том, что текст и дискурс нередко воспринимаются как идентичные понятия, не противопоставленные друг другу, они обладают рядом существенных

отличий. И текст, и дискурс представляют собой речевое сообщение, обладающее смысловой и информационной завершенностью, прагматической целостностью и ориентированное на определенного адресата [Кубрякова 2001; Александрова 2018 б; Киров 2018].

Текст формируется как последовательность взаимосвязанных предложений и сверхфразовых единиц, образующих семантическое и семиотическое пространство. Основными характеристиками текста являются выделенность, связность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность [Кубрякова 2001]; текст, по сути, является результатом речемыслительной деятельности автора.

Если говорить о дискурсе, то, обладая всеми характерными для текста особенностями, он, в большей степени, представляет коммуникативную деятельность, социально и культурно обусловленную. Формирование дискурса – это процесс и результат речевой деятельности в форме текста, но «погруженного в жизнь» (по известному высказыванию Н.Д. Арутюновой), то есть в динамике коммуникативной ситуации, что требует учета всех прагматических параметров. Проведение анализа дискурса невозможно без опоры на социально-исторические и культурологические факторы, сведения о конкретных условиях коммуникативной ситуации и особенности участников коммуникации. И если текст представляет собой завершенное языковое произведение, основной единицей которого является предложение, то дискурс – это речевой феномен, исследуемый в своей динамике (появление и развитие) в текущем времени и конкретной ситуации и, как следствие, его единицей является высказывание. Иначе говоря, семантика занимается изучением значения слова-предложения-текста, а прагматика – значения высказывания и дискурса, поскольку предложение рассматривается как самостоятельный конструкт вне зависимости от более широкого контекста, в который оно встраивается, тогда как высказывание квалифицируется как часть общего смыслового пространства речевого произведения [Пономаренко 1999].

Следует, однако, иметь в виду, что рассматриваемые типы значения (семантическое и прагматическое) нельзя противопоставлять как абсолютно различные. Существуют смежные явления, которые в некоторых отношениях являются семантическими, а в других – прагматическими. Например, импликатуры, которые проистекают не столько из контекста, сколько из общего мировосприятия человека, могут выступать в качестве семантической составляющей. В то же время они не определяют объективную истинность сообщения как таковую и, следовательно, могут рассматриваться как прагматические [Birner 2013]. Более того, концепция прагматического значения как оперирующего над и за пределами области семантики, предлагает языковую модель, в которой семантический параметр является главным, а прагматический – вторичным, «вне» семантики. Тем не менее, такое представление не может быть универсальным, поскольку, с одной стороны, хотя бы некоторые контекстуальные факторы должны быть учтены до установления условий истинности и, с другой стороны, прагматический вывод в свою очередь основывается на семантике. Поэтому можно сказать, что прагма-семантический смысл представляет собой сложную иерархическую систему с семантическим значением в качестве ее базового компонента, на основе которого в процессе развития дискурса происходит приращение дополнительных, прагматических, значений за счет лингвистического (контекст) и экстралингвистического (сознание коммуникантов и конкретная ситуация общения) факторов. Отсюда можно проследить этапы интерпретации смысла на трех основных уровнях: первый этап – семантический анализ лексического значения; другие два этапа представляют собой прагматическую интерпретацию: экспликатуру и импликатуру [Никитин 1988; Haude 2019; Sbisà 2021].

В этом заключается основное различие семантики и прагматики речевой деятельности: если рассматривать первичное значение языковых средств, закрепленное в системе языка, а не вытекающее непосредственно из контекста, то мы имеем дело с семантикой; анализируя смысл,

формирующийся в конкретном контексте и в конкретной коммуникативной ситуации, мы обращаемся к сфере прагматики. Здесь становится очевидной определенная разница между предложением и высказыванием, заключающаяся в том, что предложение рассматривается как самостоятельный конструкт вне зависимости от более широкого контекста, в который оно встраивается, тогда как высказывание квалифицируется как часть общего смыслового пространства речевого произведения [Пономаренко 1999; Griffiths 2006]. Иначе говоря, семантика занимается изучением значения слова и значения предложения, прагматика – значения высказываний.

Значение предложения обычно формируется на основе семантической информации; это прежде всего знание языка – например, знание лексических форм, грамматических правил, стилевых параметров. На первом этапе не так важны вопросы об авторстве высказывания, цели его создания и употребления, конкретной коммуникативной ситуации и т.д.

“Look, are you coming or not?” “Yes, **of course**.” (N. Hornby).

“We’re speaking in complete confidence, of course?” “**Of course**.” (D. Tartt).

В представленных примерах выражение *of course* независимо от контекста репрезентирует свое основное значение безусловного согласия, подтверждения какой-либо идеи/предложения/предположения. Высказывание первоначально интерпретируется на основе лексического (буквального) значения языковой единицы; происходит выстраивание экспликатуры. Далее за счет контекстуальной информации (лингвистический контекст) и представлений коммуникантов о реальной или мысленно конструируемой действительности (нелингвистический контекст) значение высказывания выходит за рамки буквального значения. При этом различия в понимании контекста могут привести к разным экспликатурам. Так, в последнем примере выражение *of course* в первом предложении (*We’re speaking in complete confidence, <u>of course</u>?*) благодаря как лексическому, так и

грамматическому оформлению (вопросительная форма) реализует значение не однозначного подтверждения, а скорее просьбы подтвердить предположение говорящего.

Различия в понимании контекста могут привести к разным экспликатурам, например:

“I appreciate your hospitality more than I can say,” said the star, simply and with feeling. “Of course you do,” said the woman in the red dress (N. Gaiman).

Без учета контекста и понимания общей ситуации полноценная интерпретация данного фрагмента представляется затруднительной, поскольку не совсем ясно, выражает ли автор дискурса прямое, буквальное значение, формируемое языковыми единицами, или в словах содержится скрытый, фигуральный, смысл (например, ирония).

В рамках контекста становится возможным определить авторскую интенцию, а также усилить коммуникативную эффективность всего дискурса [Храмченко 2017; Леденева 2017]. Это, с одной стороны, приводит к более полноценной актуализации экспликатуры, а с другой, обеспечивает переход на следующий этап интерпретации – этап построения импликатуры, которую можно представить как некий вывод в рамках исходной (лингвистической) и контекстуальной информации, основанный на том, что именно выражает высказывание и каким преобразованиям этот смысл подвергается в контексте [Никитин 1988; Шарандин 2017; Benz et al. 2013]. Например:

He groaned again … at the memory of how she had taken off her clothes in front of him – so indifferently, as though he were an infant. **Of course**. He saw it clearly now. The idea was to humiliate him (I. McEwan).

Как и в приведенных выше фрагментах, на основе лексического значения выражения *of course* в данном предложении формируется экспликатура подтверждения. В то же время наблюдаем приращение дополнительных прагматических значений за счет контекстуального фактора:

- акцентуация *of course* в отдельном предложении повышает категоричность высказывания;
- слова *groaned, indifferently, infant, humiliate* передают болезненные переживания человека;
- выражение *at the memory of* (вместо, например, более нейтрального *remembering*) придает весомости переживаниям;
- сослагательное наклонение *as though he were* подчеркивает внутренний протест юноши против несоответствующего действительности, как он считает, мнения девушки.

Комплекс перечисленных средств создает имликатуру неожиданного осознания, понимания каких-то новых деталей о себе и другом человеке на фоне прагматики напряжения, прокручивания в голове ситуации, обиды и, возможно, даже злости. Такое интегративное смысловое пространство дискурса порождается благодаря чрезвычайно важному свойству речи – функциональному синергизму, то есть способности формировать общий смысл речевого произведения, превосходящий механическую сумму смыслов его компонентов [Пономаренко 2013].

Таким образом, лексическое значение является основой для экспликатуры, на которой, в свою очередь, строятся импликатуры. Каждый этап формирования смысла выстраивается на предыдущем, за счет чего он образует своего рода триединство – семантика предложений в общем смысле (буквальное значение), прагматика референции и неоднозначности (экспликатура) и прагматика интенций (импликатура).

Другими словами, семантика задает исходные параметры значения, которые в процессе актуализации речевого произведения дополняются прагматическими параметрами, далее трансформирующимися в реализуемые параметры прагма-семантических и коммуникативно-функциональных смыслов. Таким видится алгоритм трансформации значения в смысл. От правильно сформированного смысла и его адекватной интерпретации зависит

полноценная актуализация когнитивно-прагматического пространства дискурса [Храмченко 2017; Jaszczolt 2021; Kharkovskaya et al. 2017].

В языковедческих трудах выявление и описание процесса формирования прагма-семантического смысла осуществляется с помощью семантического и прагматического анализа. Рассмотрим особенности каждого из них.

Главной целью любого акта коммуникации является понимание высказывания, что, в зависимости от обстоятельств, может означать включение информации, передаваемой этим высказыванием, в собственную базу знаний и выполнение определенного набора действий в ответ. Понимание представляет собой сложный процесс, который зависит от результатов анализа, лексической информации, контекста и общих знаний участников коммуникации [Лузина 2008; Почепцов 2001; Poesio 2000; Wierzbicka 1996]. Значительную роль в обработке получаемой информации высказывания, так же, как и естественного языка в целом, играет семантический анализ, который включает в себя поиск информации, извлечение информации, сложение смыслов, анализ данных, а также средства передачи этой информации.

В общей лингвистике семантический анализ раскрывает значения слов, устойчивых выражений, целых предложений и высказываний в контексте. На практике это означает перевод оригинальных выражений в определенную форму семантического метаязыка. Поэтому основные теоретические вопросы семантического анализа касаются природы метаязыка или эквивалентной репрезентативной системы [Беляевская 2008; Доброва, Кистанова 2017; Goddard, Schalley 2010]. Признается, что семантика на уровне слов и грамматическая семантика взаимодействуют и взаимопроникают различными способами. Многие лингвисты сейчас предпочитают говорить о лексикограмме, а не о строгом разграничении лексических и грамматических правил. Частично это объясняется тем, что комбинаторный потенциал слов во многом определяется их лексическими значениями и специфичностью

значения грамматической конструкции, в которой могут появляться дополнительные компоненты, несвойственные словам изначально [Fried, Ostman 2004; Cope, Kalantzis 2020].

Семантический анализ направлен на выявление соотношения между семантическим содержанием, закодированным в лексико-грамматической структуре, и общим экстралингвистическим, энциклопедическим, знанием. Он соединяет в себе интерпретацию лингвистических выражений, используемых носителями языка в контексте (учитывая возможные причины и последствия подобных интерпретаций), наблюдение за функционированием языка в естественных условиях и выведение моделей использования вербальных средств – слов, словосочетаний и предложений с учетом частотности их употребления, в том числе с помощью статистических методов лингвистики.

Важным в осуществлении семантического анализа является отражение миропонимания коммуникантов. Это облегчает моделирование непосредственного познания носителей языка, прогнозирование процесса их логического мышления и осуществление взаимодействия между ними. Кроме того, желательным является проведение семантического анализа в терминах речемыслительных свойств сознания человека с целью достижения оптимальной сопоставимости и взаимодействия между различными ракурсами семантического описания.

Семантический анализ также фокусируется на устранении смысловой неоднозначности. Возможность множественной интерпретации высказываний связана в первую очередь с тем, что слова могут иметь более одного значения (лексическая неоднозначность). Кроме того, определенные слова, такие как квантификаторы, модальные слова, операторы отрицания и т.д. могут менять или дополнять прагматику дискурса (неоднозначность области). Еще одним фактором в этом плане можно назвать неоднозначность соотносимого – когда соотносимые единицы (например, местоимения и существительные) недостаточно ясны [Goddard, Schalley 2010]. Например:

Nana, Cath and Terri had a big row. The girls at school had not wanted her in their groups, except for their rounders teams (J.K. Rowling).

The rope began fraying on both sides now. We're going to do it, Rachel thought. This thing is going to break! (D. Brown I).

В примерах не дается четкого понимания того, кто именно подразумевается под *the girls* (те же девушки, упомянутые в первой части высказывания – *Nana, Cath, Terri* – или другие девушки в школе) и что собирается делать героиня в сложившейся ситуации (*We're going to do it*) и кого имеет в виду, употребляя местоимение *we*. Поэтому для устранения возникающей синсемантии необходимы контекстуальные пояснения.

Говоря о семантической двусмысленности, обычно различают омонимию и полисемию. Полисемия может вызывать ряд сложностей в процессе семантического анализа, поскольку рассматриваемые различия в значении, а также связанные с ними синтаксические и другие формальные несоответствия, как правило, более тонкие. Неправильное понимание полисемии является распространенным недостатком семантического анализа, в результате чего возникает ложная полисемия и неспособность распознать истинную полисемию [Wierzbicka 1996; Goddard 2000].

Еще одну сложность для семантического анализа представляют широко распространенные образные выражения (фразелогически репрезентируемые концепты, метафоры) и устойчивые словосочетания, значения которых невозможно установить, опираясь только лишь на значения их компонентов, взятых отдельно. Например:

Literally thousands of undiscovered species, he gushed, live in these depths! We've barely scratched the surface! There are mysteries down here that none of us can imagine! (D. Brown I).

Предложение *We've barely scratched the surface!* в данном фрагменте имеет переносный, метафоричный смысл и подчеркивает недостаточность наших знаний в определенной области.

"You're right … I apologize." "No sweat." (J. Egan).

Правильная интерпретация смысла данного дискурса зависит от понимания значения фразеологически репрезентируемого концепта *no sweat*. Обладая полисемичной природой, он имеет несколько значений, например, *не за что, пара пустяков, плевое дело, бывает, никаких проблем*. Поэтому сужение его значения до адекватного именно данному дискурсу – *ничего страшного*, *все нормально* – непосредственно обусловлено контекстом, то есть чрезвычайно важным свойством функционального синергизма речи (способность формировать общий смысл речевого произведения, превосходящий механическую сумму смыслов его компонентов).

Определенные значения и аспекты языка сложно правильно понять, если их изучение ограничено анализом лексических значений слов и синтаксическим анализом предложений. Традиционный морфологический или синтаксический анализ предложений не может дать полного представления о смысле ситуации (в том числе о прагматических значениях), понятного собеседникам. Следовательно, лингвистическое описание должно выходить за пределы предложения на уровень высказывания в контексте с учетом разных аспектов и особенностей коммуникативной ситуации, таких как языковые средства, способы их соединения, дискурсивные функции, жанр, стратегии речи, особенности участников коммуникации и т.д. Именно эти вопросы входят в круг задач прагматического (или, точнее, прагма-функционального) анализа, направленного на конкретное и реалистичное описание коммуникативного процесса, протекающего в актуальном взаимодействии партнеров.

Одна из главных задач прагматики – понять механизмы, благодаря которым говорящий добавляет скрытые, косвенные или подразумеваемые смыслы в высказывания или целые тексты. Это обусловливает проведение большого количества исследований, посвященных изучению инференции, импликатуры или таких явлений, как ирония, метафора, креолизация и др. Еще одна важная задача заключается в анализе лингвистических механизмов референции и дейксиса – двух явлений, которые в значительной степени

зависят от контекстуальных факторов. Прагматика, таким образом, может многое сказать о неопределенности языка, и она рассматривает природу и свойства многих и различных механизмов, которые коммуниканты используют для кодирования и декодирования скрытых значений высказывания.

С позиций системного научного подхода алгоритм человеческого общения и когнитивные явления образуют динамические системы, которые достаточно сложно описать в точных терминах из-за множества разноплановых переменных, включающих в себя не только языковые средства и обладающих не только лингвистической природой. За счет этого любое прагматическое значение носит вероятностный, прогностический характер; при проведении прагматического анализа учитываются принципы функциональной грамматики, социологии, психологии и когнитивизма. Иначе говоря, следует принимать во внимание множество разнообразных параметров, взаимодействующих между собой. Прагматический анализ нацелен на выявление связи между всеми этими подсистемами, системами и языком, используя для достижения главной цели разные подходы и разные научные парадигмы.

В некоторых исследованиях прагматический анализ приравнивается к дискурсивному анализу или дискурс-анализу. Это обусловлено некоторой идентичностью ряда определений прагматики и дискурсивного анализа. Тем не менее, два подхода отличаются по методике и объектам (объему) исследования – дискурсивный анализ больше соотносим с макропрагматикой, в то время как прагматический анализ – с микропрагматикой [Alba-Juez 2016]. Действительно, оба подхода сходятся в том, что нежелательно рассматривать абстрактные структуры языка или устанавливать жесткие правила на то, каким образом язык должен функционировать. Следует анализировать как, когда, почему и т.д. говорящий/пишущий использует язык для разных целей в разных ситуациях [Leech 2016; Searle 2007]. Однако в то время, как дискурс-анализ в основном

является общим термином для ряда методов и подходов, прагматический анализ языка не обязательно включает эти подходы в сферу своего применения. Исследователь, проводящий анализ дискурса, обязательно будет использовать прагматические концепции и принципы, тогда как в процессе прагматического анализа нет необходимости применять методы дискурсивно-аналитической парадигмы [Jorgensen, Phillips 2002]. Прагматика является незаменимым источником для дискурс-анализа, но не тождественна ему. Анализ дискурса опирается на концепции и инструменты прагматики, в то же время представляя собой более широкую, более эмпирически ориентированную парадигму. Прагматика, с другой стороны, является более теоретически ориентированной дисциплиной, традиционно занимающаяся проблематикой, которая учитывается, но не обязательно является центральной в дискурсивных исследованиях. То, что объединяет прагматический и дискурсивный анализ, заключается в изучении как внутренних текстовых характеристик используемого языка, так и контекста, как более важного аспекта по сравнению с текстом высказываний.

Сказанное позволяет определить прагматику как когнитивную, социальную и культурологическую науку о языке и коммуникации [Verschueren 2009], а прагматический анализ – как научное исследование всех аспектов речевого поведения, в основном связанных с коммуникативными действиями в любом контексте [Bublitz, Norrick 2011]. Прагматический анализ нацелен на изучение прагматических функций языка и прагматическую перспективу. Задача прагматического анализа заключается в описании общения коммуникантов посредством языка и достижения ими коммуникативной цели, то есть в установлении того, каким образом, за счет каких языковых и неязыковых средств они выражают то, что подразумевают [Mey 2009].

Таким образом, прагматический анализ, как правило, ориентирован на исследование теоретических вопросов, связанных с неопределенностью языка, и, таким образом, имеет дело с подразумеваемыми, фигуральными

значениями или тем, что Г. Грайс называет неестественным значением, в отличие от семантического, буквального или вневременного значения (то есть естественного значения), которое является предметом семантики [Grice 1991].

Как видно из рассуждений, прагматика и семантика тесно переплетены и как специфические свойства речевой деятельности, и как научные направления. Поэтому мы считаем оптимальным исследовательским подходом интегративный прагма-семантический анализ, раскрывающий синергийное взаимодействие всех элементов текста в формировании общего смыслового пространства дискурса. Например:

Do you have anything better to wear, Theo? Surely you must (D. Tartt).

С точки зрения семантики здесь представлен вопрос о наличии «лучшей одежды» (вопросительная форма предложения и достаточно четко сформулированный предмет обсуждения), а также выражена уверенность, что *Teo* имеет такую одежду (наречие *surely* и модальный глагол *must* во вторичной функции *supposition implying strong probability*). Однако этим не исчерпывается весь комплекс импликаций данного речевого акта, и их выявляет анализ прагматических приращений. В поверхностной структуре высказывания нет прямого указания, что говорящему не нравится одежда партнера и что он советует ее поменять. Однако здесь срабатывает механизм так называемых семантических транспозиций, то есть «использование одной языковой формы в функции другой формы» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 519]. Приведенный вопрос теряет значение запроса информации и вместе с продолжающим его комментарием приобретает ряд спонтанно возникающих прагматических значений: 1) негативная оценка, 2) совет изменить внешний вид, 3) уверенность в том, что партнеру не будет сложным последовать совету.

Прагма-семантический анализ английского дискурса позволяет понять механизмы формирования значений и смыслов речевого произведения. В этом сложном процессе семантические значения являются базовыми, на

основе которых за счет контекстуальных факторов происходит приращение дополнительных прагматических значений. Это, с одной стороны, усложняет смысловой план дискурса скрытыми, косвенными или подразумеваемыми смыслами, но, с другой, во многом устраняет возможную полисемию и даже неопределенность семантических значений. Прагматическое значение переводит смысловую структуру на более высокий уровень, чем семантическое значение. Поэтому прагматическое исследование значения, как, впрочем, и дискурсивное, связано с функциональной перспективой произведения речи, но в то же время учитывает многие формальные аспекты, способствующие возникновению семантического значения высказывания в качестве базы для формирования его прагматического пространства.

Выводы по главе I

1. Традиционно анализ языка предполагает учет таких аспектов как синтактика, семантика и прагматика.

2. Синтактика занимается изучением соотношения языковых форм, способов сочетания знаков и последовательности их расположения, что в итоге приводит к порождению текстов. При этом не учитывается дополнительная информация и личностные особенности участников коммуникации. Предметом синтактики являются синтаксис и грамматика знаковых систем.

3. Семантика анализирует связь между языковыми формами и референтными объектами действительности, то есть семантический анализ направлен на установление истинности между вербальным описанием и реальным положением дел. Как и в случае с синтаксисом, семантика не учитывает языковую компетентность и эмоциональное состояние коммуникантов. Занимаясь изучением лингвистического значения слов, фраз и предложений, абстрагируемого от контекста употребления, семантика нацелена на объяснение того, каким образом партнеры извлекают значения из лингвистических выражений.

4. Прагматика изучает отношение между языковыми формами и теми, кто их употребляет. В триаде синтактика–семантика–прагматика именно прагматика принимает во внимание участников общения – то, что они выражают прямо или подразумевают, их интенции и коммутативные цели, действия (речевые акты), которые они производят для достижения этих целей. Прагматика охватывает анализ использования языка в конкретной коммуникативной ситуации – в соотношении языковой структуры и контекста высказывания.

5. Синтактика исследует знаки и их формальное взаимодействие; семантика имеет дело со знаками и их значениями; прагматика занимается анализом знаков по отношению к коммуникантам. Фактически, каждый знак должен включать все три аспекта семиозиса.

6. Семантика традиционно изучает структуры языка независимо от условий использования. Однако представители некоторых направлений признают коммуникативную функцию языка и проявление смысла предложения в контексте. Кроме того, ряд исследователей считает необходимым принимать во внимание экстралингвистические факторы в процессе формирования значений. Это объединяет семантику и прагматику и затрудняет их четкое разграничение.

7. Прагматика исследует контекстно-зависимые аспекты значений и фокусируется на смысле высказывания, а не предложения, то есть на специфичных уникальных условиях, создаваемых участниками коммуникации при выполнении лингвистических действий в реальной ситуации для достижения конкретных коммуникативных целей. Занимаясь изучением смысла, формируемого говорящим/пишущим и интерпретируемого реципиентом, прагматика анализирует то, что высказыванием подразумевается (а не только выражено буквально), какими языковыми средствами это репрезентируется и какие факторы способствуют адекватному пониманию.

8. Главная цель прагма-семантического анализа заключается в объяснении того, как высказывания передают (кодируют) значения и смыслы в контексте конкретной ситуации, как они декодируются, как участники коммуникации воспринимают их и делают определенные выводы. Прагматический вывод предполагает адекватную интерпретацию реципиентом информативного намерения говорящего, обусловленную смыслом сообщаемого, лингвистической составляющей высказывания (выбором языковых средств для выражения значений и смыслов) и прагматической компетенцией партнеров по коммуникации.

9. Различные направления и подходы семантики и прагматики обладают своими особенностями и отличиями, но тем не менее дополняют друг друга и способствуют развитию лингвистической науки в целом. Выдвигая в качестве основного принцип употребления языка, семантика и прагматика имеют обширные области пересечения исследовательских интересов и охватывают множество проблем, связанных с изучением значения и смысла. И семантика, и прагматика вносят значительный вклад в понимание процесса формирования общего смысла высказывания.

10. Формирование прагма-семантического пространства представляет собой сложный многогранный процесс. Задаваемые системой языка семантические и синтаксические параметры взаимодействуют в речевой реализации и приобретают дополнительные, прагматические приращения. За счет этого происходит трансформация значений в смыслы. Семантические отношения порождают определенные прагматические значения, и их репрезентация определенными языковыми средствами в конкретном контексте (коммуникативных условиях) приводит к созданию необходимого прагма-семантического эффекта. Поскольку любое общение необходимо анализировать с учетом семантических и прагматических аспектов, семантика и прагматика влияют на общую картину коммуникативного взаимодействия.

Глава II. ДИНАМИКО-СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ СИНЕРГЕТИКИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

На современном этапе развития лингвистической науки появляется множество теорий, дополняющих друг друга и предлагающих свою интерпретацию языковых явлений. Это представляется закономерным, поскольку, как подчеркивает Ф.М. Березин, «одна какая-либо, даже всеобъемлющая теория не может дать всеохватное описание языка» [Березин 2000: 22]. Тем не менее, предпринимаются попытки создать такую целостную интегративную парадигму.

Многие лингвисты сходятся во мнении, что подобную концепцию можно разработать на основе синергетического подхода за счет его связности, всеединства синтезируемых областей знания, эволюционного и холистического видения мира [Базылев 1998; Пономаренко 2015; Khramchenko 2015].

Исходными постулатами синергетики, полезными для языковедения, являются:

- специфическое представление об эволюции сложных систем (в том числе языка);
- комплементарное сочетание в синергийных объектах свойств системности и подвижности (динамизма);
- признание саморегулирования (самоорганизации) и нелинейности (несводимости общего результата деятельности системы к сумме результатов отдельных компонентов) важнейшими свойствами и механизмами развития синергийных систем;
- упор на взаимосвязь и взаимозависимость всех элементов и частей саморегулируемой системы как целостного образования;
- понимание решающей роли взаимодействия системы с внешней средой для удержания сиситемы в равновесном состоянии.

Как видим, синергетика придала новый импульс и новый ракурс понятию *система* – одному из центральных терминов синергетики, которая называется также *теорией самоорганизации сложных систем*. Быстрое развитие технологий, множество научных открытий, появление новых дисциплин приводит к значительным изменениям понимания термина *система* и возможностей его использования в научных исследованиях. Исследования в сфере лингвистики не являются исключением.

Поскольку окружающая нас реальность воспринимается как динамический конгломерат систем – социальных, физических, химических, биологических и т.д., исследователи стремятся создать научный взгляд на мир, основанный на законах, общих как для органической, так и для неорганической природы, создать сложную системную парадигму. Благодаря этому были предложены новые научные теории со своими методами исследования, что впоследствии послужило основой для синергетики как единого подхода к изучению различных сложных систем.

В данной главе приводятся наиболее важные достижения синергетики и актуальность их применения в лингвистике.

2.1. Синергетика, ее исходные положения и принципы

Термин *синергетика* (от греческого *связное действие*) был введен немецким физиком Г. Хакеном для обозначения научного направления, изучающего внешние и внутренние взаимодействия сложных систем – их возникновение, самоорганизацию, развитие, изменение [Haken 2000]. Важным для описания поведения такой системы является понимание воздействий внешней среды, при которых система способна сохранять стабильность и функционирование. Степень сложности синергийной системы определяется не только большим количеством ее частей, но и широким спектром связей между ними, а также их способностью устанавливать новые связи с элементами других систем.

Под «сложностью» системы, как правило, понимают взаимосвязанность и взаимодействие множества компонентов, частей и уровней системы, их последовательность и сложное поведение [Широков 2017; Dombrovan 2018; Khramchenko 2019; Ponomarenko et al. 2020]. Описывая сложные системы, Р. Бишоп называет следующие наиболее важные характеристики [Bishop 2011: 111-112]:

- Большое число компонентов. Для сложного поведения некоторым системам достаточно всего три компонента, тогда как для других необходимо большее количество элементов.
- Нарушение симметрии структуры. Различные виды симметрий, такие как однородное расположение в пространстве, могут возникать до того, как какой-либо параметр достигнет критического значения, но не за его пределами.
- Иерархичность. Существуют структуры, для описания которых необходимы разные уровни.
- Необратимость. Различимые иерархии обычно являются индикаторами или результатом необратимых процессов.
- Связность. Элементы системы связаны друг с другом через определенные виды отношений.
- Ситуативность. Динамика компонентов обычно зависит от структуры, в которую они встроены, а также от внешней среды и развития системы в целом.
- Целостность. Системы демонстрируют органичное единство функций, которое отсутствует, если отсутствует одна из составляющих внутренней структуры или если отношения между структурами и компонентами нарушены.
- Интеграция. Различные формы структурно-функциональных отношений связывают компоненты, обеспечивая целостность системы.

- Сложность поведенческих траекторий. Поведение системы варьируется от простого порядка до полного беспорядка, при этом созданные структуры не являются случайными.
- Стабильность. Организационное и реляционное единство системы сохраняется и адаптируется к умеренным колебаниям и изменениям среды.

Сложность системы проявляется также в ее функционировании, поэтому анализ и описание требуют специфических применения новых научных методов, подходов и ракурсов. Успешное применение концепций и методов синергетического подхода к описанию биологических, физических, экономических, исторических, социальных, а также лингвистических явлений выявило сходство, если не универсальность, принципов эволюции сложных систем. В результате синергетика позволила создать широкий спектр междисциплинарных взаимосвязей и рассматривается как концептуально-методологическая основа для междисциплинарного синтеза знаний.

Синергетика считается особым направлением в развитии общей теории систем с особым акцентом на вопросы эволюции и фазовых сдвигов. Будучи междисциплинарной по своему характеру, она объединяет множество наук, имеющих дело с открытыми, динамичными, самоорганизующимися сложными системами, развивающимися нелинейно в различных средах. Синергетика способствует целостности методов, разработанных в различных дисциплинах, и разнообразных моделей для представления сложности органических и неорганических систем.

Методологическая особенность синергетики заключается в изучении процессов развития определенного единства как многоуровневой саморегулирующейся структуры. Синергетика обусловила целостное восприятие мира, в котором все взаимосвязано и постоянно меняется. Она представляет реальность как систему открытую, постоянно меняющуюся, нелинейную и бесконечную в выборе альтернатив для дальнейшего развития.

Ключевыми понятиями синергетики являются *интеграция*, *синтез*, *взаимодействие*, *согласованность*, *открытость*, *нелинейность*, *неравновесность, динамика*, *эволюция* и т.д., используемые для описания различных сложных систем, включая язык и речь.

В трудах Е.В. Пономаренко дается следующее краткое описание синергетического понимания *эволюции самоорганизующихся систем*:

«Сложная незамкнутая система в движении к цели-аттрактору на каком-то этапе находится в состоянии относительного равновесия, которое определяют параметры порядка – факторы, управляющие ее функционированием. Постепенно динамические процессы внутри системы и сигналы из внешней среды нарушают равновесие и приводят к возникновению случайных хаотических колебаний (флуктуаций), которые, усиливаясь, могут так влиять на систему, что она приближается к точке ветвления (бифуркации) – моменту выбора дальнейшего пути. В этой точке любой сигнал может быть толчком к развитию системы в том или ином (не всегда лучшем) направлении. Сопротивляясь дезорганизующим тенденциям, система избавляется от излишков вещества, энергии или информации: происходит их рассеивание (диссипация) во внешнюю среду, а также приток ресурсов извне, помогающий упорядочиванию системы. В конце концов в результате комплексного нелинейного взаимодействия и взаимоусиления разных компонентов в ней проявляются спонтанные свойства, характерные не для отдельных элементов, а для системы как целого. Система выбирает дальнейший путь эволюции и переходит на качественно новый уровень организации, где параметры порядка тоже так или иначе преобразуются, а описанный механизм саморазвития запускается вновь. Иначе система разрушится» [Пономаренко 2013: 133].

Подобный механизм саморазвития и функционирования системы дает представление о том, каким образом незамкнутые нелинейные системы могут эволюционировать, проходя этапы упорядочивания и хаотизации и в конечном счете приходить к равновесному состоянию, сочетающему

одновременно стабильность и динамизм. Признание возможности для сложной системы развиваться и самоупорядочиваться, нивелируя процессы хаотизации, благодаря внутренним ресурсам системы, по сути, составляет *главный постулат синергетики*.

Данный ракурс весьма полезен для лингвистического анализа речевой деятельности, поскольку язык и речь в своем эволюционном движении в полной мере проявляют типовые для сложных синергийных систем признаки.

Применение синергетических методов и принципов в новых областях исследований эффективно для понимания и описания саморазвития системы – ее основных стадий и фазовых сдвигов, колебаний, зон бифуркации и других особенностей. Поскольку язык является открытой саморазвивающейся сложной системой, синергетический подход к изучению различных аспектов его структуры и функционирования не только возможен, но и представляется необходимым. При этом особый интерес вызывает изучение с синергетических позиций динамико-системных характеристик смыслового пространства речевых произведений, что составляет главный объект анализа в настоящем исследовании.

Далее рассматриваются некоторые направления лингвистики, в основу которых легли принципы синергетики.

2.2. Лингвосинергетика: междисциплинарный подход к изучению языка через концептуальную систему и методы синергетики

Лингвистическая синергетика возникла в 1990-х годах как междисциплинарный подход к изучению языка через концептуальную систему и методы синергетики. Многомерная онтология языка позволяет использовать синергетическую методологию в различных исследованиях. На современном этапе лингвистическая синергетика включает в себя две основные ветви – синергетику языка и синергетику речи. Особый интерес для многих исследований в данном направлении представляет синергетика

текста и дискурса, нацеленная на установление их параметров, которые позволяют такой сложной системе, как текст/дискурс, формировать пространственные характеристики, а также раскрывать принципы успешного общения и способы коммуникативного влияния на поведение человека.

Основная задача лингвосинергетики языка состоит в выявлении и описании его внутренней динамической структуры, объяснении механизмов его изменений, в том числе в точках бифуркации (ветвления пути развития), в ситуациях реструктуризации и реорганизации [Олизько 2015; Klymenko, Yenikeyeva 2022; Ponomarenko 2018].

Синергетика языка тесно связана с историческим языкознанием. Она направлена на понимание основных этапов эволюции языка, в том числе появления языка, особенностей его нелинейного развития (то постепенного, то быстрого), согласованного поведения его компонентов и подсистем, влияния внешних факторов на структуру языка и т.д. [Козловский 2016; Моташкова 2015; Прядеин 2019]. Исследование языка в рамках синергетической парадигмы также предполагает описание его особенностей как открытой самоорганизующейся системы – изучение языковой системы в ее динамическом равновесии (синхрония) и в состоянии фазового перехода, что вызывает качественные изменения в организации и функционировании языка (диахрония). Синхронический и диахронический подходы представляют собой две необходимые, взаимодополняющие, взаимосвязанные плоскости исследовательского процесса. Несомненно, важно не только знать современное состояние и функционирование анализируемой системы, но и раскрыть принципы ее организации, объяснить «поведение» на той или иной стадии развития, наметить тенденции и возможные пути эволюции.

Как мы видим, синергетика предлагает специфический взгляд на языковую систему; применение принципов синергетического анализа и синтеза позволяет внести вклад в теорию эволюции языка как сложной динамической открытой саморегулирующейся системы.

Равновесное состояние языковой системы достаточно полно описано в традиционной лингвистике; лингвосинергетическое исследование языка в точках изменения существенно дополняет языковедческую науку. Известно, что язык постоянно меняется; однако его различные уровни и подсистемы меняются с разной скоростью. Основная задача лингвистической синергетики состоит в выявлении, описании и объяснении характеристик и внутренней динамики языка и тех механизмов, благодаря которым язык, претерпевая некие модификации, остается способным выполнять свои коммуникативные функции в обществе [Домброван 2014; Комарова 2012; Kuzeev 2020].

Итак, с использованием принципов синергетики становятся возможным моделирование и интерпретация фазовых сдвигов языковой системы, а также проектирование вариантов ее изменения в зависимости от разнонаправленных бифуркаций и множества потенциальных аттракторов (целей развития системы). Синергетический подход является по сути *динамико-системным*, так как изучает речевую деятельность как образование системное, но подвижное, эволюционирующее.

2.3. Основные понятия синергетики и лингвосинергетики

Новый подход к изучению сложных открытых динамических систем подразумевает введение новой терминологии, а также пересмотр некоторых концепций и понятий. Чтобы лучше понять, как научный аппарат синергетики может применяться в синергетическом направлении языкознания, ниже приведен более подробный обзор основных терминов и теоретических положений синергетики, составленный по справочным материалам и исследовательским трудам известных специалистов по синергетике (см. Библиографический список).

Закрытая / открытая система. Система представляет собой совокупность иерархически организованных компонентов (элементы, части, подсистемы и т.д.) и их связей, имеющих пространственные и временные

границы и существующих в определенной среде [Князева, Курдюмов 2010; Майнцер 2009; Пономаренко 2015]. Взаимодействие системы в целом и ее компонентов с внешней средой делает эту систему открытой. Функционирование открытой системы происходит при поступлении информации (энергии) из внешней среды. Напротив, закрытая система не взаимодействует с внешней средой, что рано или поздно ведет к вырождению системы. Большинство «живых» систем (в том числе язык) являются открытыми.

Открытый характер системы языка проявляется в реагировании на изменения и в отражении социальной, экономической, политической и культурной жизни общества, научно-технических достижений. Язык передает новые понятия, сохраняя их в своей лексической подсистеме. В условиях многонационального общества и глобальных процессов язык не может не меняться, но, как и любая другая система, он стремится к самосохранению. Чтобы сохранить свою форму и функционирование, система может допускать внутренние и внешние колебания, отклонения в динамике своих компонентов лишь в той степени, при которой, даже создавая некоторую хаотизацию (отклонение от исходных параметров системы), они все же сохраняют подчиненность компонентов целому.

Линейность / нелинейность. В парадигме стабильности и равновесия линейность представляет собой последовательность причин и следствий, отображаемых в пропорциональной и детерминированной реакции системы на внутренние сигналы и на внешнее воздействие [Князева, Курдюмов 2010; Пономаренко 2015]. Нелинейные системы периодически подвержены хаотизации и не всегда предсказуемы, так как их поведение не обусловлено конкретными начальными условиями и не может быть определено общепринятым математическим принципом «Если X ..., то Y ...». Описание поведения таких систем требует множества разноплановых факторов, так как суть механизма нелинейности заключается в том, что под влиянием этих факторов общий результат деятельности системы выходит за рамки чисто

механического сложения результатов функционирования отдельных компонентов системы.

Синергетическая парадигма фокусируется на нелинейности как на более важном принципе в оппозиции *линейность : нелинейность*. Понятие линейности связано с упорядоченностью составных компонентов системы, например, языковых элементов в речевой цепи. Нелинейность же создает более сложную реальность с точки зрения моделей поведения системы, а также предусматривает исследование асимметрии, нерегулярности и неравномерности [Храмченко 2013, 2014]. Можно сказать, что нелинейность является концептуальным ядром синергетической парадигмы, которая также называется парадигмой нелинейности [Князева, Курдюмов 2010: 48]. Нелинейность языковой системы зависит от особенностей и функций системы и от поведения каждого ее компонента, причем кумулятивный эффект условно выражается в формуле синергизма: 2+2=5. Это особенно ярко проявляется в речи, когда общее смысловое пространство речевого произведения превосходит простую сумму смыслов всех отдельных компонентов текста [Пономаренко 2004].

Термин *нелинейность* появился в концептуальной системе синергетики из математики, где он понимается как определенный тип уравнения с многочисленными переменными и неизвестными, который расширяет спектр возможных решений в зависимости от переменных и/или коэффициентов. Лингвистическая синергетическая парадигма в процессе анализа опирается на философский аспект нелинейности, который раскрывается во множестве альтернатив эволюции и скорости изменений в зависимости от особенностей среды, а также необратимости самой эволюции.

Самоорганизация. Последовательность этапов самоорганизации сложной системы составляет динамику данной системы, ее эволюцию. В синергетике самоорганизация является одновременно процессом и результатом последовательного взаимодействия многочисленных компонентов и частей системы, направленных на регулирование внутренней

структуры этой системы. Системы, которые подвергаются пространственно-временным и функциональным сдвигам в результате внутренних процессов без вмешательства извне, называются самоорганизующимися системами [Haken 2000: 69].

Язык также является самоорганизующейся системой, которая изменяется и развивается в соответствии с универсальными принципами поведения сложной системы, разработанными в общей теории синергетики. Являясь многокомпонентной синергийной системой, язык характеризуется сложным поведением элементов, частей и подсистем. Кроме того, он также представляет собой диссипативную структуру (термин, впервые употребленный И. Пригожиным и пришедший в лингвистику из физики).

Синергетическая парадигма выделяет микроскопический и макроскопический уровни описания системы. Микроскопический уровень включает исследование элементарных компонентов и анализ их поведения в данной системе, в то время как макроскопический уровень представляет собой описание динамики всей системы в результате ее взаимодействий с внешним миром. Макроскопическая структура системы может быть описана с помощью макроскопических переменных – параметров порядка [там же].

Параметры порядка представляют собой характеристики определенной сложной системы. Это те факторы системы, которые управляют поведением (упорядочивают) ее компонентов. Изменения в шаблоне параметров могут сигнализировать о структурном изменении сложной системы и наоборот. В речевой деятельности параметрами порядка признаются функциональные связи дискурса, которые организуют речь как коммуникативное событие, направленное на достижение заданной коммуникативной цели (или целей) [Храмченко 2014; Ponomarenko 2016].

Флуктуации и бифуркации. Под флуктуацией понимается временное изменение системы или постоянное переключение из одной точки в другую, которое может вызвать определенное отклонение в динамике системы, включая даже потерю устойчивости. Колебания могут привести систему к

критической точке, называемой *бифуркацией* – своеобразному ветвлению или соединению возможных режимов существования системы. Далее система подвергается локальным и глобальным изменениям. Под локальными подразумевают непрерывные изменения формы при постоянном варьировании какого-либо динамического параметра или параметров. Более сложные, глобальные, изменения включают фазовые переходы, критические точечные переходы, где изменения могут быть прерывистыми и многочисленными, в основном из-за одновременно возможных колебаний на многих уровнях общей системы. Пройдя точку бифуркации, система приходит к новому стабильному состоянию [Князева, Курдюмов 2010; Пономаренко 2015].

Стабильность / нестабильность. Нестабильность – это своеобразное состояние развивающейся сложной системы, в которой проявляется восприимчивость к внешним воздействиям. Наоборот, устойчивость, стабильность – это состояние равновесия системы. Различают статическое и динамическое равновесие: статическое равновесие не требует ввода или вывода энергии в систему и из нее; динамическое равновесие обычно предполагает постоянный упорядоченный поток энергии для стабильности системы.

Если система нестабильна, то малейшие флуктуации могут привести к необратимым бифуркациям, к резким изменениям в структурной организации системы и, следовательно, к усложнению динамики системы в целом [Майнцер 2009]. Однако флуктуация может быть проигнорирована системой, если последняя находится в равновесии.

Аттрактор репрезентирует состояние, к которому стремится система в процессе своего развития независимо от начальных условий и которое представлено в виде точки или траектории в фазовом пространстве системы [The American heritage science dictionary: http://www.dictionary.com/browse/attractor]. Дж.А. Коффман предлагает следующую интерпретацию этого понятия. Общий набор позитивных

(активирующих) и негативных (тормозящих) взаимодействий внутри системы можно описать как «регуляторную сеть», которая ограничивает развитие смыслового пространства в логической и, следовательно, предсказуемой манере. Важным свойством таких сетей является то, что они часто представляют собой источник самоорганизующихся «аттракторов». Аттрактор, или устойчивое состояние, к которому тянется траектория развития, определяется с помощью набора логических правил (положительных и отрицательных взаимодействий), регулирующих эволюцию самоорганизующейся системы. По сути, аттрактор является конечной точкой эволюции системы [Coffman 2011]. Применительно к речи аттрактором выступает коммуникативная цель говорящего/пишущего [Пономаренко 2004, 2006].

Открытая нелинейная среда может содержать в себе множество определенных структурных аттракторов. Как только система выбрала одну из возможных траекторий динамики, другие альтернативы теряют свою значимость. Происходит их рассеивание (диссипация) во внешнюю среду. Поскольку сама среда подвержена изменениям, то могут меняться и все потенциально возможные варианты развития. Поэтому некоторые точки эволюции могут никогда не превратиться в аттрактор [Князева, Курдюмов 2011].

В теории динамических систем различают три типа аттрактора: точечный, циклический и хаотичный. Точечный аттрактор – это аттрактор с одним состоянием. Циклический аттрактор включает в себя множество состояний с определенными траекториями развития. Хаотичный аттрактор характеризуется неповторяющимся поведением системы.

Фрактал. Термин *фрактал* был введен математиком Б. Мандельбротом для описания модели «самоподобия» на каждом уровне и/или в масштабе структурной организации сложной системы. В пределах фракталов увеличение показывает ту же картину, а не новую структуру: сегмент масштабированной структуры является точной копией всей

структуры. Другими словами, один и тот же шаблон повторяется на разных уровнях структурной организации. Фрактал представляет собой фрагментированную форму, которая может быть разбита на части, каждая или почти каждая из которых является уменьшенной копией целого [Мандельброт 2002]. Самоподобие признается в качестве основной характеристики фракталов.

Языковая система также имеет фрактальный тип организации: элементы одного уровня языка являются строительным материалом для более сложных комбинаций другого уровня языка и, в свою очередь, служат основой для еще более сложных конфигураций на следующем уровне организации и так далее. Следует отметить, что чем выше уровень комбинаций, тем шире диапазон возможных альтернатив развития системы.

2.4. Основные характеристики и особенности системной функциональной лингвосинергетики

Одним из направлений лингвосинергетики является функциональная лингвосинергетика, которая органично синтезировала синергетическую методологию и основы лингвистического функционализма, в том числе теории системно-функциональной лингвистики (Systemic Functional Linguistics, или или SFL), разработанной научной школой М. Хэллидея. Целый ряд положений SFL имеет существенное значение для функциональной лингвосинергетики.

Системно-функциональная лингвистика ставит своей целью изучение условий и процессов активизации тех или иных характеристик языка/речи/дискурса в зависимости от определенной коммуникативной ситуации в реальных условиях вербального взаимодействия [Matthiessen et al. 2022 a; Halliday 1978; Khramchenko 2015]. Она рассматривает функционирование языка как ресурс, создающий смысл и взаимосвязь формы и значения и стремится соединить структурную (системную) информацию с экстралингвистическими факторами в интегрированное

описание. Языковая система не является автономной и независимой от внешних факторов, а, напротив, определяется ими. Как считают функционалисты, «именно в языке и слове оформляется концептуальный образ мира» [Миронова, Сокольская 2021: 35]. Такое понимание ведет к поиску ответов на вопросы о том, какова цель (замысел) говорящего/пишущего; какие языковые средства являются наиболее оптимальными в достижении этой цели; какие именно факторы определяют выбор того или иного языкового средства и т.п. Таким образом, SFL – это теория, полностью основанная на понятии функциональности языка и с этих позиций объясняющая синтаксическую структуру языка. Язык рассматривается в действии, с учетом конкретной ситуации общения и понимается как речемыслительный инструмент, реализующий экстралингвистические цели и функции коммуникации.

Согласно М. Хэллидею, язык реализует три вида социально-функциональных потребностей человека: во-первых, уметь понимать и интерпретировать то, что происходит внутри и вокруг нас; во-вторых, взаимодействовать с реальным миром путем согласования социальных ролей и отношений; в-третьих, уметь создавать смыслы с точки зрения того, что является данным и новым (тема-рематические отношения). Эти функции языка М. Хэллидей называет метафункциями и обозначает их как идеаторную, межличностную и текстовую соответственно; использование языка задействует все три метафункции одновременно [Halliday 1978]. Это обусловливает функциональную комплементарность языка, благодаря чему создается последовательное пространство дискурса, метафункциональное измерение.

Еще одним важным и фундаментальным понятием системно-функциональной лингвистики является понятие выбора. Парадигматические отношения считаются первичными и образующими смысловой потенциал языка путем систематизации основных компонентов во взаимосвязанных системах характеристик. Поэтому одной из основных задач SFL является

определение возможных вариантов создания этого смыслового потенциала в реальных контекстах и ситуациях через ресурсы, доступные для выражения в языке. Синтагматические отношения рассматриваются как реализация системы в контексте определенного высказывания (дискурсе), что обусловливает формальные и структурные последствия выбора конкретной функции языка. Выбор отражает актуальность тех или иных характеристик системы в конкретных условиях, а система отображает «отношения выбора», которые устанавливаются не только на уровне отдельных категорий, но и на уровне всего текста. М. Хэллидей подчеркивает важность понятия выбора, поскольку текст представляет собой «непрерывный процесс семантического выбора. Текст – это значение, а значение – это выбор» [там же: 137]. Поэтому язык скорее следует рассматривать как обмен значениями в межличностных контекстах, а функционирование языка – не как набор формальных правил, а как осмысленный выбор определенных языковых средств для выражения определенных значений или, наоборот, выбор определенных значений тех или иных языковых единиц для адекватной актуализации в определенных контекстах их использования. Как видим, системно-функциональная теория принимает парадигматическую ось в качестве отправной точки в понимании того, как функционирует язык.

Согласно системному описанию как функционально-семантическому подходу к языку:

- использование языка является функциональным, семантическим, контекстуальным и семиотическим;
- функция языка заключается в создании смысла;
- создание смысла зависит от социального и культурного контекста;
- использование языка является семиотическим процессом, процессом осмысления путем выбора.

Таким образом, функции языка отражаются в его структуре и организации на всех уровнях. Язык является источником смысла во многих и

постоянно меняющихся контекстах человеческого взаимодействия; особенность языка заключается в его организации как огромной сети взаимосвязанных выборов. Организация функциональной структуры системы на основе определенного выбора является существенным отличием лингвосинергетики от других функциональных подходов.

Начало развития собственно функциональной лингвосинергетики было положено Евгенией Витальевной Пономаренко и продолжено в трудах Е.Н. Малюги, А.А. Харьковской, Д.С. Храмченко, И.В. Савиной, А.В. Радюк и других. Среди основных принципов функциональной лингвосинергетики выделяются следующие [Пономаренко 2004, 2006; Khramchenko 2015]:

- анализ самоорганизирующихся процессов языка и дискурса в тесной взаимосвязи, причем самоорганизация понимается как мобилизация функционально-смыслового потенциала всех компонентов текста;
- нелинейность языка и дискурса на фоне нелинейности их внешней среды (истории и коллективного сознания этноса, сознания конкретных коммуникантов и параметров коммуникативной ситуации);
- активное взаимодействие языка и дискурса с внешней средой;
- определяющий характер параметров порядка по отношению к функционированию элементов системы языка и дискурса;
- направленность элементов к аттрактору (коммуникативной цели);
- проявление процессов оптимизации и информационного сжатия в виде тенденции английского языка и дискурса к экономии.

Еще одной особенностью SFL и функциональной лингвосинергетики является тесная связь с прагматикой. Это обусловливает важность интерпретации смысла в зависимости от определенного дискурсивного пространства. Иными словами, функциональная лингвосинергетика

анализирует, каким образом тот или иной смысл, представляющий собой прагма-семантическое целое, формируется языковыми средствами в определенном контексте, какие дополнительные факторы воздействуют на этот процесс. При этом дискурс-анализ прежде всего учитывает коммуникативную ситуацию – погружение языкового пространства в реальность, что определяет коммуникативное использование языка, описание языковых фактов в аспекте человеческой деятельности, отношения между знаком и теми, кто его использует, с акцентом на функции знака [Демьянков 2018; Турбина 2017; Johnson, McLean 2019]. Это способствует поиску коммуникативных параметров языка, обеспечивая не абстрактный обмен информацией, а реальный процесс общения, складывающийся из множества компонентов, которые включают информативный контент и влияют на участников коммуникации и их действия.

Конечной целью использования языка является не просто создание или знание «правильных» лингвистических структур/форм, но формирование желаемого смыслового пространства и решение определенных коммуникативных задач. Поэтому для функциональной лингвосинергетики важна функциональность языка, поскольку без функции структура превращается в малосодержательную схему [Демьянков 2018; Fontaine 2012]. Тем не менее, чтобы эффективно активизировать и анализировать функции языка, необходимо понимать, как он структурирован. Таким образом, системные функционалисты воспринимают язык как социальную семиотическую систему, в которой его значение и форма всегда определяются контекстом, параметрами ситуации и коммуникативными целями участников общения [Matthiessen et al. 2022 b].

Функциональная лингвосинергетика использует различные виды анализа, включая анализ выражения, содержания и контекста. Контекст вносит первостепенный вклад в процесс формирования смысла. Человек говорит и пишет не изолированными предложениями, а значимыми

единицами – текстами, которые создаются в пространстве определенного дискурса и подвержены его влиянию.

2.4.1. Краткая история становления функциональной лингвистики

В данном разделе рассматриваются основные идеи и принципы функциональной лингвистики. Затрагивая в общем виде историю становления функционализма как одного из основных лингвистических направлений, мы очертили свое представление о функциональном подходе к изучению языка, его специфике, методах и средствах исследования.

Как правило, первичной функцией человеческого языка считается его использование для общения. И хотя это в общей сложности невозможно отрицать, некоторые выдающиеся лингвисты отвергают данную точку зрения, придерживаясь мнения о том, что подобная функция языка не имеет непосредственного отношения к его изучению и анализу. Так, например, Н. Хомский утверждает, что человеческий язык является системой средств свободного выражения мысли, по существу независимой от стимульной регуляции поведения, удовлетворения потребностей или вспомогательной цели, считая идею о том, что общение является необходимой или даже существенной функцией языка, заурядной и неактуальной [Chomsky 2005]. Н. Хомский и исследователи, разделяющие его позицию, являются представителями формальной лингвистики.

Однако многие лингвисты придерживаются взгляда на язык как средство, играющее ключевую роль в общении и являющееся центральным объектом для изучения и анализа [Арутюнова 1999; Вишнякова 2002; Карпов 2003]. Сфера таких исследований относится к функциональной лингвистике. В функционализме объяснения языковым феноменам ищут, прежде всего, за пределами самого языка [Вежбицкая 1997; Newmeyer 2000], например, в когнитивных областях (память, внимание, обработка и предположение), в социальных областях (гендерные особенности, уважение и вежливость) или в пространственно-временных и социокультурных контекстах, в которых язык

используется носителями в их повседневной жизни [Matthiessen et al. 2022 c]. В результате большое количество языковых явлений рассматривается как изначально мотивированные, то есть способные иметь объяснение. Это обусловливает достаточно острое различие между функционалистами и формалистами, которые стремятся абстрагироваться от использования языка, первостепенно рассматривая грамматику как нечто автономное и уникальное и занимаясь поиском объяснений только внутри языковой системы.

Противостояние между двумя направлениями лингвистики может приобретать такие формы, что их представители начинают считать противоположные своим взгляды в корне ошибочными и отрицать принципы друг друга. Тем не менее, в последнее время тенденции к категоричному противопоставлению формализма и функционализма теряют свою актуальность. Функциональная лингвистика все больше признается направлением, сочетающим традиции и принципы как формального, так и функционального подходов.

Становление функциональной лингвистики как самостоятельного направления начинается с появлением Тезисов Пражской школы [Prague Linguistic Circle 1983] и, в частности, различных работ чешского ученого В. Матезиуса (см., например, [Mathesius 1983 a, 1983 b]). Уже тогда был сформулирован основной принцип, которым функционалисты оперируют и сегодня: при анализе языка как средства выражения или общения именно намерение говорящего может способствовать разъяснению его функции. С точки зрения функционализма язык – это система целенаправленных средств выражения. Ни один факт языка не может быть понят без учета системы, к которой он относится [Prague Linguistic Circle 1983].

Основатели Пражской школы сосредоточились на изучении клаузы, а именно на том, каким образом посредством динамически построенного предложения происходит осуществление намерения говорящего и достижение его коммуникативных целей. Считалось, что предложение начинается с отправной точки (тема) и заканчивается в коммуникативном

событии (рема). Фундаментальный момент, который имел важные последствия для некоторых отраслей функциональной лингвистики, заключается в том, что тема может соответствовать или не соответствовать предмету коммуникативной ситуации; это же актуально и для ремы и предиката.

В последующие годы в чешской лингвистике появляется подход под названием «коммуникативный динамизм», рассматривающий клаузу как постепенно наращивающую динамизм развертывания по мере ее продвижения от начальной точки к кульминации. Придерживаясь динамического взгляда на построение предложения, Пражская школа также учитывала формы, возникающие в результате использования языка и составляющие смысловую систему.

Представители лингвистического функционализма не отрицают важность изучения языковой системы как структуры, но подчеркивают необходимость привлечения анализа функций, которые выполняют ее элементы. На основе этого появляется один из основополагающих принципов функциональной лингвистики, согласно которому цель лингвистического анализа заключается в установлении связи между структурой и функцией – структурно-функциональные теории [Butler 2003 a, 2003 b; van Valin 1993, 2004]. Структура отождествляется с лексико-грамматической конструкцией, которая позволяет формулировать и кодировать наши коммуникативные намерения.

Следует отметить, что некоторые функционалисты ставили под сомнение или даже опровергали пражский вывод о том, что результатом использования языка является структура. Однако поддерживалась точка зрения, согласно которой структура грамматической конструкции рассматривалась в непрерывном процессе развертывания [Hopper 1992]. Акцент в данном случае делается исключительно на динамике дискурса, в котором происходят процессы грамматикализации и постепенное изменение роли лексических единиц.

Некоторые функционалисты используют формальные представления Пражской лингвистической школы в своих исследованиях, но без учета предпосылок и особенностей генеративного формализма [Dik 1986, 1997; Hengeveld, Mackenzie 2008; van Valin, LaPolla 1997]. Преимущество формализации, с их точки зрения, заключается в возможности установить явные, функционально обоснованные гипотезы о структуре языка. Принципы формализма применяются в данном случае в функциональном ракурсе.

Многие функционалисты предпринимали попытки объяснить различия внутри системы языка и между языками с точки зрения взаимодействия нарушаемых принципов, а не действия исключительных правил, то есть дать своеобразное функциональное объяснение. Под функциональным объяснением синхронического или диахронического лингвистического феномена, например, С. Дик, автор функциональной грамматики, понимал определенное утверждение, указывающее на принципы, которые повлияли на возникновение этого феномена и которые в значительной степени относятся к любому из функциональных условий, налагаемых на естественные языки [Dik 1997]. В случаях, где действует более одного такого принципа с различными ориентациями и эффектами, можно говорить о «конкурирующих мотивациях» [Butler 2003 a: 14]. С этой точки зрения, альтернативы в языковой системе возникают из-за привязки различных приоритетов к одним и тем же принципам. Таким образом, языковые формы возникают в результате взаимодействия независимых ограничений, являющихся универсальными и внутренне присущими. Языки отличаются тем, как эти ограничения соотносятся между собой.

Еще одним важным принципом функционального направления является принцип использования, согласно которому факторами, ограничивающими и объясняющими распределение информации, являются «общераспространенные когнитивные процессы» [Bybee 2010: 7], то есть процессы, не специфичные для языка. Самым фундаментальным из них является категоризация, как правило, с применением прототипов. Подобная

позиция приводит к преуменьшению значения языковой системы как монолитной структуры. Как полагает Дж. Байби, связь языка с другими областями науки превращает объект лингвистического исследования в «сложную адаптивную систему», в которой независимые механизмы создают иллюзию структуры [там же]. То, что некоторым исследователям (особенно в формальной лингвистике) казалось автономной структурой, с этой точки зрения представляет собой совокупность процедурных знаний, которые сформировались в результате рутинизации и группирования задач. Это определяет тесную связь функциональной и когнитивной лингвистики, что создает своего рода многомерное пространство. Многие лингвисты сходятся во мнении о невозможности жесткого разграничения этих двух направлений и даже говорят о существовании когнитивно-функциональной лингвистики [Gonzálvez-García, Butler 2006; Matthiessen et al. 2022 c; Nuyts 2007].

Функциональные лингвисты сосредотачивают внимание на объяснении особенностей употребления той или иной языковой структуры с учетом экстралингвистических факторов. Поэтому можно говорить о взаимодействии функциональной лингвистики с прагматикой, в частности, с теми областями прагматики, которые связаны с контекстной интерпретацией смысла отдельных высказываний и дискурса в целом. Функциональные лингвисты прибегают к терминам прагматики при описании различий в приемлемости или интерпретации предложений, которые с точки зрения репрезентативного значения являются идентичными. При построении функциональных моделей это часто отражается в появлении отдельных модулей или уровней анализа для семантической (или идеальной) и прагматической (или интерперсональной) системы. Функционалисты пытаются разобраться в расхождениях формулировок с точки зрения различных намерений говорящего/пишущего, стремясь отследить мотивы, стоящие за выбором той или иной языковой формы в определенной речевой ситуации.

Также прослеживается связь функционализма с типологической лингвистикой. Хотя основная деятельность типологов связана с классификацией языков по структурным типам, за счет чего может показаться, что она в основном носит формальный характер, в типологическом направлении существует явная тенденция объяснения моделей и структур с точки зрения их функций [Nichols 2007]. Функциональные типологи утверждают, что адекватное описание должно соответствовать истине описываемого языка и основываться на межъязыковом и функциональном анализе [Haspelmath 2014].

Наконец, следует отметить некоторую связь функционализма с психолингвистикой. Она заключается в том, что говорящий пытается отразить прагма-семантическое содержание высказывания в надлежащих лингвистических формах с учетом физических и психологических свойств пользователя языка (память, способность обработки информации и планирования) в его/ее социальном и историко-культурном контексте [Борботько 2009; Матвеева 2017; Bates, MacWhinney 1989]. Лингвистические формы рассматриваются как содержащие подсказки, которые адресат использует для выбора наиболее адекватной интерпретации.

Приведенное описание функционализма показывает его разнообразие. В то же время очевидна приверженность функционалистов общим принципам и методам анализа. Обладая схожими и отличительными характеристиками, функциональная лингвистика подразделяется на несколько направлений, которые так или иначе уже затрагивались. Рассмотрим их более детально.

2.4.2. Основные направления в современном функционализме

В рамках функциональной лингвистики существует четыре основных подхода: функционализм западного побережья, референциально-ролевая грамматика, функциональная грамматика дискурса и системная функциональная лингвистика.

2.4.2.1. Функционализм западного побережья

Представители данного направления – Дж. Байби, У. Крофт, П.Дж. Хоппер, С.А. Томпсон и др. – в своих исследованиях опираются на теорию использования языка в сочетании с принципами грамматики конструкций. Одной из выдающихся фигур является Т. Гивон, создавший адаптивный подход к грамматике, чем внес значительный вклад в развитие лингвистического функционализма. Адаптивный подход подчеркивает эволюцию языка, в частности, появление все более сложных механизмов кодирования как у индивидуума, так и у общества в целом. Исследование грамматики опирается на «теорию сознания», что обусловливает анализ «постоянно меняющихся эпистемических и деонтических состояний» партнеров по диалогу [Givón 2010: 36]. Основное внимание в адаптивном подходе уделяется определению того, как понимать эффективность и автоматичность грамматики, основанной на независимых принципах познания и нейробиологии.

2.4.2.2. Референциально-ролевая грамматика

Анализируя, прежде всего, семантические роли и систему дискурса, референциально-ролевая грамматика на самом деле обращается к гораздо более широкому спектру проблем. Представители данного направления сформулировали полноценную теорию морфосинтаксической и семантической структуры естественных языков (см., например, [van Valin 2004; van Valin, LaPolla 1997]). Ряд характеристик данного направления объединяет его с функциональной грамматикой, в том числе с функциональной грамматикой дискурса.

Референциально-ролевая грамматика предлагает детализированную типологию межклаузальных отношений, которые образуют непрерывный ряд, начиная от пропозиционального соединения, в котором компоненты являются отдельными событиями и для которого типична наименьшая степень связности, и заканчивая ядерным соподчинением с более тесной

связью, где два компонента являются аспектами одного события. Одним из главных принципов рассматриваемого подхода является возможность наложения прагматики дискурса на синтаксис и семантику. Принципы референциально-ролевой грамматики нашли также применение в психо- и нейролингвистике.

Таким образом, функционализм пытается учитывать взаимопроникновение функций и структур, стремясь максимизировать функциональный анализ языковой системы, признавая при этом существование и коммуникативные преимущества традиционных элементов этой структуры.

2.4.2.3. Функциональная грамматика дискурса

Функциональная грамматика дискурса возникает как продолжение функциональной грамматики, разработанной С.К. Диком и его последователями. Данный подход в первую очередь ориентирован на отдельное предложение и анализирует его через совокупность лежащего в основе семантического выражения и мотивированных им грамматических свойств [Воейкова, Казаковская 2019]. То, что традиционная функциональная грамматика не учитывала воздействие факторов дискурса на морфосинтаксическую структуру, послужило предпосылкой для создания функциональной дискурсивной грамматики. Новое течение предлагало четырехмодульный анализ: два уровня представления семантического содержания и межличностной прагматики/риторики и два уровня кодирования морфосинтаксиса и фонологии. При этом межличностный уровень принимался в качестве отправной точки [Hengeveld, Mackenzie 2008].

Функциональная грамматика дискурса сохраняет значительную ориентацию на типологию, присущую функциональной грамматике. В то же время представители этого направления фокусируют внимание на общей интеграции дискурсивных (субъективных) факторов в грамматику.

2.4.2.4. Системная функциональная лингвистика

Данное направление, как отмечено выше, появилось благодаря М. Хэллидею. Основным понятием системной функциональной лингвистики является «смысл», а язык рассматривается как система, состоящая из как минимум четырех слоев: фонологии, лексико-грамматики, семантики и контекста. Каждый последующий слой реализует предыдущий. Кроме того, язык понимается как потенциальное значение, которое репрезентируется в отдельных текстах в виде регистров (то есть типологии текстов), что позволяет сделать выводы о системе вариантов, доступных пользователю языка [Halliday, Matthiessen 2013]. Эта система структурирована как набор «системных сетей», представляющих варианты выбора в соответствии с тремя метафункциями:

- идеальная метафункция – включает в себя варианты, связанные с опытом, и отражается прежде всего в семантической структуре предложений;
- межличностная метафункция – связана с выбором речевых ролей (говорящий, слушающий), типа повествования (декларативный, вопросительный и т.д.) и соответствующих лексических средств;
- текстовая метафункция – связана с управлением пространства дискурса, охватывающего данную/новую информацию, начальную позицию предложения (тему), а также грамматическую и лексическую связанность.

Системная функциональная лингвистика представляет собой функциональную теорию языка, принимающую во внимание контекст, регистр и жанр.

2.4.2.5. Консервативный, умеренный, экстремальный функционализм

Функционализм также подразделяется на консервативный, умеренный и экстремальный [Nichols 1984]. Консервативный подход просто признает

неадекватность строгого формализма или структурализма, не предлагая, тем не менее, новой схемы анализа структуры. Консервативный функционализм стремится дополнить стандартный формальный анализ функциональными принципами, создавая тем самым дополнительный функциональный «компонент» или «модуль» в грамматике [Kuno 1987; Prince 1981].

Умеренный подход указывает на неадекватность формалистического или структуралистского анализа, но занимается функциональным анализом структуры и, следовательно, заменяет или изменяет устоявшееся формальное или структурное описание. Теории умеренной функциональности (например, функциональная грамматика и референциально-ролевая грамматика) отвергают концепции жестко детерминированной (фиксированной) грамматической структуры, которые лежат в основе формальных теорий, но каждая предлагает свой взгляд на структуру. Однако они не отрицают формальной обоснованности понятия структуры как таковой и не утверждают, что вся грамматическая структура сводится к дискурсивной структуре или некоторым другим функциональным понятиям. Скорее, они рассматривают грамматическую структуру, в значительной степени зависящей от семантики и прагматики, и исследуют взаимодействие структуры и функции в языке.

В рамках умеренного функционализма язык рассматривается в первую очередь как инструмент для коммуникативного речевого взаимодействия, а различные свойства естественных языков объясняются, где это возможно, в терминах условий, налагаемых их использованием. Следовательно, языковая система не является автономным набором правил и принципов, использование которых можно анализировать только на вторичной фазе. Наоборот, правила и принципы, составляющие языковую систему, могут быть адекватно поняты, когда они проанализированы с точки зрения условий использования. В этом смысле изучение использования языка (прагматика) предшествует изучению формальных и семантических свойств языковых выражений [Dik 1991].

Во-вторых, язык считается системой коммуникативного социального действия, и, соответственно, анализ коммуникативных функций грамматических структур играет важную роль в грамматическом описании и теории. С этой позиции грамматическая структура может быть воспринята только со ссылкой на ее семантические и коммуникативные функции. В терминах абстрактных парадигматических и синтагматических отношений, которые определяют структурную систему, функционализм занимается не только отношениями совпадения и комбинации в строго формальных терминах, но также семантическими и прагматическими сочетаниями и комбинаторными отношениями [van Valin 1993: 2].

Экстремальный функционализм отрицает, так или иначе, реальность структуры как таковой и утверждает, что правила использования языка полностью основаны на функции и, следовательно, нет чисто синтаксических ограничений; структура является только закодированной функцией или чем-то подобным [Nichols 1984: 102]. Экстремальный функционализм отвергает обоснованность любого понятия структуры, кроме понятия дискурсивной структуры, и стремится радикально свести грамматику к дискурсу [Hopper 1992]. С этой точки зрения, грамматика в значительной степени мотивируется дискурсом, что приводит даже к отказу от семантики как от необходимой части лингвистических исследований, в которых она понимается как изучение значения форм, независимых от их дискурсивных функций. Экстремальный функционализм отказывается от базовой концепции языка Ф. де Соссюра как структурной системы, которая лежит в основе структурной и генеративной лингвистики, а также консервативного и умеренного функционализма.

Промежуточную позицию между умеренным и крайним функционализмом занимает системная функциональная лингвистика, придерживающаяся строго дискурсивно-ориентированного взгляда на язык, но тем не менее не отрицающая ни реальности структуры языка, ни принципов современной лингвистики, разработанных еще в теориях Ф. де

Соссюра. Системная функциональная грамматика – это аналитическая модель «сверху вниз»: от дискурса в целом к более низким уровням грамматической структуры. Так, например, М. Хэллидей и его последователи придерживаются положения о том, что полное объяснение языковых явлений можно найти в использовании языка [Halliday, Matthiessen 2013]. Системная функциональная лингвистика меньше занимается вопросами грамматики предложений, чем функциональная грамматика и референциально-ролевая грамматика, и больше касается структуры дискурса (так называемого большого синтаксиса). Ориентация на язык в рамках данного подхода как на социальный, а не индивидуальный, феномен позволяет найти объяснения языковых явлений в большей степени с социологических, чем с психологических позиций.

Итак, исследования консервативных функционалистов позволили получить важную информацию о прагматической природе многих синтаксических ограничений, хотя они и не затрагивали ключевой вопрос о природе структуры в языке, поскольку придерживались генеративного описания структуры. Экстремальные функционалисты описали ряд важных особенностей структуры дискурса, информационного потока и функций дискурса. При этом они отвергали понимание языка как структурной системы и, подобно консервативным функционалистам, не исследовали природу языковой структуры как таковую. Умеренные функционалисты пытались решить сложную задачу, предлагая альтернативные концепции языковой структуры и разрабатывая объяснительные теории.

Функциональные подходы являются в некотором роде альтернативными, однако предложенные ими принципы исследования не опровергают, а дополняют друг друга и способствуют разностороннему изучению:

- объекта исследования (дискурса, текста, грамматических структур);

- типов используемых данных (данных корпуса, экспериментальных данных, интуитивных суждений, грамматических примеров);
- языка как системы;
- применения в исследованиях принципов других направлений лингвистики (когнитивной лингвистики, грамматики конструкций и типологии языка) или других смежных дисциплин (социологии, психологии, антропологии, педагогики).

2.5. Объект исследования функциональной лингвистики. Функциональный анализ. Коммуникативные функции языка

Говоря о языке, исследователи признают в качестве его основной функции общение. В традиционных описаниях общение понимается как передача смысла сообщаемого (информации) от одного участника коммуникации к другому (или другим). Передаваемый смысл высказывания затрагивает некое положение вещей, реальное или воображаемое. Происходит описание ситуации в целом, конкретных отношений коммуникантов в этой ситуации, а также выдвигаются предположения (прогнозирование) о ее дальнейшем развитии. Подобным образом выстраивается лингвистическое представление о коммуникативной ситуации и лингвистическое поведение коммуникантов.

Язык используется во всех видах речевых социальных взаимодействий (речевых актах). У. Фоли и Р. ван Валин подчеркивают социальную природу использования языка, считая, что говорение является разновидностью социальной деятельности [Foley, van Valin 1984]. Поэтому язык рассматривается как один из важнейших компонентов социального взаимодействия человека, приравнивая лингвистическое поведение к социальному поведению [Чупрына 2020; Silverstein 1987; Tantucci 2021].

Следует отметить, что признание общения как основной функции языка не предполагает, что все виды использования языка обязательно являются коммуникативными. Как утверждают У. Фоли и Р. ван Валин, вполне могут встречаться случаи речевого поведения, которые не являются коммуникативными, но это, тем не менее, не подрывает фундаментальный функциональный принцип о том, что понимание структуры языка требует понимания функций, которые он может выполнять [Foley, van Valin 1984]. Таким образом, функция передачи пропозициональной информации, то есть лингвистического описания ситуации, является лишь одной из многих коммуникативных функций языка. Разнообразные функции языка образуют его разветвленную структуру.

Функциональная лингвистика предполагает рассмотрение функций языка с двух основных позиций – прагматической перспективы и дискурсивной перспективы. Первая точка зрения фокусируется на значении и условиях надлежащего использования различных речевых актов [Протасова 2015; McSweeney 2018]. Например, высказывание *Can you pass the salt?* по своей структуре представляет собой вопросительное предложение и его буквальное значение можно перефразировать как *Are you able to give me the salt?*, что, по сути, подразумевает физическую способность адресата дать говорящему соль. Тем не менее, подобные структуры, как правило, не заключают в себе вопрос, они воспринимаются как просьба или требование (косвенный речевой акт). Поэтому если адресат просто ответит *Yes*, не передавая говорящему соль, такой ответ будет считаться неуместным, грубым (или даже оскорбительным) и несоответствующим коммуникативной ситуации. Объяснить, как предложение определенного структурного типа (в нашем случае – вопросительного) и четким буквальным значением может интерпретироваться в контексте как другой тип речевого акта с иным значением позволяют теория речевых актов Дж. Серла и теория логики общения Г. Грайса.

Дискурсивная перспектива касается построения дискурса и того, как прагма-семантические механизмы способствуют продвижению к цели общения [Козлова 2019; Crible, Blackwell 2020]. В качестве простого примера можно рассмотреть проблему отслеживания референтов в дискурсе. Когда говорящий создает текст о ситуации, содержащей несколько референтов, происходит их кодирование, причем таким образом, чтобы слушающий мог разделять их и отслеживать, если они появляются в более чем одной ситуации [Корниенко 2019; Philipsen 2018].

Как мы видим, функциональная лингвистика анализирует формы на основе коммуникативных функций, которые они выполняют, а функции – с учетом специфики средств, которые используются для их выполнения. Сложное взаимодействие между формой и функцией в языке является основным направлением исследования функциональной лингвистики.

2.6. Функциональная специфика английского дискурса в перспективе лингвистических исследований

В традиционной лингвистике основной единицей выражения, как правило, считалось предложение. Однако постепенно фокус исследований смещается в сторону анализа текста и дискурса, которые начинают рассматриваться в качестве базы для понимания использования языка и становятся объектом изучения. Это значительно меняет направленность исследований от проведения анализа исключительно в рамках изолированного предложения к изучению формы и значения высказываний в контексте. Переключение внимания на дискурс имеет ряд объективных обоснований. Во-первых, большинство исследователей сходится во мнении, что высказывание представляет собой нечто большее, чем одно предложение, и что дискурс в большей степени, чем предложение, связан с реальностью [Бабаян 2017; Макаров 2003; Чернявская 2002; Cresswell 2019]. Кроме того, в рамках одного предложения может сохраняться неоднозначность, тогда как в

дискурсе двусмысленность устраняется путем узкого и широкого контекстуального окружения.

Как известно, задача лингвистов до появления анализа дискурса преимущественно состояла в изучении структуры и формы языка без особого учета контекста и других факторов, формирующих смысл. С появлением теории дискурса лингвисты больше фокусируются на функции языка, чем на его форме. Поэтому можно сказать, что традиционная лингвистика нацелена на представление языка с позиций более формального и экспериментального подхода, тогда как дискурсивные исследования ориентированы на функциональный подход. Исследователи соглашаются с тем, что полноценное лингвистическое описание должно выходить за рамки предложения и что существуют определенные значения и аспекты языка, которые не могут быть правильно поняты, если их изучение ограничено синтаксическим анализом предложений [Halliday 2006]. Существует общее убеждение, что «дискурсивность» основана на возможности соединять сегменты текста для формирования связного сообщения [Aleksandrova 2018; Hofstetter 2020].

Переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса означает очевидное изменение приоритетов объекта исследования и внедрение новых методов его исследования. Различие между понятиями *текст* (формально законченная целостная структура) и *дискурс* (актуализированная структура) обусловливает разграничение методов анализа потенциального содержания (структурно-ориентированный анализ) и фактического контент-анализа (контекстно-ориентированный анализ). В результате происходит существенное обогащение методологической базы рядом методов, процедур и инструментов, благодаря которым становится возможными разложение предмета исследования и его последующая интеграция с целью понимания его структуры, свойств и особенностей функционирования.

Разнообразие методов, техник и моделей дискурсивных исследований и их сочетание приводит к определенной синергии, которая предполагает не

просто совокупность подходов, а синтез, интеграцию, нацеленные на поиск нового в соответствующем объекте и фактически выявление нового объекта.

Все вышесказанное в очередной раз подтверждает актуальность изучения дискурса и неослабевающий интерес лингвистов к этой области.

2.6.1. Понятие дискурса

Понятие *дискурс* настолько многогранно, что до сих пор не достигнуто единого мнения о его сущности. Так, дискурс понимается как высказывание, как языковая единица, выходящая за пределы предложения [Angermuller 2015; Schiffrin 1994; Stubbs 1983]); как семантическая единица, единица не формы, а значения [Карасик 1998; Арутюнова 2000; Halliday 2006]. В лингвистическом словаре “Key concepts in language and linguistics” серии Palgrave ‘Key concepts’ дается следующая дефиниция: «Discourse is one of those elastic terms that one sometimes encounters in linguistics. It’s often used quite loosely to mean any sequence of language in written or spoken form larger than a sentence. The distinctive aspect of ‘discourse’, however, is that it stresses the communicative dynamics of language. In this sense analysing discourse means investigating all those features that are part of the total communicative act: context of utterance, tenor of relationships, mode of discourse, and so on” [Finch 2005: 215].

Дискурс также определяется через понятия *речь*, *разговор*, *общение*, то есть определенный жанр, сосредоточенный на мысли в ее развитии, процесс общения, материальную конструкцию и структуру (формат) речевой деятельности [Ирисханова 2011; Кубрякова 2000; Родина 2018]. Как правило, при анализе дискурса исследователи фокусируются на двух аспектах: содержании и форме, то есть на идее фактического и потенциального, лингвистического и экстралингвистического [Арутюнова 2000; Хайруллина 2018; Shmeleva 2019].

Лингвистический энциклопедический словарь рассматривает дискурс как текст в сочетании с контекстом, включающий в себя

паралингвистический фактор и охватывающий три основных компонента – прагматический, когнитивный и психический (процесс обработки дискурса как средства реализации цели (целей) общения) [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Поэтому можно утверждать, что прагмалингвистика, когнитивная лингвистика и исследования функционального синтаксиса выступают в качестве прямых компонентов теории дискурса как ее источников.

Термин *дискурс* (*discourse*) происходит от латинского *discursus* – *разговор, речь*. Этот термин был введен в активное использование З. Харрисом. Он рассматривал дискурс как следующий уровень в иерархии морфем, предложений и клауз. Функционалисты критически относились к этой точке зрения, утверждая, что единицы, используемые людьми в их речи, имеют семантическое и интонационное оформление, но не обязательно синтаксическое, и поэтому не всегда могут быть отнесены к категории предложений (см., например, [Foucault, Smith 1982; Chafe 1994]).

Дискурс – это речь, сфокусированная на теме/темах общения в их развитии, подчиненная определенным формальным правилам и конкретной ситуации общения. Однако существование большого разнообразия правил и вариантов их реализации в живом общении доказывает нецелесообразность отождествления понятий *дискурс* и *речь*. Они могут пересекаться в значениях, но оставляют большой потенциал за пределами точки совпадения. Понятие дискурса меняет фокус внимания, повышает важность аналитического мышления, заставляет по-другому взглянуть на феномен речи.

Согласно постулатам функциональной лингвистики, язык и общество не могут считаться независимыми, поэтому при изучении дискурса внимание уделяется не только смысловому контенту, но и когнитивному, культурному, социальному аспектам [Карасик 1998; Магировская, Дубровская 2018; Jelec 2021; Johnson, Mercer 2019]. Поэтому термин *дискурс* также применяется в качестве подхода к изучению социального взаимодействия и

понимается как сложное коммуникативное событие, которое включает в себя участников общения (автор дискурса, реципиент), параметры коммуникации (время, место, обстоятельства), сочетание вербальных и невербальных средств (жестов, мимики и т.д.) и особенности контекста. Дискурс может обозначать достигнутый или текущий «продукт» коммуникативного акта, его письменный или устный результат [van Dijk 1998].

Подтверждение идеи о том, что дискурс представляет собой связную языковую единицу, превышающую предложение, находим и у Д. Кристалла. Он так же противопоставляет дискурс тексту, обосновывая это тем, что анализ дискурса сосредотачивается на структуре естественного разговорного языка (например, беседа, интервью, комментарий), тогда как анализ текста фокусируется на структуре письменного языка (художественные и научные произведения, эссе, заметки). Но это различие не является абсолютно четким [Crystal 2008].

Итак, дискурс используется для описания расширенной части языка, выходящей за пределы предложения. Анализ дискурса – это не только понимание того, как предложения соединяются между собой, но и то, как они выражают свойства, отражающие организацию, согласованность, риторическую силу, тематическую направленность и т.д.

При анализе дискурса немаловажная роль отводится реальному общению и когнитивным процессам, поскольку адекватное функционирование языка и понимание языковых единиц, используемых в дискурсе, возможно именно в рамках определенного контекста и конкретной коммуникативной ситуации [Макаров 1990; Ahmad 2016; Laşcu, Gherlovan 2021].

Дискурс представляет собой определенный набор контекстуализированных языковых единиц, реализующий цели и функции языка в реальном общении [Johnstone 2018; Schiffrin 1994]. Это придает дискурсивным исследованиям семантический и прагматический характер. Построение дискурса зависит от многих аспектов использования языка, в том

числе и в социальном контексте, поскольку он передает широкое значение посредством языка, использование которого определяется социальными условиями, теми, кто его использует и при каких обстоятельствах, соединяя наш языковой, личный и социальный опыт [Карасик 2016; van Dijk 2015; Kecskes 2010]. Формирование дискурса обусловливается личным и социальным опытом участников коммуникации, их жизненным опытом и знаниями, а взаимопонимание можно рассматривать как фактор адекватного построения дискурса и реализации успешного общения [Красных 1999; Clark, Henetz 2014; Renkema, Schubert 2018]. Основой для адекватной коммуникации, таким образом, является общность взглядов, знаний и убеждений участников коммуникации. Это еще раз подтверждает идею о том, что дискурс является чем-то большим, чем просто сообщение между отправителем и получателем.

Изучение дискурса полностью зависит от контекста, поскольку коммуникация обусловлена конкретными ситуационными обстоятельствами и не сводима к значению употребляемых языковых единиц. Как правило, общий смысл складывается на основе высказываний, но с учетом множества семантических и прагматических факторов, вовлекаемых в речевой акт. Дискурс может включать в себя дополнительную общую информацию или знания, которыми обмениваются говорящий и слушающий [Черняевская 2017; Bloor, Bloor 2015; Bybee 2010]. Каждая из контекстных переменных как реализует, так и реализуется в зависимости от конкретных смыслов, выраженных в дискурсе.

Кроме того, пространство дискурса соотносится с межличностным взаимодействием участников коммуникации, которое определяется с точки зрения речевых функций (предоставление/требование информации), выражения модальности (вероятность, универсальность, обязательство, склонность), отношения (эмоции и мнения) и вовлеченности (межсубъективное позиционирование). Это определяет особую роль говорящего/пишущего и приводит к трактовке дискурса как авторского или

субъективного повествования. Фокусирование на субъективном содержании позволяет также учитывать специфику интерпретации смысла высказывания реципиентом. Как подчеркивает В.З. Демьянков, в процессе интерпретации воссоздается – «реконструируется» – мысленный мир, конструируемый автором дискурса и описывающий реальное и нереальное (желаемое) и т.п. положение дел, детали и оценки которого в значительной степени зависят от домысливания со стороны интерпретатора, его жизненного опыта [Демьянков 2002].

Подобный ракурс позволяет понимать дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими – факторами» [Арутюнова 2000: 136], «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков 2002: 32], а дискурс-анализ – как восстанавливающий «динамику мысли и способы ее экстериоризации с помощью языковых форм» [Кубрякова, Александрова 1999: 194], или, иначе, – воссоздание инкорпорированных в текст «мысленных моделей» (“mental models”), по Т.А. ван Дейку [van Dijk 2011]. Такая трактовка дискурса проистекает из традиционно выделяемых в зарубежной лингвистике понятий – так называемого “little-D” (дискурс в собственно лингвистическом понимании: “recorded and transcribed talk or text, where excerpts are used to make scholarly arguments”) и “big-D” (дискурс в широком смысле слова: “complex social practices such as education or business”) [Tracy, Craig 2010: 147-148].

Здесь становится очевидной феноменология дискурса, предполагающая конструирование в дискурсе реальности через процессы (процедуры) интерпретации значений и смыслов реципиентом на основе его/ее образования, культуры, опыта, представлений и индивидуального восприятия объекта речи и текста в целом. Дискурс, тем самым, предстает как объект, созданный автором, со сложной структурой и множеством значений и смыслов, раскрытие и понимание которых зависит от активности и

вовлеченности адресата, его жизненного опыта [Барышников 2011; Тимощук, Тимощук 2020]. Поэтому дискурс анализируется с точки зрения описания его объективно наблюдаемых параметров через интерпретационную призму модального сознания (термин М.Л. Макарова) реципиента. Правомерность привлечения к анализу дискурса сознания адресата можно объяснить тем, что, как утверждает Л. Теньер, в сознании (или подсознании) любого коммуниканта по мере приобретения жизненного опыта и опыта общения неизбежно формируются те или иные представления о вероятных и допустимых вариантах смыслового взаимодействия высказываемых суждений [Теньер 1988].

Для данного исследовании, помимо названных характеристик дискурса, фундаментальное значение имеет свойство его системности, причем не жестко детерминированной (что невозможно для живого речевого процесса), а динамической системности, то есть способности дискурса развертываться в ходе коммуникации как построение, с одной стороны, подчиняющееся устойчивым правилам языковой системы, а с другой, порождающее множество комбинаций языковых элементов и, соответственно, множество комбинаций разных смыслов, но при этом удерживающее дискурс в том диапазоне вариативности, который не срывает продвижение к коммуникативной цели говорящего или пишущего. Поэтому мы принимаем трактовку дискурса именно как системы в следующей дефиниции: **система дискурса** – это самоорганизующаяся система смыслов дискурса, формируемая через их речевое выражение и синергийно мобилизующая функциональный потенциал всех элементов на пути к аттрактору (коммуникативной цели, содержанию-намерению автора) [Пономаренко 2015]. Формирование смыслового пространства дискурса и обеспечение динамики системности дискурса обусловливаются функциональными, то есть прагма-семантическими, свойствами речи.

Понятие дискурса может также применяться для обозначения конкретных контекстов использования языка, и в этом смысле он трактуется

как жанр или тип текста. Например, можно говорить о политическом дискурсе (язык, используемый в политическом контексте) или медиа-дискурсе (язык, используемый в СМИ) и т.д. [Александрова 2017 а; Малюга и др. 2020; Харьковская, Кривченко 2017].

Таким образом, анализ трактовок понятия *дискурс* позволяет обозначить следующие основные трактовки этого термина:

- в широком (философско-методологическом) смысле дискурс – это 1) тема (разнообразие тем в их взаимосвязи и развитии); 2) общение; 3) сфера деятельности;
- как лингвистический объект дискурс представляет собой 1) предложение; 2) текст в своем жанровом представлении, организованный по определенным формальным правилам (причем при определенных условиях одно предложение и даже одно слово может функционировать как текст); 2) разговор или речь с точки зрения организации, формы, оформления, развития; 3) материальная форма воплощения деятельности, структура (формат) речевой деятельности; 4) функционирование речи в определенном контексте;
- как вид деятельности дискурс основывается на когнитивных процессах автора и реципиента, подразумевает непосредственное взаимодействие коммуникантов, фокусируется на содержании общения, ориентированного на тему разговора и ее дальнейшее развертывание;
- как система дискурс представляет собой сложную иерархическую открытую нелинейную самоорганизующуюся структуру, охватывающую не только разные слои, части и элементы, но и различные отношения (связи) между ними, их взаимодействие внутри и вне системы.

Очевидна комплексность дискурса как системы, поскольку формирование его пространства зависит от ряда факторов, например, от

характера языка/речи, контекста взаимодействия партнеров по коммуникации, системы социальных знаний и отношений и т.д.

2.6.2. Подходы к изучению дискурса

Понимание дискурса во многом зависит от той научной парадигмы, в рамках которой осуществляется его изучение. Так, например, представители формального подхода рассматривают дискурс как речевую проекцию языка, выраженную языковыми средствами [Звегинцев 1976; Stenström 1999; Stubbs 1983]. В рамках функционального подхода подчеркивается речевая природа дискурса, его корреляция с более широким социокультурным контекстом, и фокус внимания направлен на изучение взаимосвязи форм (высказывания и их компоненты) и их функций [Brown, Yule 1983; Fasold 1990; Schiffrin 1994]. Формально-функциональное направление делает акцент на анализе смысла (замысла, идеи, намерения) и взаимодействия компонентов системы дискурса (как формальной, так и функциональной) [Clark 1996; Drew 1995; Renkema 1993]. Учитывая структуру и содержание дискурса, данные подходы также анализируют особенности языковых единиц.

Еще одним подходом к изучению дискурса является деятельностно-ориентированная парадигма, в рамках которой дискурс определяется как речевая деятельность, приводящая к созданию устных и/или письменных текстов [Богданов 1990]. Дискурс представляет собой текстовую реальность, обладающую грамматическими, семантическими и когнитивными структурами. Элементы, составляющие эти структуры, называются категориями контента – ситуация (события), участники, условия (обстоятельства) [Богданов 1990; Демьянков 1982; Щерба 2004; Tannen 2007]. Кроме того, поскольку дискурс рассматривается как деятельность, внимание при анализе уделяется также его функциям как социальным (коммуникативным), так и когнитивным [Арутюнова 2000; Кашкин 2010; Магировская, Дубровская 2018]. Таким образом,

деятельностно-ориентированный подход трактует дискурс как целенаправленное социальное взаимодействие людей на основе когнитивных процессов. Социальная составляющая дискурса включает такие аспекты как знание, социальные отношения и социальную идентичность участников коммуникации; эти аспекты соответствуют трем основным функциям языка [Fairclough 1992, 2015]. Становится очевидным, что при анализе дискурса исследователи не могут ограничиться только формой или лингвистическими факторами; им необходимо уделять равное или большее внимание использованию языка в соотношении с социальными, политическими и культурными аспектами. Дискурс тесно связан с социальной деятельностью и поведением людей и представляет собой определенный тип коммуникативной или социальной деятельности, осуществляемой индивидуумом или социальными группами [Paltridge 1997]. За счет этого фокус внимания направляется на информационные и контекстуальные аспекты дискурса – понятия и идеи, лежащие в основе речевой деятельности.

Представителей когнитивной лингвистики интересуют, прежде всего, правила построения и возможности восприятия коммуникантами определенных речевых структур. Поэтому дискурс в данном случае отражает когнитивные процессы в сознании человека. Как подчеркивают Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, дискурс отражает динамику человеческой мысли и способы ее экстериоризации посредством языковых форм [Кубрякова, Александрова 1999: 194]. Когнитивная лингвистика ставит своей целью объяснение особенностей процесса отражения реальных объектов действительности в сознании человека, опираясь на язык и дискурс [Прохорова и др. 2012].

Как показывает представленный обзор, подходы к дискурсу, хотя и опираются на разные критерии описания, в целом признают его языковой/речевой характер и взаимозависимость от социального аспекта, контекста взаимодействия и социально принятой реальности. Кроме того, благодаря общности взглядов на основные объекты исследования,

разделение между когнитивными и функциональными подходами и более формальными подходами становится менее значимым, хотя продолжают существовать [Knott et al. 2001]. Так, формальная лингвистика и дискурс-ориентированные исследования сосредоточены на семантических теориях (см., например, [Kamp, Reyle 1993; Heim 2008]). Основные проблемы изучаются в рамках небольших фрагментов дискурса, обычно состоящих из сконструированных наборов предложений. Однако в формальной лингвистике все больше внимания уделяется созданию и интерпретации расширенных фрагментов текста [Lascarides, Asher 1993], за счет чего происходит постепенный переход по направлению к когнитивным и функциональным исследованиям, которые фокусируются на структуре дискурса естественного языка [Mann, Thompson 1986; Polanyi 1988] и на когнитивном представлении дискурса в сознании пользователя языка [Лузина 2008; Jelec 2021; Matthiessen et al. 2022 c].

Изучение дискурса также осуществляется с позиций системно-функциональной лингвистики и функциональной лингвосинергетики. Данный подход рассматривает дискурс с учетом языка и его использования (функционирования) и оперирует двумя основными терминами – *текст* и *дискурс*. Сходство двух терминов представители этого направления видят в том, что они относятся к единице языка, превышающей предложение [Селезнева 2014; Серебренникова 2017; Chafe 1993; Matthiessen et al. 2022 b]. В то же время они различны в том отношении, что дискурс представляет собой динамический многомерный процесс, тогда как текст является статическим продуктом этого процесса [Мышкина 1999; Солнышкина и др. 2022; Brown, Yule 1983; Halliday, Matthiessen 2013].

В рамках функциональной лингвосинергетики дискурс понимается как многоуровневая, открытая, нелинейная, динамичная система, находящаяся в постоянном взаимодействии с внешней средой и образующая некую область пересечения трех подсистем – сознания коммуникантов, языковой системы и коммуникативной ситуации [Пономаренко 2006; Khramchenko 2019]. Особое

внимание уделяется изучению функциональных свойств дискурса, поскольку именно функционирование дискурса служит проявлением способности к его самоорганизации как системы. Функциональный подход к дискурсу учитывает анализ как текста, так и контекста, представляющих собой основные элементы высказываний и дискурса в целом.

Специфика дискурса влечет за собой разнонаправленность подходов к его пониманию и направлений исследования. Разнообразие ракурсов изучения дискурса доказывает актуальность этого лингвистического явления, его сложность и многогранность.

2.6.3. Основные характеристики и функции дискурса

К основным характеристикам дискурса, как правило, относят те, которые могут объяснить связность, присущую дискурсу в отличие от случайного набора предложений. Формируя или интерпретируя пространство дискурса, участники коммуникации создают его целостное представление. При этом сам дискурс содержит более или менее явные сигналы, которые управляют этим процессом интерпретации [Воронцова 2018; Дубровская 2021; Givón 1995]. Таким образом, дискурс как языковой феномен включает в себя два центральных понятия: «ментальное представление» и «явные лингвистические сигналы» [Hobbs 1979; Sanders, Spooren 2007]. Понятие связности или согласованности находится в фокусе исследований как в лингвистических, так и в психолингвистических теориях дискурса и текста, поскольку за счет нее становится возможным описать связь между структурой дискурса, когнитивной сферой коммуникантов и процессами формирования и понимания [Магировская, Дубровская 2018; Журавлев 2010; Givón 1995; Johnstone 2018].

Другие аспекты структуры дискурса включают просодию и возникновение так называемых пар смежности, минимальных пар, таких как вопрос-ответ и требование-ответ [Ford et al. 2002].

Главной функцией дискурса является создание основы для формирования восприятия различных объектов реальной (или коструируемой) действительности. Дискурс представляет собой тот фактор, который обусловливает все виды человеческой деятельности и изменения в социальной структуре [van Dijk 2015; Jelec 2021; Johnson, Mercer 2019].

2.7. Дискурс и дискурс-анализ

Понимание дискурса как единицы большей, чем предложение, которое появляется в работах З. Харриса, приводит к ряду прорывных достижений в сфере лингвистики, в том числе к возникновению теории дискурсивного анализа. Согласно З. Харрису, дискурсивный анализ представляет собой метод анализа связной устной или письменной речи за пределами уровня предложения и во взаимодействии с неязыковыми факторами (взаимосвязь лингвистического и нелингвистического поведения).

Структурный подход З. Харриса к дискурс-анализу являлся довольно формальным, поскольку исследование «связного дискурса» подразумевает идеалистическое исследование без учета контекста. Исследователи направляют фокус внимания на то, как лингвистические формы объединяются в шаблоны, а затем предлагают корреляцию между этими шаблонами и различными ситуациями.

В отличие от формалистов функционалисты предполагают наличие корреляции между особенностями отдельных языковых единиц и спецификой самой ситуации [Halliday, Hasan 1976]. Отводя языку центральное место в исследованиях, функционалисты концентрируются на анализе используемого языка, придают бóльшую значимость контексту, чем структуре высказываний, тогда как формалисты изучают в большей степени внутренние текстовые характеристики языка. Функциональный подход к анализу дискурса учитывает всестороннее использование языка, подчеркивая важность коммуникативной событийности, целей коммуникации и функций языка в процессе реализации этих целей, а также ее социальное, культурное и

контекстное содержание [Гак 2009; Александрова 2015; van Dijk 2015; Halliday, Matthiessen 2013; Langacker 2001].

Некоторые лингвисты склонны придерживаться такого подхода к дискурсу, в котором интегрированы как формальная, так и функциональная парадигмы [Leech 2016; Schiffrin 1994]. Сочетание принципов формального и функционального подходов к дискурсу, позволяет исследовать 1) ко-текст или узкий лингвистический контекст; 2) особенности и закономерности использования языка в определенной области или в профессиональных целях; 3) более широкий лингвистический и социальный контексты использования языка. Становится возможным применение лингвистических данных для «описания закономерностей процесса лингвистической реализации и передачи значений и намерений» [Brown, Yule 1983: 5]. Дискурс-анализ используется для изучения внутренней смысловой структуры текста [Демьянков 2019; Хайруллина 2018; de Beaugrande 1997], риторической организации текста и коммуникативного развертывания [Солнышкина и др. 2022, Малюга и др. 2020; Храмченко 2011], степени связности речи и текстовой метафункции [Пономаренко 2015; Чупрына 2020], а также дискурсивных жанров [Александрова 2017 а; Воркачев, Воркачева 2019; Харьковская, Кривченко 2017; Sokolova 2020].

Существует взаимосвязь между дискурсом, анализом дискурса и критическим дискурс-анализом, их даже можно охарактеризовать как дисциплину «три в одном». Частично эти понятия взаимозаменяемы, но, тем не менее, не могут быть абсолютно приравнены друг к другу. В то время как дискурс – это общение, анализ дискурса – это способ анализа общения. Когда анализ конкретного дискурса направлен на выявление системы взглядов, заложенной в этом дискурсе, можно сказать, что он находится в области критического дискурс-анализа. То есть когда слушающий или читающий использует все доступные лингвистические функции для генерации и интерпретации смысла сказанного, дискурс-анализ становится более критичным и превращается в критический дискурс-анализ. Каждый дискурс

образован доминирующими структурами, которые определяются мировоззрением той или иной социальной группы [van Dijk 2015; Wodak, Meyer 2009].

Анализ дискурса учитывает, каким образом говорящий формулирует свое высказывание языковыми средствами (выстраивает дискурс) и с помощью каких языковых сигналов реципиент интерпретирует дискурсивный смысл [Колесов 2020; Матвеева 2017; Brown, Yule 1983]. Как уже неоднократно было сказано, социальный и культурный контекст играет важную роль в создании и понимании общего смысла дискурса. Фактически, именно он определяет значение, которое должно быть передано. К факторам, определяющим формирование дискурса, можно отнести компоненты дискурса, самих собеседников, их дискурсивные роли, их мировоззрение и культуру. Анализ дискурса также рассматривает языковые и неязыковые средства передачи информации для определения и понимания смысла [Болдырев 2017; Гвишиани 2022; Forceville 2020]. В этом заключается его важность. Таким образом, анализ дискурса генерирует данные для изучения на основе наблюдений и интуиции пользователей языка. Это объединяет дискурс-анализ с прагматикой, которая также исследует значения и смыслы в процессе коммуникации.

Учитывая сказанное, можно обозначить основные подходы к дискурс-анализу, согласно которым он:

- рассматривает язык как систему и анализирует ее закономерности;
- учитывая особенности использования языка, рассматривает его как процесс, а не как продукт;
- изучает языковые шаблоны, связанные с определенной тематикой или деятельностью (например, правовой дискурс, политический дискурс, медиа-дискурс и т.д.);
- анализирует языковые шаблоны в более широком контексте (например, социальном или культурном) [Wetherell 2001].

Следует отметить, что указанные направления анализа представляют собой достаточно общие подходы и можно сказать, что каждый исследователь дискурса представляет новые формы анализа, которые расширяют предыдущие взгляды, и поэтому существует столько подходов к дискурсу, сколько существует исследований в этой области. Тем не менее, справедливо признать, что все направления дискурсивных исследований имеют общую основу, заключающуюся в рассмотрении языка как абстрактной системы, и анализируют то, что именно происходит между людьми в процессе лингвистического взаимодействия и каким образом они выражают свои идеи и чувства посредством языка.

Дискурс-анализ также иногда приравнивается к лингвистике текста. Это объясняется тем, что довольно часто термины *текст* и *дискурс* используются исследователями как синонимы. В традиционном понимании, однако, текст обычно ограничен письменным языком, а дискурс – разговорным. Тем не менее, для современной лингвистики типична концепция отождествления текста и дискурса, согласно которой и текст, и дискурс могут быть как устным, так и письменным типом высказывания. Поэтому термины *текст* и *дискурс* иногда используются лингвистами для обозначения одного и того же, что позволяет рассматривать лингвистику текста и анализ дискурса как схожие до определенной степени подходы исследования. В то же время задача лингвистики текста заключается в том, чтобы представить более формальный и экспериментальный подход, тогда как дискурсивные исследования нацелены на применение функционального подхода. Формалисты склонны рассматривать язык как ментальный феномен, а функционалисты видят в нем преимущественно социальный феномен. Но это различие нельзя назвать достаточно четким, поэтому многие исследователи (см., например, [Schiffrin 1994]) применяют в анализе текстов формальный и функциональный подходы. В этом ракурсе анализ дискурса можно рассматривать как всеобъемлющий термин, включающий лингвистику текста и другие подходы, такие как критический дискурс-

анализ, дискурсивная психология и др. Фактически дискурс-анализ является результатом функционального и когнитивного подходов к лингвистике и без них не имеет смысла [Дубровская 2021; Кубрякова 2000; Jelec 2021].

Лингвистика текста уделяет основное внимание исследованию структуры текста, а не контексту, как в случае с дикурс-анализом. Некоторые авторы понимают под текстом «непрерывный процесс семантического выбора» [Halliday 1978: 137], считая, что текст – единственное, что имеет смысл в конкретной ситуации. В ракурсе дискурсивного анализа текст и контекст рассматриваются как два вида информации, которые способствуют коммуникативному продвижению высказывания [Schiffrin 1994; Widdowson 2008]. За счет этого текст понимается как лингвистическое содержание, а контекст – как часть реального мира, в котором люди создают высказывания, что влияет на формирование общего смысла в процессе взаимодействия между собеседниками [Черняевская 2017; Alba-Juez, Mackenzie 2016].

В качестве объекта изучения дискурс-анализ охватывает и высказывания, и текст, и контекст. Таким образом, лингвистика текста представляет собой одно из направлений дискурсивных исследований, задачей которого является описание текстовой части сообщения, а не контекстной. Данная точка зрения подтверждается предложенным Д. Кристаллом определением лингвистики текста как формального изложения лингвистических принципов, регулирующих структуру текстов [Crystal 2008]. С другой стороны, взаимосвязь между этими двумя подходами может рассматриваться как эволюция одного в другой: для многих авторов то, что начиналось как текстовая лингвистика, эволюционировало в то, что мы сегодня называем анализом дискурса или изучением дискурса. Подобной позиции придерживается и Т. ван Дейк, теория которого отражает постепенную «интеграцию» обеих дисциплин – его исследование переросло из изучения грамматики текста в критический дискурс-анализ [van Dijk 2011].

Привлечение в анализ текста социокультурных аспектов и ментальных моделей обусловливает необходимость выхода за пределы текста и фокусирования на различных контекстах коммуникативной ситуации, включая разнообразные стороны человеческого взаимодействия, социальные, психологические и когнитивные факторы [Jelec 2021; Johnson-Laird 2010]. Таким образом, текст начинает восприниматься как функциональная единица, в результате чего становится очевидной актуальность анализа дискурса и целесообразность разработки моделей процессов деятельности участников коммуникации в интерактивных условиях и в реальном времени [de Beaugrande 1997: 61].

Иными словами, анализ текста не сводится только лишь к описанию языковых средств и форм, которые отражают те или иные особенности жизнедеятельности человека, без учета их функций и целей употребления [Brown, Yule 1983]; наоборот, учитываются особенности использования языка как социально обусловленного процесса [Candlin 1997; Johnson, Mercer 2019]. В этом отражена функциональная перспектива анализа дискурса, поскольку он направлен на изучение любого аспекта использования языка [Пономаренко 2013; Fasold 1990]. Становится очевидным, что дискурсивный анализ не может быть сосредоточен только на форме или сугубо лингвистических фактах; необходимо уделять равное или большее внимание использованию языка в отношении социальных, политических и культурных аспектов. Представляя собой открытый эвристический метод исследования, анализ дискурса нацелен на рассмотрение набора тем в любом типе дискурса с учетом всех возможных элементов потенциального значения отрезка дискурса [Johnstone 2018].

Поскольку дискурс-анализ является одной из областей лингвистики, занимающейся изучением использования языка в зависимости от контекста, он пересекается с прагматикой [Barron et al. 2014; Sinkeviciute, Haugh 2021]. Прагматика дискурса и прагматика высказывания представляют собой два взаимодополняющих уровня анализа, соответственно подчеркивающие более

глобальные и более локальные аспекты человеческого взаимодействия [Arundale 2021; Barron et al. 2014]. В то время как последний исследует речевые акты как основные единицы анализа, в рамках первого анализируется, как речевые акты могут объединяться в более крупные единицы. Подобный двухуровневый анализ можно назвать микропрагматикой и макропрагматикой. Некоторые подходы к анализу дискурса носят прагматический характер, поскольку они больше связаны с проблемами взаимодействия и отношений, чем просто с синтаксисом [Турбина 2017; Bloor, Bloor 2015; Johnstone 2018]. Иными словами, анализ дискурса подразумевает не просто изучение отдельных элементов дискурсивного пространства, но, прежде всего, смысла, формируемого посредством этих элементов с учетом контекста и коммуникативной ситуации, в рамках которых возникает фрагментарный дискурс.

Прагматика и дискурсивный анализ имеют много общего, так как исследуют контекст, текст и функцию [Кубрякова 2000; Wodak 2007]. Они фокусируются на значении слов в общении и на том, как собеседники передают те или иные смыслы, порой выходящие за рамки значений используемых языковых единиц. Также они сосредотачиваются на том, каким образом части языка становятся значимыми и логически завершенными. Прагматика и анализ дискурса нацелены на описание фраз, отношений между ними, речевых актов и коммуникативного хода.

Существует, однако, ряд факторов, отличающих прагматику и анализ дискурса. В то время как дискурс-анализ исследует взаимосвязь предложений и фокусируется на установлении подразумеваемых компонентов в речи с учетом факторов контекста [Coulthard 1985; Gee 1999], прагматика также привлекает различные области человеческой деятельности для надлежащей интерпретации высказываний [Гребенкина 2002; Kecskes 2016]. Кроме того, прагматика прилагает больше усилий для определения намерения говорящего в дополнение к извлечению смыслов, которые декодируются реципиентом. Подобно прагматическим

исследованиям дискурсивный анализ связан с функциональной перспективой речи, но в то же время учитывает многие формальные аспекты, которые способствуют определению смысла любого высказывания.

Для прагматики важным являются понятия контекста и намерения. В то время как в дискурсивном анализе контекст относится к чему-то статичному по природе и внешнему по отношению к участникам коммуникации, в прагматике он рассматривается как нечто личное и динамичное. Контекст не является изначально известным (готовым), но создается собеседниками посредством высказывания [Kecskes 2016]. Намерение играет непосредственную роль в процессе общей интерпретации высказываний. Различные высказывания, основанные на одном и том же смысле предложения, могут передавать разные намерения говорящего [Sauerland, Schumacher 2016].

Дискурс-анализ и прагматика являются субдисциплинами лингвистики, которые имеют общие точки соприкосновения, из-за чего невозможно провести между ними четкие границы. Прагматика не тождественна дискурс-анализу, но, тем не менее, представляет собой незаменимый источник для любого дискурсивного аналитического исследования: было бы невозможно проанализировать текст или дискурс без знания прагматических принципов и явлений [Протасова 2015; Alba-juez 2016; Schiffrin 1994].

Таким образом, первостепенной задачей прагматического и дискурсивного анализа является описание лингвистических механизмов, которые позволяют участникам коммуникации создавать и понимать скрытые, косвенные или подразумеваемые смыслы высказываний или целых текстов. Фокусируясь на структуре текста и факторах, определяющих выбор языковых средств выражения необходимого смысла, данные подходы принимают во внимание внешние аспекты контекста и общей коммуникативной ситуации.

Выделяют также такую область, как дискурсивная прагматика или прагматика дискурса – гибридная область исследования, которая возникает в

результате взаимодействия принципов прагматики и дискурс-анализа [van Dijk 1981], изучающая, с одной стороны, речевые акты и, с другой, – социальные действия пользователей языка и участников конкретного коммуникативного акта. Подчеркивается идея о последовательности и мотивированности речевых актов. Дискурсивная прагматика расширяет сферу прагматики, учитывая в процессе взаимодействия важность не только языковых и семантических свойств высказываний, но и социальных и культурных факторов [Horn, Kecskes 2013]. Анализ в этом случае направлен на создание сложного представления о функциях и взаимосвязанности прагматики и дискурса в процессе коммуникативного взаимодействия. Это определяет когнитивный, социальный и культурный характер данного подхода к языковым явлениям [Verschueren 1999].

Таким образом, дискурс-анализ представляет собой лингвистическое исследование, объектом которого являются формы языка, специфика его использования и функции. Он направлен на изучение текста и контекста как важных факторов формирования смыслов высказываний и дискурса в целом. При этом под контекстом понимают не только лингвистическую основу, но и социальную, культурную и даже эмоциональную составляющую [Шаховский 2018; Alba-Juez, Larina 2018]. Следовательно, анализ дискурса не может не затрагивать по крайней мере какого-либо аспекта контекста и поэтому является междисциплинарным в той или иной мере. Дискурсивная перспектива предполагает рассмотрение использования языка как социального феномена, имеющего общие характеристики с другими социальными и когнитивными явлениями. Следовательно, точное и реалистичное описание языка должно учитывать реальные факты, происходящие в реальном человеческом взаимодействии.

Основной чертой, отличающей дискурс-анализ от других областей лингвистики, является его стремление описать и объяснить языковые феномены с точки зрения эмотивного, когнитивного, ситуативного и культурного контекстов их использования и определить языковые ресурсы, с

помощью которых мы (ре)конструируем нашу жизнь и реальность (деятельность, сообщество, эмоции, социальную позицию, знания, веру, идеологию и пр.). Поэтому дискурсивный анализ исследует не просто систему языка (набор фонетических и орфографических символов и правил упорядочения слов и значений), но, скорее, особенности его использования, мотивированного реальными коммуникативными потребностями, с помощью чего мы выполняем различные действия и взаимодействуем друг с другом. Исследование дискурса нацелено на поиск ответа на два главных вопроса: 1) почему именно эти, а не другие лингвистические формы используются в той или иной коммуникативной ситуации и 2) каковы лингвистические и экстралингвистические ресурсы для выполнения различных социальных, эмотивных и когнитивных действий и взаимодействия.

Выводы по главе II

1. Синергетика является перспективным направлением современных исследований. Она представляет собой целостную интегративную парадигму, применяемую во многих науках, что подтверждает ее междисциплинарность и даже универсальность. Актуальность данной парадигмы определяется тем, что она занимается изучением взаимодействия сложных систем, а понятие «система» широко используется во многих научных сферах. Хотя синергетика считается относительно новым этапом в развитии теории систем с особым акцентом на вопросы эволюции и фазовых сдвигов, будучи междисциплинарной по своему характеру, она объединяет множество наук, имеющих дело с открытыми, динамичными, самоорганизующимися сложными системами, развивающимися нелинейно в различных средах. Междисциплинарность синергетики заключается в синтезе методов исследования, разработанных и внедренных в естественных и гуманитарных науках, а ее главная идея – это признание возможности для сложной системы развиваться и самоупорядочиваться, нивелируя процессы хаотизации, благодаря внутренним ресурсам системы.

2. Основными направлениями лингвистики, в основу которых легли принципы синергетики, являются лингвосинергетика и, как ее разновидность, функциональная лингвосинергетика. Поскольку особый интерес для многих исследователей представляет изучение текста и дискурса, их параметров как сложных систем, лингвосинергетика стала одной из востребованных научных парадигм в данном направлении исследований.

3. Синергетика способна предложить специфический взгляд на язык, а применение ее принципов позволяет внести вклад в теорию эволюции языка. Лингвосинергетика предоставляет широкие возможности для описания языка/текста/дискурса как сложной динамической открытой системы, а функциональная лингвосинергетика, в свою очередь, позволяет описать особенности ее функционирования и эволюции.

4. Применение синергетических принципов в исследовании языка является не только возможным, но и необходимым, поскольку язык соответствует всем критериям синергийной системы – является открытой, динамической, нелинейной, самоорганизующейся системой с множеством иерархических подсистем и элементов, которые взаимосвязаны и функционируют под действием регулирующих параметров порядка. Это сложная синергийная мегасистема, которая изменяется и развивается в соответствии с универсальными принципами поведения сложной системы, раскрытыми в теории синергетики. Потенциал лингвосинергетики открывает границы для всесторонних исследований языка как синергийной системы и позволяет расширить наше понимание природы, функционирования и перспектив развития языка.

5. Поскольку структура и организация языка обусловливают его функции на всех уровнях, представляется закономерным появление системной функциональной лингвосинергетики как направления, изучающего организацию функциональной структуры. Язык является источником смысла во многих и постоянно меняющихся контекстах

человеческого взаимодействия; особенность языка заключается в его организации как огромной сети взаимосвязанных выборов.

6. Функциональная лингвистика представлена четырьмя основными подходами: функционализм западного побережья, референциально-ролевая грамматика, функциональная грамматика дискурса и системная функциональная лингвистика. Хотя между основными принципами функциональных подходов очевидны различия, функционалисты разделяют мнение о том, что язык представляет собой систему форм для передачи смысла в общении и поэтому для его понимания необходимо исследовать взаимодействие структуры, значения и коммуникативной функции. Таким образом, функциональная лингвистика представляет собой направление, охватывающее сложную сеть идей, принципов и методологий.

7. Функциональная лингвосинергетика рассматривает язык как систему систем с потенциалом смысла, с помощью которого его пользователи передают значение, делая выбор из целого ряда альтернатив языковых средств. При этом формирование общего смыслового пространства произведения речи происходит по принципу нелинейности (2+2=5), так как общий смысл, как правило, превосходит механическую сумму смыслов отдельных компонентов текста.

8. Объектом функциональной лингвосинергетики является дискурс. Дискурс – это, с одной стороны, структура, то есть единица языка, которая выходит за рамки предложения, и, с другой стороны, реализация функций, то есть использование языка в социальных, экспрессивных и референтных целях. Дискурс может соотноситься с общим ситуационным контекстом и касаться потока информации и метода развития тематических и рематических элементов.

9. Функциональная лингвосинергетика рассматривает дискурс как сложную открытую нелинейную иерархическую динамическую систему, способную к саморегулированию, саморазвитию и самосохранению в процессе эволюции.

10. Дискурс-анализ представляет собой лингвистическое исследование, основной задачей которого является изучение использования языка, языковых функций наряду с их формами (устной и письменной) во взаимодействии с прагматическими факторами.

11. Помещая в центр дискурсивного анализа язык и его использование, учитывая при этом множество факторов (например, контекст и роль участников коммуникации), большинство лингвистов уделяют особое внимание реконструкции социального контекста и дискурсивной картины реальности (контекст, вписанный в дискурс).

Глава III. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА

Несмотря на значительные достижения в области исследования семантики и прагматики языковых единиц, недостаточно изученным остается ряд важных для лингвистики проблем, связанных с выявлением факторов, формирующих смысловое пространство дискурса, а также принципов его организации, соотношения формальных и содержательных категорий, взаимодействия языковой семантики с неязыковым мыслительным содержанием. Помимо значений и смыслов важную роль в процессе построения прагма-семантического поля дискурса играют функциональные отношения (связи), возникающие между языковыми единицами и пропозициями в рамках высказывания и/или высказываний. Поэтому представляется целесообразным установление того, каким образом происходит формирование функциональных отношений между компонентами дискурса и какое влияние эти отношения в дальнейшем оказывают на трансформацию и общую динамику смыслового пространства английского дискурса. Кроме того, общенаучное значение категории отношения, универсальный характер содержательных отношений придают актуальность изучению их лингвистических аспектов.

3.1. Категория отношения: смысловые и функциональные отношения

Категории являются объектом исследования многих научных направлений. В философии категория считается основой бытия, всего сущего. Например, по Аристотелю категории представляют собой разряды бытия, понятия его свойств и отношений, отражающих и обобщающих окружающую действительность. Являясь мыслительными формами, категории закреплены в языке, и человек может свободно ими пользоваться [Аристотель 2016].

И. Кант рассматривает категории как предельно общие понятия, некий скелет познания. Именно они делают познание возможным. Категории, как формы сознания, придают познавательный характер восприятию и обусловливают опыт. В отличие от частных понятий, которые создаются сознанием на основе опыта и чувственных созерцаний, категории представляют собой первоначальные структурные логические формы сознания [Кант 1994].

Согласно общепринятой философской концепции, реальная действительность отражается такими основными категориями, как категории вещи, свойства и отношения [Райбекас 2000; Уемов 2013]. Признавая центральную роль категории вещи, ученые подчеркивают объективность свойств и отношений. Это означает, что, с одной стороны, отношения зависимы от вещей (то есть отношения не могут существовать отдельно от предметов), но, с другой стороны, они обладают относительной самостоятельностью и могут анализироваться вне вещей. Еще одной немаловажной характеристикой отношений является их взаимосвязь и взаимодействие. Иными словами, не только объекты вступают в те или иные отношения, но и свойства и характеристики объектов. Таким образом, отношения представляют собой некое отражение объектов (вещей) реального мира и их взаимосвязи.

Из трех понятийных категорий – предмет, признак, отношение (в терминах философских категорий – вещь, свойство, отношение) – первые две находятся в центре внимания лингвистов при изучении семантики языковых единиц. Категория отношения анализируется при описании плана выражения. Как правило, в исследованиях, посвященных изучению средств выражения отдельных содержательных отношений (пространственных, временных, причинно-следственных и др.), их обычно относят к семантике, к плану содержания грамматических (синтаксических) единиц. Причем содержание последних трактуется в широком смысле как атрибут некоторых действий, событий и тем самым затушевывается его отношенческая природа.

Напротив, такие отношения, как соединительные, противительные лингвисты относят главным образом к области формы, хотя известно, что в содержательном плане между этими группами отношений нет четкой границы.

Категория отношения считается наиболее абстрактной среди других понятий, отражающих материальный мир. Представляя собой фундаментальное логическое понятие, *отношения* обладают особой важностью по сравнению с другими категориями. Они репрезентируют основные, закономерные связи и взаимозависимость реального мира. Поэтому в философии, логике и лингвистике *отношение* принято трактовать через такие понятия, как *связь, взаимосвязь, взаимодействие* [Левин 2007; Пивоваров 2013; Белоусов 2007]. Взаимодействуя между собой, предметы и явления реального мира вступают во множество отношений. Отношения характеризуют объекты (естественные и созданные людьми) и их свойства, описывают деятельность человека, его взаимодействие с окружающими людьми и объектам, а также восприятие самого себя. Иначе говоря, отношения представляют собой разнопорядковую категорию, поскольку могут возникать между денотатами (означаемыми) разной природы; между означаемым и означающим; между означающими [Варшавская 1984; Матвеева 2017].

Любые отношения – это составляющие мыслительного процесса, участником которого является также и язык, поэтому они так или иначе отражены в системе языка. Связь языка и категории отношения не вызывает сомнения, поскольку язык представляет собой цель и средство – создается, сам является своей целью и в то же время выступает средством передачи мысли [Александрова 2007; Володина 2016]. Это поясняет специфику категории отношения – язык выступает как средство, а отношения – как репрезентируемое денотативно-семантическое содержание.

Как и в реальном мире, в системе языка отношения представляют собой наиболее абстрактную категорию. Это объясняется тем, что они

являются свойствами языковых единиц, средством их организации и выстраивания в определенные структуры. Поскольку содержательная сторона языка, с одной стороны, обращена к мыслительным (логическим) категориям, а с другой, – определяет процесс понимания и интерпретации смысла, анализ отношения также представляет собой двусторонний процесс – описание денотативно-отражательного содержания с помощью понятийных и смысловых категорий и содержания, предназначенного для целей коммуникации, через узуальный смысл [Варшавская 1984; Колодина 2015; Вдовиченко, Тарасов 2017].

Рассмотрение категории отношения как понятийной категории придают ей характер двойственности – отношения отражают свойства и связи, существующие в реальной действительности, а также являются зависимыми от системы языка [Свидерский 1983; Coecke et al. 2018; Levinson 1997]. С другой стороны, они могут быть отнесены к категориям семантики, которые существуют только благодаря выражающим их языковым единицам.

Изучение семантической структуры языка наряду с предметными значениями и значениями признака позволяет выделить особую область релятивных (относительных) значений, а среди последних – систему отношений, обладающих статусом понятийной категории (или узуального смысла), направленных на выражение мыслительного содержания и обусловленных особенностями репрезентирующих их разноуровневых языковых средств. Их узуальный характер определяется тем, что они общеупотребимы, общезначимы, передаются и понимаются определенным языковым коллективом как сведения, информация об объектах. В структуре языка подобные смыслы закреплены в грамматических формах, а также в семантике лексических единиц.

Сложная природа отношения, представляющего собой содержание, репрезентируемое языковыми средствами, заключается в необходимости включения в ситуацию носителя/носителей отношения и отношения как

такового. Как правило, первостепенное значение имеет содержание, заключенное в самом отношении, но поскольку отношение не существует вне его носителей, то часто неизбежно приходится рассматривать синкретичные формы, выражающие и отношение, и носителей отношения [Martin 2017; Salmon 2022].

Если говорить с точки зрения коммуникативного акта, отношения представляют собой узуальный смысл, то есть некую понятийную категорию в определенной коммуникативной динамике, включающую в себя сведения, информацию, знания об окружающем мире, закрепленные в языковом сознании и передаваемые в социальном коллективе [Варшавская 1984]. Поэтому в каждом конкретном акте речи, в конкретном сообщении отношение выступает как информационный смысл; оно всегда ориентировано на реципиента через определенные логические операции.

Значение языковой единицы (лексическое значение лексической единицы и структурное значение синтаксической единицы) узуально. Смысл может быть узуальным и окказиональным. Поэтому отношение выступает как узуальный, так и информационный смысл. Смысл является понятием коммуникативной сферы языка, поэтому он актуализируется коммуникативно значимыми единицами, их свойствами и связанными с ними факторами, а также прагматическими и психологическими факторами. Смысл высказывания включает информацию о самом отношении и членах отношения. Основой его содержания служит денотативно-отражательная семантика, однако факторы коммуникативного плана неизбежно влияют и, возможно, определяют способы отражения этого содержания в языке.

Узуальный и информационный смыслы не являются двумя разными величинами. Они отражают два аспекта содержательной категории, в нашем случае – категории отношения. С этой точки зрения смыслом обладают только коммуникативные единицы, поскольку он является проявлением их коммуникативной функции, коммуникативной сути [Арутюнова 1988; Бондарко 2002]. При таком понимании смысла к его лингвистическому

аспекту можно присоединить психолингвистический, в основе которого исследователи видят прагматический аспект – некий интенциональный, целевой фактор, воздействующий на достижение коммуникативной цели. Поскольку смысл может быть также выражен невербальными средствами, он обладает экстралингвистическим характером [Матвеева 2017; Слюсарева 1973; Pradhan 2019]. Таким образом, отношения, представляя собой узуальные смыслы, являются компонентами семантической структуры языковых единиц, а также коммуникативной целью, передаваемой информацией [Варшавская 1984].

Языковые единицы вступают во множество отношений: семантические, синтаксические, парадигматические, прагматические, отношение совместной встречаемости, отношения взаимозависимости, детерминации, констелляции и т.д. (см., например, [Ельмслев 2005; Ляпон 1986; Пивоваров 2013]).

Наиболее абстрактными среди синтаксических являются отношения подчинения, сочинения, взаимозависимости и аккумуляции. Менее абстрактными, содержательными, основывающимися на определенных семантических категориях, являются отношения, образующие члены предложения и структурные модели словосочетания и предложения: субъектные, объектные, предикативные, атрибутивные, обстоятельственные [Варшавская 1984].

Особенностями синтаксических отношений, формирующих основные модели предложения, являются их бинарный характер, играющий немаловажную роль при отражении содержательных отношений, а также отсутствие отдельной связки и полифункциональность полнозначного глагола-сказуемого. Показательно, что на этом уровне отношения устанавливаются между разнородными категориями, между предметом и признаком, предметом и действием, что, как правило, характерно для абстрактных отношений [Беловольская 2001; Aliyeva 2014; Kibrik 2001]. Все названные отношения относятся к плану выражения, плану формы и

непосредственно не соотносятся с отражаемым языковыми единицами и неязыковым содержанием.

Некоторые из содержательных отношений, в первую очередь локативные отношения, под соответствующим углом зрения оказываются объектом семантико-синтаксического описания [Апресян 1995; Гак 2009; Сулайманова 2016].

При синтаксическом анализе, сочетающем традиционный подход «от формы к содержанию» с современным семантическим, содержательные отношения, хотя они и являются тем, что организует синтаксему, отходят на второй план. Основное внимание уделяется членам отношения, элементам бинарной структуры – синтаксеме. Подобный подход используется, например, в классификации системы отношений Ю. Найды, в основе которой лежит не признак самого отношения, а природа или функция членов отношения [Nida 1979]. Исследователь разделяет отношения на первичные и вторичные. Первичные включают отношения действия, описания, ассоциации, классификации, идентификации и осевые отношения. Очевидно, что первичные – это отношения между одноэлементными сущностями и между двумя предметами/лицами, между предметом и признаком, действием или отношением; иными словами, – это отношения между категориальными значениями. Вторичные отношения устанавливаются между ядерными структурами. В соответствии с синтаксическим статусом отношения подразделяются на координативные и подчинительные, субординативные.

А.И. Варшавская классифицирует отношения на основе определенного параметра: пространственные, части–целого, принадлежности, родо–видовые (пространственно-предметный параметр); временные, причинно-следственные, условные, цели, результата (событийно-временной параметр); сравнения, сходства/различия, уступительные, соединительные, противительные, разделительные, порядка, именования (двойственная ориентация) [Варшавская 1984].

С точки зрения познания среди наиболее важных отношений выделяют причинно-следственные, контрастные и временные [Монахова 2015; Мустафина, Эделева 2019; Туманова и др. 2019; Knott, Sanders 1998]. Провести различие/разграничение между отношениями не всегда возможно, поскольку одно и то же отношение может выступать в разных функциях и, следовательно, по-разному будет представлено в структуре языка.

Неоднородный характер отношений свидетельствует о сложной организации их содержательной структуры. В содержательной структуре языковых единиц выделяются сигнификативное и денотативное значения [Арутюнова 1999, 2009; Падучева 2010], общая и частная предметная отнесенность [Маслов 2005], а также лексическое и грамматическое [Апресян 1995; Кацнельсон 2011; Croft 2008]. С синтаксической точки зрения кроме коммуникативного смысла выделяется семантическое содержание (денотативно-отражательное) и структурное значение (синтаксическая или грамматическая семантика), которое выступает в то же время как форма для первых двух аспектов – как внутренняя форма синтаксической единицы [Арутюнова 2009; Кацнельсон 2011; Падучева 2010].

Опираясь на традиционные подходы к проблеме значения, в общем виде структура которого описывается семантическим треугольником денотат–означающее–значение, некоторые исследователи пользуются терминами эмпирический (вещественный) и категориальный компоненты значения (см., например, [Варшавская 1984]). Эмпирическое – это то, что обозначено, это вещественное значение; категориальное – это то, как обозначено, способ обозначения, то, как знак соотносится с обозначаемым. Соответственно значение слова – всегда сигнификативно, в том смысле, что оно определяется через отношение знака к идеальному образу денотата, отражаемому сознанием. Такая двусторонняя единица – знак с его значением – соотносится с референтом. При этом слово всегда выражает общее, а не единичное.

Отношение к отображаемому объекту, референту языковой единицы, осуществляется в процессе функционирования языка; при этом языковые единицы выступают в соответствующих грамматических формах, в которых заключаются способы референтного отнесения [Падучева 2010]. Грамматическая форма модифицирует не вещественное, эмпирическое в слове, а категориальное. В результате семантическое содержание языковой единицы обогащается за счет содержания грамматической формы [Апресян 1995; Kibrik 2001]. Кроме того, подключаются факторы субъективного, психологического характера, которые, влияя на общую структуру значения, могут оказывать воздействие на устойчивость как семиотической корреляции знака и значения, так и референциального отношения [Манерко, Ли Сяошуай 2020; Матвеева 2017; Tantucci 2021].

Довольно часто значение интерпретируется исследователями как отношение. «Значение – прежде всего не вещь, не материя, не субстанция, а отношение, и главным образом отношение фактов языка (словоформ) к «инофактам» понятийного и онтологического порядка, то есть отношение языка к неязыковым явлениям (к понятиям, к вещам – к денотатам)» [Реформатский 1973: 270]. В процессе общения и в ходе познавательной деятельности языковой знак соотносится с реальными предметами объективного мира, с их свойствами, взаимосвязями посредством обобщенного отражения действительности [Лосев 2012; Степанов 2017; Почепцов 2009]. Само мышление в процессе познавательной и практической деятельности реализует это соотношение. Язык в данном случае выступает средством познания. Мышление прибегает к нему в процессе отражения, используя языковой знак вместо обозначаемого предмета, так что языковой знак репрезентирует и заменяет предмет обозначения в человеческом сознании [Кубрякова, Демьянков 2012; Майнцер 2009; Манерко 2018].

Необходимо подчеркнуть активность сознания в установлении отношений языкового знака. Мышление человека закрепляет определенным образом в системе языка отношение знака и значения, отношение знака к

означаемому содержанию в виде предметно-логических категорий [Прохорова и др. 2012; Пирс 2009; Фреге 2000; Фурс 2018]. Для понимания грамматического значения существенным также является то, что мышление фиксирует способ соотношения таких корреляций как двусторонних сущностей в виде семантико-синтаксических категорий. Признаки грамматического значения определяются через его отношение к означаемому, форму его выражения, через его отношение к отдельному лексическому значению, или семантическим категориям [Булыгина 1980]. Таким образом, любое грамматическое значение есть отношение, и направлено она на организацию лексических значений, на установление их связей друг с другом. Признается невозможность четкого разграничения грамматического и лексического значений (см., например, [Лайонз 1978]).

В своей классификации С.Д. Кацнельсон выделяет два основных типа грамматических категорий: лексико-грамматические, с подчиненными им логико-грамматическими категориями, и семантико-синтаксические категории [Кацнельсон 2011]. Первые определяют парадигматику, вторые – синтагматику в узком понимании, как строение, организацию предложения. Грамматические (морфологические) категории, образующие парадигмы, выполняют формальные и содержательные функции, направленные на организацию языковых элементов, то есть синтаксические функции. Значения таких грамматических категорий служат средством перевода элементов парадигматического плана на синтагматическую ось. Поэтому соотношение парадигматического и синтагматического нельзя рассматривать как статическое пересечение двух разноплановых осей. Это придает грамматическому значению характер отношения. Представляется, что действие парадигматических категорий (значений лексико-грамматических разрядов) аналогично действию отношений [Варшавская 1984]. Одна сторона их связи реализуется синтагматически, связывает их значения (и знаки) со значениями других категорий, а вторая позиция заполняется конкретными

значениями той же категории, при этом как бы реализуется заместительная парадигматическая валентность.

Таким образом, грамматическое значение всегда указывает на связь элемента с другими элементами. В парадигматике оно задает свойства сочетаемости, в синтагматике эти свойства реализуются через синтаксические значения, синтаксические функции, или в синтаксических формах.

Поскольку для обеспечения коммуникации и речемыслительного процесса как отражения и выражения мыслительного содержания необходимо тесное взаимодействие семантики и прагматики, представляется целесообразным рассмотрение языковых единиц, репрезентирующих отношение, в единстве с другими языковыми единицами, их связи с разными моментами сложного речемыслительного процесса. В этом случае результат коммуникации между людьми существенно зависит от понимания процессов речевой деятельности и языковых элементов в этих процессах. Это приводит к двустороннему описанию языкового материала – от языковых форм к мыслительному содержанию и в обратном направлении. Иными словами, для формирования определенного значения и его правильного понимания важность приобретают содержательный компонент и способ передачи этого содержания. Из этого следует, что два аспекта прагма-семантического смысла находятся в отношении «содержание–форма» и создают некую внутреннюю форму языковых единиц. Отношения формируются совокупностью связей объектов, ситуаций, фиксируемых нашим сознанием, и определенным наборов способов их репрезентации языковыми средствами.

В сложном речемыслительном процессе выделяются пять составляющих субпроцессов, релевантных, как нам кажется, для лингвистического описания формирования прагма-семантических отношений: категоризация–номинация; номинативная экспликация–атрибуция; коммуникативная экспликация–предикация; локализация–таксис (сопряжение); стативация–номинализация [Варшавская 1984: 70]. При этом,

если опираться преимущественно на речевую (языковую) сторону этих субпроцессов, они в большей степени направлены на собственное мыслительное содержание и языковые явления.

В этой связи важно подчеркнуть, что субпроцессы действуют в той же речемыслительной сфере, тех же уровнях, что и понятийные категории или узуальные смыслы, которые они репрезентируют. Таким образом, оказывается, что имеются узуальные смыслы, некоторые сущности, единицы, элементы, выраженные в языке системой значений языковых единиц, лексических и грамматических, и существует механизм их движения, речемыслительный процесс, или его часть, которая может быть представлена как действие этих субпроцессов.

В процессе мышления речемыслительной и собственно языковой может быть та структура, которая оперирует мыслительным содержанием как системой языковых значений, формирующих области семантики и прагматики. Оперирование значениями осуществляется согласно установившимся стереотипам, в пяти формах, соответствующих пяти субпроцессам, каждый из которых использует определенную языковую единицу в соответствующей форме (или формах). Каждый субпроцесс тем или иным образом связан с отражением категории отношения.

В процессе коммуникации содержание отношений выступает как информация, передаваемая высказыванием, текстом, дискурсом, или как информационный смысл данных языковых образований – уровень смысла в содержательной структуре языка. Поскольку отношения являются не только «компонентами денотативной и грамматической семантики синтаксических единиц, но и выступают как их смысл», их можно назвать содержательными или смысловыми [Варшавская 1984: 3].

Смысловые отношения представляют собой семантические отношения между языковыми единицами. Можно сказать, что между любыми двумя смысловыми единицами, выбранными случайным образом, существует своеобразное отношение. Тем не менее, оно не всегда может являться

значимым отношением. Поэтому интерес для исследователей представляет то, какие именно факторы превращают смысловые отношения в значимые. Отношение более значимо, если оно соответствует легко понимаемому концепту, выраженному в словесной форме. Если отношение трудно или даже невозможно понять, оно, вероятно, не может быть признано смысловым и тем более значимым.

Э. Косериу отмечает, что семантические отношения должны быть, прежде всего, отношениями значения, а не отношениями между знаками. Так можно отличать семантические структуры от простых ассоциативных полей, которые основаны на отношениях сходства между языковыми признаками как по выражению, так и по содержанию [Косериу 2009].

Смысловые отношения следует отличать от онтологических отношений несмотря на то, что между ними существует тесная связь: смысловые отношения – это отношения между словами (в определенном контексте), основанные на онтологических отношениях между понятиями, составляющими значения этих слов (в этом контексте) [Nickles et al. 2007: 37]. Это довольно широкое определение, которое, в принципе, позволяет рассматривать любое концептуальное отношение как онтологическое отношение. Онтологические отношения могут существовать, не отражаясь в лексиконе языка.

Хотя смысловые отношения предназначены изначально для обеспечения коммуникативной функции языка, участие языковых единиц в их формировании различно. Достаточно широко признается тот факт, что основной функцией языковой единицы является номинативная [Арутюнова 1977; Бенвенист 2002] и что предложение в целом – это знак ситуации. Однако понимание закодированного говорящим смысла высказывания зависит в значительной степени от способности реципиента интерпретировать смысл, не просто соотнося его с непосредственным значением лексических средств.

Как правило, смысловые концептуальные отношения специфичны для конкретной ситуации. Для возникновения определенного типа отношения между языковыми единицами важна спецификация участников, то есть те роли, которые они играют в коммуникативной ситуации – событии, в котором они участвуют. В семантике эти роли рассматриваются как семантические роли, тематические роли или отношения предикат–аргумент [van Valin 2004]. Семантические роли необходимы для привязки таких аргументов к их синтаксическим реализациям, в дополнение к их значению в описании и представлении семантики.

Проблема определения семантических ролей и установления их количества все еще вызывает дискуссии. Дж. Грубер и Ч. Филлмор являются основоположниками двух противоположных лингвистических тенденций анализа семантических ролей. Согласно локалистическому подходу Дж. Грубера, существует небольшое количество конкретных пространственных отношений, таких как, например, цель–источник, которые считаются основой для других, более абстрактных ролей. В своей концепции Ч. Филлмор рассматривает значительно большее количество семантических ролей, которые адаптируются к каждой коммуникативной ситуации. В современной лингвистике семантические роли рассматриваются не как фиксированные абсолютные категории, а как нечеткие прототипические понятия [van Valin et al. 1997]. Тем не менее, нет единого мнения о том, какие прототипические роли должны быть включены в перечень основных ролей и как они должны быть определены. Кроме того, даже определенный набор прототипических ролей не будет достаточным для моделирования всех возможных ситуаций. Иными словами, если семантические роли указываются с использованием прототипических представлений о ролях, необходим некий механизм, с помощью которого станет возможным учитывать спецификации роли участников события.

Еще одним подходом к анализу семантических ролей является концептуальная семантика Р. Джекендоффа, в рамках которой семантические

роли не являются независимыми объектами и определяются как слоты аргументов абстрактных базовых предикатов [Jackendoff 1992].

Смысловые отношения, как правило, рассматриваются в синтагматике и парадигматике. Синтагматические отношения возникают между элементами в пределах одного предложения; особенно это характерно для тех языковых единиц, которые находятся в тесной взаимосвязи [Бенвенист 2002; Влавацкая 2017; Кубрякова 2002]. Парадигматические отношения отражают семантический выбор, возникающий на основе особенностей той или иной структуры предложения. Парадигматические отношения охватывают слова, принадлежащие к одной и той же синтаксической категории, хотя нередко возможны исключения. В принципе, парадигматические отношения могут поддерживаться между членами любой из основных синтаксических категорий [Апресян 2009; Степанов 2009].

Любое правильно оформленное предложение естественного языка можно рассматривать как цепь элементов, каждый из которых выбирается из возможного набора вариантов, имеющихся в языке. В каждом случае такой выбор вариантов не может являться полностью свободным – он ограничен другими элементами в предложении, поскольку выбор вне определенного диапазона приведет к семантической несогласованности. Таким образом, если выбор языковой единицы в пределах предложения/высказывания/дискурса не логичен, результат речевого акта, и в целом коммуникации, не будет последовательным. Иными словами, синтагматические смысловые отношения обусловлены когерентностью. Парадигматические смысловые отношения, с другой стороны, действуют «внутри» возможного набора вариантов развития ситуации. Каждый такой набор представляет собой способ, которым язык соединяет, или наоборот разъединяет, некоторую концептуальную область и определенным образом отображает систематическое структурирование. Парадигматические отношения являются выражением такого структурирования [Кубрякова 2004; McDonald 2020; Wegmann at al. 2020].

Таким образом, между синтагматическими и парадигматическими смысловыми отношениями существуют определенные систематические связи. Очевидно, что парадигматические и синтагматические отношения функционируют в тандеме – синтагматические отношения определяют пространство, в котором актуализируются парадигматические отношения. Тем не менее, попытка установить синтагматические смысловые отношения на основе парадигматических отношений выявляет определенные различия между ними. Основным является то, что не существует отношений синтагматического характера, которые обладали бы общностью и независимостью от контекста парадигматических отношений. Все отношения связаны с конкретными грамматическими конструкциями или, по крайней мере, с однотипными конструкциями. Иначе говоря, отношения между элементами возникают тогда, когда слова находятся в определенной грамматической взаимосвязи [Апресян 2009; McDonald 2020].

Неоспоримым является факт, что некоторые языковые единицы сочетаются между собой наилучшим образом, поэтому возникновение отношений между ними носит естественный характер. За счет этого они влияют друг на друга в той или иной степени, являются элементами дискурса и образуют его функциональное пространство. Другие же лексические единицы едва ли или практически никогда не комбинируются между собой, и достаточно сложно представить себе ситуацию, в которой между ними могут возникать смысловые отношения.

Отношения между значимыми элементами дискурса достаточно сложны и могут быть двух основных типов: дискурсивными и синтагматическими. В то же время оба эти аспекта представляют сбой дискурсивное взаимодействие, так как отношение или несовместимость, конфликт, возникая между отдельными единицами, формируют общее дискурсивное поле. Определенные лексические элементы, обладающие разными синтаксическими функциями, служат маркерами степени завершенности дискурса. Вероятностные сценарии развития дискурса

опираются как на эти факторы, взаимодействующие друг с другом, так и на фоновые культурные знания – экстралингвистический фактор.

Формирование и эволюция смыслового пространства дискурса во многом зависит от синтагматико-семантических отношений, от конкретного смысла и качества его репрезентации определенной комбинацией значимых единиц – формируется ли этот смысл адекватным (логичным) или аномальным (неправильным) [Арутюнова 2009; Denkel 1999 b; Kirchner, Mohr 2010]. Адекватность (правильность) смысла, образуемого конкретной цепочкой слов (даже синтаксически близкой), зависит от более широкого контекста, в котором они употребляются. Это означает, что смысл, кажущийся на первый взгляд ненормальным, может приобретать логичность в рамках дискурса. Причина, по которой смысл расценивается неестественным, странным, может заключаться в том, что значения вступающих в отношения компонентов не совпадают; роль контекста в этом случае заключается в предоставлении необходимого выбора возможных толкований смысла.

Иными словами, мы имеем дело не с линейным взаимодействием языковых единиц, а с расширенной иерархией отношений конституентов дискурса. Потенциальная аномалия смысла может являться своего рода подсказкой того, что необходимо либо выбрать другое понимание некоторого элемента, либо создать новое понимание. Именно с помощью контекстных манипуляций странность возникающего смысла может быть значительно уменьшена или полностью устранена [Воронцова 2018; Дубровская 2021]. С другой стороны, встречаются случаи, когда дискурсивные манипуляции не служат для устранения аномальности значения, а являются стилистическим эффектом.

Возможности комбинирования лексических элементов, и как следствие возникновение отношений между ними, обычно имеют свойства направленности, которые выражаются в двух аспектах. Первый касается того, каким образом происходит выбор того или иного смысла. Это

подразумевает, что любая комбинация слов имеет более одного прочтения. Тем не менее, среди возможных смысловых вариантов существует одна наиболее предпочтительная интерпретация [Демьянков 2019]. С другой стороны, особенности определенной грамматической конструкции налагают ограничения одного элемента на другой и также определяют свойства направленности, влияющей на отношения между значениями элементов в этой конструкции.

Более того, для возникновения отношений существенна связь языковых элементов с объектами, обозначенных ими, во внешнем, неязыковом мире, природа которого не ограничена конечным набором свойств [Вишнякова 2019; Елацков 2016; Haugh, Sinkeviciute 2021]. Это определяет некоторые из возможных причин большей комбинаторности одних языковых единиц по сравнению с другими.

Фактором, определяющим возможную комбинаторику элементов и возникновение отношений между ними, является наличие стереотипных сочетаний, которые следует отличать от штампов, клише или идиом: здесь речь идет о привычном способе сказать что-либо, хотя есть и другие альтернативы. Это представляется больше вопросом культуры, чем языка как такового [Вишнякова, Вишнякова 2019; Малюга, Орлова 2020; Andreeva et al. 2021].

Примечательным является тот факт, что комбинация слов, в результате которой возникает адекватный смысл, дает больше информации (в широком смысле), чем любой из комбинированных элементов сам по себе, тогда как дополнительную информацию передают отдельные элементы. Таким образом, семантический ключевой элемент комбинации (конструкции) языковых единиц управляет семантическими отношениями этой комбинации, рассматриваемой как единое целое с другими элементами или комбинациями [Солнышкина и др. 2022; Crible, Blackwell 2021].

Отношения, имеющие нейтрально-ассоциативный характер (соединительные, сопоставительные), по своему смысловому объему

противопоставлены отношениям с ярко выраженным квалифицирующим потенциалом (причина, цель, следствие, временное соприкосновение и т.д.). При выявлении семантического потенциала отношения того или иного типа возникает проблема соизмеримости их внутренних свойств. Отношения отвечают за формирование окончательного смыслового пространства дискурса, поэтому их можно отнести к дискурс-организующим факторам, а смысл, в свою очередь, интерпретируется в зависимости от диапазона контекстуально-мотивированных (фоновых) отношений [Елацков 2016; Пономаренко 2015; Lukin 2017].

В рамках предлагаемого исследования интерес представляют особенности формирования функциональных отношений английского дискурса – то, каким образом актуализируемые языковыми единицами отношения преломляются в форме и в семантике выражающих их средств в определенных коммуникативных условиях (контексте). Функциональные отношения (связи) актуализируются смысловым и структурным взаимодействием компонентов дискурса, которое, с одной стороны, отражает внутреннюю и внешнюю зависимость свойств этих компонентов от общего дискурса, но с другой стороны, оказывает непосредственное воздействие на процесс динамического развития (эволюции) дискурса и является комплексной характеристикой системы дискурса.

По Т. ван Дейку, дискурсивные функциональные отношения – это специфические функции между высказываниями/предложениями, основанные на смысловых соотношениях между предложениями и на отношениях между фактами и их свойствами в «возможных мирах» [van Dijk 1981]. Поскольку функциональные связи английского дискурса можно анализировать через понятие семантической нагрузки, или функции, они представляют собой содержательно-смысловое взаимодействие между пропозициями высказываний в речевой цепи, иначе говоря, – семантические связи в их функционировании [Пономаренко 2013; Khramchenko 2019].

В отличие от семантических свойств языковых единиц, являющихся базовыми и обусловливающими существование языковых единиц внутри системы, функциональные свойства определяются парадигматическими и синтагматическими (внутрисистемными) отношениями, зависят от языковой системы и актуализируются языковыми единицами в процессе реализации. В свою очередь, дискурсивные связи воздействуют и регулируют функционирование языковых средств, образующих смысловую систему дискурса. Это означает, что системная организация функциональных отношений коррелирующих высказываний в английском дискурсе зависит от содержательных характеристик компонентов дискурса, вступающих между собой в определенное взаимодействие в рамках конкретного фрагмента речи, который находится во взаимосвязи с языком как внешней по отношению к нему средой. В этом прослеживается семантическая иерархия и динамика дискурса, которые влияют на системность функциональных отношений.

Функциональные отношения, возникающие между компонентами дискурса, считаются ключевыми для правильного построения дискурса, поскольку определяют одно из его наиболее значимых свойств, а именно, связность (согласованность, когерентность). Дискурс можно назвать связным, если его элементы/компоненты/части логически дополняют друг друга, а также соотносятся с фактами, событиями, объектами реального (или конструируемого говорящим/пишущим) мира в некоторой ситуации. Анализ функциональных отношений учитывает взаимодействие не только между отдельными элементами дискурса, но и между текстовыми фрагментами, а также между различными структурами контекста, принимая во внимание когнитивные особенности участников коммуникации, уровень их социального и культурного развития. Другими словами, функциональные отношения характеризуют как пропозициональную микроструктуру дискурса, так и его общую смысловую макроструктуру [Пономаренко 2015; Храмченко 2014].

Дискурсивные отношения могут быть явными (эксплицитными), о чем прямо сигнализирует использование соответствующих дискурсивных связок, и неявными (имплицитными), предполагаемыми контекстом высказывания, ситуации в целом и общим знанием мира. Поскольку имплицитные отношения, как правило, распознать труднее, так как ситуации или эпизоды отображаются в закодированных формах и моделях организации текста, возникает сложность определения и классификации отношений в дискурсе [Irmer 2013; Kirchner, Mohr 2010]. Также затруднение в понимании дискурсивных отношений может состоять в том, что даже явная дискурсивная связка не всегда является однозначной и приводит к возникновению нескольких смыслов. Чем более неоднозначны дискурсивные связки, тем труднее правильно идентифицировать дискурсивное отношение, актуализированное в конкретном фрагменте. В этом и состоит одна из основных задач функционального анализа текстовой структуры – систематическое описание функциональных отношений между предложениями/высказываниями дискурса.

Как уже было сказано, в процесс формирования функциональных дискурсивных отношений включен социально-когнитивный аспект, то есть эпизодические модели конкретных социально-культурных событий и общие знания или убеждения участников коммуникации об окружающем мире, обусловленные их когнитивными представлениями и ложащимися в основу конкретного дискурса. Функциональность дискурса и его компонентов на различных уровнях описания проистекает из этих когнитивных стратегий, которые демонстрируют, каким образом многие пространственные, временные, логические или концептуальные отношения между отдельными элементами переводятся в отношения между предложениями или речевыми актами, линейно выраженными предложениями текста или диалога [van Dijk 2011].

Формирование функциональных отношений дискурса, таким образом, зависит от коммуникативной ситуации, когнитивной системы человека,

социально-культурного фона. Функциональность дискурса показывает не только, как организованы предложения или тексты, как они связаны с познанием и социальным взаимодействием, но и то, что дискурс не существует сам по себе и не бывает свободным от контекста. Именно контекст общей ситуации накладывает на дискурс определенные взаимозависимости и ограничения. Это тот случай, когда коммуникативные цели определяют выбор или изменение лексических, синтаксических, семантических, стилистических и прагматических структур дискурса, что в дальнейшем влияет на формирование функциональных связей [Черняевская 2017; Nord 2016].

Как показывает проведенное исследование, формирование смысловой системы дискурса представляет собой сложный динамический процесс, требующий, с одной стороны, всестороннего, но с другой стороны, глубокого лингвистического анализа. Важную роль в этом процессе играет создание адекватных коммуникативной цели значений и смыслов, которые, в свою очередь, опосредуют построение определенных отношений дискурса.

Многократное обращение ученых разных научных направлений к категории отношения не умаляет тем не менее актуальности ее изучения, а наоборот оправдывает целесообразность дальнейшего рассмотрения. Это объясняется тем, что отношения, в которые вступают элементы/компоненты/части дискурса, являются едва ли не ключевыми для формирования надлежащего смысла дискурса и его правильной интерпретации.

Отношения формируются на основе семантического компонента в его взаимодействии с грамматическими, синтаксическими, а также функциональными факторами. В то же время отношения подвергаются воздействию когнитивного, социального, культурного и т.п. аспектов. То есть отношения образуются как между компонентами дискурса (внутренние связи дискурса), так и с внешними системами.

Отношения бывают нескольких видов; они ложатся в основу смыслового пространства дискурса, его связности (когерентности) и коммуникативной значимости. Это определяет важность взаимодействия языковых единиц не только на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях, но в большей степени на уровне их функционирования в дискурсе. Поэтому можно утверждать, что отношения характеризуют как микроструктуру дискурса, так и его общую смысловую макроструктуру. Их формирование определяется коммуникативной целью и влияет, в свою очередь, на выбор или изменение семантических, синтаксических, стилистических, прагматических параметров дискурса и эволюцию смыслового пространства дискурса.

Таким образом, дискурсивные отношения и категория отношения в целом встраиваются в когнитивный и коммуникативный процессы, а также в социокультурное взаимодействие коммуникантов. Их функция заключается не только в репрезентации структурной организации и смыслового содержания предложения/текста/дискурса, но и в передаче общего смыслового плана дискурса и характера его взаимодействия с внешними системами.

3.2. Основные типы функциональных отношений английского дискурса

Являясь объектом исследования на протяжении довольно долгого периода времени, проблематика дискурса, тем не менее, не теряет своей актуальности. Лингвисты по-прежнему направляют фокус своего внимания на исследование множества проблем, связанных с дискурсом. Это объясняется разнонаправленностью анализа дискурса и возможностью разностороннего его изучения.

С точки зрения системных свойств дискурс квалифицируется как сложная динамическая иерархическая открытая система, включающая в себя не только разные слои, части и элементы, но и различные отношения (связи)

между ними, которые создают и регулируют внутреннее и внешнее взаимодействие коммуникативных единиц [van Dijk 2011]. Как правило, системность структурного и функционального плана дискурса составляет основу его самосохранения, то есть удерживает развертывание речевой цепи в определенном смысловом диапазоне [Пономаренко 2013; Khramchenko 2019].

Дискурс представляет собой способ передачи широкого значения посредством языковых средств, употребление которых определяется социальными условиями, тем, кто их использует и при каких обстоятельствах [Кашкин 2010; van Dijk 2015; Haken 2000]. Определение языковых средств и системных механизмов, участвующих в формировании дискурсивного пространства, возможно посредством дискурсивного анализа. Кроме того, полноценной парадигмой изучения дискурса, на наш взгляд, является системно-функциональный анализ, о чем свидетельствуют многочисленные работы в этом направлении. Так, с помощью функционального анализа лингвисты изучают особенности дискурса как системы [Aleksandrova 2017; Ponomarenko et al. 2020], структуру и функциональные свойства дискурса разного типа [Aleksandrova et al. 2020; Butler 2003 b; Halliday 2006], специфику функционирования языковых явлений в зависимости от определенного дискурса [Шубина 2021; Chesnokova et al. 2020; Malyuga et al. 2020], факторы, влияющие на формирование и понимание дискурса [Horn, Kecskes 2013; Trnavac et al. 2016] и т.д.

Функциональные отношения дискурса также являются предметом научного интереса многих лингвистов ([Пономаренко 2018; Храмченко 2017; van Dijk 2011] и др.), поскольку фактически выстраивают смысловой план дискурса. Функциональные отношения, или связи, английского дискурса, по определению Т. ван Дейка, представляют собой специфическую семантическую функцию, лежащую в основе корреляции высказываний в тексте и отражающую взаимосвязь между фактами и их свойствами в процессе порождения и восприятия текста [van Dijk 1981: 270]. При этом

высказывание понимается как актуализированное предложение, то есть фрагмент текста, в котором завершающий его знак препинания (точка, многоточие, восклицательный/вопросительный знак) сигнализирует о том, что заключенная внутри данного фрагмента мысль является (относительно) законченной (на данном этапе общения) и, следовательно, этот отрезок речи можно рассматривать как коммуникативную единицу (единицу дискурса) [Пономаренко 2015].

При таком взгляде на речевое произведение соотношение высказываний анализируется как сопоставление смысловых объемов пропозиций высказываний-компонентов дискурса. В этом плане мы опираемся на определение, данное Е.В. Пономаренко: «Объем суждения представляет собой совокупность объемов понятий и связей между ними, в комплексе составляющих суждение и отражающих признаки описываемого фрагмента действительности (реальной или конструируемой автором). То есть объем высказывания фактически показывает, насколько велик (или мал) тот фрагмент действительности, который данное высказывание охватывает своей(-ими) пропозицией(-ями)» [там же: 129]. Строго говоря, внутри предложения тоже возможно выделение пропозиций, отделяемых запятыми, точкой с запятой, скобками, тире и т.п., но более подробный анализ пропозициональной сегментации речи не входит в задачи данного исследования, поскольку нашей целью является изучение наиболее общих процессов смыслообразования, а анализ этих процессов на уровне более мелких сегментов речи мы рассматриваем как перспективу дальнейшей разработки данный проблематики.

Таким образом, критерием определения характера функциональных отношений дискурса служит взаимодействие суждений, выраженных в сопоставляемых высказываниях. Функциональные отношения дискурса формируются в качестве параметров порядка, то есть регулятивных механизмов, благодаря которым выстраивается системная логика речи [Ponomarenko 2017].

Системность функциональных отношений английского дискурса лежит в основе самоорганизации его смыслового пространства [Пономаренко 2013; Haken 2000] и рассматривается с двух сторон – как процесс взаимодействия функциональных компонентов дискурса и как совокупность форм их языковой репрезентации. Оба эти аспекта взаимообусловлены, дополняют друг друга и создают возможность для выявления дополнительных прагма-семантических оттенков смысла объекта выражения. Как следствие, самоорганизация смысловой системы английского дискурса основывается на семантическом взаимодействии, которое, получая лексико-синтаксическое оформление, модифицируется в логико-семантическое и далее прагма-семантическое выражение мыслительных структур.

Успешность формирования дискурсивного пространства достигается главным образом синергийной взаимосвязью всех элементов – коммуникативно-функциональный смысл формируется в процессе трансформации возникающих значений и их оттенков в общую систему с учетом знаний, представлений, эмоционального состояния, ощущений участников коммуникации. Поэтому, хотя коммуникация в целом осуществляется в соответствии с определенным замыслом, развертывание речевого акта может подвергаться значительным модификациям – усиление или наоборот ослабление какого-то определенного компонента, привлечение дополнительных языковых единиц и даже отклонение от первоначального замысла.

Подобное изменение функционального плана возможно благодаря свойствам нелинейности, открытости дискурса, его способности к саморазвитию под действием механизмов самоорганизации. Именно механизмы самоорганизации способствуют сдерживанию хаотических колебаний в системе дискурса, из-за которых системность и смысл коммуникативного блока могут существенно исказиться, в результате чего речевое образование теряет свойство коммуникативности и способность выполнять функцию средства общения. Устранению этого способствует

применение одного из главных принципов синергетики, согласно которому самосохранение системы обусловлено стабилизирующими, устойчивыми дискурсивными свойствами, подчиняющими все компоненты системы и обеспечивающими самоорганизацию смыслового пространства дискурса, то есть параметрами порядка.

Поскольку формирование функциональных связей дискурса обеспечивается сложным взаимодействием языковых средств, именно параметры порядка опосредуют правильное понимание актуализируемого ими смысла или смыслов дискурса. За счет своей двойственной природы параметры порядка, с одной стороны, регулируют смысловое развитие (эволюцию) системы дискурса (то есть регулируют и стабилизируют функциональную организацию дискурса), тем самым создавая условия для моделирования оптимальной, инвариантной смысловой структуры; с другой стороны, они сами обусловлены воздействием компонентов системы.

В терминах лингвосинергетики параметры порядка можно представить как исходное состояние системы, ее стабильное функционирование. Они определяют, какие именно функциональные связи возникают в системе семантического пространства английского дискурса и за счет каких механизмов происходит его самоорганизация. Поскольку параметры порядка носят базовый характер и отражают типовые характеристики функциональных отношений, полноценный анализ функционального взаимодействия элементов дискурса возможен только с учетом различных взаимообусловленных факторов эволюции смыслового плана дискурса. Поэтому наиболее точная характеристика соотношения дискурсивных компонентов требует обращения к коммуникативной ситуации, общему контексту и его перспективы в функциональном плане.

Параметры порядка делятся на общие и специальные. Общими параметрами порядка дискурсивной системы являются логико-семантические отношения между высказываниями в дискурсе, так как они представляют собой объемные понятия. специальные параметры порядка представлены

прагма-семантическими отношениями, актуализирующими содержательную сторону коррелирующих высказываний. Логико-семантическое объемное соотношение пропозиций высказываний включает в себя прагма-семантические характеристики английского дискурса, поэтому они находятся в тесном взаимодействии и взаимосвязи [Пономаренко 2004, 2015; Храмченко 2014]. В данном исследовании анализируются функциональные отношения, которые образуются между пропозициями двух (и более) высказываний в дискурсе.

Систематизация функциональных отношений дискурса вносит значительный вклад в анализ процессов самоорганизации функционально-смысловых свойств английского дискурса и теорию функциональной характеристики дискурса.

3.2.1. Логико-семантические отношения

Поскольку дискурс представляет собой многоуровневую незамкнутую систему, для организации его иерархического смыслового пространства необходимы определенные регулятивные механизмы – то, что, например, в лингвосинергетике квалифицируется как параметры порядка системы дискурса. В этом качестве действуют функциональные отношения, формирующие и упорядочивающие внутренние и внешние связи того или иного фрагмента дискурса (коммуникативного блока) [Пономаренко 2015].

Коммуникативный блок представляет собой «совокупность высказываний, составляющую (относительно) законченное системное структурно-смысловое (сверхфразовое) единство, динамика которого направлена на достижение общей(-их) коммуникативной(-ых) цели(-ей)» [там же: 17]. Общее прагматическое значение блока включает в себя прагматические значения отдельных предложений, входящих в его состав, что может существенно модифицировать смысловой план коммуникативного блока. Коммуникативный блок отражает наиболее существенные характеристики репрезентируемого объекта – его структурно-смысловой

(цельность, единство, связность и относительную завершенность) и функциональный (осуществление коммуникации) аспекты. Коммуникативный блок, таким образом, предстает как сложная иерархическая система со свойственными ей специфическими интегративными качествами, которыми составные элементы не обладают вне этой системы [Пономаренко 2004].

Формирование и понимание смысла опираются на логические механизмы мышления и интеллектуальные операции [Свинцов 1995; Denkel 1999 b]. Описание мыслительных операций осуществляется с помощью «логических постоянных» и «логических переменных», что также может быть применимо к анализу формирования смысла. Логический анализ трансформации смысла позволяет описать его с определенной степенью абстрагирования, отвлеченности от частных составляющих его смыслового содержания и представить в достаточно схематизированном виде [Duffley 2021; Eijck 2011]. Однако активирование непосредственно содержательных семантических составляющих и их репрезентация в поверхностной структуре дискурса становятся возможными с применением сугубо лингвистических факторов, в нашем случае – принципов, предлагаемых функциональной лингвосинергетикой. Поэтому для настоящего исследования важным является применение органичного сочетания элементов логического анализа с операциями функционально-лингвистического анализа, которые, как будет показано далее, значительно дополняют друг друга при изучении механизмов формирования функциональных отношений.

Формирование функциональных отношений английского дискурса определяется смысловым и структурным взаимодействием компонентов и частей дискурса, а также воздействием на него внешней среды (расширенного контекста коммуникативной ситуации, личных параметров участвующих коммуникантов, потенциала предоставляемых общей языковой системой речевых средств). Функциональное взаимодействие элементов

дискурса определяет, в свою очередь, многообразие аспектов динамики дискурса – продвижения его смысловой системы к заданной коммуникативной цели. С этой точки зрения описание функциональных отношений английского дискурса является актуальным и закономерным.

Организующая роль функциональных связей между высказываниями изучается на разных уровнях структурно-смысловой системы дискурса. При этом наиболее общим, интегративным организационным уровнем речи выступает логико-семантический план дискурса, поскольку развертывание адекватных речемыслительных процессов определяется прежде всего общими логическими операциями человеческого сознания. Логико-семантические отношения между высказываниями образуют основу, некий каркас, формирующий так называемые общие параметры порядка – наиболее масштабные факторы самоорганизации дискурса, обеспечивающие макро-связи речевого произведения [Пономаренко 2015].

Логико-семантические отношения обеспечивают функциональную самоорганизацию английского дискурса и содержательно-смысловое взаимодействие между высказываниями. Данный тип связи дискурса отражает соотношение объемов пропозиций, репрезентирующих фрагменты описываемой действительности (реальной либо конструируемой) при помощи языковых средств их актуализации. Анализ активирования содержательных семантических составляющих и их репрезентации в поверхностной структуре дискурса, а также механизмов формирования функциональных отношений становится возможным с применением принципов, предлагаемых функциональной лингвистикой.

В русле формальной логики логико-семантические отношения представлены такими видами функциональной связи как тождество, включение, соподчинение, пересечение, исключение, причем каждый вид реализуется специфическими комбинациями речевых средств [Гак 1979; Пономаренко 2015; Свинцов 1995].

3.2.1.1. Тождество

При функциональных отношениях тождества объемы пропозиций коррелирующих высказываний репрезентируют один и тот же объект/явление/фрагмент действительности. При этом на первый план выдвигается именно объемное сопоставление, количественная оценка, поскольку содержательное наполнение двух или даже более высказываний, естественно, отличается и редко бывает полностью тождественным. Поэтому тождественность следует понимать как в определенной мере условную. Дискурсивное пространство и вся коммуникативная ситуация в целом непосредственно вызывают колебания как в объеме понятия, так и в смысловом плане.

The whole thing’s a mistake. It’s the wrong … (I. McEwan).

Well, we’ll see. We’ll see (J.K. Rowling).

[“What’s up, Cee?”] “Nothing. Nothing at all.” (I. McEwan).

Приведенные фрагменты можно охарактеризовать следующим образом. Несмотря на то, что ситуация-референт передается в двойном описании разными формами вербализации, смежные высказывания актуализируют в целом идентичные смыслы, и их объемы совпадают. Повторная номинация одного факта носит характер усиления, но репрезентируемые пропозиции не выходят за пределы друг друга с точки зрения корреляции их содержательного объема. Ситуация приобретает несколько иной ракурс описания, что не изменяет объема суждения.

Хотя в некотором роде подобное повторение тождественных понятий представляется избыточным, двойная номинация достаточно характерна для коммуникации между людьми – посредством перефразирования коммуниканты стремятся повысить эффективность речи и даже усилить воздействие на собеседника.

You. Yes, you. You’ll do (I. McEwan).

No money. Money hasn’t come (E. Gilbert).

Характерной особенностью логико-семантических отношений тождества между высказываниями в дискурсе является идентичность главных (ядерных) компонентов коррелирующих пропозиций при описании объектов, действий или состояний.

Ярким примером логических отношений тождества можно назвать тавтологический повтор, дословное повторение. И хотя в этом случае происходит точное совпадение объемов пропозиций, тождество, тем не менее, не будет абсолютным, поскольку функционально-коммуникативный потенциал дискурса приводит к усложнению прагматического плана речевого акта и, как следствие, к возникновению изменений, даже незначительных, в смысловом объеме пропозиции. При этом функционально-прагматическая значимость второй номинации приобретает более усложненное восприятие.

What’s so funny? ... I said, what’s so funny? (R. Bradbury).

[“I always cry at Puccini, Fannie.”] “Yes, dear man, but not so hard.” “Not so hard, true.” (R. Bradbury).

Boaz, Unk… I’m Boaz (K. Vonnegut II).

Логические отношения объемного тождества предполагают отклонение от принципа языковой экономии, поскольку двойная номинация одной и той же ситуации по определению порождает избыточность языковых средств. Возникновение такого типа отношений обусловлено потребностями коммуникантов в максимально эффективном осуществлении процесса взаимодействия. При том, что однократное выражение мысли может удачно передавать весь необходимый смысл и быть правильно воспринятым слушающим, а речевой акт может быть формально полным без повторения компонентов, двойная/тройная номинация, тем не менее, способствует появлению определенных тонов смыслового содержания высказывания, обеспечивает его адекватное восприятие обеими сторонами общения и, следовательно, конструктивный смысловой контакт, а также придает стилистическую глубину речевому акту в целом. С этой точки зрения

повторная номинация обоснована и несмотря на семантическую избыточность не является излишней. Наоборот, использование повтора может быть необходимым фактором реализации специфических коммуникативных задач (обогащения коммуникативно-функционального содержания и усиления иллокутивного эффекта дискурса) и поэтому представляет собой коммуникативно оправданную функциональную избыточность.

But children see them. Children see them all (S. King II).

Let’s hear all you can remember, Unk … Just remember all you can (K. Vonnegut II).

Кроме того, повторные номинации не являются равноценными: первичная номинация представляет собой базовый (определяемый, поясняемый) вариант пропозиции и обладает более самостоятельным статусом, тогда как повторная номинация – это определяющий, или поясняющий, компонент, находящийся в функциональной зависимости от первой номинации.

They’re going to close down Bellchapel Clinic … Got to make cuts (J.K. Rowling).

That’s the shyster question. The loophole. The escape clause (A. Rand).

Предложения в рамках представленных высказываний репрезентируют, по сути, одну ситуацию, и включение последующего предложения раскрывает импликации первого.

Таким образом, при отношениях тождества очевидно совпадение объемов коррелирующих пропозиций дискурса – отнесенность суждений к одному референту (факту, событию, действию), которые в функциональном плане не являются абсолютными дубликатами. В то же время, вторая номинация усложняет прагматический потенциал всего смыслового пространства дискурса, усиливая коммуникативный эффект. Логико-семантические отношения тождества служат достижению различных прагматических целей – фокусирование на определенных оттенках смысла и

акцентирование того или иного компонента значения, придание эмоциональной окраски высказыванию, воздействие на собеседника.

Основным типом прагма-семантических отношений, возникающим при тождестве объемов понятий, является пояснение.

3.2.1.2. Включение

При логико-семантических отношениях включения (или подчинения) связь между пропозициями выстраивается таким образом, что объем одной полностью вбирает в себя объем другой – происходит формирование отношения целого–части / общего–конкретного. Одна из пропозиций, соответственно, имеет больший смысловой объем и подчиняет пропозицию меньшего объема – подчиняющий (включающий) и подчиненный (включаемый) смысловые компоненты [Гак 1979; Пономаренко 2015; Свинцов 1995]. Возможно даже поглощение смыслового объема одного компонента дискурса смыслом другого. При этом для формирования надлежащего смысла в конкретном дискурсе соположение этих компонентов-высказываний не является фиксированным – включающее может функционировать как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к включаемому.

It’s regrettable, Etsuko, but you see, my daughter doesn’t seem to share my sense of humour. She doesn’t find it quite so amusing here (K. Ishiguro).

I owe everybody money… I borrowed a hundred pesetas from Montoya to-night (E. Hemingway).

He tried to avoid these thoughts. He had to stand on guard against his own feeling (A. Rand).

Как было сказано, включающее суждение обладает большим смысловым объемом по сравнению с включаемым. Тем не менее, для функциональной лингвистики количественное соотношение объемов не столь принципиально. Более значимым в данном случае является коммуникативно-функциональная нагрузка понятий – включаемый

компонент может доминировать в процессе формирования смысла и коммуникативной направленности речевого акта в целом. Объемное включающее понятие может занимать второстепенную позицию в процессе формирования функционального смысла дискурса, в то время как включаемое приобретает характер ядерного элемента, привнося ситуативную релевантность речевому акту.

Uriah points to something. Attached to one of the poles on top of the tower is a steel cable ... On the ground is a pile of black slings made of tough fabric … (V. Roth II).

Rosemary smiled at Amy. Her smile was sweet and her old eyes were blue (J. Cheever).

В приведенных примерах базовое высказывание, в принципе, не дает разъяснения происходящему, представляя ситуацию в широком, общем ракурсе. Второе (и третье) высказывание, обладающее большей информативностью и конкретизирующее события, действия, состояния, дает возможность автору выразить, а реципиенту осознать полноценный смысл коммуникативной ситуации, необходимый для эффективного взаимодействия участников коммуникации.

Таким образом, для функциональной лингвистики важным является не количественное соотношение объемов пропозиции и даже не иерархия дискурсивных компонентов формирования смысла, но роль каждого из них в процессе качественного наполнения коммуникативности речевого акта.

Включение представляет собой отношения общего и частного, целого и части; в терминах логики этот тип связи отражает включение элемента в класс или подкласс подобного ему множества, который далее входит составной частью в другое множество [Кириченко 1987]. Интерпретируя данное понимание включения в категориях функциональной лингвистики, можно сказать, что при описании общей коммуникативной ситуации внимание фокусируется на отдельном факте более широкого контекста, который, в свою очередь, является фрагментом еще более широкой

действительности. В задачи анализа дискурса в данном случае входит выявление различных аспектов, оттенков и нюансов отношения этого типа и установление того, как именно языковые средства актуализируют его в процессе выстраивания смыслового пространства английского дискурса.

Реализация отношений включения может осуществляться в двух направлениях.

Во-первых, включаемое высказывание конкретизирует содержание включающего, сужая тем самым объем выражаемого суждения, за счет чего происходит смысловое продвижение повествования от общего к частному. Первая обобщенная номинация, с одной стороны, нацелена на активизацию общей концептуальной системы адресата, что в дальнейшем будет способствовать восприятию частного сообщения; с другой стороны, она отражает необходимость в создавшихся условиях уточнения, конкретизации общей ситуации.

(1) I felt so terribly. I’ve been through such hell (E. Hemingway).

(2) Richard from Texas has some cute habits. Whenever he passes me in the Ashram and notices by my distracted face that my thoughts are a million miles away, he says, “How’s David doing?” (E. Gilbert).

Так, в представленных фрагментах пропозиция второго предложения сужает, конкретизирует общее положение дел, заявленного в первом высказывании, за счет чего базовое предложение приобретает обоснованность и убедительность. Кроме того, усилительные элементы, например, существительное *hell* в (1), прилагательное *cute* и выражение *a million miles away* в (2), повышают коммуникативно-смысловую значимость частного факта в рамках общей ситуации, за счет чего она воспринимается более эмоциональной и оригинальной. Конкретизация, выражаемая во втором высказывании, выдвигает его пропозицию в центр функционального поля фрагмента дискурса, тем самым восполняя коммуникативную незавершенность и даже семантическую недостаточность пропозиции первого высказывания. Это еще раз доказывает, что в процессе

формирования смысловой системы дискурса более объемное базовое суждение может занимать функционально второстепенную позицию, тогда как центральная роль принадлежит второму высказыванию, приобретающему в коммуникативной ситуации функционально доминирующее положение.

Кроме того, обращение внимания реципиента на конкретный факт может оказывать на него эмоциональное воздействие [Радюк, Конькова 2017; Malyuga, Orlova 2018]. В этом случае включаемый элемент детализирует событие, состояние и т.д., тогда как включающее представляет расширенную ситуацию, частью которой является выделенный ранее факт, участвующий в формировании общей картины действительности, которая должна сложиться у коммуникантов.

People like that are so hopeless. I suppose I ought to feel sorry for Cathy (K. Ishiguro).

Some ground rules … You have to be in the training room by eight o'clock every day. Training takes place every day from eight to six, with a break for lunch. You are free to do whatever you like after six. You will also get some time off between each stage of initiation (V. Roth II).

В представленных примерах отношения включения формируются на основе описания ситуации через указание на определенный факт, входящий в нее составным элементом и далее в контекст более широкого фрагмента действительности. Вторая номинация сужает объем пропозиции базового высказывания, конкретизируя его содержание. Подобный способ продвижения повествования предполагает привнесение коммуникативно-необходимых уточнений в обобщенное описание ситуации, представленное в первом высказывании, за счет чего внимание реципиента фокусируется на конкретной части общей ситуации как на главном смысловом элементе фрагмента дискурса, без которого базовое высказывание является коммуникативно-недостаточным и нуждается в логико-семантическом сужении.

Во-вторых, при формировании отношений включения от частного к общему, как, например, в следующих предложениях, семантические модификации базируются на расширении, являющемся эффективным способом акцентуации какого-либо факта или усиления модального воздействия:

I'll pay it back … I always pay everything back (E. Hemingway).

But I don't expect you to understand it. Not a stainless-steel Puritan like you (A. Rand).

Представленный в первом высказывании частный факт включается в общую ситуацию, или даже множество подобных ситуаций, выраженную второй номинацией. Подобным образом подчеркивается важность отдельного факта в системе общих представлений участников коммуникации.

Генерализация смыслового содержания первого высказывания приводит к формированию прагматики обоснованности, закономерности, некоего признания заявленной мысли. Поэтому, с одной стороны, такой способ представления действительности отражает личное отношение говорящего к обсуждаемому факту, но, с другой, его включение в контекст обобщенной ситуации, показывающей общепринятое положение дел, подтверждает объективность и мотивированность высказанной точки зрения.

Принципиальное значение для формирования отношений включения может иметь формально-структурная организация определенного фрагмента английского дискурса, то есть расположение взаимодействующих высказываний, в данном случае – включающего и включаемого.

(3) I don't remember what her husband does. I met him once (K. Ishiguro).

(4) "*[Rankings?]* Why are we ranked?" … "Your ranking serves two purposes." (V. Roth II).

(5) I never liked to hunt, you know. There was always the danger of having a horse fall on you (E. Hemingway).

В предложении (3) формирование отношений включения не зависит от расположения пропозиций высказываний – изменение порядка их следования не отразится на смысловом объеме дискурса. Однако иногда, как, например, в (4), если пропозиции поменять местами, дискурс утрачивает логику и смысл. Кроме того, нередки случаи, когда изменение расположения пропозиций влечет за собой модификацию функциональных связей между ними и трансформацию прагма-семантической направленности дискурсивного пространства (при этом их смысловой объем остается без изменений как больший и меньший). Так, в (5) при изменении расположения включающего и включаемого предложений мы наблюдаем иное распределение функциональной нагрузки. Если высказывания расположить в обратном порядке – *There was always the danger of having a horse fall on you. I never liked to hunt, you know.* – смысловой вектор фрагмента смещается от прагматики обоснования (изначальное расположение пропозиций) к прагматике экземплификации (*I never liked to* hunt) и представляет собой один из возможных вариантов/примеров деятельности, связанной с последствиями от *There was always the danger of having a horse fall on you*). При этом подобное расположение пропозиций предполагает дополнительные пояснения, комментарии говорящего или даже собственную интерпретацию происходящего реципиентом.

Итак, функциональная значимость включения состоит в усилении эффективности общения и взаимопонимания между участниками коммуникации. Это осуществляется за счет привлечения конкретных, частных, специфичных фактов и данных, позволяющих коммуникантам глубже оценить общую ситуацию, поскольку обобщенное представление фрагмента действительности зачастую оказывается недостаточным при коммуникативном взаимодействии.

I don’t like Venice. Not enough streetlights. And those damned oil wells pumping all night long, no letup, with a case of the moans (R. Bradbury).

The lady next door takes care of me. Comes and rearranges me twice a day, and puts out the food (R. Bradbury).

Dagny sat at the end of the counter, eating a hamburger sandwich. It was the best-cooked food she had ever tasted, the product of simple ingredients and of an unusual skill (A. Rand).

Однако анализ некоторых фрагментов английского дискурса показывает, что зачастую для адекватного развития коммуникативного процесса требуется объединение, генерализация отдельных фактов, что обеспечивает общую объективную оценку частных суждений или событий.

I don’t know his name or anything about him. I never knew any of the men on my husband’s staff (A. Rand).

Never mention that … That’s the sort of thing that can’t be spoken of. That’s what you ought to work up into a mystery (E. Hemingway).

In some way? ... In every way! (K. Vonnegut II).

В рамках функциональной прагма-семантической характеристики дискурса логико-семантические отношения включения проявляются в номинациях уточнения и нарастания. Отношения уточнения также подразделяются на специализацию, партитивность и экземплификацию.

3.2.1.3. Пересечение

Следующий тип соотношения пропозиций по объему – пересечение, или перекрещивание. Логика трактует данный тип корреляции как соотношение понятий или элементов, входящих в объемы сравниваемых объектов и образующих область пересечения этих объемов. То же распространяется и на логико-семантическую организацию английского дискурса – в процессе формирования отношений перекрещивания пропозиции коррелирующих высказываний образуют некую общую область пересечения, которая является частью каждой из пропозиций, но смысловые объемы пропозиций не сводимы только к этой части.

Функциональная лингвистика понимает данный вид отношения как совпадение определенной части ситуации при ее двойной (или даже многократной) номинации. При этом важным для формирования дискурсивного смысла является не только дублируемый, общий для высказываний, пропозициональный сектор, но и дополнительные компоненты и характеристики фрагмента действительности, не вошедшие в область пересечения.

When the chopper finally set down on the Goyas stern deck, Rachel Sexton felt only half-relieved. The good news was that she was no longer flying over the ocean. The bad news was that she was now standing on it (D. Brown I).

Высказывания в приведенном фрагменте образуют контекстуальную связь за счет описания факта в рамках общей ситуации – эмоциональное состояние главного героя (*half-relieved*). Поскольку данный семантический компонент отражен во всех предложениях, именно он образует область пересечения их пропозиций. В то же время повторные номинации репрезентируют ситуацию с разных ракурсов (*good news*, *bad news*), акцентируя ее разные аспекты, обосновывая идею базового высказывания и тем самым создавая объемное представление о происходящем.

В этом выражается схожесть отношений пересечения с отношениями тождества и включения, когда двойная номинация усиливает, конкретизирует определенную часть пропозиций, но при этом их индивидуальные элементы не допускают полного поглощения семантической нагрузки одного высказывания семантикой другого. В результате происходит формирование нелинейного открытого функционального пространства дискурса.

Такое же соотношение пропозиций наблюдаем и в следующих примерах:

(1) It’s a national catastrophe! ... Don’t you see that it’s a fatal blow? It will break the last of the country’s morale and economy! (A. Rand) – область пересечения – *it* (событие).

(2) Where is my hat, by the way? Must have put it back on the peg. Or hanging up on the floor (J. Joyce) – область пересечения – *hat* (объект).

(3) He probably got lost trying to find cream for his coffee. I'm telling you, I went to Princeton postgrad with this guy, and he used to get lost in his own dorm (D. Brown I) – область пересечения – *he* (человек).

Как правило, область пересечения является полностью идентичной в плане языкового выражения в обеих пропозициях, например, (1) и (3). Однако, как мы видим в предложении (2), средства репрезентации области пересечения могут отличаться – *hat* и *it*, либо вовсе отсутствовать – третья номинация фрагмента.

Подобная «скрытая» область пересечения характерна также при формировании данного типа отношений выражениями типа *so/neither do I* и т.п.:

"Susan wants to go see the Abnegation," he says. "And so do I." (V. Roth I).

She probably can't handle it. Neither can you, but she doesn't have to handle it (J. Green).

Областью пересечения семантики коррелирующих высказываний является общее для сопоставляемых пропозиций действие (нашем случае – *see* и *handle*) или состояние, выраженное в базовом предложении, но не эксплицируемое во второй номинации. При этом производители действия или носители состояния различны, что вызывает появление самостоятельных семантических компонентов и отражает смысловое отличие коммуникативных блоков, образуемых пропозициями высказываний в отдельности.

Отношения пересечения являются эффективным средством формирования смыслового пространства дискурса, поскольку они способствуют целостности восприятия ситуации за счет сцепления, переплетения пропозиций, последовательно развивающих мысль говорящего и придающих ей убедительность и обоснованность. Разноплановая двойная номинация определенной части ситуации выделяет ее на фоне

сопутствующих обстоятельств и повышает ее значимость и коммуникативный эффект.

Нередко отношения пересечения сложнее идентифицировать в сравнении с другими типами логико-семантических отношений. Например:

Don’t get angry. He wants to get a rise out of me; he won’t (V. Roth II).

В данном фрагменте в разных ракурсах описывается одна и та же ситуация – восприятие автором дискурса определенного человека, поэтому объемы пропозиций высказываний частично совпадают. Базовое высказывание номинирует ситуацию посредством повелительного наклонения, тем самым выражая рекомендацию относительно линии поведения адресата в сложившихся обстоятельствах. Кроме того, то, что в первом высказывании автор обращается к самому́ себе (является одновременно и автором дискурса, и реципиентом), усиливает напряженность общей ситуации и подчеркивает наличие неприязненных взаимоотношений между участниками ситуации. Во второй номинации репрезентируется оценка обстоятельств и возможный вариант дальнейшего развития ситуации. Иными словами, один и тот же фрагмент действительности передается разными грамматическими конструкциями (наклонениями), что способствует представлению ситуации под разным углом. Хотя в первом высказывании человек, о котором идет речь, не представлен эксплицитно, он, тем не менее, является общим элементом пропозиций обоих предложений, что и позволяет квалифицировать тип связи между ними как пересечение или перекрещивание.

Подобное соотношение объемов высказываний также наблюдаем в следующем примере:

He doesn’t want you to spread it … You should fold it and keep it in your lap (E. Hemingway).

Таким образом, логико-семантические отношения пересечения представляют описываемый фрагмент действительности с разных ракурсов, тем самым превращая ситуацию в объемную и многомерную. Это также

обусловливает нелинейность, неравновесность и незамкнутость формирования дискурсивного пространства. Благодаря асимметрии человеческого мозга и синергийности протекающих в нем процессов коммуниканты способны воспринимать и осмысливать ситуацию в обобщенном, целостном виде и даже как бы со стороны.

Логико-семантические отношения пересечения активизируют и регулируют содержательно-смысловое взаимодействие высказываний в дискурсе и реализуются в следующих типах прагма-семантических отношений: оппозиция, альтернатива, продвижение, экспликация, прагматический комментарий.

3.2.1.4. Соподчинение

Соподчинительные отношения отражают корреляцию пропозиций, которые включены составными компонентами в объем широкой общей ситуации. Эта ситуация может быть эксплицитно представлена в дискурсе либо имплицитно выражена контекстом. Она репрезентирует некий общий фрагмент дискурса, или коммуникативный блок, подчиняющий объемы пропозиций коррелирующих высказываний.

He straightened up against the back of his chair and tasted his drink. His rooms were well above the noise of traffic and it was quiet there (J. Cheever).

So, he went over to the biscuit tin Bob Doran left to see if there was anything he could lift on the nod, the old cur after him backing his luck with his mangy snout up. Old Mother Hubbard went to the cupboard (J. Joyce).

Включаясь в общее описание ситуации, коррелирующие пропозиции характеризуют различные ее составляющие. Зачастую между ними не наблюдается связи, выраженной непосредственно в поверхностной структуре, но она органично представлена в контексте. Развертывание ситуации происходит за счет специфического и при этом равноправного участия каждой пропозиции. Их равноценность в общей функциональной нагрузке коммуникативного блока подтверждается тем, что они не могут

заменять друг друга, поскольку каждое высказывание описывает разные фрагменты общей ситуации. Иными словами, полноценное формирование объемов высказываний возможно только в рамках общего коммуникативного блока, по отношению к которому они выступают соподчиненными компонентами.

Таким образом, для соподчинения характерно такое объемное соотношение высказываний, при котором определенная часть анализируемого дискурса формально не выражена в поверхностной структуре (речевыми компонентами) дискурса и остается в импликации. Поэтому ее необходимо реконструировать из контекста – описания объекта, факта, ситуации, события.

Как уже было сказано, отношения соподчинения описывают общую ситуацию с разного ракурса, ее различные составляющие. Поэтому для отношений данного типа характерно наличие всевозможных деталей в объемах высказываний:

Francisco’s airplane was hidden in the brush, on the edge of a meadow beyond the next hill. There were no human habitations for miles around them. There were no eyes to notice or to question the sudden streaks of the airplane’s headlights … and the violent burst of the motor (A. Rand).

When I woke in the morning I went to the window and looked out. It had cleared and there were no clouds on the mountains (E. Hemingway).

The messenger looked her up and down, made her feel naked. His body threw off heat, and the heat enveloped her suffocatingly (K. Vonnegut II).

Поскольку отношения соподчинения отражают референтную ситуацию и ее различные аспекты как отдельные составляющие общего фрагмента действительности и общая ситуация описывается через разные, казалось бы, тесно не связанные между собой события, действия, состояния, для них характерно наличие разных деятелей или носителей состояния в пропозициях смежных высказываний. Например:

… Unk was the father of her child. Life was like that (K. Vonnegut II).

Every lifted voice sends a jolt through me. I've sat through plenty of arguments in my life, mostly in the last two months, but none of them ever scared me like this. The Amity aren't supposed to argue (V. Roth I).

Отношения соподчинения можно сравнить с отношениями включения, поскольку в обоих случаях коррелирующие пропозиции входят в смысловой объем более широкого фрагмента дискурса. Однако соподчинение отличается своеобразным характером логико-семантического взаимодействия. Взаимодействие объемов пропозиций в отношениях данного типа (соподчинение-координация) приводит к возникновению имплицитной области взаимного наложения, которая представлена в анализируемом коммуникативном блоке без собственно вербального выражения и поэтому является лишь подразумеваемой. За счет этого смежные компоненты дискурса как бы расходятся на поверхностном, формальном уровне. Таким образом, коррелирующие высказывания играют опосредованную роль в процессе формирования функциональной системы дискурса через имплицируемую общую семантическую область, которая координирует их смысловые объемы в рамках функциональной системы фрагмента дискурса.

Логико-семантические отношения соподчинения характерны для фрагментов дискурса, реализующих прагма-семантические отношения альтернативы, оппозиции, продвижения, каузации.

3.2.1.5. Исключение

Для отношений исключения характерно отсутствие общих элементов в объемах коррелирующих пропозиций. При этом речь не идет о бессвязных текстах, беспорядочные фразы которых семантически не взаимодействуют между собой и, как следствие, не образуют связный дискурс. Наоборот, при отношениях исключения именно пропозиционально не связанные высказывания и их дистантное расположение дополняют смысловое пространство дискурса.

The swift death of Mrs. Compton's smile did not affect Blake at all. The

Comptons lived in the house next to the Blakes, and Mrs. Compton had never understood the importance of minding her own business. Louise Blake took her troubles to Mrs. Compton, Blake knew, and instead of discouraging her crying jags, Mrs. Compton had come to imagine herself a sort of confessor and had developed a lively curiosity about the Blakes' intimate affairs. She had probably been given an account of their most recent quarrel. Blake had come home one night, overworked and tired, and had found that Louise had done nothing about getting supper (J. Cheever).

By night the wires on the high poles tell evil tales in the dripping mist. The water in the canals goes blind with scum. Flint, struck, gives no spark. Women, touched, give no warmth (R. Bradbury).

Отсутствие общих пропозициональных элементов можно наблюдать и в объемах смежных контактных высказываний дискурса. Это характерно для нелинейного развертывания английского дискурса. Как известно, линейное развитие дискурса предполагает переход ремы одного высказывания в тему последующего или возникновение производных тем высказываний (а также связанных с ними рем) и отклонение от общей темы, что обусловливает тематическую прогрессию и смысловую и синтаксическую связность высказываний как непременное условие формирования и функционирования дискурса. Однако благодаря функциональной нелинейности дискурса становится возможной его недетерминированная, свободная организация. Иными словами, нет четкой зависимости типа и свойств речевого акта от предшествующего или последующего; скорее, задаются условия для продолжающего коммуникацию речевого акта, который является более уместным, адекватным, соответствующим продвижению коммуникативной цели [Макаров 2003]. С другой стороны, даже уместность последующего речевого высказывания далеко не всегда прослеживается в коммуникативном взаимодействии [Пономаренко 2004]. Это объясняет типичность для англоязычной литературы неожиданной смены темы и дальнейшего вектора коммуникативного процесса, что приводит к отсутствию общих элементов в

пропозициональном объеме высказываний и формированию логико-семантических отношений исключения.

She turned and looked at her husband. The rain had stopped suddenly (J. Cheever).

The bus climbed steadily up the road. The country was barren and rocks stuck up through the clay (E. Hemingway).

I leaned way over the wall and tried to see into the cage. It was dark (E. Hemingway).

Характер взаимодействия и функциональную роль коррелирующих пропозиций, объемы которых находятся в отношениях исключения, можно определить именно в рамках контекста. С другой стороны, этому способствует человеческое сознание, осмысливающее и систематизирующее всевозможные объекты действительности, даже если их языковая репрезентация кажется нелогичной и несвязанной.

Логико-семантические отношения исключения соотносимы с соподчинением, поскольку как в одном, так и в другом случае именно широкий контекст коммуникативного блока выявляет соотношение коррелирующих высказываний. При этом очевидно и их отличие.

(1) But he’s still sad about it. Though there’s a general sadness around Rome right now, anyway. The weather has turned cold (E. Gilbert).

(2) “I’ll just have to hope she’ll phone me in the next day or so.”

“Poor boy. Sick with love.”

“Sick with death. The awful thing is, Fannie, I didn’t even know that old man’s name! And isn’t that a shame?” (R. Bradbury).

Так, область совпадения объемов коррелирующих высказываний в (1), находящаяся в импликации, может быть восполнена посредством введения дополнительных элементов, например, *because*, *as*, *so* и т.д. – *there’s a general sadness around Rome right now as the weather has turned cold* или *The weather has turned cold, so… there’s a general sadness around Rome right now*.

Благодаря этому становится возможным проследить плавный переход от одного смыслового элемента к другому.

Для отношений исключения как, например, в (2), из-за полного изменения тематического вектора плавные переходы к новой пропозиции не характерны в принципе. Для уточнения логико-семантического соотношения пропозиций необходимо привлечение довольно объемного фрагмента дискурса.

Логико-семантические отношения исключения представлены прагма-семантическими отношениями переключения.

3.2.2. Прагма-семантические отношения

Логико-семантическое соотношение объемов пропозиций является важной, если не базовой, характеристикой взаимодействия языковых единиц в дискурсе. Их применение как семантического критерия представляется неотъемлемым при систематизации функциональных связей дискурса. За счет своего достаточно абстрактного характера логико-семантические объемные отношения образуют общие параметры порядка. В их рамках актуализируются специальные параметры порядка – прагма-семантические отношения, выступающие в качестве частных, зависимых связей между высказываниями.

Являясь общими параметрами порядка системы английского дискурса, логико-семантические отношения направлены, с одной стороны, на сохранение системы дискурса и, с другой стороны, на установление взаимосвязи между дискурсом и концептуальной системой коммуникантов, их сознанием. Кроме того, они поддерживают активное взаимодействие дискурса с внешней средой. Благодаря прагма-семантическим отношениям как специальным параметрам порядка возможен анализ содержательных, смысловых характеристик английского дискурса и, как следствие, описание разнообразных смысловых отношений, реализуемых в рамках логико-семантических связей.

В содержательном плане смысловые отношения являются достаточно постоянными величинами, поэтому члены языкового коллектива, как правило, одинаково понимают и используют их. Поскольку в языке все основывается на отношениях [Варшавская 1984], анализ семантических отношений способствует разностороннему исследованию и глубокому пониманию особенностей функционального пространства дискурса. Кроме того, использование семантического критерия при систематизации и описании функциональных связей английского дискурса представляется целесообразным, поскольку основывается на репрезентации понятий через определенную, языковую, знаковую систему [Пономаренко 2004].

Для полноценного анализа функциональных связей системы английского дискурса необходимо, с одной стороны, рассмотрение соотношения объемов взаимодействующих пропозиций и, с другой стороны, – содержательно-смысловой корреляции высказываний и репрезентируемых ими объектов/фактов/событий, а также особенностей языковой репрезентации мысли, выражения коммуникантами прагматической оценки описываемого события, явления, состояния и т.п.

Формирование и понимание смыслового пространства дискурса зависит также от так называемых вербализаторов – ядерных операторов – смысловых отношений. Их значение актуализируется в контексте и дополняет, со своей стороны, сам контекст. В процессе формирования смысловых связей вербализаторы проявляют и определяют семантическое взаимодействие репрезентируемых ими номинаций, благодаря чему в зависимости от контекста репрезентируются различные семантические значения и оттенки.

Поскольку прагма-семантические смысловые связи дискурса довольно разнообразны и, скорее всего, не ограничены, полная их систематизация не представляется возможной. Поэтому в нашем исследовании мы описываем основные, наиболее частотные, типы смысловых отношений между компонентами английского дискурса, принимая во внимание их широкий

потенциал, вариативность и комплексность в реальном процессе коммуникации. Достижению данной цели способствует применение принципов системно-функциональной лингвистики и метода дискурс-анализа.

В основе любой функциональной категории языковой системы лежат логические категории, а реализация функциональной связи обусловлена психологическими и логико-мыслительными процессами, направляющими коммуникацию в необходимое продуктивное русло.

В данной работе мы анализируем такие типы прагма-семантических отношений английского дискурса, как пояснение, уточнение, продвижение, переключение, нарастание, оппозиция, альтернатива, каузация, прагматический комментарий. Перейдем к их более подробному рассмотрению.

3.2.2.1. Пояснение

Пояснение представляет собой тип отношений английского дискурса, реализуемый между двумя высказываниями, первое из которых является базовым (поясняемым) суждением, а второе – его повторной номинацией (поясняющим), уточняющей и вносящей дополнительные смысловые компоненты в описание референтного факта или события [Обухова 1990; Пономаренко 1999; Русская грамматика 1980; Торжок 2015]. При этом следует иметь в виду, что «пояснение» как термин функциональной лингвистики не равнозначен «пояснению» в обычном бытовом понимании (когда любые компоненты текста, вносящие дополнительную информацию об описываемом факте или событии, воспринимаются как его пояснение). В нашем случае термин «пояснение» имеет четкие квалификационные признаки – обе пропозиции:

- относятся к одному и тому же факту;
- совпадают по объему описываемой ситуации;

- семантически коррелируют как поясняемое и поясняющее (восполняющее семантическую недостаточность первой номинации).

Например:

Gus was here earlier. He was here when I woke up (J. Green).

I think he does not know what remorse is. He is completely unmoral (S.W. Maugham).

They all think you’re mad. The Nut, they call you. The Fool, on occasion (R. Bradbury).

You’re very attractive … You look so much better (A. Rand).

Из примеров видно, что хотя новые семантические компоненты во втором (и третьем) предложении конкретизируют и более полно передают смысловое содержание базовой (первой) пропозиции, соотношение объемов коррелирующих суждений в целом не изменяется. При этом высказывания, идентичные по объемам пропозиций, все же отличаются по содержательному потенциалу: поясняемый и поясняющий компоненты дискурса соотносятся как менее информативный и более информативный соответственно и поэтому не предполагают полной эквивалентности. Это делает введение в контекст поясняющего компонента логичным, что, в свою очередь, позволяет представить ситуацию более объемно. Именно за счет взаимодействия пропозиций поясняемого и поясняющего происходит формирование семантики пояснения.

Christina will be there at my interrogation. She will hear what I did to Will (V. Roth I).

You’re like a millennial Natalie Portman. Like *V for Vendetta* Natalie Portman (J. Green).

This is a hard place. Only hard things survive here … (K. Follett).

Повторная номинация события вносит дополнительные семантические компоненты, отсутствующие в первом высказывании, и, таким образом, раскрывает ситуацию более полно, что создает необходимые условия для

правильного понимания сообщения реципиентом и продвижения к коммуникативной цели.

В функциональном плане отношения рассматриваемого типа выполняют роль расширения – посредством второй (поясняющей) номинации базовое высказывание приобретает дополнительные, отсутствующие в нем, семантические компоненты. Кроме того, происходит и синтаксическое развертывание – линейное расширение грамматической структуры высказывания.

Пояснительная связь может выполнять функции: двойного именования референта (1); выражения семантики объяснения/толкования/конкретизации (2); устранения коммуникативной недостаточности сообщения (3); эмоционального усиления (4). Например:

(1) None of them had wrinkles. None of them had gray hair. None of them looked old (R.S. Sharma).

(2) He paid no attention to Marcial. Marcial was the sort of thing he knew all about (E. Hemingway).

(3) The cabin was filled with a strange, rustling, coughing sound. It was laughter (K. Vonnegut II).

(4) It’s not fair… It’s just so goddamned unfair (J. Green).

Наряду с пояснением, реализуемым в конструктах свободного формата (когда пояснительные отношения формируются на основе содержательно-смыслового, а не структурного соотношения компонентов), например, в (5), следует отметить и более четко структурированные пояснительные номинации. Среди характерных средств выражения пояснительной функциональной связи можно назвать лексико-синтаксический параллелизм (6), расширительный повтор (7), парцелляцию (8), а также использование формальных маркеров в виде союзов, союзных речений и их эквивалентов *in other words, in fact, that is, namely* и т.п. (9):

(5) I actually dream about it sometimes … Dream of being woken up by that peal of thunder and finding her gone (A. Huxley).

(6) Someone had broken the lock on Fannie’s door. Someone had wanted something. Someone had gone in to search (R. Bradbury).

(7) Don’t you ever say that. Don’t you ever say that Johnny isn’t going to wake up (S. King I).

(8) Women made such swell friends. Awfully swell (E. Hemingway).

(9) Therefore, the personal becomes secondary. That is, the personal is necessary only to the extent needed to make the relationships clear (A. Rand).

Пояснительные номинации включают такие подтипы отношений, как репрезентация, экспликация и реконструкция.

3.2.2.1.1. Репрезентация

Отношения репрезентации можно охарактеризовать как «собственно пояснительные» – ядро категории пояснения. Данный подтип отношений образуется равнообъемными пропозициями высказываний, являющимися семантически идентичными и описывающими один и тот же объект/факт/событие/ситуацию и т.д.

Don’t you know everything? ... Does anybody have to tell you anything? (K. Vonnegut II).

You will have two marriages in your life. One short, one long (E. Gilbert).

Идентичность высказываний обычно отражена не только в содержательном, но и в структурно-грамматическом аспекте – предложения в целом дублируют синтаксическую структуру друг друга, как, например:

He had no pleasure at Norland. He detested being in town (J. Austen).

В приведенном фрагменте коррелирующие высказывания идентичны как в содержательном, так и в структурном плане: выражение отрицания в первом предложении (*had no pleasure*) соотносится с отрицанием во втором предложении (*detested* – глагол утвердительный по форме, но передающий отрицательное значение, эквивалентное частице *not*).

Подобное наблюдаем и в следующих фрагментах:

Come back! Don’t go! (E. Gilbert).

I don’t mean you shouldn’t share them now. I mean you should never share them with anyone, ever, no matter what happens (V. Roth II).

Высказывания, связанные репрезентативной связью, иногда можно назвать синонимичными, поскольку при различном структурном оформлении коррелирующих пропозиций им присуще совпадение характерных признаков – общая тематика коммуникативного блока, общность участников коммуникативной ситуации, действия или состояния и т.д. Наличие этих признаков помогает квалифицировать семантическую связь как репрезентативную независимо от степени формальной «проявленности» пояснительного отношения в поверхностной структуре текста.

Репрезентативная связь предполагает некоторую созависимость коррелирующих высказываний; при этом первое предложение является более самостоятельным по отношению ко второму, поясняющему. В то же время с позиции функциональной нагрузки в более широком фрагменте дискурса их можно считать относительно равноправными.

Then he turned and looked at her. It was an impersonal glance, not intended to invite conversation (A. Rand).

I had the same idea as you … Wanted to have a look at the savages (A. Huxley).

I didn’t need the street number. There is only one building on that square that could possibly be relevant – the Almas Shrine Temple (D. Brown II).

Хотя вторая номинация детализирует, объясняет, смысловой объем первой пропозиции, это не меняет общий контекст ситуации, поэтому объемы высказываний, по сути, совпадают. Однако именно информативная нагрузка высказываний делает их неидентичными и неравнозначными – поясняющая номинация является более информативной, поскольку привносит дополнительные характеристики объекта ситуации, за счет чего происходит не просто дублирование первой номинации, но ее толкование, конкретизация и в некоторой степени уточнение.

Итак, репрезентация является наиболее ярким и типичным выражением функциональных свойств и характеристик прагма-семантических отношений пояснения.

3.2.2.1.2. Экспликация

Функциональная связь экспликации раскрывает смысл компонентов, имплицитно присутствующих в семантической структуре базового высказывания, но не выраженных в его поверхностной структуре:

You’re an expatriate. You’ve lost touch with the soil. You get precious. Fake European standards have ruined you (E. Hemingway).

How many people know about this? ... About manipulating the simulations? (V. Roth II).

 From this angle … X-I-I-I becomes a valid Roman numeral – thirteen. Moreover, the rest of the characters can be interpreted using the Roman alphabet – SBB (D. Brown II).

Появление новых коммуникативно значимых компонентов в поясняющем высказывании способствует устранению коммуникативной недостаточности и предупреждению возможного несогласия или недопонимания со стороны адресата.

Являясь подтипом отношений пояснения, экспликация сравнима по своим характеристикам с репрезентативной функциональной связью, поскольку она также дает толкование семантико-содержательному плану референтного суждения. Главная общность этих двух типов отношений состоит в двойном описании ситуации посредством пояснительных элементов, реализующих функцию разъяснения, толкования, углубления смысла пропозиций, которые в целом не меняют ее объем. Достаточно точно описывая смысловой компонент, общий для коррелирующих пропозиций, репрезентативная и экспликативная функциональные связи тем не менее не направлены на пояснение его роли в дальнейшем развитии ситуации. Для этого необходим более широкий контекст.

При наличии определенных общих параметров эти два типа пояснительных отношений все же не являются тождественными, так как при экспликации факт, событие, состояние и т.д., описываемые в базовой пропозиции, не дублируются во втором предложении (как при репрезентации), но раскрываются с других ракурсов, репрезентируя разные аспекты общей ситуации, что делает ее описание более объемным. Например:

“It was a bad day for everyone, Henry.” “I’m still huffing and puffing.” (R. Bradbury).

Dreadful, this. Barry. Awful shock (J.K. Rowling).

Как видно из представленных примеров, описывая один и тот же фрагмент действительности, пропозиции высказываний не являются идентичными. Базовое предложение, хотя и выражает личное отношение говорящего, представляет собой в большей степени констатацию факта, объективную оценку происходящего, тогда как второе предложение передает эмоциональное восприятие ситуации, что, с одной стороны, подтверждает резонность высказанного в базовом высказывании мнения, а с другой, придает ситуации новую модальность – выражение эмоционального эффекта от названного факта.

Усиление эмоциональности общей ситуации за счет пропозиции второго предложения наблюдаем и в следующем фрагменте:

Well, I used to hate those lessons she gave me. They were sheer boredom (K. Ishiguro).

Экспликация, таким образом, предполагает не столько повторную номинацию объекта мысли (свойственную репрезентации), сколько освещение его в другом ракурсе и введение в более широкое дискурсивное пространство; важным при формировании данного типа связи является фокусирование внимания на необходимых, по мнению автора дискурса, дополнительных аспектах ситуации и подаче ее в еще одной смысловой проекции. Кроме того, для экспликации характерны логико-семантические

объемные отношения пересечения (1), а не совпадения как при репрезентации (2):

(1) Well, how do you suppose she'd feel? It's hell for her (A. Rand).

(2) She walks lightly, old man. She walks lightly upon the earth (J. Green).

Отличительной особенностью рассматриваемых пояснительных пропозиций также является их структурное оформление. Для репрезентативной связи характерно сходство структурных параметров базового и пояснительного высказываний, тогда как при экспликации это не является необходимым. Сравним:

I don't want to divorce Effie. I don't want a divorce (M. Spark) – аналогичная грамматическая структура поясняемого и поясняющего четко указывает на тип пояснительной функциональной связи – репрезентативной.

I have done bad things. I can't take them back, and they are part of who I am (V. Roth I) – разноструктурный формат сопоставляемых предложений показывает, что между ними существует экспликативная пояснительная связь.

Соотношение утвердительной и вопросительной форм (в том числе риторический вопрос) коррелирующих предложений также является эффективным средством формирования отношения экспликации и усиления прагматических значений, выражаемых пропозициями (в приведенном примере – удивление):

Ms. Ashe? I didn't know you were stopping by tonight (D. Brown I).

Заслуживают внимания случаи формирования экспликативных отношений посредством перфектных временных категорий глагола, за счет чего проявляется ретроспективная связь и углубляется смысл базового высказывания. Например:

A light burned in one tower window all night and all day. I had never seen it not on (R. Bradbury).

She sat in a corner, cut off from those who surrounded her by an emotion which they did not share. She had come to the party filled with a strange feeling of anxious exultation (A. Huxley).

The question echoed back through Unk's emptied memory to an untouched corner where bits of his own strange childhood still lived. His own strange childhood had been spent in daydreams of at last seeing and loving a father who did not want to see him, who did not want to be loved by him (K. Vonnegut II).

Кроме того, благодаря функции уточнения и конкретизации семантических компонентов пропозиций экспликация приобретает характер оценочного комментария:

Never fear failure. Failure is your friend (R.S. Sharma).

Экспликативная связь, как и другие типы дискурсивных отношений, может реализовываться в некоторых разновидностях. Например, второе высказывание может уточнять смысловое содержание базового, выражаемое потенциально, но не представленное в его поверхностной структуре. В этом случае вторая пропозиция представляет собой некий дополнительный компонент функционально-смысловой нагрузки, развивающий пропозицию первой. Например:

A laugh bubbles in my stomach. Hysterical (V. Roth II).

Even though they were clearly mature adults, each one of them radiated a child-like quality, their eyes twinkling with the vitality of youth. None of them had wrinkles. None of them had gray hair. None of them looked old (R.S. Sharma).

За счет экспликации, как видно из представленных фрагментов, происходит формирование прагматики особой акцентуации на сообщаемом, что, в свою очередь, глубже раскрывает смысловой блок первой пропозиции.

Особый интерес представляют случаи, когда экспликативная связь репрезентирует информационно-смысловые компоненты пропозиций (на первый взгляд не связанные между собой) через смысловую лакуну и логическую схему развития ситуации. Смысловая лакуна представляет собой сектор пересечения объемов пропозиций, который остается в импликации:

Then, all of a sudden, I got this idea. I took out my wallet and started looking for this address a guy I met at a party last summer, that went to Princeton, gave me. Finally, I found it (J.D. Salinger).

В примере коррелирующие высказывания выражают, казалось бы, разные пропозиции и аспекты общей ситуации. Однако предложения образуют логико-семантическое единство, поскольку пропозиция базового предложения раскрывается через описание осуществления разных действий во второй номинации. Существительное *idea* является точкой пересечения пропозиций взаимодействующих высказываний, поскольку включено в референт как первого (эксплицитно), так и второго (имплицитно) предложений.

Экспликация и репрезентация являются в некотором роде избыточными средствами формирования функциональных отношений дискурса [Пономаренко 2015]. Однако это функционально оправданная избыточность, поскольку способствует адекватному взаимопониманию участников коммуникации при снижении когнитивных усилий с их стороны.

3.2.2.1.3. Реконструкция

Отношения реконструкции реализуются при перечислении (в поясняющем предложении) компонентов, характеристик, свойств и т.д., являющихся составными элементами общего суждения, факта, события (выраженного в поясняемом предложении). При формировании данного типа функциональной связи происходит раскрытие внутреннего содержания объекта коммуникации. Например:

There they were. Brett and Mike and Robert Cohn (E. Hemingway).

The town was getting ready for the fiesta. Workmen put up the gate-posts that were to shut off the side streets when the bulls were released from the corrals and came running through the streets in the morning on their way to the ring... Out on the plateau beyond the town employees of the bull-ring exercised picador horses, galloping them stiff-legged on the hard, sun-baked fields behind the bull-

ring. The big gate of the bull-ring was open, and inside the amphitheatre was being swept. The ring was rolled and sprinkled, and carpenters replaced weakened or cracked planks in the barrera (E. Hemingway).

Как видим, при реконструкции происходит приращение дополнительной информации о событии, суждении и т.д., описываемом в базовом предложении, посредством перечисления персонажей, характеристик, действий и т.д.

Отношения реконструкции репрезентируют объект коммуникативной ситуации в виде иерархически организованной структуры. Подобное пояснение высказывания через выделение составляющих элементов базовой пропозиции способствует его восприятию реципиентом как целостной, структурно упорядоченной смысловой системы. Например:

All she could do then was to wait in the car, virtually naked, until some friendly housewife came by and offered her help. First, Mary Pym drove by, and although Anne waved to her, she did not seem to notice. Then Julia Weed raced by, rushing Francis to the train, but she was going too fast to notice anything. Then Jack Burden, the village rake, who, without being signaled to or appealed to in any way, seemed drawn magnetically to the car (J. Cheever).

There have been so many changes in the last six weeks… the Pasterns are gone and I mean gone. He’s in the county jail serving a two-year sentence for grand larceny. Sally’s left college and is working at Macy’s, and the boy’s still looking for a job, I hear. He’s living with his mother somewhere in the Bronx (J. Cheever).

Раскрывая содержание общего суждения через обозначение входящих в него конституентов, отношения реконструкции могут способствовать ретроспективному восстановлению общей ситуации.

I have three requirements … First, that you return the Dauntless leader you currently hold in captivity unharmed. Second, that you allow your compound to be searched by our soldiers so that we can extract the Divergent. And third, that you

provide us with the names of those who were not injected with the simulation serum (V. Roth I).

Как и в ранее представленных фрагментах, отношения реконструкции в данном дискурсе выстраиваются по традиционной схеме: в базовом высказывании описывается общая ситуация (суждение, факт), содержание которой раскрывается в следующих высказываниях, номинирующих входящие в нее составные компоненты. Однако данный пример отличает от предыдущих наличие имплицированной ретроспективной составляющей – события, предшествующие текущему разговору, которые достаточно просто эксплицировать и понять, исходя из смыслового содержания предложений. И хотя компонент базовой пропозиции *requirements* представляет собой смысловой центр коррелирующих высказываний, реконструкция в данном случае раскрывает не только содержательно-смысловой аспект фрагмента, но и более широкую ситуацию – описывает события, произошедшие значительно ранее.

Таким образом, отношения реконструкции реализуют пояснительное взаимодействие коррелирующих высказываний посредством раскрытия внутреннего содержания базовой пропозиции через номинацию ее главных свойств. В отличие от репрезентации и экспликации реконструкция не просто представляет общую ситуацию иначе, но расшифровывает смысловое наполнение базовой пропозиции, перечисляя составляющие ее компоненты.

3.2.2.2. Уточнение

Уточнение представляет собой функциональные отношения между объемами пропозиций, которые в том или ином смысле конкретизируют, классифицируют, обособляют суждение, факт, событие, состояние и т.д. Иными словами, описание общей ситуации, обозначенной в первом высказывании, происходит за счет частного факта, являющегося составным элементом этой ситуации. Отношения уточнения направлены на привлечение внимания реципиента к определенному фрагменту общей ситуации. Делая

акцент на том или ином специфическом аспекте, говорящий воздействует на партнера с целью создания в его сознании определенной картины действительности, соответствующей коммуникативной ситуации.

GPs are compensated with a management fee and a share of the profits earned by the fund, called carried interest. The most common management fee is 2% of committed capital per year (N.P.B. Bollen, B.A. Sensoy).

There were fortunes to be made here. It seemed to me absurd that the copra should be taken away from here in sacks and the oil extracted in America. It would be far more economical to do all that on the spot, with cheap labour, and save freight, and I saw already the vast factories springing up on the island (S.W. Maugham).

“I can do it.” What he meant by doing was doing superlatively (A. Rand).

Благодаря дополнительной информации, репрезентируемой во втором из коррелирующих высказываний, смысловой объем базового предложения не только конкретизируется и уточняется, но и становится более убедительным. Построение дискурса таким образом увеличивает эффективность коммуникации, облегчает правильное понимание адресатом прагматических смыслов и, соответственно, продвигает достижение коммуникативной цели.

Отношения уточнения отражают смысловую и прагматическую иерархию дискурса, разделяя элементы коммуникативного акта на основные и дополнительные (включенные). Например:

She tried to cry out for help, but the gag in her mouth made it impossible. She could barely make a sound (D. Brown II).

Sometimes, for several days, Linda didn’t get up at all. She lay in bed and was sad (A. Huxley).

Investors in the fund, typically large institutions, are the limited partners (LPs). LPs are passive investors in the fund (N.P.B. Bollen, B.A. Sensoy).

Хотя уточняющие функциональные связи, как видно из представленных фрагментов, являются в некоторой степени

факультативными, поскольку базовое высказывание можно рассматривать как семантически относительно полное, они, тем не менее, служат средством уменьшения возможной абстрактности первого предложения и усиления эффективности коммуникации.

К лексико-синтаксическим средствам выражения данного типа отношений можно отнести *mostly, principally, only, at least, predominantly, (e)specially, to begin with, nothing but, in any case* и др.

Your mind is your only judge of truth … Nothing but a man's mind can perform that complex, delicate, crucial process of identification which is thinking (A. Rand).

I don't bother objecting to her makeover attempts anymore. Especially since I find myself enjoying them (V. Roth II).

They don't have enough money to send her to the Mayo Clinic. At least, Mr. Hutchinson says they don't have enough money (J. Cheever).

Также отношения уточнения формируются посредством парцелляции, за счет которой, с одной стороны, подчеркивается тесная структурно-смысловая связь коррелирующих блоков и, с другой, уточняющий элемент становится центральным в функциональном поле дискурса:

But who'll mind Jimmy now, not even Jim. Not even Sam ... (R. Bradbury).

Who could he blame? Not the damp ruins (J. Cheever).

His house was the first one on the left. A two-story colonial (J. Green).

Еще одним средством формирования отношений уточнения является расширительный повтор. В этом случае мы наблюдаем двойную (повторную) номинацию факта, события, суждения. При этом новые семантические элементы расширяют содержание пропозиции, но сужают ее объем, проявляя принцип обратного соотношения объема и содержания, согласно которому большее содержание понятия предполагает его меньший объем и наоборот. Например:

Look for God, suggests my Guru. Look for God like a man with his head on fire looks for water (E. Gilbert).

When I’m like this I just want to be alone. I want to stay in my own room (E. Hemingway).

Как видно из примеров, уточнение базового высказывания при расширительном повторе осуществляется за счет выявления частных элементов, аспектов ситуации, что определенным образом ограничивает первое предложение и вызывает модификацию прагматического значения.

Таким образом, при формировании смыслового пространства английского дискурса уточнение выполняет прагматическую функцию акцентуации или восполнения информации. Она представлена такими подтипами отношений, как специализация, экземплификация, партитивность.

3.2.2.2.1. Специализация

Отношения специализации представляют собой вариативность уточняющей связи, репрезентирующую корреляцию абстрактного/общего и конкретного. Сложность анализа данного типа отношения заключается в точном определении абстрактного или конкретного характера описываемого объекта.

(1) I discovered a source of energy which was available since the birth of the globe, but which men had not known how to use except as an object of worship, of terror and of legends about a thundering god. I completed the experimental model of a motor that would have made a fortune for me and for those who had hired me, a motor that would have raised the efficiency of every human installation using power and would have added the gift of higher productivity to every hour you spend at earning your living (A. Rand).

(2) I’m going to England. I’m going to visit friends (E. Hemingway).

(3) Yes! ... I’m a writer. I’m a book writer! (E. Gilbert).

(4) I suppose you can speak a lot of languages … Oh, six or seven – between us (K. Vonnegut I).

Так, вторая номинация в (1, 2) выражает общую ситуацию, а в (3, 4) – ее составную часть.

Особенности абстрактно-конкретной связи привносят в дискурс прагматику основательности суждений, более глубокого осмысления ситуации автором дискурса. Например:

I had a sudden horrifying image of the woman I might become if I'm not careful: Crazy Aunt Liz. The divorcée in the muumuu with the dyed orange hair who doesn't eat dairy but smokes menthols, who's always just coming back from her astrology cruise or breaking up with her aroma-therapist boyfriend, who reads the Tarot cards of kindergarteners and says things like, "Bring Aunty Liz another wine cooler, baby, and I'll let you wear my mood ring" (E. Gilbert).

Хотя смысловой объем базового высказывания, выражающего абстрактность объекта описания, вбирает в себя семантику конкретизирующего элемента, последний, тем не менее, воспринимается более ярким, более значимым. Вероятно, это можно объяснить присущим человеческому сознанию свойством идентифицировать происходящее через частные ситуации.

Please don't get into a fight now, darling … Not this afternoon (J. Cheever).

All these desires seemed to be at odds with one another. Especially the Italy/India conflict (E. Gilbert).

It was unbearable. The whole thing (J. Green).

3.2.2.2.2. Экземплификация

Хотя отношения экземплификации являются одним из типов логико-семантических отношений включения и разновидностью отношений уточнения, их формирование происходит посредством только им свойственных маркеров, например: *for example/instance, (as) a model/example, to illustrate, to give example/an illustration, for one (thing), such as, suppose, say* и т.п.

As a matter of fact, I do happen to be familiar with certain aspects of your career. For instance, the sacking and imprisoning of the five teachers at Nishizaka (K. Ishiguro).

This life will vary across firms and reflect the time involved in converting research into products. To illustrate, research and development expenses at a pharmaceutical company should have fairly long amortizable lives, since the approval process for new drugs is long (A. Damodaran).

Sometimes my ears ring. It can happen anywhere – in a ginseng house in Seoul, for example – but it happened that night in front of the Cabots' house on Shore Road (J. Cheever).

Why, I'll tell you what he is … He's precious old, for one thing; and I ain't best pleased with him for that, for I think my father must have caught it of him (Ch. Dickens).

Данный тип отношений строится за счет акцентирования внимания на наиболее важных для конкретной коммуникативной ситуации характеристиках общего суждения, факта, события посредством иллюстрации базового высказывания примером. Это создает возможность включать в отношения экземплификации характеристики, например, специализации (1) и партитивности (2):

(1) He loved to win at tennis. He probably loved to win as much as Lenglen, for instance (E. Hemingway).

(2) Monroe turned out to be a Gold Coast town, smaller and prettier than Shoreham. It had a picturesque harbor, for one thing, and no room for a nuclear plant (P. Wilson).

Распространенным средством усиления экземплификативной связи и, как следствие, преобразования функциональной системы дискурса являются парентетические включения. Данный прием формирует прагматику сопутствующего комментария, а не обособленного фрагмента общей пропозиции, что приводит к созданию органичной взаимосвязи базового предложения и экземплификатора. Функциональное выделение иллюстративного элемента в общем пространстве определенного дискурса способствует его нелинейному развертыванию. Например:

A winter night was a threatening fact, and this may have partly accounted for the sentiment with which we watched-in late November and December-the light burn out in the west. (My father's journals, for example, were full of descriptions of winter twilights, not because he was at all crepuscular but because the coming of the night might mean danger and pain.) Geneva had packed a bag, gathered the diamonds, and taken the last train out of town: the 4:37 (J. Cheever).

Then we were taking a taxi through Rome the other day and the guy driving the cab asked if Sofie was my daughter. Now, folks – the girl is only about seven years younger than I am. My mind went into such a spin-control mode, trying to explain away what he'd said. (For instance, I thought, Maybe this native Roman cabdriver doesn't speak Italian very well, and meant to ask if we were sisters.) But, no. He said daughter and he meant daughter (E. Gilbert).

Оформление второй номинации в виде самостоятельной синтаксической структуры создает в системе дискурса эффект вторжения, за счет чего, с одной стороны, происходит некоторое нарушение плавности, линейности повествования, но, с другой, дискурс приобретает бóльшую экспрессивность и эмоциональность.

В случае, когда экземплификативные отношения не маркированы характерными формантами, они актуализуются посредством лексико-семантического взаимодействия пропозиций, а также через контекст.

(3) When you have self-control, you will have the resolve to do the things you have always wanted to do. For you, it may be training for a marathon or mastering the art of white-water rafting or even giving up the law to become an artist (R.S. Sharma).

(4) I let the phone ring. I stood out of my booth, waiting for someone off there in the night to run from the alleys or out of the damp canvas or from behind the old Knock the Milk Bottles game. Someone, like me, would have to answer (R. Bradbury).

(5) And I'd like to throw in a word about poor boys and reading, if I might … I was a poor boy myself … and I'm not ashamed to say so (J. Cheever).

Так, средством формирования экземплификативной связи в (3) является сочетание *it may be*, в котором модальный глагол выражает одну из возможностей развития ситуации. Кроме того, еще больше предполагаемых вариантов репрезентируются далее посредством альтернативы *or*. В (4) и (5) отношения экземплификации формируются посредством *like me* и *myself* соответственно – вторая номинация включается в ситуацию как пример, иллюстрирующий базовое высказывание.

Для экземплификативных отношений характерно однократное употребление релятива, который, тем не менее, распространяется и на последующие высказывания, являясь как бы фоновым элементом, развертывающим заданную в базовой пропозиции систему смыслов.

He’s conceited, but he’s very generous in some things. He really is … Look. Suppose, for instance, Stradlater was wearing a tie or something that you liked. Say he had a tie on that you liked a helluva lot – I’m just giving you an example, now. You know what he’d do? He’d probably take it off and give it to you. He really would. Or – you know what he’d do? He’d leave it on your bed or something (J.D. Salinger).

Как и другие типы отношений уточнения, экземплификация также номинирует определенную часть базовой пропозиции. Однако идентификация содержания базового элемента происходит только частично, что приводит к некоему неравенству компонентов дискурса, вступающих в данные отношения. Хотя опорное суждение предопределяет экземплификатор и тем самым представляет собой ведущий компонент коммуникативного блока, иллюстративный конституент вносит в дискурс дополнительный функциональный смысл выбора, доступного реципиенту. Иными словами, дискурс в большей степени становится нацеленным на адресата, который в определенном смысле выступает в роли соавтора дискурса, определяя выбор того или иного экземплификатора. В этом заключается функциональное отличие экземплификации от специализации и партитивности – экземплификативный элемент предлагает возможные

варианты реализации опорного суждения и дальнейшего развертывания дискурса, тогда как высказывание-спецификатор в отношениях специализации или партитивности сужает базовую пропозицию до определенной части, необходимой в конкретных коммуникативных условиях. Происходит акцентирование некоторого элемента из общего множества объектов, формирующих фрагмент дискурса, таким образом, что реципиент воспринимает его как центральный коммуникативно-смысловой элемент сообщения. В противоположность этому экземплификация создает более широкие условия развертывания коммуникативной ситуации за счет факультативности выбора.

3.2.2.2.3. Партитивность

Представляя собой разновидность объемных отношений включения, отношения партитивности выражают связь между целым и частью.

Everybody talks about research and practically nobody in this country's doing it. We're one of the few companies that actually hires men to do pure research (K. Vonnegut I).

Gabrielle had no idea how the photos had been taken, but she knew damn well they were real. They had been taken in Senator Sextons office and seemed to have been shot from above as if by hidden camera (D. Brown I).

Специфичность партитивной связи и ее отличие в функционально-прагматическом плане от специализации можно обозначить следующим образом: отношения специализации формируются в тех случаях, когда смысловой объем второй пропозиции сужает объем базовой пропозиции, выражая ее частное проявление, в то время как отношения партитивности описывают конкретную составную часть целого фрагмента действительности, выраженного в первом высказывании.

Обособляемый отдельной (второй) номинацией элемент дискурса приобретает характер функционально значимой части, поскольку именно за счет него происходит развертывание описываемой ситуации. Например:

Christina walks beside me in silence. No one told us to be quiet, but none of us speak (V. Roth II).

Everybody was going to be dead soon. My parents would die. My friends would die. My cat would die (E. Gilbert).

I am grateful to anyone anywhere who sets aside the hours necessary to read my little book. But I am particularly indebted to you, sir, both for your kind words about *An Imperial Affliction* and for taking the time to tell me that the book, and here I quote you directly, ‘meant a great deal’ to you (J. Green).

В ряде случаев встречается комбинация отношений партитивности и специализации:

I stopped living at the frenetic pace to which I had grown accustomed. I stopped living my life in the eye of the tornado (R.S. Sharma).

This paper contributes to several strands of the private equity literature. A key contribution of this paper is to help interpret empirical work on the performance of private equity funds (N.P.B. Bollen, B.A. Sensoy).

3.2.2.3. Нарастание

Функция номинаций нарастания заключается в изложении базовой пропозицией какого-либо факта и его расширенное обобщение во втором высказывании, что служит подтверждением обозначенного ранее суждения. Представление факта/события/явления как элемента более широкой ситуации способствует лучшему восприятию, пониманию и оценке информации реципиентом, ориентированности в общем положении дел. Подобным образом автор дискурса старается обосновать правильность и уместность своего суждения, являющегося составной частью, фрагментом действительности (реальной или гипотетической, объективной или субъективной). Благодаря такой форме передачи информации слушающий может легко включить воспринимаемое суждение в систему предшествующего, более широкого, опыта и упорядочить его среди других информационных сигналов этой системы.

It’s such a pity she wore that dress … I hate seeing her make a fool of herself (J.K. Rowling).

В представленном фрагменте объемы пропозиций взаимодействующих высказываний активизируют функциональные отношения нарастания, но также усложняют семантическую нагрузку дискурса. Посредством прагма-семантического компонента *I hate* во втором предложении, эмоционально усиливающего сочетание *it’s such a pity* в первом предложении, автор выражает личностное отношение, оценку, впечатление от происходящего. За счет этого простое обобщение ситуации, расширительная связь, функционально обогащается, приобретая оттенок комментария.

Кроме того, отношения нарастания могут одновременно эксплицировать каузальную связь:

I love this word. I say it all the time now (E. Gilbert).

And if life continued as he planned, he would one day be the oldest working partner. The law was his life (J. Grisham).

В представленных фрагментах отношения каузации можно эксплицировать следующим образом – *I love this word. That is why I say it all the time now* в (2) или *…he would one day be the oldest working partner. Because the law was his life* в (3).

Следует отметить, что для формирования прагма-семантического пространства дискурса при отношениях рассматриваемого типа порядок следования коррелирующих высказываний может являться функционально значимым.

[why hadn’t my mother married someone like him?] Or Mr. Bracegirdle? Somebody she actually had something in common with (D. Tartt).

Так, например, если в данном предложении изменить порядок следования предложений (*why hadn’t my mother married somebody she actually had something in common with? Someone like him or Mr. Bracegirdle?*), изменится и функционально-семантическая характеристика данного дискурса – объемы пропозиций коррелирующих предложений

актуализировали бы отношения экземплификации, а не нарастания – *[например,] кто-то, как он или Мистер Брейсгедл*.

Среди типичных маркеров отношений нарастания можно обозначить лексические и грамматические средства обобщающей семантики – наречия (1, 2), местоимения (3, 4), глаголы (5, 6), прилагательные (7, 8), предложные сочетания (9, 10) и др.:

(1) She stood and looked at him, eyes alive and searching. She was always searching him for something, some sign, some change (D. DeLillo).

(2) His mother didn't realize what his father was up to. She never did (J.K. Rowling).

(3) "My family wants to buy five thousand shares of your offering."… "So does everybody in this room," she said (J. Franzen).

(4) No, Rob, it's not great. Nothing's great. Everything's shit (N. Hornby).

(5) *[My motives were pure.]* I wanted nothing for myself. I've never sought anything for myself (A. Rand).

(6) She would never go back to making sweet porridge, even when sugar became plentiful and unrationed again. It was funny how you got used to things when you had to (K. Follett).

(7) This badly undermines the logic behind "trickle-down" economics: the claim that enhancing the profits of companies and their owners will stimulate more investment, more jobs, and higher incomes. In fact, measures to further improve business profits will likely have little impact on investment at all (J. Stanford).

(8) We just want to know what you remember… Probe around in your memory, get a general picture of that morning, you know? (D. Tartt).

(9) And yet again, what of the final touch, the four Korean men, much squarer in face and blockier in build than their Japanese counterparts, who spoke to no one and hovered close to the woman? All in all, it was a very strange gathering (S. Hunter).

(10) Italy, Spain, Germany, Belgium, and Switzerland. In one way and another all of them … have influenced our cuisine (M. Bond).

В то же время отношения нарастания могут реализовываться посредством лексико-семантического взаимодействия высказываний без использования формантов.

It doesn’t make any difference with me. It doesn’t make any difference with a woman (E. Hemingway).

He remembered the Director saying he had another appointment. It was a busy time in the office (M. Bond).

“My nostalgia is so extreme ...” “Nostalgia is a side effect of cancer,” I told him (J. Green).

Поскольку номинации нарастания являются функционально неоднородными, в английском дискурсе можно выделить два основных подтипа нарастания.

Во-первых, можно говорить о количественном нарастании – когда в ситуацию вводится дополнительное количество элементов, но это не повышает уровень идейно-смыслового обобщения дискурса, не производит обобщающего эффекта и не осложняет семантическую нагрузку; просто происходит охват количественно большего фрагмента действительности. Поэтому количественную связь нарастания можно рассматривать как упрощенную разновидность данного типа отношений, но, с другой стороны, являющуюся абсолютно органичной при описании фрагмента мироустройства и мировосприятия.

Dad can come and stay with me for six months. They can both come and stay (J. Franzen).

“*[But for God’s sake, I’m twenty-five years old.]* Did you really think I’d never had anything to do with women at my age?” “A mother doesn’t think about it one way or the other.” (L. Spencer).

Why can’t you just admit that you don’t want to live in unhappiness anymore? That neither of you does (E. Gilbert).

“Are there many men like Jim in the world?” Francisco laughed. “A great many.” (A. Rand).

Во-вторых, нарастание может быть качественным – когда количественное увеличение объема пропозиции влечет за собой изменение смысловой значимости фрагмента дискурса. Иными словами, за счет введения новых объектов в ситуацию происходит расширение главной идеи базового высказывания, обобщение высказанного суждения и характеристика общего положения дел, поэтому качественное нарастание можно определить как генерализацию или обобщение. Благодаря расширительной связи создается прагматика обоснованности, доказательности выражаемого суждения как элемента общей концептуальной картины мира участников коммуникации.

Nevertheless, it is interesting to compare the ranking of countries according to human development, with their ranking according to GDP. In general, countries with high human development also have high levels of GDP per capita (J. Stanford).

[I'm not a failure. I'm not lost.] I'm going to make it. I'm going to be happy (R. Bradbury).

"That's not fair!" ... "Life's not fair, Bobby-O." (S. King II).

I've had enough! I hate our fucking life (J.K. Rowling).

Нарастание может придавать разную прагма-семантическую нагрузку дискурсу, поэтому на основе функционально-смыслового критерия качественные отношения нарастания могут подразделяться на такие подтипы, как обобщающий вывод и результат.

Так, обобщающий вывод предполагает, с одной стороны, выражение автором дискурса своего личного субъективного мнения на основе предшествующих рассуждений (11) либо, с другой стороны, сообщение вывода, логически складывающегося из вышеприведенного текста (12):

(11) *[Like every med student in the country, she had begun her studies vowing that money was not the attraction.]* She wanted to help humanity. Same for law students. We all lied (J. Grisham).

(12) I left my bag in that madwoman’s inn. We have nothing now, save the clothes we stand up in (N. Gaiman).

Особенность результативной расширительной связи заключается в отображении объективного следствия, итога определенной череды событий или положения дел, но не личного субъективного мнения участника коммуникации. То есть смысловой объем второго предложения репрезентирует некий результат событий, обозначенных базовой пропозицией, и не акцентирует личную оценку этих событий автором дискурса.

Self-determination for ex-colonies was transformed into a global human right during the same period. Whatever else it may also have been, decolonization was an international regime change of the first importance (J.W. Legro).

В некоторых случаях оба оттенка значения наблюдаются в прагма-семантическом взаимодействии высказываний, что делает их разделение практически невозможным. Например:

Meanwhile, the Germans and Soviets were experimenting with dramatic shifts in their positions toward one another. Ultimately, of course, the Nazi-Soviet pact proved worthless (K.T. Gaubatz).

Как показывает анализ, вектор отношений включения может быть направлен как от общего к частному (функциональная связь уточнения), так и от частного к общему (функциональная связь расширения), не преуменьшая функционально-прагматической значимости коммуникативных блоков. Направленность реализуемого между элементами дискурса объемного соотношения включения зависит от конкретной ситуации общения и обоснованности с точки зрения общего мировосприятия коммуникантов – адекватности, уместности формы сообщения и ее нацеленности на правильное понимание реципиентом.

3.2.2.4. Продвижение

Отношения продвижения описывают фрагмент дискурса через перечисление определенных событий, фактов, суждений и т.д., следующих друг за другом. Поскольку развертывание дискурса – это, прежде всего, череда действий или размышлений, данный тип дискурсивной связи является одним из наиболее встречающихся.

Lew opened the door and they stepped into the dark, slightly mildewy interior. He turned on a light and together they wandered through the two-bedroom ranch (P. Wilson).

He seized her by the shoulders and flung her violently back. She tottered and fell (S.W. Maugham).

I stood there for some minutes, leaning over the rail, listening to the sounds of the river below me. When finally I turned, I saw my own shadow, cast by the lantern, thrown across the wooden slats of the bridge (K. Ishiguro).

Проявляя некоторое сходство с отношениями причины–следствия, отношения продвижения, тем не менее, значительно отличаются от них, так как объемы пропозиций коррелирующих высказываний являются равноправными в рамках общей ситуации – они просто номинируют факты, события и т.д., объединенные определенной ситуацией, но не содержат указания на их причинно-следственную связь. Иными словами, отношения продвижения описывают следующие друг за другом события не с точки зрения причины или следствия, а отражая их атрибутивную или комплементарную связь.

[I have no clue to it.] I’ve tried to guess and given up. I cannot understand or explain it (A. Rand).

I bolted to a sitting position, awake, fragments of the dream clinging to my consciousness. An eddy of force then carried the remnants away, and I was fully awake (J. DeChancie).

She gestures toward the door. Susan and Caleb start toward it, followed by me, and Tobias and his mother are last (V. Roth).

Направленность продвижения может быть двух разновидностей – прямой (проспективной) или обратной (ретроспективной), что, как правило, реализуется временными формами категории глагола, а также посредством лексических и морфолого-синтаксических языковых средств.

В следующих предложениях представлена проспективная направленность:

(1) I got on an S-bus and rode down to the Madeleine, standing on the back platform. From the Madeleine I walked along the Boulevard des Capucines to the Opera, and up to my office (E. Hemingway).

(2) Therefore, for seasonable diversion, we are reduced to two very questionable sources – facts and philosophy. We will begin with – whichever you choose to call it (O.Henry).

(3) Naturally, the Margrave of Brandenburg was impressed when Count Orlov visited Nuremburg on a state visit and embraced “the Prince” warmly. But later, when the Margrave did a little investigating, he discovered that the real Prince Rakoczy was indubitably dead and that this counterfeit Prince was, in fact, only Count Saint-Germain! (L. Knight-Jadczyk).

(4) My friends are flying up and down the Nile, and talking to the large lotus-flowers. Soon they will go to sleep in the tomb of the great King (O. Wilde).

(5) Now you enjoy that slowly. And then you can get drunk (E. Hemingway).

(6) This time they climbed a sky that was streaked by the vapor trail of the space ship carrying Malachi Constant, Beatrice Rumfoord, and their son Chrono. The ship was about to land (K. Vonnegut II).

(7) He bought it for Vicky. She was going to love it (P. Wilson).

(8) He pretended he was a friend of yours, so he could hear you talk. After a while, you got to trust him, Unk, and you told him some of your secret theories about what life on Mars was all about (K. Vonnegut II).

(9) “What is going to happen to Lord Arthur?” “Well, within the next few months Lord Arthur will go on a voyage –” (O. Wilde).

Так, в приведенных примерах отношения продвижения формируются глаголами в простом прошедшем времени *got, rode* и *walked* (1); глагольными формами настоящего и будущего времени *are reduced* и *will begin* (2); наречиями *later* (3) и *soon* (4); глаголами в простом настоящем времени *enjoy* и *can get drunk* в сочетании с наречием *then* (5); фразовым глаголом *was about to* (6) и глагольной конструкцией *was going to* (7) с лексическим значением намерения в будущем; предлогом *after a while* со значением следования (8); предложно-именной конструкцией со значением следования (9).

Далее представлено ретроспективное продвижение, которое реализуется через характерные для него грамматические форманты и лексико-синтаксические средства.

(10) *[“Can I ask what’s wrong with her hand?”]*

“Well … she doesn’t really have one. According to the doctors, all the fingers on her left hand fused into a single large digit while she was a fetus.” (P. Wilson).

(11) “Samples? You actually have samples of the meteorite?” “Absolutely. We’ve drilled quite a few.” (D. Brown I).

(12) He started to cherish life and to see the divinity in every aspect of it. The ancient system of this mystical band of monks had started to work its miracles. (R.S. Sharma).

(13) The others whirled, weapons coming up defensively, still confused by the unexpected attack. But by now Helt and Foraker had appeared as well, and three more fell without a sound (T. Brooks).

Ретроспективность в представленных фрагментах выражается глагольными формами настоящего и прошедшего времени *doesn’t have* и *fused* (10); глагольными формами совершенного времени *’ve drilled* (11) и *had started* (12); перфектной формой глагола *had appeared* и наречного выражения *by now*, указывающего на ранее совершенное действие (13).

Наиболее частотными маркерами отношений продвижения в английском дискурсе, как показывает анализ иллюстративного материала,

являются языковые средства, семантика которых репрезентирует временную последовательность, например, наречия (*later, then, again, before, soon, immediately, recently, tomorrow, finally, previously, up to now, so far*); местоимения (*other, another*); прилагательные (*next, final, former, previous*); глаголы (*begin, continue, prevent, used to, remember*), числительные (*one, first, two, second*); предложно-именные группы. Например:

Mal'akh's fingers jammed into a solid wall, bending backward and almost breaking. His head collided next, crashing into a steel beam (D. Brown II).

In the center of the room, Niles has his hands up and is trying to silence the crowd, but there are too many whispers … Finally, Niles stands and yells, "If you don't quiet down, you will be asked to leave!" (V. Roth I).

She didn't disappear as Carol had done, either. No, old mamasan continued to pop in for the occasional visit (S. King II).

Without warning, a mournful bell began tolling somewhere in the distance. The bell rang on and on, growing louder (D. Brown II).

Mike won the first roll with four jacks. Bill won the second (E. Hemingway).

Отношения продвижения, как уже было сказано, описывают не только действия или события, но и рассуждения (своего рода действия в сознании автора в процессе выстраивания им дискурса). В этом случае корреляцию высказываний можно обозначить как последовательность сопутствующих обстоятельств.

And I'm fond of him, too. And I'd like to have children. I always thought we'd have children (E. Hemingway).

Master Dignam walked along Nassau street, shifted the porksteaks to his other hand. His collar sprang up again and he tugged it down (J. Joyce).

He held his head high. It was the fierce, heavily collared dog's head that appears in heraldry, in tapestry, and that used to appear on umbrella handles and walking sticks (J. Cheever).

Man cannot survive except by gaining knowledge, and reason is his only means to gain it. Reason is the faculty that perceives, identifies and integrates the material provided by his senses (A. Rand).

Данный подтип отношений продвижения, хотя и носит несколько пассивный характер, поскольку не способствует развертыванию сюжетного плана дискурса, обладает, тем не мене, особой стилистической значимостью. Простое перечисление событий/фактов/явлений без привлечения различных фоновых элементов общей ситуации или даже личной оценки этих событий лишает дискурс не только целостности, осмысленности, но и коммуникативно-функциональной ценности и может привести к его восприятию реципиентом как незавершенного и стилистически неполноценного. Например:

In the morning I walked down the Boulevard to the Rue Soufflot for coffee and brioche. It was a fine morning. The horse-chestnut trees in the Luxembourg gardens were in bloom. There was the pleasant early-morning feeling of a hot day. I read the papers with the coffee and then smoked a cigarette (E. Hemingway).

Если данный отрывок представить без включенных в него сопутствующих обстоятельств (*In the morning I walked down the Boulevard to the Rue Soufflot for coffee and brioche. I read the papers with the coffee and then smoked a cigarette.*), он не утратит своей самодостаточности и смысловой завершенности. Однако в таком виде дискурс лишается стилистической насыщенности и яркости, которые позволяют реципиенту глубже погрузиться в описываемую ситуацию и фактически стать участником происходящего. Являясь, по сути, второстепенным и, возможно, излишним средством, включение сопутствующих обстоятельств в дискурс играет немаловажную роль в процессе формирования отношений продвижения.

Итак, при отношениях продвижения пропозиции коррелирующих высказываний являются равноценными в процессе репрезентации коммуникативной ситуации и носят соподчинительный логико-семантический характер в пределах коммуникативного блока.

Подтипами данной функциональной связи являются продвижение событий и последовательность сопутствующих обстоятельств.

3.2.2.5. Альтернатива

Альтернативные отношения в английском дискурсе в некотором роде представляют собой замещение, поскольку второе высказывание выступает как более уместный, подходящий вариант развертывания пропозиции, представленной в базовом высказывании, то есть является возможной заменой, отраженной в первом высказывании. Формантом формирования альтернативной связи служит, как правило, разделительный союз *or* либо схожие по семантике коннекторы.

At Malpais … you had to bring her the skin of a mountain lion – I mean, when you wanted to marry someone. Or else a wolf (A. Huxley).

I don’t need you to believe in the power this pyramid can unveil. Nor do I need you to believe in the staircase it supposedly leads to (D. Brown II).

But I just walked over to the museum anyway. There wasn’t anyplace else to go (J.D. Salinger).

I have nothing weighty to discuss – no million-dollar orders, no transcontinental deals, no rails, no bridges. Not even the political situation (A. Rand).

Альтернативные отношения актуализируются также лексическими и структурными средствами, например, через лексический повтор и синтаксический параллелизм:

Perhaps. Perhaps there is always a certain weakness attached to such great charm as he possessed. Perhaps few people love as wholeheartedly and as devotedly as he loved. Perhaps he didn’t want to fight and conquer (S.W. Maugham).

This dated cube looks a lot like a Masonic cornerstone, so maybe it’s pointing to a real cornerstone? Maybe to a building built in 1514 A.D.? (D. Brown II).

Ashenden sighed, for the water was no longer quite so hot; he could not reach the tap with his hand nor could he turn it with his toes … On the other hand he could not pull out the plug with his foot in order to empty the bath and so force himself to get out, nor could he find himself the will-power to step out of it like a man (S.W. Maugham).

Появление возможности выбора обусловлено неким объединяющим началом между смысловыми объемами пропозиций – они должны быть сопоставимы по какому-либо признаку, аспекту, параметру и т.д. То есть при определенных условиях в рамках общей ситуации коррелирующие высказывания выступают как взаимозаменяемые, однако одно из них воспринимается более реальным, вероятным, предпочтительным, уместным, желательным и т.д.

(1) Then why not spend the year in Iran, Ivory Coast and Iceland? Or even better – why not go on pilgrimage to the Great Tri-State 'I' Triumvirate of Islip, I-95 and Ikea? (E. Gilbert).

(2) "He's got a lot of money to spend." "Yes, he planned well. Or rather, married well." (D. Brown I).

В приведенных примерах предпочтительность/бóльшая вероятность одного из выборов усиливается прагматически – посредством *even better* в (1) и *rather* в (3).

С другой стороны, предлагаемый выбор может не быть принят реципиентом, что наделяет его вероятностным, гипотетическим характером – в момент произнесения высказывания выбор еще не сделан. Это может быть обусловлено контекстуально, например, *maybe* в (4) и *perhaps* в (5):

(4) How come he doesn't know? Maybe because the low men could block him out somehow. Or maybe the people inside The Corner Pocket were doing the blocking (S. King II).

(5) She didn't know. Or perhaps she has covered over what she knows and what she fears with what she hopes (S. King II).

При реализации отношений альтернативы с опорой на семантику предикативного ядра возможны несколько вариантов предлагаемого выбора.

Во-первых, альтернативные факты, являясь элементами общей ситуации/события/объекта, передают ее разные аспекты, представляют ее с разных сторон. За счет этого происходит конкретизация и в некотором роде эмоциональная оценка происходящего.

We literally can’t remain conscious. We yawn; our eyes water and try to close, and we just want to curl up and let the lights go out. Or, we have a cup of espresso (L. Knight-Jadczyk).

Either you’re lying to me, the same way you lied in that press conference. Or you’re telling the truth, and someone powerful in the agency is setting you up as a fall guy for his own misdealings (D. Brown I).

Разделительная функция союза *or* предполагает взаимоисключение, несовместимость коррелирующих пропозиций, только одна из которых может быть признана правильной и единственно возможной для динамики описываемой ситуации. Например:

She could become a business girl. Or she could study painting at college and become an artist (K. Ishiguro).

Should I maintain my autonomy? Or treat myself to a romance? (E. Gilbert).

Во-вторых, альтернативными могут быть не сами события или объекты, а способ их репрезентации, их номинация.

(6) The girl came in with the coffee and buttered toast. Or, rather, it was bread toasted and buttered (E. Hemingway).

(7) And now the day was here. Or tomorrow morning at the latest (R. Bradbury).

В этом случае объемы пропозиций взаимодействующих высказываний являются кореферентными, но вариативность их номинации позволяет автору дискурса более точно выразить свое мнение или понимание ситуации. Для усиления смысла могут быть дополнительно использованы конкретизаторы, например, *rather* в (6) и *at the latest* в (7).

Таким образом, данная разновидность альтернативной связи предполагает нестрогий выбор, который, в свою очередь, подразумевает возможность сосуществования взаимодействующих элементов дискурса.

Одной из прагматических функций альтернативного дискурса является функция коррекции. Предлагаемый автором выбор развития ситуации или номинации объекта способствует повышению точности или правильности формулировки высказываемого суждения. Иначе говоря, альтернатива вносит в коммуникативный блок некую корректировку, более адекватно отражающую ситуацию, а также устраняет возможную коммуникативную неточность или недостаточность, недостоверность пропозиции базового предложения. Кроме того, альтернатива предоставляет автору дискурса возможность в большей степени ориентироваться на личностные качества партнера. Например:

“The White House is very concerned by their claims.” “The White House? Or you personally?” (D. Brown I).

David and I had broken up for good. Or maybe we hadn’t (E. Gilbert).

Иногда при формировании альтернативных отношений действие контекстуального фактора может нейтрализовать значение выбора, выдвигая на первый план значение возможного следствия.

Give me a piece of money. Or I must die of hunger (O. Wilde).

Quick, quick… Or it will be too late (O. Wilde).

В подобных случаях второе высказывание предлагает адресату выбор в несколько завуалированной форме – предлагая обоснованное суждение, аргумент или умозаключение автора дискурса, оно в большей степени реализует отношения причины/следствия с оттенком противительности, превращая номинацию базового высказывания в единственно верный выбор.

Таким образом, функционируя в определенном фрагменте дискурса, отношения альтернативы могут повышать адекватность отражения описываемой ситуации, корректировать смысл коррелирующих пропозиций, обозначать другие возможные и более желательные направления развития

ситуации. При этом, вступая в логико-семантические отношения соподчинения, пропозиции первого и второго взаимодействующих предложений предполагают равноправный характер предлагаемых вариантов выбора для дальнейшей эволюции коммуникативной ситуации.

3.2.2.6. Каузация

Отношения каузации представляют собой тип связи, при которой в процессе семантико-структурного взаимодействия речевых построений одно явление (причина) приводит к появлению другого явления (следствие), поэтому их также можно определить как отношения причины–следствия. Основными характеристиками каузальной связи являются порождаемость, необходимость, однозначность, непосредственность.

I know why he left the factory. It was because of an outrageous scheme which the heirs of Jed Starnes established there (A. Rand).

The muttering stopped. He must have felt me outside the door (R. Bradbury).

Isn’t it a pity it’s dark? ... We could photograph you all three together (S.W. Maugham).

Yet failure is essential to success in any endeavor. Failure tests us and allows us to grow (R.S. Sharma).

В рамках функциональной лингвосинергетики данный тип отношения можно квалифицировать как круговую причинную связь [Пономаренко 2004; Denkel 1999 a], являющуюся одним из основополагающих принципов сохранения незамкнутой самоорганизующейся системы. Согласно данному принципу, через параметры порядка система воздействует на составляющие ее элементы и части, взаимодействие которых, со своей стороны, приводит к возникновению определенных параметров порядка в соответствии с тенденциями развития и функционирования системы. Иными словами, круговая причинная связь воздействует на систему с нескольких сторон, за счет чего возникают определенные последствия, приводящие, с одной

стороны, к равновесию и устойчивости системы, а с другой, – к ее развитию, динамике.

В речевой коммуникации данный тип связи может реализовываться двунаправленно – причина–следствие и следствие-причина, поскольку причина и следствие представляют собой некое единство причинно-следственных отношений [Всеволодова и др. 2001; Куликова 2016].

Выстраивание каузальности по модели «причина–следствие» предполагает такую последовательность коррелирующих высказываний, когда сначала выражается причинный фактор, который затем приводит к определенным последствиям; за счет этого отражается объективная природа каузальных отношений.

She was too tired to drink, really. She became sleepy (K. Follett).

Emily wasn’t used to driving the Marmon. She got into a bad wreck on the way home (K. Vonnegut I).

It was cold and stormy. Victor shivered in his white silk suit (J. Cheever).

For the last few minutes, the effort of self-control had been superhuman. He felt limp, defeated and ill (K. Follett).

Модель выстраивания каузальности «следствие-причина» не отражает объективное развертывание ситуации и нарушает реальную последовательность событий, фактов, суждений. И хотя следствие может казаться логичным и очевидным, оно, тем не менее, не может произойти раньше причины. Однако такое представление последовательности следствия и причины может создавать эмоциональный и стилистический эффект – понимание причины или причин происходящего, их оценка может быть обусловлена проявлением вызванного ими следствия. Поэтому постпозиция высказывания причины может иметь функциональную значимость, придавая фрагменту дискурса бóльшую убедительность (1), создавая некоторый драматизм (2), акцентируя первостепенность факта следствия для конкретной коммуникативной ситуации (3).

(1) I couldn’t help you at your office … I was waiting at the hospital (J. Grisham).

(2) We did our best to nurture what was good in the country. A lot of good has been destroyed (K. Ishiguro).

(3) He had to fight one battle or the other. There was no time for both (A. Rand).

Характерными формантами отношений каузации в поверхностной структуре английского дискурса являются союзные средства *therefore*, *so*, *consequently*, *that is why* и т.п. (актуализирующие корреляцию *причина-следствие*), например, (4), (5), (6), и *as*, *because*, *for* и др. (вербализующие корреляцию следствие-причина), например, (7), (8).

(4) When I first found out why she was here, I was just as surprised as you. That’s why I took her out for a ride (L. Spencer).

(5) Venture capitalists are often sector-focused and not diversified. Consequently, they demand a premium for firm-specific risk that can be diversified away (A. Damodaran).

(6) This is a much easier condition to meet, as long as collective-action costs are not prohibitive… Therefore, we expect that many more groups will find it worthwhile to mobilize in the richer information environment postlegalization (J. Goldstein, L.L. Martin).

(7) And the reason he was elected, the simple and obvious reason, was because Ernie wouldn’t let us nominate him. Because he’s so darn shy and modest and all (J.D. Salinger).

(8) I laughed-cruelly, I guess. For it all seemed terribly funny (J. Cheever).

Каузальная связь также реализуется при построении ответа на вопрос *Why ...?*, подразумевающего формирование максимально эксплицированной функционально-смысловой каузальной связи между коррелирующими высказываниями независимо от каузальных маркеров или иного контекстуального окружения.

“Now you beg me not to pay your father anything. Why?” “Because my father is the scum of the earth!” (L. Spencer).

“Why should it concern you whether he finds out or not?” “He’s my husband,” she said (K. Follett).

“Why didn’t you tell me you had them?” “What for? Sounded foolish. Woman stuff.” (R. Bradbury).

Обладая определенным арсеналом маркеров функционально-смысловой нагрузки, причинно-следственная связь в английском дискурсе может формироваться посредством лексико-семантической корреляции объемов пропозиций, имплицитно реализующей семантику каузации коммуникативных блоков. Подобное мы уже наблюдали во многих представленных фрагментах; приведем еще несколько схожих примеров.

(9) *[Two letters and a card lay on the hallfloor. He stooped and gathered them.]* Mrs Marion Bloom. His quickened heart slowed at once (J. Joyce).

(10) I don’t quite know what to do. Everything’s ready (J. Cheever).

(11) I put a mark in it. There’s a word I wanted to ask you (J. Joyce).

Вывести из импликации отношения каузации не представляется сложным: так, в (9) можно, например, использовать коннектор *that’s why* или *so*, в (10) – *as, since* или *for*, а в (11) – *because*.

Для причинно-следственной связи характерна еще одна близкая по значению функциональная категория – категория условия. Проблема разграничения понятий причины и условия долгое время остается дискуссионной. Как правило, соотношение причины и условий трактуется с позиции их природы – следствие возникает за счет определенного набора пассивных (собственно условия) и активных (причины) факторов; представляя собой необходимое условие, причина порождает следствие, тогда как условие может привести к возникновению нового явления [Ripley 2015]. Это подтверждает органическую связь категории условия с отношениями каузации.

Формантами условной связи в английском дискурсе являются: *if, given, provided, in case* и т.п. Хотя отношения условие–следствие формируются, как правило, в пределах одного высказывания, возникновение данного типа связи при корреляции нескольких пропозиций также довольно частотно.

You might as well talk about it, Clay. If it's about this … (L. Spencer).

Might be wise to hold back on that for a little longer. Just in case it kicks in (R. Mead).

Кроме того, анализ фактического материала позволил выявить разнообразие функционально-прагматических значений, реализуемых каузальной связью в английском дискурсе, например, порождающий фактор (12), аргумент (13), основание (14), объяснение (15), предположение (16), сожаление (17):

(12) Also, I really would like to have the family around the breakfast table, even if only for a bowl of cereal. It would give me a better sense of balance (R.S. Sharma).

(13) You go see him tomorrow, Ralphie-the nineteenth-at the Waldorf. He's expecting you (J. Cheever).

(14) Frank will come and get us in his car. We should be on a ship by the end of the week (K. Ishiguro).

(15) "Why didn't you look at him?" "You don't make eye contact with drunks." (R. Bradbury).

(16) How come he doesn't know? Maybe because the low men could block him out somehow (S. King II).

(17) Oh, Clay … if only you were six years old this would be so much easier. I could just punish you and send you to your room (L. Spencer).

Множество прагматических функций каузации доказывает универсальный характер этого типа связи. Она является неотъемлемым фактором создания и существования целостного текста, его логико-смыслового функционирования.

3.2.2.7. Оппозиция

Оппозиция формируется при сопоставлении фактов, объектов, событий, признаков, мнений и т.д. реальной или воображаемой действительности. Соотношение противоположностей способствует более объективной оценке происходящего со стороны участников коммуникации, оптимизированию развития коммуникативной ситуации или даже какой-либо системы или, наоборот, сохранению сложившегося оптимального положения вещей.

При сопоставлении единицы того или иного уровня языка могут проявлять парадигматически противоположные характеристики (например, хороший – плохой, черное – белое, умный – глупый и т.д.); кроме того, они могут вступать в синтагматически противоположные отношения, раскрывающиеся только в определенном контекстуальном окружении (когда понятия описывают характеристики объектов, являющиеся различными, но не противоречащими, они, соответственно, не противопоставляются по своему парадигматическому значению, например, цвета *красный* и *зеленый*, соотносящиеся по общему признаку цвета; однако в конкретном контексте понятия могут проявить синтагматически противоположные значения, например, *запрет – разрешение*). Очевидно, что в некоторых случаях природа и качество отношений преобразуются именно за счет контекста и реализуются в конкретной коммуникативной ситуации.

Наблюдается две основные разновидности отношений оппозиции: противоречивое (контрадикторное) и непротиворечивое (неконтрадикторное).

При контрадикторной оппозиции пропозиция базового высказывания выступает как одновременная невозможность, неуместность, неприятие пропозиции второго высказывания. В данном случае в основу формирования функциональной связи между высказываниями ложится принцип отрицания.

Chandler’s account of this process is benign, or at least neutral. Hannah reminds us, on the other hand, that the visible hand has often displaced the market in making brutal decisions (M. Moran).

With regards to management fees, we assume that the investor who buys from the LP on the secondary market is willing to assume responsibility for paying them. However, the new LP will only pay a maximum of the same percentage management fee as the original LP (N.P.B. Bollen, B.A. Sensoy).

On the basis of the Teffaine decision, the victim does not have to prove any longer that the manufacturer of the bottle did something wrong. On the contrary, if the manufacturer wants to escape liability, he must prove that the damages were not caused by a fault of his (G.E. van Maanen, J. Hage).

К формантам контрадикторной семантической связи относятся наречия и их производные, а также противительные союзы: *however, otherwise, but, on the contrary, quite the opposite, on the other hand* и т.д.

Кроме того, оппозиционная контрадикторная связь также реализуется через лексико-грамматические средства – противопоставление семантических и/или морфолого-синтаксических характеристик компонентов взаимодействующих высказываний. Например:

1) Оппозиция утвердительной и отрицательной форм глагола. Порядок следования утверждения и отрицания, как правило, не сказывается принципиально на формировании семантики данного типа функциональной связи, однако может значительно повлиять на коммуникативно-функциональную нагрузку коммуникативного блока.

“Intuitively, some of what he said made sense.” Langdon shook his head. “But intellectually…” (D. Brown II).

He’s all right. He’s not sick (R. Bragbury).

What the hell is this, a frame-up? ... I’m afraid it isn’t, and you know it (L. Spencer).

The knobs weren’t shaped like any she’d ever seen. Instead, they were curved and swirled like the handles of fine cutlery (L. Spencer).

I’m not saying it was your fault. I’m saying it wasn’t nice (J. Green).

2) Употребление разных временных форм глагола, за счет чего происходит противопоставление описываемых событий во времени.

“But since you claim you don’t want anything from me, why are you trying so hard to convince me?” “I’m not … at least I wasn’t until you questioned me about there being others.” (L. Spencer).

As expected, the printout revealed a clear cross section of the water-filled meteorite shaft. But what Norah had never expected to see was the hazy grayish outline of a humanoid form floating halfway down the shaft (D. Brown I).

3) Номинация разных производителей одного и того же действия.

Peter, you’ve always been the strong one … you’ve always been there for me. But I’m here for you now (D. Brown II).

“I obviously can’t refuse the President.” “No … but I can.” (D. Brown I).

4) Описание различных аспектов или характеристик действия или состояния, относящихся к одному и тому же деятелю/объекту.

He cut the engine and turned to her. But he remained silent (L. Spencer).

During times of peace, the eagle faced left-toward the olive branch. But in times of war, the eagle mysteriously faced right-toward the arrows (D. Brown I).

I still want to sleep with you … But I am not a man who is happy enough to do it (A. Rand).

5) Номинация разных элементов ситуации.

I laughed all the way home. But my wife was sad (J. Cheever).

He was happy enough to take the convertible and race up the hill to the Blevins’, thinking that they might give him a drink. But the Blevins were away (J. Cheever).

I didn’t want to be a grenade. But then again, he knew what he was doing, didn’t he? (J. Green).

Отношения оппозиции могут реализовываться без употребления формантов в поверхностной структуре дискурса, но быть представленными имплицитно.

He peered into the infinite void, searching for any points of reference. He found nothing (D. Brown II).

Because I saved you, you rotten fools! I won't be able to save you this time! (A. Rand).

It is also possible to use this case to formulate a rule that has the best results for this case and all future similar cases. This rule should not incorporate the details of the present case in order to be useable in the future (G.E. van Maanen, J. Hage).

В подобных случаях раскрыть характер функциональных связей между коррелирующими высказываниями можно посредством таких коннекторов, как *but, however, in fact, in reality* и т.д., например, *He peered into the infinite void, searching for any points of reference. However/In fact he found nothing.*

Подтипом контрадикторных отношений оппозиции является замещение. Данный тип связи предполагает выражение в базовом высказывании определенного факта, суждения и т.д. как неприемлемого/неподходящего и описание во втором реального/желаемого положения дел как потенциально возможного и более уместного. Иными словами, в процессе развертывания ситуации появляется элемент, соответствующий действительности (реальной или конструируемой) и приемлемый для участников коммуникации в бóльшей степени; это объясняет замещение данным элементом менее предпочтительного, не принимаемого факта/суждения/действия. Характерным маркером этого подтипа связи является коннектор *instead*.

You will stop being a prisoner of your past. Instead, you will become the architect of your future (R.S. Sharma).

A referendum, meanwhile, deviates from the principle that decisions are taken by the rulers on behalf of the governed. Instead, the approval or continued effect of a certain decision is left to a popular vote (Ch. Backes, M. Eliantonio).

A question sprang to Ashenden's lips, but he did not ask it. He asked another instead (S.W. Maugham).

Еще одной разновидностью контрадикторной оппозиционной связи являются отношения уступки – когда смысловой объем пропозиции второго предложения противоречит пропозиции базового предложения, потенциально возможной при иных первоначальных условиях, и исключает его из общей ситуации. В качестве формантов данной связи можно обозначить союзы (*al)though, except, but for, no matter, let alone, not that* и др.

"… like astrology?" "Exactly. Although a different astrology than we know today." (D. Brown II).

Whose reason? The answer is: Yours. No matter how vast your knowledge or how modest, it is your own mind that has to acquire it (A. Rand).

Wasn't he the doctor? But for some reason he didn't volunteer to help and I didn't push it (E. Gilbert).

I always joke people and I haven't a friend in the world. Except Jake here (E. Hemingway).

Why can't you stay around and take care of your responsibilities? Let alone take care of me (G.R. Dickson).

Для неконтрадикторного противопоставления не характерно отрицание пропозициями друг друга, скорее, они дополняют или даже подтверждают друг друга. За счет этого формируется общий смысл, объединяющий и подчиняющий объемы коррелирующих предложений. И хотя оппозиция может содержаться в форме выражения, в смысловом наполнении пропозиций она может отсутствовать. Кроме того, при непротиворечивом противопоставлении в процессе формирования общего функционально-семантического пространства дискурса коррелирующие высказывания сближаются синтагматически.

Hazel, you're a teenager. You're not a little kid anymore (J. Green).

It was not a humour of ideas, nor even a humour of words. It was much more subtle than that, it was a humour of punctuation (S.W. Maugham).

"Didn't you like Bryan?" "I loved Bryan." (E. Hemingway).

Подтипом неконтрадикторного противопоставления являются отношения сравнения. Они реализуются при взаимодействии различных пропозиций, иногда не имеющих точек соприкосновения вне контекстного сопоставления, но формирующих функциональный план некоего подобия друг другу в процессе семантико-синтаксического взаимодействия. Здесь очевидно проявление принципа единства и борьбы противоположностей.

Прагма-семантические отношения данного подтипа реализуются такими формантами, как союзы *like, as though, as if*. Союз образует область пересечения объемов коррелирующих пропозиций.

He broke down. As if he had a right to cry over Gus (J. Green).

Amgen is a biotechnology firm. Like most pharmaceutical firms, it has a substantial amount of R&D expenses, and we attempt to capitalize it in this section (A. Damodaran).

When she spoke it was quite calmly, as though – well, as though she'd just missed a bus and would have to wait for another. As though it was a nuisance, you know, but nothing to make a song and dance about (S.W. Maugham).

3.2.2.8. Переключение

Прагма-семантические отношения переключения реализуются взаимодействием коррелирующих пропозиций высказываний, регулируемым логико-семантическими отношениями исключения. Это приводит к отсутствию общего смыслового поля в объемах сопоставляемых пропозиций.

And where are you going to be, Robert? It's my own fault, all right (E. Hemingway).

Don't smoke. You ought to eat. Cursed dog I met (J. Joyce).

It's something soft … that had oil on it. Oh, Joe, did you sell another sketch? (O.Henry).

Формирование отношений переключения в значительной степени определяется ситуативным контекстом и непредсказуемостью, спонтанностью речевого общения. Взаимодействие пропозиций несвязанных

по смыслу высказываний приводит к флуктуации (колебанию, отклонению) системы дискурса от некоторого равновесного состояния и смене его тематической направленности.

В рамках функциональных отношений переключения системное взаимодействие коррелятов может быть двух разновидностей.

В первом случае, не будучи непосредственно связанными между собой и обладая каждый своим субъектно-предикатным ядром, объемы пропозиций отражают элементы общей ситуации, развиваемые, однако, в разных направлениях.

Прагма-семантические отношения переключения могут проявлять признаки отношений продвижения. Для них, тем не менее, не характерна репрезентация последовательности событий, обусловленная строгим временным фактором – факты могут отражаться и как одновременные, и как последовательные, и как ретроспективные. Для формирования данного подтипа отношений более значимым является изменение вектора коммуникации, когда фокус внимания участников коммуникативной ситуации под воздействием каких-либо факторов перемещается с одного объекта (или его аспекта) обсуждения на другой. Это приводит к включению в систему дискурса большего количества различных аспектов, событий, фактов, которые, на первый взгляд, не имеют непосредственной связи с ситуацией, но привносят более разностороннее о ней представление и некоторые дополнительные характеристики.

[Come out of this gloominesss … You're spoiling your own good time and you're spoiling everyone else's. We need a vacation, Tifty …] We need to rest. You think that your pessimism is an advantage, but it's nothing but an unwillingness to grasp realities (J. Cheever).

["What'll we do to-night?"] "Doesn't make any difference. Only let's not get daunted. Suppose they got any hard-boiled eggs here? If they had hard-boiled eggs here, we wouldn't have to go all the way down to the island to eat." (E. Hemingway).

What’s he doing?... That’s kind of dangerous over there (D. Brown I).

Вторая разновидность отношений переключения подразумевает полную смену микротемы фрагмента дискурса. Это осуществляется за счет введения в систему дискурса элемента, не упоминавшегося ранее в ходе общения и не обладающего точками пересечения со смыслом базового высказывания. В результате происходит переключение внимания на другой объект, что влечет за собой нарушение равновесности и линейности системы (и даже возникновение некоторого хаоса) коммуникативного блока.

[I figured that all out once, and for six months I never slept with the electric light off.] That was another bright idea. To hell with women, anyway. To hell with you, Brett Ashley (E. Hemingway).

I say, weren’t you there? ... Ring for some beer, Bill (E. Hemingway).

My God! What a morning! And here’s old Jake. Old Jake, the human punching-bag (E. Hemingway).

Функциональная значимость переключения заключается, таким образом, в изменении направленности разговора. Целью подобного изменения темы может быть как нежелание говорящего обсуждать тот или иной предмет, так и его эмоциональное состояние – например, нервное перенапряжение, заставляющее автора дискурса перескакивать с одного предмета на другой. С позиций самоорганизационных процессов системы подобное функционирование элементов дискурса позволяет рассматривать отношения переключения как хаотизирующее.

3.2.2.9. Прагматический комментарий

Как правило, формирование функциональных отношений в дискурсе основывается на прагма-семантической составляющей высказываний, то есть на семантическом и прагматическом аспектах реализации смысла. В то же время для системы английского дискурса характерен такой вид связи между высказываниями, функция которого состоит в репрезентации только прагматического значения – выражение эмоционального состояния автора

дискурса, его оценки происходящего посредством комментариев, рассуждений, восклицаний и т.д. Это способствует созданию большей модальности дискурса, иллокутивного и стилистического эффекта.

Julian? Is that you? I can't believe it! Is that really you? (R.S. Sharma).

To be losing David right after the failure of my marriage, and right after the terrorizing of my city, and right during the worst ugliness of divorce … Well, this was simply too much (E. Gilbert).

[Buy back your wheelbarrow?] You don't mean to say you have sold it? What a very stupid thing to do! (O. Wilde).

Представленные фрагменты демонстрируют отсутствие развертывания пропозиции базового предложения через смысловой объем второго предложения, которое не развивает сюжетное повествование, но только выражает оценку и восприятие ситуации говорящим, акцентирует модальность и отношение к происходящему. Именно в создании подобного эмоционального фона фрагмента дискурса заключается функциональная значимость этого типа связи. И поскольку она отражает как характер корреляции дискурсивных единиц, так и взаимодействие коммуникантов и их восприятие ситуации общения, данную связь можно определить как прагматический комментарий.

Спектр аспектов, подвергаемых комментарию, может быть достаточно разнообразным, например:

- оценка и характеристика объекта ситуации общения:

This is a family magazine. God damn it (J. Cheever).

'Maggie Toole's got a fellow at last,' was the word that went round among the paper-box girls. 'Pipe Mag's floor-walker' – thus the Give and Takes expressed their indifferent contempt (O.Henry).

Not to think about it. Oh, it was swell advice (E. Hemingway).

- восприятие и отношение к ситуации общения со стороны коммуникантов:

She looked away, to where the other guards stood, waiting, ready to protect her even though she'd never shown them a single reason to do so. Of course they would (M. Marr).

He feels very badly … He should be in bed (E. Hemingway).

She seemed confused to see him and he wondered if she was still wounded. Would she, God forbid, weep again? (J. Cheever).

- мнение/рассуждение о действиях/поведении или о характере участников обсуждаемой ситуации:

You were so kind to come visit, dear child. I see now how kind you are (R. Bradbury).

Or had he gone to that gloomy chapel, where the candles were always burning, and where she was never allowed to enter? How silly of him, when the sun was shining so brightly, and everybody was so happy! (O. Wilde).

She cried at breakfast. She cried all through cocktails and dinner. It was awful (J. Cheever).

- регулирование процесса и вектора общения:

When I saw you turn that poor old guy's pockets inside out I knew it had to be him. Now what do you say? (R. Bradbury).

["Let me use an expression that is, I think, American in origin. 'It will all come out in the wash'."] "That's comforting. I'll ask again: What happened to Daria?" (J. DeChancie).

Here on God's space ship, God only gives us ten things to check – and not for any little trip to some big, dead poisonous stones out in space, but for a trip to the Kingdom of Heaven! Think of it! (K. Vonnegut II).

- метаречевые комментарии:

I couldn't explain it to him. Hell, I couldn't explain it to myself (S. King II).

Only in colour. His face was how shall I describe it? it was of a fish-belly whiteness (A. Conan Doyle).

You might think that you are too busy to spend time working on yourself. This would be a very big mistake (R.S. Sharma).

- выражение чувств, эмоций, внутренних переживаний:

Welcome home. Of course, it’d never felt like home (M. Marr).

My day, my hour, my moment of revelation … came on a Sunday, when I had been home eight days. Oh God, was I happy! (J. Cheever).

I had loved her so much, I had loved her so madly. Good God! how I had loved that woman! (O. Wilde).

Хотя прагматический комментарий может встречаться в монологах, этот тип отношений все же более характерен для диалогической речи, поскольку именно условия живой естественной коммуникации приводят к изменению в векторе рассуждений или мнения, появлению новой идеи/мысли/впечатления у говорящего из-за неожиданного поворота в коммуникации и возникновения непредвиденных обстоятельств, что требует от него определенной эмоциональной реакции. Например:

They’ll kick yer ou’ the fuckin’ clinic again! You stupid fuckin’ junkie bitch (J.K. Rowling).

“We’ve missed you.” … “I bet you have” (Gr. Daryl).

Прагматический комментарий позволяет с легкостью декодировать эмоциональное состояние говорящего. Так, в первом предложении это раздосадованность, злость и даже упрек; во втором предложении в ответной реплике реализуется семантическая функция согласия, подтверждения, но также, что имеет большее смысловое значение для данного дискурса, – прагматический эффект иронии.

Следующий фрагмент репрезентирует значение самокоррекции, когда комментарий автора дискурса направлен на собственное коммуникативное поведение:

I am afraid I misjudged you in the past. I beg your pardon (S.W. Maugham).

Итак, прагматический комментарий – это довольно специфический вид функциональной дискурсивной связи, поскольку не предполагает смысловое развертывание объемов пропозиций коррелирующих высказываний, но реализует многообразие смысловых оттенков, эмоциональное состояние

автора дискурса, его личное отношение к ситуации. Это наделяет данный тип отношений особым стилистическим эффектом.

3.2.2.10. Контаминация функциональных связей в английском дискурсе

Параметры порядка в системе английского дискурса обладают комплексным характером. Это, с одной стороны, значительно обогащает смысловое содержание прагма-семантических отношений, но, с другой, осложняет четкость их квалификации.

В основе представленной в данной главе классификации функциональных отношений лежит смысловое взаимодействие дискурсивных компонентов, за счет свойств которых, а также контекстуального окружения, становится возможным идентифицировать тип реализуемой связи и определить ее функциональный потенциал для развития анализируемой коммуникативной ситуации в целом.

В то же время многомерность и синкретизм функциональных отношений, гибкость системы английского дискурса позволяют репрезентировать множество разнообразных оттенков смыслового плана. Поэтому в некоторых фрагментах дискурса можно наблюдать совмещение функциональных признаков разных типов семантических отношений. Например:

- специализация, нарастание

What’s love, darling, if it’s not self-sacrifice? ... What’s self-sacrifice, unless one sacrifices that which is one’s most precious and most important? (A. Rand).

- экземплификация, нарастание

A symbologist’s first clue that he’s on the wrong track when deciphering symbols and codes is when he starts interpreting symbols using multiple symbolic languages. For example, when I told you this text was Roman and Arabic, that was a poor analysis because I used multiple symbolic systems (D. Brown II).

- специализация, экземплификация

Come to have dinner with me tonight. At seven (A. Rand).

- экспликация, прагматический комментарий

I didn’t think you’d joke about it. It’s not like you (A. Rand).

- альтернатива, уточнение

What you don’t know you can’t tell. Or be made to tell (S. King II).

- альтернатива, продвижение

I may someday become The Family Flake. Or it may have already happened (E. Gilbert).

- альтернатива, нарастание

A room. Or a house. Or something you once lived in or something – you know (J.D. Salinger).

- продвижение, каузация

They had been settled now for four months in the little outstation of which he was in charge. She was very happy (S.W. Maugham).

- противопоставление, нарастание

Things are good at their beginnings. But how rarely in the history of men and small towns or big cities is the ending good (R. Bradbury).

- каузация, прагматический комментарий

[“No, really. I should’ve been here.”]

“Why?”

“Because it’s obvious you’ve lost your mind,” he said with a laugh (J. Grisham).

- экземплификация, декодирование

We have two targets. The first is an engraved stone pyramid, approximately one foot tall. The second is a smaller, cube-shaped package, approximately two inches tall (D. Brown II).

- экземплификация, партитивность

Visit me … Come ride the carousel. Come see if innocent boy David is truly married to old evil Caligula, eh? (R. Bradbury).

- экспликация, нарастание, прагматический комментарий

[It's one of those lifelong regrets.] I would have loved to do something with my gift but I didn't have the luxury. Life has a funny way of intervening (D. Tartt).

- экспликация, партитивность, противопоставление

I felt this weird mix of disappointment and anger welling up inside of me. I don't even know what the feeling was, really, just that there was a lot of it (J. Green).

- декодирование, продвижение, нарастание

Everybody was going to be dead soon. My parents would die. My friends would die. My cat would die (E. Gilbert).

- нарастание, переключение, прагматический комментарий

[Then you come.] You sit here. You drink. God damn you people (J. Cheever).

- уточнение, продвижение, нарастание

The three matadors take the bull in turn after each charge he makes at a picador. Belmonte was the first. Marcial was the second. Then came Romero (E. Hemingway).

- специализация, альтернатива, партитивность

I'd look across a room – bam – I saw his hair. Or his legs, I still remember the exact shape of his legs. Or how he threw back his head when he laughed – remember, Uncle Teddy? (J. Egan).

- экспликация, каузация, нарастание

[I love England in a heat wave.] It's a different country. All the rules change (I. McEwan).

- экспликация, каузация, прагматический комментарий

I mean, check yourself out. You're a pathetic mess, unrecognizable even to your own eyes (E. Gilbert).

- противопоставление, переключение, нарастание

The last thing I heard about Gitanas Misevicious was that he'd given Julia two black eyes. But whatever (J. Franzen).

Сочетание разных типов отношений в рамках одного коммуникативного блока практически неисчерпаемо. Это обусловлено разнообразием прагма-семантической нагрузки фрагментов английского дискурса, а также его нелинейностью, открытостью, неравновесностью как самоорганизующейся системы.

Комплексное функциональное взаимодействие компонентов в системе английского дискурса осложняет или даже делает невозможным жесткое разграничение и классификацию функциональных связей – в коммуникативном блоке формируется множество связей между коррелирующими высказываниями, раскрытие разносторонних аспектов которых требует привлечения более широкого контекста. Контекст, с одной стороны, значительно обогащает формируемое дискурсивное пространство, но, с другой, существенно усложняет его функциональный план. Это еще раз подтверждает гипотезу о сложной организации, открытости/незамкнутости, иерархичности английского дискурса как самоорганизующейся системы, опосредует широкие возможности системного взаимодействия компонентов дискурса и перспективы формирования функциональных дискурсивных отношений.

Выводы по главе III

1. Понимание сущности категории отношения, ее природы и специфики, взаимосвязи с другими категориями открывает перспективы изучения сложных процессов эволюции системы дискурса. Особенности категории отношения ложатся в основу формирования функциональных отношений английского дискурса.

2. Теория самоорганизации систем делает возможным всестороннее исследование функциональных характеристик английского дискурса, раскрывает взаимодействие его линейных и нелинейных свойств как открытой эволюционирующей системы.

3. Функциональная самоорганизация дискурса обеспечивается функциональными отношениями (связями) английского дискурса, представляющими собой содержательно-смысловое взаимодействие между высказываниями.

4. Формирование функциональных отношений английского дискурса определяется смысловым и структурным взаимодействием компонентов и частей дискурса, а также воздействием на него внешней среды (расширенного контекста коммуникативной ситуации, личных параметров участвующих коммуникантов, потенциала предоставляемых общей языковой системой речевых средств). Функциональное взаимодействие элементов дискурса опосредует, в свою очередь, многообразие аспектов динамики дискурса в продвижении его смысловой системы к заданной коммуникативной цели. С этой точки зрения описание функциональных отношений английского дискурса является актуальным и закономерным.

5. Процесс самоорганизации английского дискурса зависит от параметров порядка – функциональных отношений дискурса, с одной стороны, стабилизирующих систему дискурса и управляющих ее развитием, и, с другой стороны, обусловленных поведением и эволюцией самой системы.

6. Параметры порядка системы английского дискурса представляют собой семантические связи в их функционировании и делятся на общие и специальные параметры порядка.

7. Общими параметрами порядка дискурса являются логико-семантические отношения. Благодаря им возникает взаимодействие между дискурсом и внешней средой – концептуальной системой коммуникантов, внешними (макро-)связями произведения речи и смысловой системой общей коммуникативной ситуации. Данный вид параметров порядка регулирует не конкретное лексико-семантическое взаимодействие предложений, а объемное соотношение пропозиций высказываний, соотносящихся с фрагментами действительности (реальной или конструируемой автором

дискурса), которые являются референтами коррелирующих фраз. Логико-семантические связи представлены такими видами отношений как тождество, включение, пересечение, соподчинение, исключение.

8. Отношения тождества в английском дискурсе предполагают двойное (тройное и т.д.) обозначение одного референта. Повторная номинация, являясь, по сути, идентичной базовой, расширяет функциональную характеристику смысловой системы дискурса.

9. Включение подразумевает поглощение объема одного высказывания другим. Большее по объему суждение, тем не менее, не обязательно является подчиняющим по отношению к меньшему, подчиненному, – более важным фактором в данном случае выступает функциональная значимость речевых образований для коммуникативной ситуации. При этом может наблюдаться как сужение, так и расширение объема суждения.

10. При пересечении в объемах пропозиций коррелирующих высказываний наблюдается общая область (область пересечения) – дублируемая часть пропозиции, которая входит в семантическую подсистему каждого из высказываний, но не исчерпывает их.

11. Соподчинение – такое соотношение высказываний, при котором объемы их пропозиций являются составными частями большего объема репрезентации объекта.

12. При отношениях исключения в объемах пропозиций коррелирующих высказываниях наблюдается отсутствие общих элементов.

13. Специальные параметры порядка представляют собой прагма-семантические отношения. Они обеспечивают целостность и системность взаимодействия компонентов дискурса, что приводит к функционированию всей системы в соответствии со смысловой направленностью определенной коммуникативной ситуации. К данному типу связей относятся следующие отношения: пояснение, уточнение, нарастание, каузация, продвижение, противопоставление, альтернатива, переключение, прагматический комментарий.

14. Пояснительная связь формируется при взаимодействии высказываний, имеющих общий референт (факт/событие/ситуацию), выражаемый в относительно равнообъемных суждениях, первое из которых функционирует как поясняемое (базовое), а второе – как поясняющее, восполняющее смысловую недостаточность первого высказывания. Подтипами пояснения являются репрезентация, экспликация и реконструкция.

15. При функциональной связи уточнения базовое высказывание номинирует факт/событие/суждение, а уточняющее высказывание репрезентирует их конкретные проявления. Уточнение может быть представлено такими разновидностями как специализация, партитивность, экземплификация.

16. Нарастание предполагает репрезентацию факта/события/ явления/суждение как части более широкой ситуации – происходит иерархическое структурирование от частного к общему. Нарастание может быть количественным и качественным.

17. Отношения каузации реализуют базовый принцип формирования целостной системы дискурса через такие виды связи как причина–следствие, условие, цель.

18. Отношения продвижения передают развитие дискурса и ситуации в целом. Продвижение может быть проспективно или ретроспективно направленным (иметь прямой или обратный характер).

19. Оппозиция в английском дискурсе реализует противопоставление пропозиций коррелирующих высказываний и может подразделяться на контрадикторное и неконтрадикторное.

20. Альтернативные отношения репрезентируют гипотетические варианты развития ситуации. Это создает возможность для более полного описания ситуации и корректирования действий/суждений при необходимости.

21. Отношения переключения возникают между пропозиционально несвязанными высказываниями. Они отражают изменение тематической направленности и резкий фазовый переход в эволюции системы смыслов дискурса. Переключение является своего рода хаотизирующим систему дискурса фактором.

22. Отношения прагматического комментария формируют функциональное пространство английского дискурса не через пропозициональное развертывание его системы, а через выражение оценочного (прагматического) восприятия базового высказывания.

23. Для английского дискурса характерным также является формирование двух или даже более видов отношений (контаминации разных прагма-семантических связей) между коррелирующими высказываниями. Это объясняет невозможность жесткой детерминации и разграничения типов функциональных отношений и подтверждает правомерность рассмотрения английского дискурса как открытой, нелинейной, самоорганизующейся системы.

24. Функциональные отношения обеспечивают системное взаимодействие и функционирование компонентов в определенном контексте и тем самым обусловливают формирование целостности смысловой системы конкретного дискурса.

Глава IV. ДИНАМИКО-СИСТЕМНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА

Функциональная эволюция английского дискурса обусловлена синергийным взаимодействием его элементов, компонентов, частей, что в совокупности генерирует прагма-семантическую нагрузку системы дискурса. Семантические процессы, подразумевающие комбинирование определенным образом языковых единиц в дискурсе, способствуют формированию семантических значений и приращению прагматических значений под действием лингвистических и экстралингвистических факторов. Возникающий в процессе синергийного взаимодействия компонентов дискурса и самоорганизации его смысловой системы функциональный сдвиг усиливает прагматический эффект текста и воздействие на адресата. Очевидна интеграция семантического и прагматического пространств, на основе которой происходит выстраивание функционально-прагматической системы английского дискурса.

Процесс модификации прагма-семантического пространства английского дискурса включает ряд этапов его функционального развития: равновесное состояние системы (базовое высказывание); функциональные колебания, неравновесность, хаотизация, бифуркация (развитие темы, приращение прагматических значений); фазовый переход на новый уровень эволюции (формирование прагма-семантических и коммуникативно-функциональных смыслов, функциональных отношений); достижение аттрактора, равновесность (структурирование смыслового пространства) [Пономаренко 2004; 2013; 2015].

Рассмотрим процесс формирования и трансформации смыслового пространства английского дискурса более подробно.

4.1. Анализ формирования мультимодального смыслового пространства английского дискурса через призму функционально-интегративной методологии

Проблемы, требующие рассмотрения на современном этапе развития лингвистики, настолько сложны и многогранны, что не могут быть охарактеризованы какой-либо одной общей научной схемой или направлением. Достижения лингвистики в системе современных отраслей научного знания не вызывают сомнения, но, тем не менее, очевидна необходимость в новом уровне анализа, оценки, осмысления и рефлексии объекта лингвистики. Новый ракурс изучения объектов позволяет установить их новые характеристики и свойства, благодаря чему наука обогащается новыми фактами и направлениями исследования. Это обусловливает поиск перспективных парадигм анализа и решения практических, прикладных задач.

Бесспорно, наибольший интерес вызывают такие направления, теории и концепции, которые не просто актуальны сегодня, но и представляются научно значимыми в будущем. К числу таковых можно отнести функциональную лингвосинергетику как интегративную парадигму – аналитический подход к изучению дискурса, позволяющий представить его функциональное смысловое пространство сложным мультимодальным целым. В данном разделе ставится задача охарактеризовать функциональную лингвосинергетику в ракурсе ее интегративного потенциала.

Применение интегративного аналитического аппарата в изучении языковых явлений, дискурса и коммуникации в целом традиционно признается целесообразным для всестороннего раскрытия функциональных свойств речевой деятельности. Функциональный план речи получает наиболее полную репрезентацию при комплексном, а не разрозненном, рассмотрении различных функциональных параметров речевого произведения (структурных, семантических, прагматических, когнитивных) в их неразрывном единстве и взаимодействии. В то же время интегративная

функционально-синергетическая парадигма пока является не окончательно сложившимся, а развивающимся и перспективным направлением лингвистических исследований. Она позволяет продвигать и пересматривать многие разработанные теории, анализировать ранее изученные понятия с более современных позиций, что оказывает положительное влияние на развитие науки и расширяет границы ее исследования.

Поскольку изучение английского дискурса с позиций интегративности подразумевает анализ разноуровневых речевых единиц и отношений (связей) между компонентами дискурса, формирующими значения и смыслы, данная научная методология способствует пониманию того, каким образом синергийное взаимодействие и функционирование определенного набора языковых средств и факторов приводят к всесторонней репрезентации семантики и прагматики дискурса.

По известному выражению академика Л.В. Щербы, в языке действуют «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба 2004: 24]. По сути, в этом постулате сформулирован стартовый посыл для проведения функционально-интегративного анализа произведения речи. Интегративная методология способствует раскрытию проблемы неаддитивности, нелинейности, синергийности смысла, когда, условно говоря, «два плюс два равно пяти», то есть смысловое пространство дискурса образуется не как последовательно суммируемые значения элементов речевой цепи, а как выходящие за рамки такого сложения «новые смыслы» [Пономаренко 2013; Храмченко 2017]. Соответственно, интегративный подход уделяет особое внимание анализу спонтанно, нелинейно, возникающих смысловых приращений, которые стимулируют эволюцию дискурса, причем особая роль в этом процессе отводится трансформации значений во взаимодействии с другими значениями и под действием языковых и неязыковых факторов, обусловливающих формирование смыслового пространства дискурса [Кубрякова, Демьянков 2012; Серебрякова 2015; Wharton 2009].

Комплексный анализ семантики и прагматики дискурса помогает установить принципы отбора языковых средств для выражения необходимых значений в процессе коммуникации, понять алгоритм трансформации значений (денотатов) в смыслы (сигнификаты) и интерпретацию смыслов участниками коммуникации. Интегративно-синергетический аналитический подход более структурировано показывает процесс перехода семантики в прагматику при формировании смыслового пространства дискурса. В рамках данного подхода становится возможным провести анализ сложного интегрированного способа передачи мысли, когда формирование значений и смыслов осуществляется в сочетании в коммуникативном акте разных модусов взаимодействия – вербальных и невербальных знаков, различных кодов обмена информацией и т.п. [Husserl 2019; Manerko 2015]. Например, фраза *I believed in your desire to help me* может достаточно полноценно интерпретироваться в разных ракурсах:

- грамматическом (простое распространенное предложение с подлежащим в первом лице единственного числа, простым глагольным сказуемым в Past Simple, определением-притяжательным местоимением второго лица и дополнением-личным местоимением первого лица в косвенном падеже);
- семантическом (сообщение об имевшемся у автора мнении о желании партнера помочь в некой происходившей ранее ситуации);
- когнитивном (способ репрезентации ряда концептов: надежды (или доверия), желания, помощи).

Однако очевидно, что прагматические параметры приведенного высказывания получат полноценную интерпретацию при его рассмотрении в разных «системах координат» – в рамках более широкого дискурса, с учетом множества функциональных аспектов. Иначе, в отрыве от контекста и без учета когерентного взаимодействия всех компонентов высказывания, невозможно конкретно определить, положительные или отрицательные

коннотации сопровождают эту фразу, выражает ли она благодарность, упрек или нейтральное размышление, продвигает ли она сюжет референтного события или завершает его развитие, уместна ли она в конкретной ситуации общения, адекватна ли она социальным ролям коммуникативных партнеров, удачна ли выбранная формулировка и т.д. Все эти составляющие общего смыслового пространства высказывания можно раскрыть при интегрированном анализе процесса взаимообогащения семантики и прагматики дискурса.

Согласно принципу вариативности, язык выполняет множество функций, и использование тех или иных языковых средств для репрезентации определенного языкового явления может привести к неоднозначному результату. За счет возможности выражения одного явления разными способами в зависимости от коммуникативной ситуации, цели и аудитории описания будут содержать существенные различия. Соответственно, их восприятие и интерпретация также будут различными. Любое описание, тем самым, представляет собой новую версию реальности, а выбор средств выражения языковых реалий зависит от контекста, в котором они употребляются, целей коммуникации и сознания коммуникантов [Ермолаева 2019; Кочетова 2015; Пахомова, Чернышева 2016].

Комплексное взаимодействие различных знаковых систем обусловливает мультимодальность природы дискурса и языковой коммуникации [Бутакова 2016; Харьковская, Кривченко 2017]. Функционально-интегративный подход показывает, каким образом вербальные знаки в сочетании с визуально-пространственными компонентами оформления дискурса (например, орфография, пунктуация, разные режимы представления текста, картинки, изображения) передают не только смысл сообщаемого, но и эмоциональный фон коммуникативной ситуации. Поскольку, как отмечалось ранее, принципиальное отличие рассматриваемой парадигмы заключается в комбинированном когерентном анализе различных функциональных параметров речевой деятельности,

интегративно-синергетическая методология опирается на принцип многоуровневого анализа, учитывая всевозможные модусы, задействованные в конструировании смысла сообщения и фиксирующие тем или иным образом невербальные сигналы, выражающие психологическое состояние говорящего и способствующие более адекватной интерпретации дискурса адресатом. Формируемый смысл, тем самым, основывается на лингвистической репрезентации во взаимодействии с экстралингвистическими знаниями участников коммуникации и характеризуется динамичностью, поскольку постоянно обогащается и перестраивается. Интегративная парадигма не только способствует пониманию стратегий и тактик реализации формируемых смыслов, но также исследует различные способы и средства воздействия на собеседника [Григорьева 2018; Arundale 2021; Salmon 2022].

Дискурсивно-аналитическая основа функционально-интегративной методологии позволяет учитывать взаимодействие микро- и макроуровней анализа. Микроаналитический подход исследует более тонкие детали языкового взаимодействия в дискурсе. На этом уровне происходит описание отдельных кодов и субкодов, выявление их семиотического и коммуникативного потенциала и ресурса модификации и репрезентации промежуточных значений и общего дискурсивного смысла [Manerko 2015; Husserl 2019; Kress 2009]. Макроуровень охватывает, с одной стороны, прагматический потенциал каждого кода отдельно, с другой, – их взаимодействие и взаимную активизацию. Помимо этого, макроаналитический подход рассматривает, как более широкие процессы (социальные, культурные, политические, личностные и т.д.) отражаются в дискурсе через язык [Heller 2006]. За счет этого становится возможным осуществление анализа «снизу вверх» и/или «сверху вниз», что позволяет понять, каким образом наблюдаемые механизмы языкового взаимодействия связаны с внешними системами. Благодаря этому образуется объемная картина – мельчайшие детали переплетаются с более глобальными

взаимосвязями, что в результате способствует представлению лингвистического объекта в полном масштабе [Александрова 2018 а; Kharkovskaya et al. 2020].

Как правило, коммуникативные коды формирования смыслового пространства дискурса подразделяют на вербальный и невербальный; последний в свою очередь делится на паралингвистический и экстралингвистический [Ефименко, Иванова 2020; Kress 2009]. Посредством вербального кода информация, смысл сообщаемого передается языковыми средствами, то есть осуществляется речевая деятельность. Паралингвистический код представляет собой просодические средства (интонация, тон, темп, пауза) репрезентации смысла, выраженного вербальными средствами. Экстралингвистический/невербальный код обогащает языковые средства, так как участвует в передаче эмоциональной составляющей значений и смыслов и задействует язык тела (мимику, жесты, позы, зрительный контакт), а также расположение/перемещение собеседников в пространстве.

Языковой (вербальный) код актуализирует смысл речевого произведения. Он является преобладающим и представляет собой основу выражения коммуникативного замысла автора дискурса, что способствует достижению максимально верной интерпретации формируемого смысла реципиентом. Однако известно, что именно невербальный код способен передать более значимую коммуникационную информацию, так как смыслы могут быть репрезентированы и без использования языковых средств. Поскольку «языковые формы служат лишь для запуска процессов концептуальной интеграции, это дает возможность коммуникантам строить конфигурации ментальных пространств по своему усмотрению» [Лузина 2008: 45]. Невербальные модусы способны приводить к расширению, сужению или даже изменению смысла, а также формированию эмоциональной составляющей дискурса. Это обусловливает нелинейность дискурса, зависимость его формирования от поведения коммуникантов и

возможной (спонтанной) смены их коммуникативных ролей. Поэтому задачей интегративного аналитического подхода является выяснение того, как коммуникативный замысел говорящего структурируется в надлежащий смысл через интеграцию разноуровневых модусов и за счет чего обеспечивается его адекватное восприятие. Рассмотрим ряд примеров.

(1) “Something’s happened between you.”

“No, it hasn’t.”

“Is he bothering you?”

“For God’s sake!” (I. McEwan).

(2) “Is there a difference?” “OF COURSE!” (N. Hornby).

(3) I’m tired. Oh, God, I’m tired… (J. Cheever).

(4) “If you’d stop moving and listen,” I said.

“Your voice carries, I’ll say that. Lady I know, three blocks from where you found the body, said because of your yell that night, her cats still haven’t come home. Okay, I’m standing here. And?” (R. Bradbury).

В представленных фрагментах не только выбор языковых средств, но и определенное форматирование дискурса репрезентируют необходимый прагма-семантический смысл и эмоциональный аспект коммуникации. Так, в (1) и (2) очевидно повышение говорящим тона, что выражает раздражение и нежелание продолжать тему в (1) и удивление говорящего тем, что собеседник не понимает элементарного в (2). В (3) судя по контексту и графическому обособлению высказывание, наоборот, произносится с понижением тона – невыразительным, «бесцветным» голосом. Ситуация (4) репрезентирует нервное состояние коммуникативного партнера, выражаемого в его перемещении, «метании», по комнате и многословности, вплоть до бессвязного бормотания.

Нередко физическое или эмоциональное состояние участников коммуникации передается посредством параллельных конструкций и повтора. Например:

(5) I – I was glad to help you – and I hope I really was a help to you… Didn't I give you half my UWTB? … Didn't I let you copy my ship for Mars? Didn't I fly the first few recruiting missions? Didn't I help you figure out how to control the Martians, so they wouldn't make trouble? Didn't I spend day after day helping you to design the new religion? (R. Vonnegut II).

(6) Don't, don't, don't, don't quarrel with me… All the others have been quarreling all day. Everybody's been quarreling (J. Cheever).

Параллелизм и многократное употребление личного местоимения *I* в (5) свидетельствует о напряжении, нервном состоянии говорящего, сосредоточенности больше на собственных переживаниях, чем на партнере, что приводит к сбивчивости, нестройности его речи. Параллельная конструкция с употреблением вопроса с отрицанием, который, по сути, представляет собой риторический вопрос, и избытком информации выражает оскорбленность и обиду автора дискурса на недооцененность предпринятых им усилий и действий. В примере (6) многочисленное повторение отрицания *don't* и глагола *quarrel* выражает отчаяние говорящего, страх перед возможными последствиями происходящего, стремление изменить что-либо в данной ситуации, добиться правильного понимания от партнера.

Еще одним средством является парцелляция и другие виды графического разделения одного законченного по смыслу предложения на два и даже более:

(7) Ladies and gentlemen. Start your engines (D. Brown I).

(8) Well. So. Platt. How are you? … Are you still in the city? (D. Tartt).

(9) Please … let me sleep. Please (N. Gaiman).

Подобный режим оформления дискурса отражает официоз и важность происходящего, в определенной степени даже торжественность в (7); некоторое замешательство, раздумывание над тем, что сказать в неловкой ситуации (возможно, даже «затягивание» времени) в (8); настойчивость/мольба в (9). Кроме того, такое форматирование дискурса превращает его в цепь своего рода минитекстов, каждый из которых

заполняет собственную функциональную нишу в организации смыслового пространства дискурса [Малюга и др. 2020; Харьковская 2009; Kharkovskaya et al. 2017].

В следующем примере через специфический текстовый модус описывается манера речи человека, его характер и поведение:

Like his brother, Pierrot had the knack of depriving his lines of any sense. He intoned a roll call of words: “Do-you-think-you-can-escape-from-my-clutches?” (I. McEwan).

Mrs O’Hara’s dog Bowser barked its endless roop-roop-roop into the mild spring air (S. King II).

“Sor-reeee!” she hooted (I. McEwan).

Изменение интонации, акцентирование отдельных элементов дискурса, важных для усиления формируемого смысла (логическое ударение), также могут оформляться разными способами, например, написание слова, словосочетания или даже предложения заглавными буквами, выделение курсивом или жирным шрифтом и т.п.:

I would say that if you really want to STOP knowing someone, you have to divorce him (E. Gilbert).

Poor boy… You *do* look sad (R. Bradbury).

“PUT THAT GUN DOWN,” Rafter ordered from the doorway (J. Grisham).

God damn it! (S. King II).

Как видим, довольно часто паралингвистические контекстуальные ресурсы оказывают не меньшее воздействие на формирование смысла, чем вербальные: любой контекстуальный сигнал функционирует совместно с грамматическими и лексическими знаками и служит основой ситуативной интерпретации. Функционально-интегративный анализ охватывает широкий спектр различных языковых и контекстуальных модусов и режимов, взаимодействие которых приводит к интегративному сложному коммуникативному эффекту. Многосигнальность способствует оптимальному выражению формируемого смысла и его быстрому

адекватному декодированию. Синтез и синергийное взаимодействие всех модусов репрезентации смысла, направляющие коммуникативно-смысловое пространство речи и его интерпретацию, обусловливают целостное впечатление от сообщаемого [Матвеев и др. 2021; Kress 2011].

Способность воспроизводить и интерпретировать смыслы во многом зависит от когнитивных способностей, психологического и ментального состояния участников коммуникации. На основе определенной системы правил и принципов, коммуниканты выстраивают ментальные структуры и соотносят ментальные репрезентации разных типов, совершают с ними различные операции и даже конструируют модели деятельности [Кубрякова, Демьянков 2012; Chomsky, Hornstein 2005; Johnson-Laird 2010]. Это подтверждает взаимозависимость лингвистических и психологических особенностей человека, с одной стороны, и тесную связь языка с другими его когнитивными способностями, с другой, а также значимость языковой обработки поступающей по разным каналам информации, зависимость языковой репрезентации и организации языка в целом от особенностей мировоззрения и концептуальной системы индивида [Александрова 2020; Кубрякова 1995; Манерко, Ли Сяошуай 2020]. Очевидны первостепенность человеческого фактора в процессе формирования, трансформации и понимания смыслов, важность творческого характера речемыслительной деятельности человека и отражения его системы установок и ценностей в речевом акте. В то же время необходимо принимать во внимание объективные факты и обстоятельства коммуникативной ситуации и условия ее осуществления.

Функционально-интегративная парадигма позволяет объединить все обозначенные аспекты в целостный анализ, она учитывает максимально возможное количество факторов в процессе порождения и понимания смыслового пространства, а именно то, каким образом и под действием каких факторов одно значение порождает другое, логически ведет к формированию или трансформации общего смысла, а также какие возможные языковые и

неязыковые средства задействованы при этом. Это порождает динамические модели смысла в дополнение к статическим: с одной стороны, исходный уровень смыслового пространства – это статическая констатация факта (поверхностная структура вербализации смысла), но с другой, – это пространство формируется как объемный «стереоскопический» конструкт, эволюционирующий в процессе развертывания значений на основе правил разного типа [Динамика и статика в познании 2021; Levinson 1995; Ponomarenko 2018].

Поскольку репрезентация всегда основана на множественном выборе средств, каждое из которых вносит свой вклад в значение, интегративная парадигма фокусируется на анализе и описании всего набора смыслообразующих ресурсов, используемых в различных контекстах для выражения необходимого смысла. Иными словами, значения реализуются разными средствами и способами и переплетаются между собой, взаимодействуя в коммуникативном событии. Это взаимодействие порождает смыслы. Интегративность фокусируется на процессе создания смыслов коммуникантами, процессе, в котором из множества альтернатив говорящий/пишущий выбирает один ресурс, имеющий больший потенциал для формирования смысла в данном дискурсе по сравнению с другим. В то же время в языковом сообществе должно существовать общее понимание языковых и экстралингвистических ресурсов и возможностей их использования для формирования необходимого смысла. Как утверждает М. Хэллидей, каждый знак одновременно передает информацию об объекте реальности (идеологическое значение), обусловливает наше отношение (позицию) к этому объекту (межличностное значение) и структурирует его непосредственно (текстовое значение) [Halliday 1978]. Интегративность исследует, как эти значения реализуются в дискурсе.

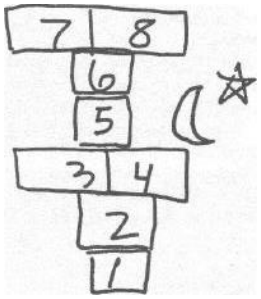
Функционально-интегративная методология показывает, что средства формирования и трансформации смыслов не действуют изолированно, а почти всегда тесно взаимосвязаны. Это приводит к необходимости изучения

того, как различные способы смыслообразования объединяются в единое интегративное целое, каким образом языковые средства комбинируются и взаимодействуют между собой, какие ограничения могут при этом возникать. Интегративность подчеркивает, что с точки зрения возможностей создания смысла языковые и экстралингвистические ресурсы являются равноценными, между ними нельзя провести четких границ, они не обладают бóльшим или меньшим потенциалом, а наоборот создают некое мультимодальное целое, мультимодальный дискурс.

Развивая алгоритм построения смысла, интегративный аналитический подход опирается на функциональную основу и прагматическую перспективу дискурса. Это позволяет привести в соответствие определенный набор функций с оптимальными языковыми средствами их выражения, то есть установить соотношение, зависимость выбора формы для выражения надлежащего содержания (функций) [Дорджиева 2005; Кригер 2020]. Актуальным данный подход делает возможность разностороннего анализа трансформации смысла: от языкового средства – к значению или функции и от функции и значения – к способам их репрезентации [Бондарко 2002; Гвишиани 2019]. Благодаря этому можно объяснить, какие именно категории и объекты репрезентируются в сознании человека, как он оперирует этими репрезентациями и за счет каких внутренних механизмов речи порождает или интерпретирует смыслы.

Кроме того, анализируя процессы смыслопорождения, данный подход применяет лингвосинергетические принципы эволюции и динамической системности, выдвигая на передний план структурно-системную и функциональную стороны формирования смыслов, что способствует систематизации правил его трансформации и структурированию функциональных связей дискурса (параметров порядка). Например:

(9) Just before crossing Asher Avenue and starting down Broad Street Hill, he saw a hopscotch grid drawn on the sidewalk in purple chalk. It looked like this:

(S. King II)

(10) Bobby walked over to them and observed the shapes –

– drawn beside the grid (S. King II).

В представленных фрагментах функциональный план дискурса конструируется языковыми средствами в сочетании с визуальным объектом. Креолизованный контент, образуя гибридную форму дискурса, способствует более наглядному представлению и восприятию сообщения, чем если бы автор просто выразил мысль посредством только языковых средств (ср., например: *Bobby walked over to them and observed the shapes – a star, a comet, a crescent – drawn beside the grid*). Подобным образом автор максимально точно передает имеющийся у него образ, необходимый именно в данном контексте. Кроме того, формирование функциональных отношений экспликации (9) и уточнения (10) посредством креолизованного дискурса в очередной раз демонстрирует возможности синергийного взаимодействия разноуровневых элементов в процессе создания целостного функционально-смыслового пространства английского дискурса.

Таким образом, функционально-интегративная методология удачно сочетает в себе приемы функционального, когнитивного и коммуникативного подходов к изучению формирования смыслов и функционального сдвига. Являясь средством передачи информации, дискурс кодирует смысл, и его декодирование не ограничивается только пониманием языковых единиц, но во многом обусловливается внешней средой дискурса (знаниями о мире, социальным и культурным опытом, способностью в целом регулировать развертывание дискурса), что проявляется в отборе наиболее

значимого в данном контексте и для данных коммуникантов смыслового содержания и выборе наиболее подходящих и оптимальных форм его вербализации [Левицкий 2021; Опарина 2019; Раренко 2008]. Особенность интегративного аналитического подхода состоит в том, что он рассматривает функции языковых средств модификации смыслов в их непосредственном когерентном взаимодействии, учитывая при этом множество лингвистических и экстралингвистических факторов.

Это делает возможным полноценный анализ мультимодальности функционального смыслового пространства дискурса. Совокупность языковых и неязыковых способов представления смысла в дискурсивном пространстве обусловливает успешность коммуникации и построение «особой когнитивной модели дискурса, главной целью которой являются описание и объяснение механизмов образования разнообразных когерентных дискурсивных связей в процессе речевой деятельности» [Раренко 2008: 147]. Такая модель основывается на лингвистических репрезентациях и экстралингвистических знаниях участников коммуникации, ее динамическая структура начинает развертываться с самого начала ознакомления с текстом и в ходе эволюции дискурса обогащается и перестраивается [Пищальникова и др. 2008].

Как и любой анализ языка и коммуникации, функционально-интегративный подход ограничен по своему объему и масштабу. Но благодаря своему потенциалу данная парадигма может развиваться, расширяя наше понимание механизмов создания смыслов не как статического детерминированного явления, но как комплексного, нелинейного, эволюционирующего процесса.

4.2. Метод функционального сдвига в применении к анализу трансформации дискурсивного смыслового пространства

Проблема формирования смысла является значимой и актуальной в лингвистике. Ученые стремятся выявить факторы, обусловливающие

формирование и преобразование отдельных значений в общий смысл, а также интерпретацию и понимание этого смысла участниками коммуникации [Александрова 2015; Колесов 2020; Haugh, Jaszczolt 2012]. В нашем исследовании мы рассматриваем смысловое пространство в терминах функциональной лингвосинергетики и понимаем его как нелинейную, открытую, динамическую систему, находящуюся в активном взаимодействии внутри дискурса и во взаимообмене с внешними системами (языковой системой, коммуникативной ситуацией, концептуальной системой коммуникантов и др.). Смысл является не застывшим, фиксированным набором семантико-синтаксических связей языковых структур, а динамическим процессом, включающим нелинейное развитие отношений в пространстве дискурса, интеграцию всех отдельных значений. В этой связи становится весьма актуальной идея, высказываемая многими лингвистами, о том, что смысл, передаваемый сообщением, больше суммы значений, формируемых словами [Малахова 2011; Пономаренко 2013; Khramchenko 2019].

Формируемые коммуникантами смыслы могут быть разделены на ядерные (исходные, базовые) и производные [Levinson 1995; Lüngen et al. 2010]. Ядерные смыслы, формируемые элементарными значениями языковых единиц, претерпевают ряд трансформаций (преобразований) под воздействием дискурсивных факторов. В процессе формирования или интерпретации смыслов поверхностные структуры за счет приращения новых значений трансформируются в глубинные, что обусловливает репрезентацию скрытых значений и развертывание и, возможно, изменение исходного значения [Knott et al. 2001]. Возникающие окказиональные значения сначала функционируют наряду с узуальными, но затем начинают обособляться от них, приобретая постепенно все бóльшую самостоятельность [Беляевская 2008; Cruse 2004]. При этом некоторые значения могут появляться и снова исчезать (рассеиваться).

Становится очевидной необходимость анализа трансформации смыслов (функционального сдвига) посредством осуществления ряда операций: последовательного вычленения значений отдельных элементов дискурсивного пространства, установления взаимосвязи этих элементов и определения изменения их значений в зависимости от возникающих между ними отношений, что в результате приводит к формированию определенных смыслов. Таким образом, анализ набора исходных значений, на основе которых в дальнейшем происходит приращение дополнительных значений, отражает порождение, изменение и восприятие смыслов.

Трансформация смысла может быть представлена как модификация (сдвиг) значений языковых единиц или элементов, влияющая на достижение коммуникативной цели. Функциональный сдвиг основывается на свойстве преобразуемости (способности к трансформации) значений и смыслов за счет семантики языковых единиц, синтаксических отношений между компонентами высказывания и их прагматического функционирования в дискурсе. Эти факторы модификации, или операторы трансформации, влияют на формирование смыслового пространства.

В данной работе предлагается перспективный метод исследования формирования и трансформации смыслового пространства дискурса – **метод функционального сдвига**, охватывающий широкий круг процессов в речевой коммуникации и мыслительной деятельности человека. Задачей метода является описание модификации смысла через совокупность свойств его структурно-функциональной организации. Данный метод позволяет выявить первоначальную связь между значениями и далее проследить, каким образом происходит адаптация значений к дискурсивному контексту, к меняющимся условиям коммуникативной ситуации и какие именно факторы и закономерности воздействуют на изменение структуры и функций трансформируемых значений.

Метод функционального сдвига нацелен на анализ эволюции системы формируемых смыслов, в основе которой лежат базовые конституенты

(значения), позволяющие более или менее точно определить характер семантических отношений между ее компонентами. Смысловое пространство усложняется путем приращения значений за счет лингвистических и экстралингвистических факторов, которые обогащают первичную семантику, либо поддерживая изначально заданные смыслы, либо меняя их. Это проясняет отношения между компонентами дискурса, способствует конкретизации (сужению/расширению) смысла и, как следствие, устранению его неоднозначности, выявлению неявных оттенков смысла, структурно-семантических связей и т.д. Данный метод – это своего рода инструмент декодирования информации и процессов формирования смыслового пространства дискурса.

Алгоритм трансформации смысла можно представить следующим образом. Формируемая всеми компонентами текста смысловая система проходит некоторые стадии с чередованием упорядоченных, равновесных состояний (когда общее развитие смыслового пространства дискурса стабильно продвигается к реализации намеченной коммуникативной цели) и нестабильных, неравновесных состояний (когда активизируется внутренний (интенция, эмоция) или внешний (коммуникативная ситуация) потенциал смыслообразования (информации)). Неравновесность вызывается включением в речевой поток тех компонентов, которые способствуют возникновению дополнительных или новых смыслов, изначально не заложенных в смысловую подсистему дискурса на стадии равновесности. Это оживляет и несколько хаотизирует (в синергетическом понимании) смысловое пространство дискурса на стадии неравновесности, а для того, чтобы возникающие колебания не привели к разрушению смыслового пространства и срыву коммуникативного замысла, такое состояние должно нейтрализоваться согласованным (когерентным) взаимодействием частей системы (значений компонентов текста). В то же время даже если какие-то компоненты дискурса по мере развертывания речевой цепи «забываются» системой, они все равно участвуют в порождении общего смыслового

пространства, так как они сыграли свою роль в этом процессе на своем отрезке дискурса. В результате происходит трансформация смысла (появление новой (под)системы смыслов дискурса), который может определенным образом отличаться от первоначального. Движущей силой модификации смысла, таким образом, является сложное, синергийное взаимодействие всех компонентов прагма-семантического пространства дискурса в процессе нелинейного развертывания функциональной перспективы речи. Например:

“And what did you see?”

“Hamlet.” They had in fact seen a matinee pantomime at the London Palladium ...

“One of my favorites,” Paul said. It was fortunate for her that he too had neither read nor seen the play ... But he was able to say musingly, “To be or not to be.”

“That is the question,” she agreed. “And I like your shoes.” (I. McEwan).

Так, например, в представленном фрагменте развитие темы о просмотренном в театре спектакле (*Hamlet, One of my favorites, To be or not to be, That is the question*) отражает равновесное состояние процесса формирования смысловой системы дискурса и стабильность ее динамики. Стадия неравновесности системы возникает при появлении в дискурсе компонента *And I like your shoes*, взаимодействие с которым с точки зрения общих параметров порядка порождает логико-семантические отношения исключения (отсутствие общих смысловых компонентов) с предыдущим текстом. С точки зрения специальных параметров порядка выстраиваются функциональные отношения переключения (полное изменение направления смыслового развития дискурса) и происходит хаотизация смыслового пространства дискурса – появляется новый смысл, отклоняющийся от изначально заданного смыслового вектора. Однако в то же время этот компонент является уместным (для целей данного конкретного коммуниканта в данной конкретной ситуации) и в некоторой степени

модифицирующим исходную систему смыслов, поскольку дополняет ситуацию с иного ракурса: неожиданное отклонение в смысловой эволюции дискурса является уходом от щекотливой темы для обоих партнеров, не владеющих достаточной информацией о том, о чем они говорят, что создает риск нарушения конструктивной коммуникации. Отношения переключения позволяют вывести за пределы дискурса нежелательные компоненты и перейти к более благоприятной для партнеров стадии развития дискурса. На этом этапе когерентное (синергийное) взаимодействие частей системы нейтрализует тенденцию к нарушению равновесности смыслового пространства текста и способствует стабилизации дискурсивной системы. Причем сочинительный союз *and* выступает в роли оператора такой стабилизации, так как создает видимость (якобы) логичного продолжения беседы. Таким образом, происходит функциональный сдвиг от семантики к прагматике – от семантических отношений исключения к прагматическим отношениям переключения.

Метод функционального сдвига анализирует два аспекта формируемого смыслового пространства – структурный и функциональный. Структурный аспект смысла образуют семантико-синтаксические значения, функциональный – логико-семантические значения и прагма-семантические и функционально-коммуникативные смыслы. В процессе функциональной трансформации смысла на внутреннее смысловое содержание оказывают воздействие внешние факторы. Хотя структурный и функциональный аспекты смысла взаимозависимы, очевидно первостепенное влияние внешней среды: она модифицирует свойства и характеристики внутреннего содержания, за счет чего активизируются определенные функции компонентов дискурса. Это в свою очередь обусловливает изменения формы и способа передачи информации. Здесь прослеживается связь метода функционального сдвига с функциональной лингвосинергетикой, акцентирующей внимание, прежде всего, на сложной системной природе языковых явлений и процессов, механизме их возникновения, изменения и

развития [Бронник 2013; Киклевич 2008]. Поскольку трансформация смыслов основывается на взаимодействии элементов, компонентов, подсистем разных уровней, метод функционального сдвига позволяет проследить процесс формирования новой целостной смысловой системы через интегративное взаимодействие (кооперацию, когерентность) подсистем.

Таким образом, метод функционального сдвига является комплексным. С одной стороны, он определяет свойства и прямое значение языковых единиц в процессе общения. С другой стороны, он учитывает факторы и дополнительные элементы, за счет которых происходит приращение значений в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Кроме того, метод фокусируется на интенциональных (целевых), социальных и коммуникативных факторах, уделяет особое внимание взаимодействию между партнерами в процессе обмена информацией. Можно с уверенностью сказать, что метод функционального сдвига учитывает взаимодействие всех аспектов формирования смысловой системы дискурса.

Метод функционального сдвига – это метод представления сложного прагма-семантического пространства, выводимого на основе более простых семантико-синтаксических и логико-семантических значений с помощью определенного набора правил трансформаций (преобразований). Семантико-синтаксические и логико-семантические значения, являясь исходными, задают простейшее понимание ситуации. Под воздействием обязательных и факультативных языковых и экстралингвистических факторов они усложняются прагматическими значениями и модифицируются в сложные смысловые структуры. Метод функционального сдвига, нацеленный на анализ смыслов, формируемых языковыми компонентами в системе дискурса, определяет основные ядерные значения, трансформационные операции, которым они подвергаются, и порядок этих операций. Иными словами, метод функциональной трансформации прослеживает динамику процесса наложения прагматического, экстралингвистического, кода на лингвистический.

Метод функционального сдвига выявляет сложность динамики формирования смысла, раскрывает набор возможных изменений его структуры и функций под воздействием множества факторов. Смысл может модифицироваться по нескольким параметрам:

- изменение объема значений отдельных элементов (сужение/расширение);
- изменение условий коммуникативной ситуации (конкретизация/обобщение);
- изменение вследствие внешних причин (социальных, культурологических, психологических и т.д.);
- изменение вследствие внутренних причин (лингвистических, контекстуальных).

Метод функционального сдвига позволяет изучить не только структуры репрезентации смыслов, но и способы их понимания, обработки и интерпретации в процессе дискурсивной деятельности. Специфика метода заключается в возможности отражения реакции смыслового пространства как функционирующей и эволюционирующей системы на воздействие со стороны внешней среды, за счет чего оно может модифицироваться и перестраивать свою структуру.

Подробнее алгоритм анализа динамики смыслового пространства дискурса методом функционального сдвига излагается ниже, в разделе 4.4. Алгоритм формирования и трансформации смыслового пространства английского дискурса.

4.3. Значение и смысл как функциональная основа смыслового пространства английского дискурса

Основной функцией коммуникации признается передача идей, смыслов, отношений, намерений посредством языка. Однако коммуникация представляет собой взаимодействие людей не только в языковом плане, но

также и в социальном, культурном, физическом, психическом и др. [Рябцева 2018; Шаховский, Волкова 2020; Tikhomirova et al. 2021].

Адекватный обмен информацией обеспечивается системой связей между коммуникативными компонентами. Смысл сообщаемого зависит от значения этих компонентов в контексте коммуникации [Тимощук 2017; Haugh, Jaszczolt 2012; Kecskes 2010]. Поэтому успешность коммуникации зависит от порождения, передачи и декодирования смысла. Извлечение информации получателем – важнейшая операция в общении. Эффективность общения, несомненно, повышается, когда отправитель сообщения коммуникативно компетентен при его составлении, умеет предотвратить возможность недопонимания.

В процессе формирования значений говорящий или пишущий должен быть нацелен, прежде всего, на устранение плюрализма в конструируемых смыслах сообщения, что сможет облегчить их декодирование. Здесь очевиден Принцип кооперации, сформулированный Г.П. Грайсом, согласно которому коммуникативный вклад каждого из участников должен максимально продвигать совместно принятую цель (направление) коммуникативной ситуации [Грайс 1985]. Отсюда следует зависимость эффективности (результативности) коммуникативного акта от двусторонней заинтересованности коммуникантов: намерение передать информацию (позиция автора), с одной стороны, и стремление извлечь информацию (позиция воспринимающего), с другой. Оптимальная эффективность речевого общения, таким образом, обусловливается обоюдной ориентированностью участников коммуникации на формирование высказывания, восприятие, осмысление (интерпретацию) сообщаемого и получение адекватной ответной реакции: коммуникативный стимул – ответная реакция. При этом оба коммуниканта являются активными участниками динамического взаимодействия и, как подчеркивают многие лингвисты [Арутюнова 1981; Голубева 2018; Carston 2002; Kecskes 2010], роль реципиента не сводится только к восприятию и интерпретации

сообщения – функции пассивного слушателя/читателя, – участники коммуникации постоянно меняются ролями, и слушающий становится говорящим. Кроме того, даже в монологической речи автор должен ориентироваться в выборе языковых средств и их структурирования на конкретного или потенциального партнера и, таким образом, адресат, пусть пассивно, тоже вносит свой вклад в процесс порождения речи.

Реальная коммуникативная ситуация способствует определенному пониманию вещей. Системные характеристики речевого акта отражают компоненты, соотносимые с тем, что они призваны отражать. Здесь наблюдается взаимодействие объектов реальной действительности, их отражения в сознании человека и языкового выражения [Вдовиченко 2019; Михайлов 1992; Серебренникова 2018].

Хотя язык и сознание (мышление) тесно взаимосвязаны, нередко языковое и мыслительное содержание разграничиваются. Это объясняется тем, что мыслительное не обязательно выражается языковым эквивалентом, поскольку мыслительный процесс может протекать не в вербальной форме [Попова, Стернин 2011; Худяков 2000]. Тем не менее, первостепенную важность имеет вопрос о соотношении этих двух видов содержания. Как правило, языковое содержание понимается как семантика, как лексико-грамматические и словообразовательные значения. Мыслительное содержание репрезентируется двумя аспектами – понятийными категориями (системно-категориальный аспект) и речевым смыслом конкретных высказываний (конкретно-смысловой аспект) [Бондарко 1978; Вдовиченко, Тарасов 2017; Манерко 2018]. В этом плане, несомненно, актуальны задачи:

- выделения компонентов структуры языка;
- определения их уровневой принадлежности;
- отнесения их к плану выражения или к плану содержания, что в целом связано с проблемой организации семантической системы языка.

Кроме того, существенным является описание сущности значения и анализ типов значений, различий между выявленными типами, а также установление соотношения между языковыми значениями и мыслительным содержанием.

Основываясь на идеях выдающихся представителей лингвистики [Арутюнова 1981; Павилёнис 1986; Chomsky 2000; Потебня 2007], свою теоретическую позицию мы определяем, исходя из положения о взаимосвязи и взаимодействии языка и мышления, согласно которому языковые значения (язык, языковое содержание) являются формой неязыкового (мыслительного) содержания. При этом если язык рассматривать как функционирующую динамичную систему, то коммуникативный акт, то есть вербальное выражение мысли и ее понимание, тоже представляет собой действие, процесс. Помимо этого, двойственная природа языка, обусловленная наличием в нем логико-грамматических категорий (уровней) и понятийных категорий, позволяет рассматривать функционирование языка как речемыслительный процесс и под-процессы также двойственной (мыслительной и языковой) природы [Александрова 2018 а; Карташкова 2001].

Интерес лингвистов к проблемам репрезентации мыслительного процесса языковыми средствами приводит к активному изучению прагма-семантических и коммуникативных аспектов их употребления. Проводится множество исследований, направленных на выявление оптимальных способов повышения эффективности коммуникации, достижения цели (целей) речевого акта, адекватной передачи смысла сообщаемого. Понятие смысла в лингвистике является довольно сложным и неоднозначным, а процесс его формирования не имеет завершенного описания, что представляется вполне естественным, так как порождение смысла – явление настолько многогранное, связанное со всевозможными антропными аспектами, что уложить его в какие-то ограниченные рамки вряд ли вообще возможно, ибо у каждого человека речемыслительная деятельность имеет

свои индивидуальные особенности, и число этих особенностей неограниченно. Однако можно предложить, условно говоря, необходимое и достаточное отражение смыслообразования как функционального процесса.

В первую очередь отметим, что недостаточно изученными остаются соотношение понятий *значение* и *смысл* и их роль в процессе формирования общего функционального пространства дискурса.

Поскольку язык/речь как целостное образование представляет собой совокупный продукт коммуникативных ситуаций, то и значение, и смысл являются категориями, формирующимися в ходе и в результате коммуникативной деятельности. С другой стороны, понимание языка как когнитивного феномена позволяет определять значение и смысл как результат когнитивных процессов. Вбирая в себя формируемые языковыми средствами значения, репрезентирующие ментальное содержание в определенной коммуникативной ситуации, смысл образуется в сложном взаимодействии когнитивных процессов и коммуникативной деятельности человека и поэтому представляет собой результат творческой (созидательной) деятельности, осуществляемой в процессе общения. Когнитивная и коммуникативная природа смысла, тем самым, образует функциональное единство.

Формирование и функционирование значений и смыслов – это двусторонний, взаимозависимый процесс. В то же время они по-разному характеризуют языковые единицы, и, наоборот, разные языковые единицы обладают разной способностью моделировать значения, трансформируемые в дальнейшем в надлежащие смыслы [Михайлов 1992]. Поэтому смысловое пространство дискурса, являясь индивидуальным и ситуативно обусловленным, оперирует скорее смыслами, чем значениями. Для нашего исследования важным является определение того, за счет чего и каким образом происходит модификация значений, репрезентация и интерпретация смысла. В исследовании предлагается описание процесса формирования языковыми средствами значений, которые под действием определенных

факторов языковой и неязыковой природы трансформируются в смыслы, ложащиеся в основу функциональных отношений и смыслового пространства дискурса. Сложность процесса трансформации смыслового плана дискурса обусловливает необходимость более глубокого осмысления понятий *значение* и *смысл*.

4.3.1. Значение и его типы

Функциональная природа дискурса отражается в динамике структуры его составляющих, которые, с одной стороны, реализуют значения разных уровней и, с другой, объединяют в единую конфигурацию все элементы, создавая единое функциональное смысловое пространство. Очевидно, что значения могут быть актуализированы не только с помощью семантических признаков. Поскольку каждое высказывание представляет собой некое уникальное событие, созданное в определенный момент времени для определенной коммуникативной цели, недостаточно одного понимания значения слов и предложений [Cruse 2004; Pradhan 2019]. Также необходима интерпретация прагматического потенциала выражений, конструируемых говорящим. Характер коммуникативной ситуации оказывается существенным для определения значений точно так же, как и сами семантические компоненты, обусловливающие не только соответствующую организацию языковых единиц для передачи определенного содержания, но и понимание этих языковых выражений в соотнесении с определенным контекстом. Иными словами, для полноценного изучения языкового значения необходимо свести вместе семантические и прагматические принципы описания этого сложного феномена.

Формирование и понимание значений зависит, прежде всего, от адекватности выбора языковых единиц – от соответствия значений отдельных языковых единиц контексту, уместности и правильности их использования. Это продвигает общение и способствует достижению его основной цели, заключающейся в обмене информацией и взаимопонимании.

Выбор средств номинации обусловлен первоначальным замыслом автора дискурса. Тем не менее, он может корректироваться, по принципу обратной связи, конкретной ситуацией осуществляемого общения, особенностями коммуникантов и т.д. Отбор языкового средства для репрезентации того или иного значения определяется его внутренней (означаемое) и внешней (означающее) сторонами. Значение не может быть догматичным и однозначным: в каждом конкретном случае форма должна быть адекватна сущности, то есть языковая единица должна непосредственно соотноситься с формируемым ею значением и, далее, смыслом. Репрезентируя определенное значение, языковая единица содержит также информацию об отношении между номинируемыми референтами, которое, в свою очередь, дополняет и характеризует содержательную сторону языкового средства [Burton-Roberts 2013; Вдовиченко, Тарасов 2017]. Поэтому языковые единицы принимают непосредственное участие в придании динамики формируемым значениям и мотивируют смысловые отношения.

Сложность правильного отбора номинативных средств для выражения определенного значения заключается в том, что разные языковые единицы могут по-разному отображать одни и те же объекты действительности, выявлять их свойства, признаки и характеристики, описывать состояния, процессы, действия. При этом их понимание и, как следствие, осуществление коммуникативного замысла зависят от когнитивной сферы, а также от языкового и общего жизненного опыта реципиента. Например:

(1) “How are you?” “Fine. You?” (N. Hornby).

(2) “You’re okay? Really okay?” “In the pink.” (S. King II).

В представленных фрагментах формируется смысловой компонент «физическое/эмоциональное состояние участника общения». Тем не менее, выбор фразеологически репрезентируемого концепта *in the pink* в примере (2) в качестве языкового средства передачи значения придает бóльшую стилистическую окраску, глубину, эмоциональность, в то время как значение, образованное прилагательным *fine* в (1), гораздо более нейтрально.

Однако достижение коммуникативной цели напрямую зависит от понимания адресатом значения фразеологически репрезентируемого концепта *in the pink*.

То же самое наблюдается в следующем примере, в котором метафорическое использование языковых средств, с одной стороны, способствует усилению формируемого значения, но, с другой, – усложняет его понимание для реципиента:

I suddenly hated Arthur, again. I was their last pawn, and to save what little face they had left, they wanted all the blood they could squeeze (J. Grisham).

Если в данном случае метафоры заменить на стилистически нейтральные средства выражения (например, *I was their last chance u they wanted to use all possible opportunities*), референтная ситуация не меняется, но прагматика дискурса становится несколько обедненной, потерявшей существенную смысловую составляющую.

Понимание значения, очевидно, представляет собой не менее сложный процесс, чем его формирование. Интерпретацию, или выбор адекватного контексту значения, можно описать в терминах теории фокализации Т. ван Дейка. В преломлении к нашему объекту исследования, фокализацию можно представить как акт специальной обработки значения, когда в процессе осмысления информации некоторое значение «помещается» в фокус, то есть выделяется из множества других, и тем самым получает более привилегированную позицию по отношению к остальным значениям, приобретающим статус периферийных [ван Дейк 1978]. Иначе говоря, фокализация выполняет функцию отбора значения из множества возможных, определяемого способностью коммуникантов к восприятию, их знаниями, нацеленностью на результат коммуникативного акта, интересами и т.д. и реализуемого в значениях всех отображаемых объектов. Например:

(3) He recalled a letter that **had come** a week or so ago, full of puzzling possibilities (S. Hunter).

(4) He tried to give his wife pleasure in little ways, because he **had come** to realize, after nearly two decades together, how often he disappointed her in the big things (J.K. Rowling).

(5) It was a well-known syndrome – he **had come** across it before (M. Bond).

В представленных фрагментах под действием контекстуального фактора происходит фокализация (активизация) разных значений глагола *come*: основное значение «приходить, прибывать, доставлять» в (3); «удаваться, получаться, приходить к чему-либо» – как усиление смыслового глагола *realize* в (4); «встречаться, сталкиваться, иметь дело с чем-либо» в (5).

Таким образом, адекватное использование языковых средств для обозначения вещей, явлений и ситуаций реального или воображаемого мира способствует созданию надлежащих семантических значений; верное выстраивание отношений и связей между словами и высказываниями обусловливает формирование семантико-синтаксических и логико-семантических значений, на основе которых происходит приращение прагматических значений. В зависимости от конкретного контекстуального окружения и экстралингвистических факторов эти значения трансформируются в прагма-семантические смыслы (функциональный сдвиг), обусловливающие формирование функциональных отношений и общего смыслового пространства дискурса.

Функциональный потенциал языковых средств раскрывается в конструировании семантико-синтаксических значений, преобразовании логико-семантических значений в условиях реального контекста за счет приращения дополнительных прагматических значений, что приводит к изменению информативной составляющей и увеличению коммуникативных возможностей. Это обусловливает переход к новой стадии объективации значений, в результате чего одни значения могут редуцироваться («забываться» смысловой системой), уступая место другим, более

актуальным. Контекстуальные факторы играют в этом случае роль специальных корректоров, активирующих процесс гибридизации значений.

Языковые средства реализуют прагма-семантические смыслы, выражают коммуникативную установку, воздействуют на структурирование и смысловое членение дискурса и передачу целостного смысла. Очевидно, что глобальность формируемого смыслового пространства дискурса регулируется выбором языковых средств, особенностями их синтаксического структурирования, их неоднозначностью и возможностями варьирования, переосмысления. Именно эта глобальность, синергизм, а не механическое суммирование, создает то пространство, которое обеспечивает целостность, адекватность восприятия и понимания смыслов, дискурса и коммуникативного акта.

Поскольку актуальным для данной работы является исследование вклада семантической, логической и прагматической составляющих в общую функциональную смысловую систему дискурса, очевидна целесообразность анализа особенностей соответствующих типов значений.

Формирование смысла является сложным иерархичным процессом. Смысл – это совокупность значений, создаваемых говорящим и интерпретируемых слушающим в зависимости от их фоновых знаний и миропонимания в целом, поэтому очевидна важность каждого аспекта значения в конструировании общего смысла.

Значение формируется за счет взаимодействия элементов, присутствующих в объективной действительности и сознании говорящего и слушающего и в момент высказывания определяющих отбор языковых средств. Поэтому значение относится и к миру, и к языку, и к когниции [Алефиренко 2013; Гак 2009]. Значение, таким образом, представляет собой фрагмент действительности (реальной либо конструируемой), вычлененный и обработанный сознанием человека и преобразованный в смысловую структуру предложения/высказывания/дискурса. Перенося значение из действительности в язык, некоторые лингвисты понимают его как сложную

семантическую единицу, выражаемую предложением, и говорят о наложении значения на континуум объективных явлений [Попова, Стернин 2011; Потебня 2007; Chomsky 2000].

Непосредственно к реальным ситуациям, а точнее – к референтным объектам реальной действительности, к отношениям между этими объектами, к областям пространства и времени отсылает **семантическое значение**.

Как правило, семантическое значение считается контекстно-свободным, закрепленным в словарных дефинициях (скажем, глагол *like* в любом контексте в какой-то степени проявит свое первичное значение *любить, получать удовольствие, одобрять*). Тем не менее, оно обусловлено не только лексическими значениями единиц, но и языковой формой, синтаксическими и логическими отношениями между этими единицами и семантическими правилами их сочетаемости. Иначе говоря, семантическая интерпретация должна также задействовать логические и когнитивные подсистемы сознания. Подтверждение этому находим у ряда исследователей, доказавших, что для лингвистического описания необходимым условием является наличие логических структур, которые формируются посредством генеративного компонента, а сами значения языковых знаков занимают место между логическим представлением и трансформационным компонентом [Делез 2011; Пономаренко 2015; Brody 1995].

Семантическое значение является многоуровневой структурой, состоящей из пресуппозиций и эксплицитного и имплицитного компонентов. Занимая самый высокий уровень в иерархии семантической структуры значения, пресуппозиции образуют основу для эксплицитного семантического компонента; их взаимодействие, в свою очередь, является базой для имплицитного семантического компонента, то есть для «внутренней речи» [Кольцова, Карташкова 2018; Carston 2002]. Так, упомянутая выше единица *like*, даже актуализируя свое базовое значение, все же приобретает разные смысловые приращения в восклицании *Oh, how I like*

it! в таких ситуациях, как, например, плавание в бассейне, наблюдение за пожаром, критика неудачного поступка или оценка серьезного мероприятия. Разное восприятие одной и той же фразы в приведенных контекстах проистекает из разных пресуппозиций, характерных для описанных ситуаций.

В абстрагированном от конкретной коммуникативной ситуации высказывании могут возникать различные семантические структуры и значения. Осуществление ограничительной функции, функции отбора релевантных и актуальных для данного высказывания значений из ряда возможных выполняет контекст. Актуализация семантического значения в речи, то есть в результате влияния контекста, приводит к изменениям в семантической структуре, за счет чего значение усложняется и приобретает новые оттенки. На это также влияют логико-информационная структура высказывания, иллокутивная сила и перлокутивный эффект. Очевидно, что семантическое значение представляет собой первичные отношения, фиксируемые в глубинных репрезентациях и затем модифицируемые под влиянием прагматики дискурса.

Анализ семантического значения – это изучение значения слова (его понимание/осознание) и того, как оно используется. Семантическое значение позволяет определить условия истинности высказывания на основе его составляющих: их значений и способа, которым они соединены; способы сочетания компонентов во многом определяются синтаксической структурой языка [Davidson 2001]. Здесь важно понимать, почему одни слова и конструкции можно комбинировать семантически приемлемым способом, а другие – нет. Таким образом, семантическое значение отдельных единиц, объединенных согласно определенным правилам синтаксической и логической сочетаемости, образует в итоге смысл всего высказывания. Значение вступает в системные отношения лексического элемента с другими элементами и составляющими.

Отображая множество представлений и интерпретаций, семантическое значение тесно взаимосвязано с синтаксическим компонентом [Беляевская 2017; Maienborn et al. 2011]. **Синтаксический компонент значения** преобразует глубинные структуры семантики языковых единиц, ограничивая бесконечное множество возможных значений согласно конкретным условиям коммуникативной ситуации и определенным правилам – осуществляется операция вычленения правильного значения из множества возможных. Например, конструкция *would like to* форматирует значение глагола *like* в несколько отличном от базового значения ключе: здесь семантика глагола уже не столько выражает переживаемое человеком чувственное восприятие (как в предыдущем примере), сколько волеизъявление, и это значение порождается именно включением глагола в данный синтаксический конструкт. Отсюда понятно, что жесткое разделение семантики и синтаксиса в реальном речеупотреблении нерелевантно, ибо они неразрывно связаны.

Семантико-синтаксическое значение – это самодостаточное значение языковой единицы, автономная номинативная функция слова контекстно-свободной значимости. Это объем понятия лексической единицы, зависящий главным образом от свойств, внутренне присущих самой номинации. Формирование семантико-синтаксического значения предполагает линейное развертывание смыслового содержания с опорой на возможные при этом уточнения, в процессе чего актуализируется семантика языковых единиц, выстраивается синтаксическое взаимодействие, распределяется функциональная нагрузка [Александрова 2017 б; Арутюнова 1988; Бенвенист 2002].

Актуализация семантико-синтаксического значения определяется множеством факторов, среди которых немаловажными оказываются те функциональные связи, в которые вступают языковые единицы. Безусловно, все эти принципы действуют не всегда одинаково и однонаправленно при

построении различных семантических значений, различное сочетание этих факторов создает и различные отношения между ними.

(6) Where's your radio? You used **to** carry your radio all the time (D. DeLillo).

(7) A gun was different; you grew **used to** it, and it became a tool (S. Hunter).

(8) Although these styles have been described in terms of capital market theory, it should be pointed out that other procedures could be **used to** implement them (W.F. Sharpe).

В приведенных примерах за счет синтаксических связей активируются разные семантические значения используемого выражения *used to*: (6) «привычка, обычное повторяющееся действие в прошлом»; (7) «привыкать, приспосабливаться к чему-либо»; (8) «применяться, использоваться для чего-либо, с какой-либо целью».

Выражение отношений и связей объективной действительности посредством семантико-синтаксических структур основывается на логическом содержании и когнитивных процессах их отражения [Делез 2011; Kamp, Reyle 1993]. Логическое значение представляет собой объективную категорию и его истинность не зависит от семантического и прагматического факторов речи. Оно формируется, с одной стороны, путем обращения к внешнему миру и, с другой, – путем обращения к внутреннему миру говорящего – его истинных мыслей, чувств и намерений.

Однако семантическое значение в значительной степени опосредованно логическим – семантико-синтаксическое значение под воздействием законов логики и прагматических факторов преобразуется в **логико-семантическое** [Гак 2009; Пономаренко 2015].

(9) "So, who d'you reckon wrote that **stuff** about Dad?" he asked her recklessly.

She turned a face of fury upon him.

“I don’t know,” she said, “but whoever they are, it was a despicable, cowardly thing to do.” (J.K. Rowling).

(10) Pure atmospheric elements. Nitrogen, oxygen, hydrogen. No petroleums. No sulfurs. No volcanic acids. Nothing peculiar. All the **stuff** we see when meteorites fall through the atmosphere (D. Brown I).

Если сравнить представленные примеры, то в (9) прагматические факторы выстраивают логическую цепочку, которая способствует пониманию негативного характера написанного (*stuff*) об одном из участников ситуации (*Dad*) – чего-либо неожиданного, неприятного, обидного для него; тогда как прагматика дискурса фрагмента (10) актуализирует нейтральное значение существительного *stuff*. Подобным образом конструируется логический смысл фрагмента, обусловливающий формирование логико-семантического значения.

Представляя собой контекстно-независимые связи, логико-семантическое значение может интерпретироваться в каждой отдельной ситуации (контексте) с привлечением неограниченного числа факторов: где, когда, применительно к чему конструируется высказывание; кто произносит это высказывание, что он при этом думает, чувствует и т.п. Так, можно выделить три основных аспекта понимания данного типа значения:

- выбор конкретных языковых средств для построения высказывания;
- ситуация употребления высказывания, в которой находятся говорящий/пишущий и адресат;
- имплицитно предполагаемые говорящим/пишущим связи, характеризующие то, с какими объектами говорящий/пишущий соотносит произносимые языковые средства.

Логико-семантическое значение – это своего рода инструмент извлечения смысла из лингвистических выражений. Слова выполняют определенные роли в ситуации, описанной в дискурсе, формируя основные устойчивые значения и второстепенные значения и образуя поля значений,

которые, в свою очередь, превращаются в более широкое поле – область прагматики.

Логико-семантическое значение обусловливается значением употребляемых лексических единиц, функциональными отношениями между единицами, грамматическими структурами, фактически используемыми в высказывании, и интерпретацией этих единиц и структур. Это является ресурсом, используемым участниками коммуникации для формирования и интерпретации смысла дискурса [Lascarides, Asher 1993].

Логико-семантическое значение можно сравнить с номинациями, относящимися к глобальному, и даже идеальному, обозначению ситуации, факта, события и т.п. Представляя собой внутреннюю форму, мыслительное содержание в конкретном дискурсе оно обрастает дополнительными прагматическими компонентами познавательного, эмоционального, субъективного характера, обладающими способностью изменять первоначальное семантическое значение, наполнять его новыми оттенками, что в итоге будет определяющим в понимании всего дискурсивного пространства в разных социокультурных и этнокультурных средах.

Интерпретация смысла высказываний требует развертывания логико-семантического значения под воздействием контекстуальных и экстралингвистических факторов в **прагматическое значение**, то есть значение, выходящее за рамки сугубо лексических значений слов. Прагматика играет важнейшую роль в дискурсе. Она воплощает стратегии (использование общих знаний, предположения о коммуникативном намерении и т.д.), с помощью которых пользователи языка связывают лексическое/грамматическое значение высказываний с их коммуникативной ценностью в контексте. Прагматическое значение, как правило, отражает коммуникативные функции, которые имеют отношение к межличностному обмену информацией, выраженной определенными грамматическими и лексическими средствами того или иного языка.

(11) The director of the CIA … showed the President of the United States pictures of **dead ducks** and sick children, apparently from Salisbury, to persuade him to take extreme action (R. Slane).

(12) Anything that means spending money around here is **a dead duck** before it starts (A. Hailey).

В данных отрывках значение передается выражением *dead duck*. Однако в (11) актуализируется его буквальное значение – «мертвые, погибшие, птицы», в то время как в (12) очевидна прагматическая коннотация – «нечто, обреченное на неудачу, провал, что-либо с маловероятными шансами на успех», поскольку словосочетание в этом случае является фразеологически репрезентируемым концептом.

Или, например, в следующем фрагменте предложение *What a fantastic idea!* семантически формирует значение выражения одобрения и даже восхищения предложенным в первом высказывании вариантом развития событий. Однако прагматически данное предложение имеет совершенно противоположное значение. Данное значение усиливается употреблением предложений *But of course!* и *Just go home!*, которые также придают фрагменту дискурса иронический эффект.

“I’ve got to go,” I say ... But of course! What a fantastic idea! Just go home! (N. Hornby).

Если синтаксически и семантически сообщение можно рассматривать как совокупность знаков, означающих объекты, ситуации, события реального или конструируемого мира, то прагматический аспект значения зависит от индивидуального адресата (так называемый «фактор адресата»). Прагматическое значение обусловливается мировоззрением и жизненным и языковым опытом автора дискурса и партнера, их культурной принадлежностью и социальным статусом, их эмоциональным состоянием в момент общения, обстоятельствами самой коммуникативной ситуации [Шаховский 2018; Alba-Juez, Larina 2018; Amaral 2018]. Эти и другие факторы воздействуют на способность коммуникантов правильно

формировать и интерпретировать прагматические значения и дальнейшую возможность осуществлять коммуникативное взаимодействие.

Для понимания различий семантического и прагматического аспектов значения снова можно обратиться к теории фокализации Т. ван Дейка. Ученый понимает прагматический фокус как «акт выбора, критерием которого является успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия» [ван Дейк 1978: 319]. Происходит отбор – фокализация – наиболее важных, значимых для акта коммуникации значений. Семантический фокус, напротив, является контекстно-независимым и определяется «в терминах отношений, существующих между фактами или объектами, то есть на чисто онтологическом уровне семантики» [там же: 319]. Это еще раз подтверждает идею о том, что значение, являющееся компонентом общего смысла, менее важно в сравнении со смыслом, так как смысл имеет более широкие следствия, чем его составляющие по отдельности. Трансформация семантического значения в прагматическое представляет собой процесс перемены (альтернации) фокуса (термин Т. ван Дейка).

Также разграничивающим семантический и прагматический фокус фактором является нацеленность первого на репрезентацию множества суждений о фактах, объектах, ситуациях и т.д. окружающего мира, тогда как второй определяется в терминах коммуникации и коммуникантов. Иначе говоря, семантический фокус отображает последовательность суждений/фактов (заданных реальным или возможным миром) в контексте/дискурсе, а прагматический фокус – последовательность речевых актов в рамках коммуникативной ситуации. В процессе формирования и трансформации смыслов прагматический фокус может смещаться. Это обусловливается возможной переменой перспективы формирования смыслового пространства за счет изменения в целях и интенциях говорящего/пишущего, условий и обстоятельств коммуникативной ситуации. Поэтому в прагматический фокус попадают именно те

объекты/суждения/факты/события, которые соответствуют контексту общей коммуникативной ситуации – непосредственно конкретному речевому акту в определенный момент времени.

Интересный подход к разграничению семантического и прагматического значений находим у К. Маттиссена, К. Теруи и М. Лама. Они выделяют три относительно независимые метафункции: идейная, межличностная и текстовая. Идейное значение рассматривается как семантика, в то время как межличностное и текстовое – как прагматика. Межличностные значения предстают в виде контекстно-зависимого потока информации. Текстовое значение является, по сути, этим контекстным фактором, охватывающим две системы: тема, которая организует предложение как сообщение; и информация, подразделяющаяся на данную и новую [Matthiessen et al. 2010]. Прагматическое значение складывается на основе функциональных значений слов и высказываний в конкретном дискурсе. Именно контекстная спецификация направляет процесс прагма-семантической трансформации.

Прагматическое значение отражает отношение между знаками и их интерпретаторами (адресат и отправитель сообщения), проявляющими эвристическую активность, необходимую для осуществления коммуникативного замысла (функция автора дискурса) и его декодирования (функция реципиента). При этом может формироваться прагматическое значение автора и прагматическое значение реципиента.

Прагматическое (контекстно-зависимое) значение обеспечивает формирование смысла высказывания/текста/дискурса на основе семантических составляющих, раскрывающих свое значение в непосредственном текстовом окружении. Тем не менее, формирование успешного, полноценного, вывода не должно опираться только на лингвистическую информацию; значимую роль играют также экстралингвистические факторы.

Сказанное позволяет заключить, что прагматическое значение формируется на основе семантического, а поскольку семантическое значение опирается на синтаксическое, то и прагматическое, тем самым, опирается на синтаксис. Это можно представить следующим образом: к семантике (контекстно-свободное значение) сначала добавляется синтаксис (форма), а затем прагматика (контекстно-зависимое значение), что в совокупности образует сложную иерархичную структуру смысла: контекстно-свободное значение + форма + контекстно-зависимое значение. Формирование смыслового пространства дискурса может осуществляться в направлениях *синтаксис → семантика → прагматика*, *прагматика → семантика* и *семантика → синтаксис* и даже иногда *прагматика → синтаксис*.

Таким образом, очевиден переход от лексики к семантике, от семантики к логике и далее к прагматике. Эта фундаментальная взаимосвязь отражает некое логическое отношение между процессами. Значение представляет собой многослойную конструкцию, и в зависимости от контекста и опыта участников коммуникации возможно создание дополнительных значений, формируемых разными способами. Это еще раз подтверждает открытость и нелинейность дискурса как динамической системы.

Представленный анализ показывает, что коммуникативное взаимодействие обусловлено выстраиванием адекватных смыслов, формируемых значениями разных уровней. Базовый, семантический, – это уровень лексических средств, которые, вступая в синтаксические отношения, составляют текст. Семантика сосредоточена на значениях и условиях истинности с минимальным учетом конкретного акта коммуникации. Следующим уровнем является логический. Логика объясняет соотношение между мыслью и способом (способами) ее выражения. Закономерности создания цепочек значений обусловлены свойствами мышления. Завершающим уровнем (с точки зрения методологии анализа) является уровень прагматики, на котором высказывание и дискурс приобретают

смысловую целостность и получают адекватное восприятие (декодирование). Прагматика нацелена не столько на значение, сколько на создание смысла, потенциала, на интерпретацию. Она учитывает использование языка в контекстуальном социально-культурном взаимодействии участников коммуникации. Прагматический анализ сосредоточен на смыслах дискурса, а не на значении слов или предложений. Тесное переплетение, взаимодействие и взаимозависимость всех уровней может приводить к определенным сложностям в интерпретации коммуникативной картины языкового поведения в конкретных ситуациях [Александрова 2020]. Это отражается также и на невозможности четкого разграничения значения на подтипы, которое является достаточно условным, поскольку все они находятся в сложной взаимосвязи между собой и обусловлены познавательной установкой, коммуникативными и прагматическими потребностями коммуникантов.

Итак, семантическое значение, синтаксическая сочетаемость и логическая форма представляют собой языковое кодирование и образуют семантику знака. Прагматическое значение за счет дискурсивного пространства декодирует логико-семантическое значение. Происходит трансформация логико-семантических связей в прагма-семантический смысл.

Поскольку дискурс, являясь открытой нелинейной динамичной системой, оперирует в большей степени смыслами, а не значениями, представляется целесообразным рассмотреть понятие смысла, его особенности и факторы, влияющие на его формирование.

4.3.2. Смысл как взаимодействие семантических отношений, логической формы языковых выражений и прагматической интерпретации

Смысл представляет собой предмет сообщения или часть дискурса, то, что говорящий/пишущий хотел бы воспроизвести, а слушающий/читающий воссоздать относительно ситуации, объекта/факта, события и т.д. в

определенный момент развертывания коммуникативной ситуации – так называемая «смысловая конфигурация контекста» [Алефиренко и др. 2018]. Как некий абстрактный объем понятия смысл соотносится с определенным языковым выражением в конкретном речевом акте, поэтому всегда является ситуационным представлением фрагмента действительности.

Смысловая основа – это то, что связано с ситуацией или с референтной отнесенностью предложения. Она бывает понятна, если известна референция. Определенная соотнесенность с ситуацией является условием эффективного осуществления коммуникации межу людьми, поскольку, как утверждает Э. Бенвенист, «даже если смысл понятен, но референция неизвестна, коммуникация не может состояться» [Бенвенист 2002: 140].

Смысл можно определить как универсальное, инвариантное содержание деятельности человека [Бондарко 1978]. Это подтверждает тезис о континуальности смысла и его непосредственной связи с сознанием [Гвишиани 2019; Maienborn et al. 2011]. Языковое выражение поэтому соотносится с определенными концептуальными системами, понимание которых достигается взаимодействием семантических и прагматических факторов.

Включая в себя как лингвистические, так и когнитивные категории, смысл непосредственно связан с семантическим содержанием, соотносится с когнитивными структурами (восприятием, пониманием, памятью и др.) и зависит от реальных условий и участников осуществляемого общения [Манерко 2018; Burton-Roberts 2013]. Любое обозначение объектов, ситуаций и событий действительности (реальной или конструируемой), их свойств, а также психических состояний, когнитивных операций и их результатов получает отражение в когнитивных структурах, включается в глубинные связи и конструктивные процессы продуцирования и восприятия смысла.

Понимание смысла как содержания мысли, цели действия, поступка выводит его за рамки собственно языкового выражения, делая

целесообразным его рассмотрение в масштабах коммуникативной ситуации и цели совершающегося общения как действия.

Смысл можно обобщенно представить в трех парадигмах:

- обозначение и смысл (семантика, синтактика, логика);
- употребление и смысл (прагматика, коммуникация);
- значение и смысл (когниция).

Здесь очевидна поступательность формирования смысла от функционирования знаков (языковых единиц и их отношений) к репрезентации объективного мира. Интерпретация смысла поэтому основана на его представлении как результате творческого процесса, в котором номинативные единицы, преобразуясь в рамках определенного контекста, конструируют значения, в свою очередь трансформирующиеся под действием прагматических факторов, на основе чего формируются смыслы, несводимые к сумме значений составляющих. Смысл имеет ситуативный характер, оформляется через значения и функции слов, словосочетаний и предложений, через функциональные отношения между высказываниями, что позволяет всесторонне передавать его.

Среди основных характеристик смысла можно выделить следующие:

- недоступность смысла в прямом наблюдении;
- инвариантность;
- ситуативность и субъективность; поскольку формирование смысла происходит в конкретных условиях коммуникации, он обусловлен взаимодействием компонентов дискурса, а также воздействием неязыковых средств осуществления коммуникации (например, паралингвистических);
- невозможность полной экспликации;
- недоступность полному восприятию; это объясняется тем, что понимание одного и того же смысла в рамках одной и той же коммуникативной ситуации может быть разным у разных реципиентов; к тому же, один и тот же реципиент может по-

разному интерпретировать один и тот же смысл в разных коммуникативных условиях или в разные периоды времени;

- концептуальность; смысл является частью концептуальной системы как отдельного человека, так и определенного коллектива и даже общества; он включен в общую динамическую систему знаний (картину мира) человека и отражает происходящие в концептуальной системе изменения.

Перечисленные характеристики подтверждают нетипичность существования смысла на каком-либо отдельном языковом уровне, например, семантическом. Он включает в себя и логико-семантические значения (отношения между знаком и означаемым, номинативной единицей и денотатом), и коммуникативно-функциональные аспекты в реальной коммуникативной ситуации. Поэтому смысл – это, с одной стороны, совокупность номинантов и их отношений и, с другой, – постоянно преобразующийся и трансформирующийся в соответствии с меняющимися условиями коммуникации комплекс значений.

Таким образом, можно выделить такие важные признаки смысла как:

- соотношение смысла со значением языковых единиц можно сравнить с отношением «цель – средства»;
- соотношение смысла с реальной действительностью репрезентируется коммуникативно-функциональными аспектами дискурса;
- формируясь на основе разных типов значения, смысл, тем не менее, не сводим к их сумме.

Значения и смыслы высказывания во многом зависят от говорящего/пишущего и ситуации (ситуативная информация, контекст). За счет этого происходит включение прагматического аспекта. В то же время смысл представляет собой более широкое понятие, нежели простое преставление референта в знаке. Как подчеркивает В.Г. Гак, значение представляет собой отношение к референту, а смысл является способом

представления референта в знаке [Гак 2009]. Это некая языковая основа общего смысла, форма определенного языкового содержания, за счет которых конструируется законченный смысл дискурса. Его можно назвать смысловой основой, связанной со структурным значением предложения/высказывания через семантико-синтаксический уровень.

Смысл формируется языковыми единицами на основе их отношений и правил организации, за счет чего происходит фиксация определенных объектов, явлений, событий действительности (в том числе вымышленной) в процессе коммуникативного акта. Трансформация смысла происходит в рамках конкретной коммуникативной ситуации, в которой реализуются и когнитивные, и коммуникативные, и прагматические установки. Например:

His face wore that sly weasel's expression she despised. It meant the wheels were turning; he was scheming again about the best way to get something for nothing (L. Spencer).

Например, в приведенном фрагменте смысл конструируется на основе значений, формируемых выражением *the wheels were turning*. Сначала актуализируется буквальное семантико-синтаксическое значение – вращение колес. Далее под воздействием контекстуального фактора (*sly weasel's expression, was scheming, the best way to get something*) репрезентируется логико-семантическое значение – очевидно фигуральное значение выражения, метафорически используемого в данном дискурсе. За счет этого происходит приращение дополнительного прагматического значения – сравнение мыслительного процесса участника коммуникативной ситуации с быстро вращающимися колесами. Выделенные значения ложатся в основу целостного прагма-семантического смысла дискурса – описание эмоционального состояния участника коммуникации и его поведения, целей. Кроме того, смысловое пространство дискурса также обогащается коммуникативно-функциональным смыслом оценки и отношения автора дискурса к действиям и поведению партнера (презрение, возмущение, неодобрение).

Поскольку смысл высказывания формируется в акте живого общения партнеров, то еще одной его важной характеристикой является связь с субъектом речи – иными словами, на формирование значений и смыслов существенно влияет фактор «говорящего». Можно выделить как минимум три направления связи смысла высказывания и говорящего субъекта:

- лингвистические релевантные универсальные предпосылки, которые так или иначе находят отражение в языке;
- связь с конкретной коммуникативной ситуацией;
- смысл высказывания.

В последнем случае как раз и подключаются прагматические и психологические факторы – смысл одного и того же по форме и по лексическому наполнению высказывания может по-разному восприниматься разными людьми.

Таким образом, формирование смыслового пространства дискурса осуществляется в соответствии с коммуникативными интенциями автора дискурса, конкретными особенностями реципиента, соотношением личностных смыслов, развитием и дополнением модели отношения. Для его выстраивания в конкретной коммуникативной ситуации необходимо такое взаимодействие участников, которое приведет к воплощению обоюдоприемлемого смысла в едином пространстве дискурса.

Формирование смысла является комплексным процессом, так как включает различные механизмы порождения, трансформации и понимания. Все аспекты модификации смысла переплетены теснейшим образом и находятся в отношениях комплементарности, поэтому в каждом конкретном случае формирование смысла определяется взаимодействием всех значений, в то же время он, как отмечено выше, несводим к простому сложению отдельных компонентов значения. Очевидно синергийное взаимодействие элементов сложной смысловой системы дискурса и ее функционирование в зависимости от внутренних факторов и воздействия внешней среды. Это еще раз доказывает актуальность и правомерность применения принципов

функциональной лингвосинергетики к анализу формирования и трансформации прагма-семантического пространства дискурса. Синергетические концепции и методы, то есть, по сути, динамико-системный подход, способствуют эффективному пониманию и описанию саморазвития смысловой системы – ее основных стадий и фазовых сдвигов, колебаний, зон бифуркации, аттракторов и т.д. В этой связи не вызывает сомнения целесообразность применения дискурс-анализа.

Поскольку смысл, зафиксированный в виде последовательности значений, представляет собой результат функционирования языковой системы, дискурс-анализ позволяет выявить соотношение между базовыми значениями, формируемым в конечном счете смыслом и коммуникативным (прагматическим) эффектом. Так, логические значения усложняют семантические, трансформируя их в логико-семантические значения, которые наращивают дополнительные прагматические значения; взаимодействие всех типов значений формирует в итоге прагма-семантический и коммуникативно-функциональный смыслы. Хотя в основе любого смысла лежит логико-функциональная структура, коммуникативно-функциональные составляющие смысла доминируют над семантическими и сигнификативными. Именно они характеризуют принадлежность дискурса к образованиям более высокого уровня организации, нежели предложение, высказывание или текст [Арутюнова 1988; Aleksandrova 2018].

Смысл порождается взаимодействием компонентов сообщения, которые могут быть явными и неявными. Кроме того, формирование смысла зависит от способа, которым компоненты структурированы вместе и функционируют в контексте. Интерпретация смысла осуществляется за счет контекстуального фактора как отправной точки. Контекстуальные факторы (или указательные элементы в терминах Монтегю и Скотта) подразумевают, что к определенным точкам отсчета (индексам) добавляются дополнительные элементы, отражающие интенции говорящего, нацеленность на восприятие слушающего, время и место коммуникативной ситуации.

Создавая некую канву при формировании смыслов, контекст из широкого круга возможных значений как бы «отсекает» ненужные и неподходящие, актуализируя адекватные для данной ситуации; происходит так называемая детерминация [Сулейменова 1989; Maienborn et al. 2011]. Иначе говоря, контекст отнимает из суммы значений определенную часть, за счет чего формируются смыслы, представляющие собой в итоге результат сложений и вычитаний значений. Оперируя значениями, автор дискурса подвергает их разнообразным трансформациям (детерминациям) с учетом коммуникативного замысла и общей коммуникативной ситуации [Сулейменова 1989]. Поэтому формируемые значения, ложащиеся в основу смыслов, являются подвижными и подвержены изменениям.

Решающая роль контекста – это принцип эффективности общения. Благодаря ему становится возможным понять, каким образом реципиент перемещается из полюса фактически прозвучавшего или написанного в полюс того, что́ при этом имеется в виду, – от уровня выраженного смысла к уровню подразумеваемого смысла. Например:

(1) “Going all right?” “I don’t really want to talk about it, to be honest.” (N. Hornby).

(2) “Come in, Clay, … let’s talk.” “I’ve had a hell of a day.” (L. Spencer).

В приведенных фрагментах формирование общего смысла – нежелания одного из коммуникантов по какой-либо причине участвовать в диалоге – зависит от того, как компоненты структурированы вместе и под воздействием контекста функционируют в дискурсе. В (1) смысл выражен эксплицитно – *don’t want to talk* – и подкрепляется парентезой *to be honest*, которая привносит дополнительную прагматику, так как снимает возможные сомнения в том, насколько однозначно настроен говорящий. В (2) смысловой компонент выражен имплицитно (*had a hell of a day*); происходит так называемая семантическая транспозиция – косвенный отказ от приглашения к разговору, который не включает собственно отрицательных лексико-грамматических форм, но тем не менее, контекстуально также вполне

однозначен. Наблюдается функциональный сдвиг от семантики к прагматике, поскольку выражение *I've had a hell of a day* семантически обозначает констатацию факта, объяснение или даже описание ранее происходящего, однако прагматически предложение передает нежелание говорящего вступать в общение. Таким образом, происходит переход от уровня выражаемого смысла к уровню подразумеваемого смысла.

За счет контекстуальных факторов происходит как объективация, так и субъективация смысла [Бондарко 1978; Делез 2011]. Это объясняется влиянием личности говорящего и слушающего на трансформацию и интерпретацию смысла, поскольку порождение смысла дискурса осуществляется в соответствии со знанием языка и правил его употребления. Говорящий/пишущий объективирует смысл; субъективация смысла происходит у слушающего. В то же время, контекстуальный фактор может выступать как нейтрализующий элемент, который перекрывается вмешательством рефлектирующего начала. В подобных условиях семантика конкретизируется дополнительными конституентами ситуации за счет прагматических корректоров разного рода.

Таким образом, являясь ядром любой формы коммуникации, смысл представляет собой то, что должно быть надлежащим образом передано в акте устного или письменного общения. Языковые средства выражают смысл в единстве формального (структурная грамматическая форма) и содержательного (значение, семантика) аспектов. Причем четкой границы между этими двумя сторонами не существует – лексическая и денотативно-отражательная стороны находятся в тесной взаимосвязи с грамматической как в рамках взаимодействия отдельных единиц, так и при формировании отношений между высказываниями в системе дискурса. И формальная, и содержательная стороны языковых средств, таким образом, нацелены на репрезентацию смысла, формирование которого осуществляется в парадигме «обозначение–употребление–знание». Поэтому смысл оказывается той величиной, которая охватывает и содержание (семантику), и форму

(грамматику) языковых средств выражения и правильная активизация которой опосредована прагматическими факторами.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей процесса трансформации значений в смыслы, резюмируем результаты проведенного анализа. Сущность понятий *значение* и *смысл* можно обобщить следующим образом:

1. Совокупность значений, формируемых под действием различных факторов в определенных условиях коммуникативной ситуации и контексте, репрезентирует содержательную сторону смысла.
2. Соотношение значения и смысла сравнимы с отношением средства и цели – языковые значения представляют собой средство репрезентации смысла в определенном дискурсе.
3. Необходимые смыслы автор дискурса конструирует в зависимости от контекста, используя при этом не один определенный способ, а любые способы, наиболее соответствующие целям коммуникации в каждом отдельном случае.
4. Трансформируясь на основе взаимодействия значений разных типов, смысл, тем не менее, не равен простой их сумме.
5. Смысл в большей, чем значение, степени ситуативно обусловлен, поскольку соотносится с конкретным речевым актом.
6. Основным средством репрезентации значений и смыслов являются языковые единицы. Однако они могут быть также выражены и неязыковыми (экстралингвистическими) средствами.
7. Значение и смысл находятся в отношениях перекодирования – автор дискурса кодирует значения в смысл, реципиент декодирует воспринимаемый им смысл.

8. Формирование, трансформация и интерпретация значений и смыслов обусловлены не только языковыми знаниями участников коммуникации, но также их мировоззрением, опытом, социальной и культурной принадлежностью, психологическим и эмоциональным состоянием и т.д.

Схематично переход разноуровневых значений в смыслы можно представить следующим образом (Рис. 1):

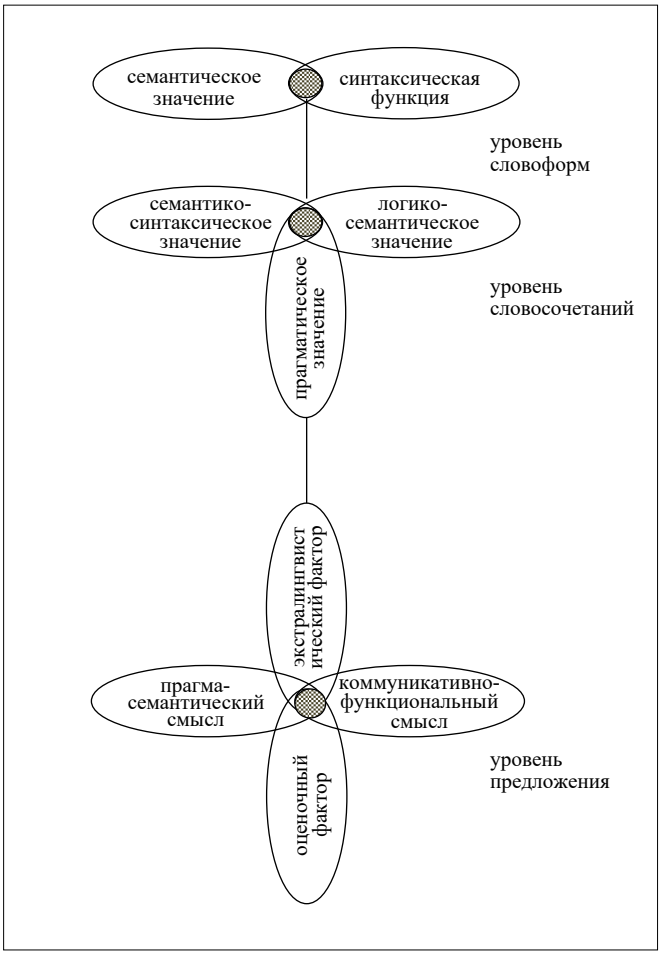

Рис. 1. Трансформация разноуровневых значений в смыслы

4.4. Алгоритм формирования и трансформации смыслового пространства английского дискурса

Формирование смысла можно представить как набор условий, необходимых для изменения дискурсивной парадигмы в зависимости от внутренних и внешних причин. Коммуникация порождает значения,

интегрирующие общий недискретный смысл. Все структуры языка кодируют два основных типа значений: семантическое и прагматическое. Семантическая ось оперирует вероятностными значениями слов, одно из которых отбирается в зависимости от коммуникативных условий и коммуникативной цели. Прагматическая ось задействует формирование значений и смыслов в конкретных речевых ситуациях, учитывая прежде всего контекст как фундаментальный аспект интерпретации высказываний. Также прагматика направляет фокус внимания на употребление невербальных элементов общения, используемых для передачи эмоций и обогащающих формируемые смыслы. Разные способы репрезентации значений образуют гибридную систему смыслов дискурса.

Формирование функционального пространства английского дискурса на основе трансформируемых значений и смыслов представляет собой сложный процесс, определяемый условиями конкретной коммуникативной ситуации, регламентирующийся разнообразными закономерностями речевой деятельности и способностью человеческого сознания к репрезентации и интерпретации сообщаемого [Александрова 2015; Haugh, Jaszczolt 2012; Husserl 2019]. Это структурирование логически связанного целого из составных компонентов, прежде всего, семантического и прагматического. Семантика языковых единиц представляет собой основной конструкт формируемого смысла, активизирующий множество значений отдельных слов, которые далее выстраивают синтаксически более сложные структуры – словосочетания, предложения, текст, дискурс. В значительной степени смысловая система дискурса основывается на семантической репрезентации. Устранение семантической неопределенности и формирование глубинного смысла возможно при включении значений в состав более крупных единиц, позволяющих рассматривать дискурсивный смысл на фоне широкого контекста, прагматического эффекта, функциональной роли и т.д. Модификация семантических значений тем самым обусловливается введением дополнительных (прагматических) компонентов, непосредственно

связанных с контекстом, коммуникативной ситуацией, психологической установкой осуществляющегося общения, социальными и личностными характеристиками коммуникантов и т.д., то есть обусловлены восприятием и пониманием лексических единиц в реальном акте коммуникации [Kecskes 2010; Laşcu, Gherlovan 2021; Arundale 2021]. При этом могут возникать спонтанные, нелинейные, изменения первоначальных интенций участников общения, также активизирующие трансформацию смысла. Прагматический фактор можно назвать детерминирующим, поскольку, с одной стороны, он служит стимулом к изначальному коммуникативному намерению, а с другой, проявляет внешние условия, воздействующие на восприятие, понимание и интерпретацию смыслов [Матвеева 2017; Гвишиани 2019; Arundale 2021]. Прагма-семантическое содержание, таким образом, это некий переход значений от одного уровня выражения к другому, их трансформация в смыслы, или функциональный сдвиг, непосредственный результат осмысления.

Поскольку целью настоящего исследования является установление факторов, воздействующих на преобразование свойств лексических единиц в реальном коммуникативном акте и приводящих к функциональному сдвигу в смысловом пространстве английского дискурса, проводится анализ структурирования определенной семантической базы, на основе которой далее происходит приращение дополнительных прагматических значений и актуализация контекстуально-обусловленного прагма-семантического содержания. Также в работе исследуется то, каким образом выбор определенных языковых средств влияет на достижение того или иного прагма-семантического эффекта и выстраивание общего смыслового пространства дискурса. При анализе процесса трансформации системы дискурсивных смыслов учитывается воздействие экстралингвистического и оценочного факторов.

В целях отображения процесса формирования смыслового пространства английского дискурса приводим общий вид разработанного нами алгоритма (Рис. 2):

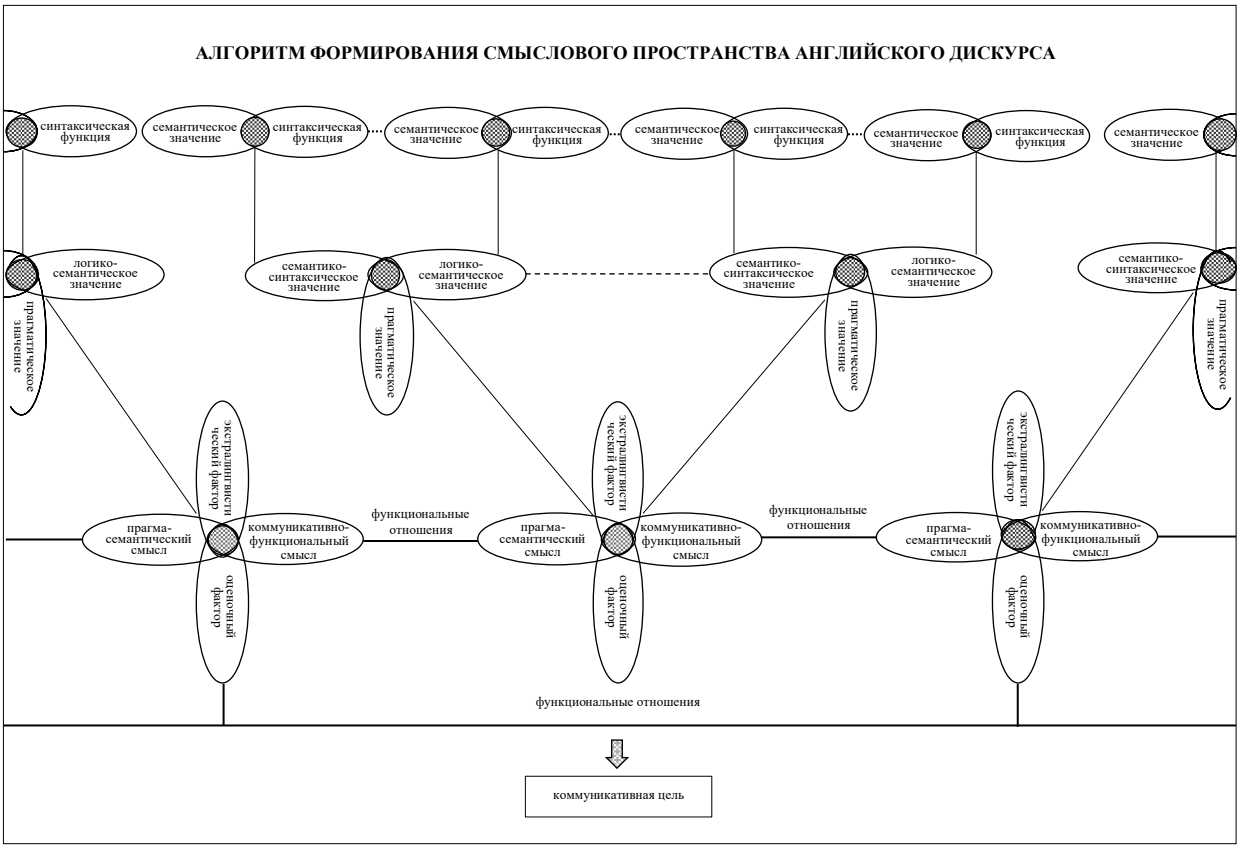

Рис. 2. Алгоритм формирования смыслового пространства английского дискурса в общем виде

Следующий рисунок (Рис. 3) показывает приведенный алгоритм в более крупном масштабе:

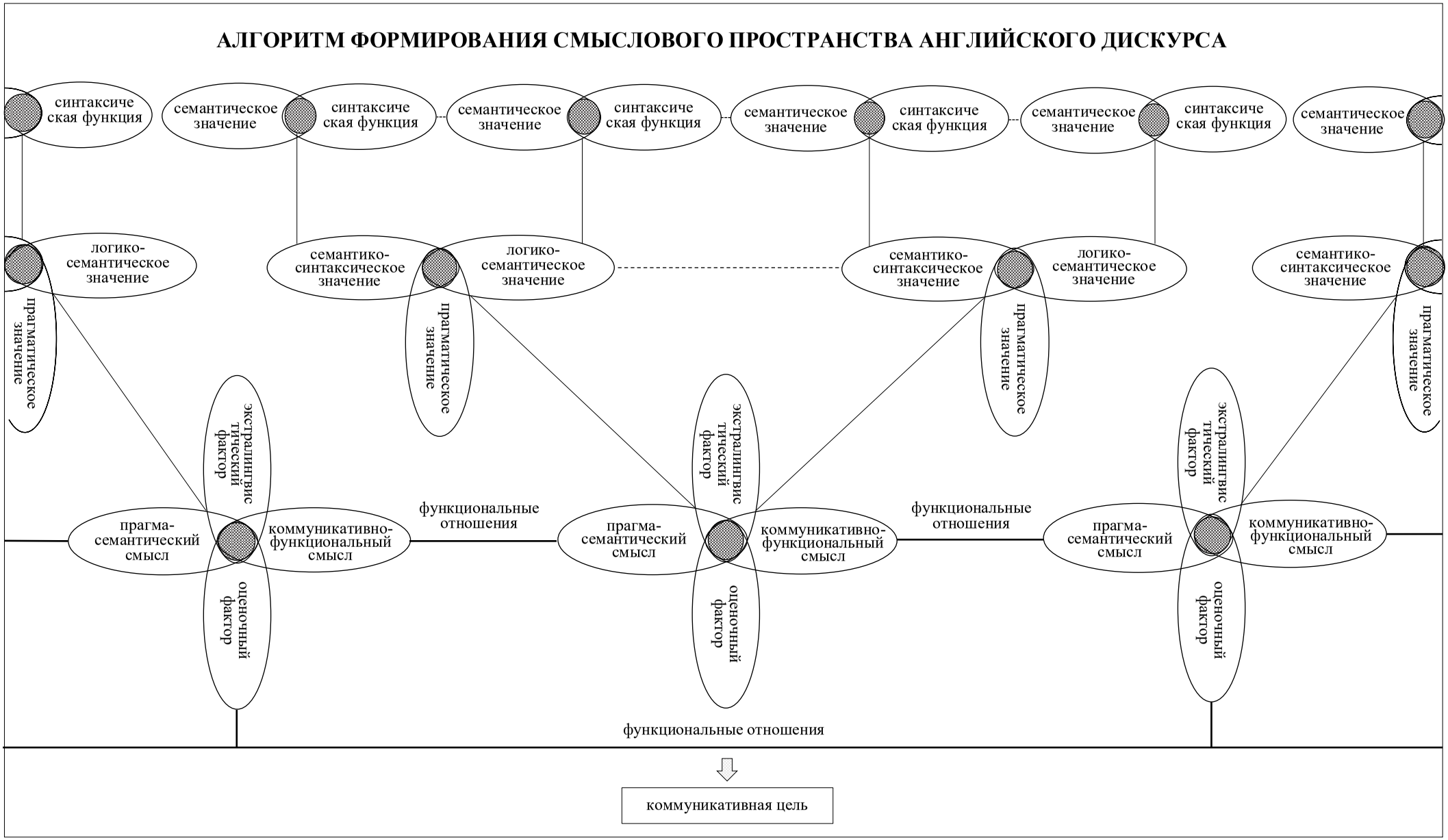

Рис. 3. Алгоритм формирования смыслового пространства английского дискурса

Этапы формирования, трансформации, обработки (кодирования – декодирования) прагма-семантического пространства дискурса иерархично структурированы и подчинены разным принципам организации. Объяснение механизмов формирования смыслов, основывающихся на синергийном взаимодействии всех компонентов дискурса, требует динамико-системного, или синергетического, описания. Такой комплексный подход способствует пониманию внутренней структуры значений, их трансформации в смыслы и фокусирования на наиболее адекватном (полноценно воплощающем коммуникативный замысел) смысле из ряда возможных за счет нелинейности развертывания дискурса и специфики определенной коммуникативной ситуации. Функционально-синергетический анализ смыслового плана английского дискурса исследует структуру дискурса через форму языковых единиц, их взаимосвязанное функционирование в дискурсе и экстралингвистические факторы (ситуативную и социально-культурную обусловленность) в динамике развертывания текста.

Перспективность применения принципов функциональной лингвосинергетики к изучению структурирования смыслового пространства английского дискурса не вызывает сомнения, поскольку дает возможность рассматривать его как сложную открытую нелинейную систему с иерархически выстроенными компонентами. Иначе говоря, динамико-системный подход в изучении формирования функциональной системы дискурса в рамках конкретной коммуникативной ситуации учитывает семантическое значение лингвистических средств, логический и эмотивный факторы коммуникативной ситуации, прагматическую компетенцию участников коммуникации, функциональные отношения дискурса, а также потребности и интенции коммуникантов передать и интерпретировать определенную информацию. Также функциональная лингвосинергетика помогает соотнести смысловую структуру с логико-семантическими и прагма-семантическими отношениями определенного типа.

Сложность формирования смысла можно объяснить синергийным взаимодействием лингвистических, логико-философских, социологических, психологических, этнографических аспектов значения [Худяков 2000; Шаховский 2020; Kecskes 2010]. Создание смыслового пространства английского дискурса требует установления соотношения между семантической структурой коммуникативной акта и ее совместимостью с логико-семантическими дискурсивными отношениями определенного типа [Пономаренко 2015; Husserl 2019]. Также важную роль играют ситуативно-ориентированный (объективное выражение информации – фактов, событий, состояний) и аксиологический (концептуально-оценочный) факторы [Матвеева 2017; Ledeneva 2018]. При этом возникают смыслы, неотъемлемые от семантики компонентов текста, и факультативные, второстепенные смыслы, дополняющие его семантику. В этом проявляется динамическая природа дискурса, поскольку его специфика определяется не только структурной завершенностью, но, главным образом, нелинейной эволюцией смыслового пространства, которое превышает механическую сумму значений компонентов и зависит от общей коммуникативной цели в некоторой информационной цепи [Харьковская, Кривченко 2017; Khramchenko 2019]. Поэтому смысловая система дискурса выстраивается не через дискретные значения, а через целостный смысл, который представляет собой как отдельные факты, так и описание ситуации в целом.

Интегративность и глобальность смысла, определяющие выбор конкретных языковых средств его формирования, объединяют высказывания в некую единицу, целостность которой должна обеспечивать как ее завершенность, информативность (реализацию замысла адресата), так и адекватность восприятия. Значения и смыслы, таким образом, представляют определенную ситуацию как относительно законченную содержательную структуру, воплощающую коммуникативное намерение. На первый план выдвигается смысловой аспект дискурса, что обусловлено коммуникативной сущностью речевого акта (который актуализирует заложенный автором и

воспринятый (с разной степенью адекватности) адресатом смысл речи в той или иной ситуации общения) и речевой деятельности в целом (которая направлена на экстериоризацию смыслов и внутренних образов сознания коммуникантов).

Таким образом, согласно принципам синергизма, формирование дискурсивного смысла является гибким и многоаспектным процессом, зависящим от взаимодействия множества разноплановых факторов – функционально-смысловой специфики дискурса, коммуникативной направленности ситуации общения, а также эмоционального состояния участников коммуникации. За счет этого происходит саморегуляция или самонастраивание комплекса значений, трансформирующихся в дальнейшем в смыслы. Формирование надлежащего смысла предполагает нивелирование факторов, вызывающих дезорганизацию и хаотизацию системы дискурса, приводящих к неадекватности (с точки зрения коммуникативного замысла) передаваемой информации. Смысл есть мера организации, условие функционирования дискурсивной системы. Структурирование смыслового пространства английского дискурса задействует множество операций и стратегий, направленных на реализацию коммуникативного намерения, достижение цели коммуникативного акта и отображение описываемого автором положения дел.

Сказанное еще раз подтверждает актуальность и перспективность применения функционально-синергетического подхода к изучению формирования прагма-семантического пространства английского дискурса. Он дополняет и обогащает интегративный аналитический подход в процессе исследования прагматического эффекта от взаимодействия разноуровневых и разноплановых факторов, способствующих самоорганизации, упорядочиванию и саморазвитию системы дискурсивного смысла. Интеграция этих двух парадигм позволяет выявить специфику и механизмы саморегулирования функционально-смыслового поля английского дискурса, определить особенности функционирования различных языковых средств в

процессе эволюции английского дискурса, установить, с одной стороны, степень индивидуального участия и роль отдельных дискурсивных компонентов в процессе функционирования системы, а с другой, – характер их взаимодействия как необходимого фактора жизнедеятельности всей системы.

Процесс формирования и трансформации значений обусловливается релевантными контекстными и прагматическими параметрами смыслового поля английского дискурса на пути от множества возможных значений к ситуативно-порождаемому смыслу [Леденева 2017; Khramchenko 2019]. На релевантность общего смысла в определенном дискурсе влияют языковые факторы, относящиеся к контексту, и неязыковые, экстралингвистические факторы, относящиеся к окружающему миру. Это обеспечивает необходимые условия для прагма-семантических процессов и успешного осуществления речевого акта. Как неоднократно было отмечено, дискурс представляет собой открытую сложную нелинейную систему; это обусловливает вариативность формирования и интерпретации смысла через разноплановость акцентуации тех или иных особенностей смысловой (под)системы в конкретных условиях [Пономаренко 2004].

Особенности смысловой трансформации в процессе эволюции английского дискурса мы исследуем с помощью метода функционального сдвига, в основе которого лежит синергетический анализ кооперативного взаимодействия элементов дискурса между собой и с внешними факторами. Данный метод анализа представляет собой вариант дискурс-анализа, функциональную разновидность анализа произведения речи [Макаров 2003; Пономаренко 2004]. Такой комплексный анализ дает возможность детального описания сложной динамики функциональных свойств английского дискурса как единой смысловой системы, как живого организма и выявления способности дискурса к саморазвитию и саморегулированию.

Структурирование смыслового пространства дискурса, то есть трансформация значений в смыслы, обусловлено рядом последовательных процессов:

- актуализация семантических значений языковых средств;
- приращение дополнительных прагматических значений;
- возникновение определенных взаимосвязей и функциональных отношений между дискурсивными элементами;
- взаимодействие дискурсивных компонентов с внешней средой, восприятие и интерпретация смыслов.

Соответственно, мы предлагаем следующий алгоритм и этапы аналитического метода функционального сдвига, который по своей сути является функционально-интегративным анализом трансформации смыслового пространства английского дискурса и представляет собой вариант синергетического анализа:

1. Определение базовых значений высказываний.
2. Анализ семантико-синтаксических и логико-семантических значений.
3. Определение коммуникативной цели (аттрактора) дискурсивной системы.
4. Обобщение трансформации значений в смыслы (характеристика функционального сдвига), динамики общего смыслового пространства и анализ типа функциональных отношений между высказываниями (параметров порядка) дискурса.
5. Оценка результативности коммуникативного акта как достижения функционально равновесного/неравновесного состояния смысловой системы дискурса.

В практическом анализе фрагментов английского дискурса перечисленные этапы выражаются в следующем.

На этапе 1 определение базовых значений высказываний опирается на семантический уровень, исходя из системных (лексикографических) значений компонентов текста.

На этапе 2 раскрывается формирование значений на уровне разноплановых структурных средств их оформления и встраивания в общую логику мышления коммуникантов.

На этапе 3 формулируется коммуникативная цель, выводимая из общей направленности смыслового движения дискурса.

На этапе 4 анализируются приращения прагматических значений под действием контекстуальных параметров дискурса и внешней среды, элементы, хаотизирующие и/или стабилизирующие эволюцию дискурсивной системы, способствующие формированию прагма-семантических и коммуникативно-функциональных смыслов и достижению аттрактора (изначального либо нового), а также прохождения системой разных состояний (перехода системы от состояния первоначальной стабильности (равновесности) к неравновесности, вызванной функциональными колебаниями; точек бифуркации; фазового перехода к новому упорядоченному стабильному состоянию). Исследователь выступает как интерпретатор прагматического эффекта, который оказывает проанализированный текст на адресата.

На заключительном этапе делается общий вывод о степени эффективности реализации авторского замысла.

Рассмотрим применение данного алгоритма на примерах.

(1) Mr. Schryhart, on the contrary, for all the heat, appeared quite hard and solid, as though he might be carved **out of** some dark **wood** (T. Dreiser).

(2) He could not keep up with the hunting elves all the time they were out, so he never discovered the ways **out of** the **wood**, and was left to wander miserably in the forest, terrified of losing himself, until a chance came of returning (J.R.R. Tolkien).

В приведенных фрагментах дискурса в формировании смысловой системы участвует словосочетание *out of wood*. Однако одно и то же выражение порождает разные значения, трансформируемые в разные смыслы, которые в итоге формируют определенное функционально-смысловое пространство дискурса. При первичном восприятии языкового средства происходит автоматическая активизация всех лексических значений, на основе которых формируется семантическое (базовое) значение высказывания:

- существительное *wood(s)* обозначает 1) a hard substance that forms the branches and trunks of trees and can be used as a building material, for making things or as a fuel, 2) an area of land covered with a thick growth of trees и 3) a type of golf club with a rounded wooden end used for hitting the ball over long distances; прилагательное – made of wood [Cambridge Dictionary: https://dictionary.cambridge.org/ru/];
- предлог *out of* имеет следующие значения: 1) no longer in a stated places or condition; 2) used to show what something is made from; 3) used to show the reason why someone does something; 4) from among an amount or number; 5) used to describe where something came from or began и 6) no longer involved in something [там же].

Через включение языкового средства в определенный дискурс происходит актуализация адекватного коммуникативной ситуации значения, что обусловливает выход смысловой системы за пределы сугубо первичной семантики. Реальная коммуникативная ситуация отражает определенное понимание вещей коммуникантами. Фиксируя эту ситуацию, вербальный конституент передает реципиенту определенное значение, что создает исходную семантическую базу для коммуникации. Но поскольку смысл любого речевого произведения по-своему уникален (ибо уникальна любая порождающая его коммуникативная ситуация) [Норман 2019; Черняевская 2017; Шаховский, Волкова 2020], высказывание допускает

вариативные толкования, и лишь контекст (ситуация общения адресанта с адресатом) фиксирует то или иное адекватное понимание сообщения. Это объясняет принцип выбора одного из нескольких значений и, далее, смыслов в соответствии с конкретным дискурсом, за счет чего происходит устранение двойственности смысла. Поэтому под воздействием синтаксических характеристик и контекстуального фактора (в (1) это *carved* и *some dark*, в (2) – *discovered the ways* и *in the forest*) происходит выбор соответствующего значения и отсечение других вариантов как ситуативно несоответствующих. Смысловые образы выстраиваются на основе синтаксических значений и логического вывода, на фоне новых интерпретаций. Слушающий дифференцирует факторы, способствующие актуализации или, наоборот, угасанию (ослаблению, редукции) смысловой доминанты и приводящие к трансформации базового значения.

Грамматическая форма и синтаксическая структура высказывания наслаиваются на лексическое значение языковой единицы (*appeared, as though, might be carved* в (1) и *could not keep up with, discovered, was left, miserably, terrified of losing himself* в (2)), отражая основное содержание высказывания и формируя семантико-синтаксическое значение за счет реализации логических правил и принципов трансформации значения. Логические операции помогают соотнести языковые значения с состояниями, процессами, объектами и т.д. реального мира, что обусловливает трансформацию семантико-синтаксических значений в логико-семантические. Глубинное семантическое значение с помощью конкретных для каждого языка правил переводится в соответствующие поверхностные структуры, которые и получают логико-семантическую интерпретацию. Как представлено М. Бирвишем, семантическое значение «выводится из синтаксической глубинной структуры с помощью универсальных операций, которые объединяют значения лексических единиц глубинной структуры в соответствии с релевантными синтаксическими отношениями» [Бирвиш 1981: 192].

Актантом смысла, определяющим внутреннюю логику дискурса, является человеческий фактор: в речи говорящего вербализуются его коммуникативные интенции путем выстраивания функциональных отношений между языковыми средствами и смыслами, ими конструируемыми; реципиент в процессе восприятия сообщения интерпретирует для себя содержащуюся в нем информацию и приходит к определенному видению репрезентируемой ситуации. Формируемые смыслы фиксируют субъективно-рефлексирующее начало, концепцию говорящего [Моррис 2001] и выступают как основа, информативное наполнение, содержательная зона смыслового пространства дискурса. В свою очередь, реципиент интерпретирует языковые структуры говорящего/пишущего, не просто производя их декодирование, но осуществляя более широкий процесс анализа, оценки и логического вывода [Виноград 1983; Burton-Roberts 2007; Young, Rounds 1993].

Логические отношения между семантическими компонентами высказывания и проекционные правила объединения этих элементов (в (1) – *appeared, as though, might be*; в (2) – *could not keep up with, was left, miserably, terrified of losing himself*) приводят к логико-семантической интерпретации и формированию логико-семантического значения. Отдельные семантические значения под действием определенных синтаксических и логических отношений образуют сложную функциональную систему. Адекватность трансформации логико-семантических значений определяется также тем, насколько семантико-синтаксические интерпретации соответствуют интуитивным суждениям участников коммуникации.

Итак, в представленных примерах семантическое значение под влиянием синтаксических механизмов и контекстуальных факторов по-разному трансформируется в семантико-синтаксические и логико-семантические значения – в (1) актуализируется значение «сделанный из прочного, твердого материала, древесины», в (2) – «[выбраться] из леса». В логико-смысловой динамике дискурса, обусловленной достаточно узким

контекстом, языковые единицы получают определенность, в некотором смысле даже ограниченность. Логико-семантический план дискурса является объективной основой смысла, поскольку передает содержание, адекватно воспринимаемое участниками коммуникации, и служит фактором взаимопонимания, так как поддерживает процесс аналогичной интерпретации сообщения обеими сторонами. Именно он обеспечивает продвижение дискурсивной системы к аттрактору.

В реальной ситуации общения логическая структура дополняется различными коннотациями и прагматическими значениями. Это создает возможность интеграции логической модели сообщения и ситуативно порождаемой прагматики речи. Для актуализации адекватных прагматических значений недостаточно понимать синтаксическую структуру и те или иные правила логического вывода. Необходимо также знать целый ряд прагматических обстоятельств конкретного дискурса. То есть приращение дополнительных прагматических значений предполагает выход за рамки чисто семантических значений с учетом различных ситуативных обстоятельств, далеко не всегда поддающихся логическому моделированию.

Динамика смыслового пространства от семантики к прагматике также зависит и от человеческого фактора. Это объясняется тем, что участники коммуникации обладают определенным объемом индивидуального и социального опыта, информацией об окружающем мире, то есть некой концептуальной системой, на базе которой формируются смыслы и осуществляется их понимание.

Таким образом, опосредованные конкретным дискурсом и условиями реальной коммуникативной ситуации, за счет приращения дополнительных прагматических значений, охватывающих новые аспекты базовых значений и их связи, логико-семантические значения трансформируются в прагма-семантические и коммуникативно-функциональные смыслы и могут отличаться от базовых не только по содержанию, но и по объему. Прагма-семантические и коммуникативно-функциональные смыслы представляют

собой сложные когнитивные структуры, активизация которых зависит от конкретного лингвистического и экстралингвистического контекста.

В представленных примерах за счет функциональной синергии дискурсивных компонентов логико-семантические значения наращивают прагматические значения (*quite hard and solid*, *appeared*, *as though*, *might be carved* в (1); *never discovered the ways*, *was left to wander in the forest* в (2)) и модифицируются в прагма-семантические смыслы – сравнение с твердым прочным материалом в (1) и месторасположение, нахождение в (2). Метафорическое использование выражения *out of the woods* в (1) и эмоциональное (стилистически окрашенное) описание мыслей и действий персонажа (*miserably*, *terrified of losing himself*) в (2) актуализирует коммуникативно-функциональные смыслы – физическое и эмоциональное состояние персонажа и его поведение.

Рассмотрим еще один фрагмент, в формировании смысловой системы которой также участвует словосочетание *out of wood*.

(3) White House Press Secretary Kayleigh McEnany released another statement from Dr Sean Conley, who said that Trump's condition had improved Saturday... Though Trump isn't "**out of** the **woods** yet", doctors remain "cautiously optimistic" (T. Durden).

В примере (3) не активируется ни одно из представленных ранее семантических значений выражения *out of wood*. В данном случае словосочетание представляет собой фразеологически репрезентируемый концепт *be out of the wood(s)*, обозначающий *no longer be in danger or difficulty* [Cambridge Dictionary: https://dictionary.cambridge.org/ru/], поэтому оно имеет косвенное, фигуральное, семантическое значение «нечто сложное, трудное». При помощи синтаксического отрицания (*isn't out of wood yet*) и контекстуальных факторов (*Dr Sean Conley*, *condition*, *doctors*) семантическое значение трансформируется в семантико-синтаксическое и логико-семантическое значения «сложная ситуация, связанная с состоянием здоровья». Приращение прагматических значений (*had improved*, *isn't*)

модифицирует логико-семантическое значение в прагма-семантический смысл «неустойчивая динамика выздоровления, невозможность на данном этапе полностью решить проблему». Еще один прагматический фактор (*remain cautiously optimistic*) порождает коммуникативно-функциональный смысл данного фрагмента – отношение к происходящему (неопределенность, обеспокоенность и в то же время надежда на улучшение). При этом употребление автором дискурса наречия *cautiously* подчеркивает отсутствие точных прогнозов в данной ситуации.

В зависимости от оператора или набора операторов, применяемых в формировании смысла в конкретном дискурсе, можно наблюдать различное преобразование значений, что приводит к созданию разных смыслов. В процессе модификации смыслов задействован комплекс принципов, факторов и корректоров разного рода.

Стратегии построения и принципы интерпретации значений и смыслов участниками коммуникации оказывают непосредственное влияние на выбор тех или иных языковых средств, форм, категорий при формировании значений, что впоследствии отражается на общем воспроизведении конкретных образов, ситуаций и т.д., то есть общей смысловой системы дискурса. Поэтому для адекватного взаимопонимания и автору дискурса, и реципиенту должен быть понятен ситуативный контекст осуществляемого коммуникативного акта; они должны располагать некоторым связным представлением об описываемых событиях, что в дальнейшем ложится в основу репрезентации отдельной ситуации реальной (или конструируемой) действительности или даже комплексной, целостной картины мира. Значения и смыслы должны соотноситься с референтными ситуациями: языковые средства, употребляемые говорящим для формирования определенных смыслов, интерпретируемых слушающим в рамках прагматического контекста, активизируют представление об описываемом фрагменте окружающего мира. Фоновые, экстралингвистические знания позволяют

воссоздавать большее количество фрагментов сцены или более объемные сцены.

Так, например, выбор автором фразеологически репрезентируемого концепта в качестве языкового средства структурирования смыслового пространства в фрагменте (3), с одной стороны, может затруднять понимание смыслового содержания (поскольку первостепенной в данном случае является прагматическая компетенция – способность реципиента понимать фигуральный, косвенный или даже предполагаемый смысл), но, с другой стороны, усложняет и обогащает стилистику дискурса и акцентирует те аспекты значения, которые сглаживаются при употреблении более нейтрального языкового средства (ср., например, *Though Trump isn't "quite well yet", doctors are optimistic*).

В следующем примере, наоборот, выбор языковых средств и способ изложения кажутся функционально незавершенными, поскольку недостаточно активизируют коммуникативно-функциональный смысл – не совсем понятно, дает ли говорящий ироническую характеристику действиям участника коммуникативной ситуации, либо же действительно восхищается ими:

How marvelous. How awfully clever of you, Briony, to think of that. Did you really make it all by yourself? (I. McEwan).

И только более широкий контекст проясняет ситуацию:

When Briony had shown her cousins the sales booth and the collection box the evening before, the twins had fought each other for the best front-of-house roles, but Lola had crossed her arms and paid decorous, grown-up compliments through a half smile that was too opaque for the detection of irony.

"How marvelous. How awfully clever of you, Briony, to think of that. Did you really make it all by yourself?"

Briony suspected that behind her older cousin's perfect manners was a destructive intent (I. McEwan).

Выбор языковых средств и способ репрезентации идеи также способствует развертыванию коммуникативной перспективы. В то время как фокусирование на формировании определенного смысла отражает последовательность суждений и их интерпретацию в рамках конкретной ситуации общения с учетом установок и интенций говорящего и включенности слушающего в акт коммуникации, перспектива подчеркивает возможность репрезентации одних и тех же фактов, объектов, явлений с разных точек зрения, выражения одного смысла разными средствами и способами [Александрова 2015; Болдырев 2016; Вишнякова 2019]. При этом важным является не простое повествование, изложение событий, но выражение личных обобщений, выводов, оценки. За счет этого одновременно происходит изменение перспективы и перемена фокуса. Например:

(4) “Can I taste one [medicine]?”

“Son. You don’t –”

“Just one?”

Bennie sighed. “One.” (J. Egan).

(5) “How about some coffee?” Bennie suggested.

A spark of smile. “Can I get a Frappuccino?”

“Don’t tell your mother.” (J. Egan).

В приведенных примерах хорошо виден функциональный сдвиг. Лексическая семантика высказываний *One* и *Don’t tell your mother* под влиянием синтаксиса предложения и в отрыве от общего дискурсивного контекста выражает «разрешаемое количество» и «запрет на сообщение информации». Однако в силу логики развития смыслового пространства дискурса происходит так называемая семантическая транспозиция – в такой форме выражено завуалированное согласие, невербализованное в тексте, но логично выводимое из контекста. То есть, семантика количества и запрета нелинейно переходит в прагматику согласия.

Кроме того, выбор формулировки привносит в общий смысловой план дискурса дополнительную информацию – разрешение со стороны

говорящего попробовать только *одну* таблетку и категоричность позиции по данному вопросу в (4) и намек на отрицательное отношение матери мальчика к употреблению им кофеиносодержащих напитков в (5). То есть без лишних пояснений происходит расширение, развертывание ситуации при появлении новых прагматических значений: обозначение собственной позиции, заочное вовлечение в ситуацию другого участника, прояснение отношения героев к возникшему вопросу, характеристика их взаимоотношений. Происходит структурирование общего смыслового пространства дискурса в процессе его функциональной эволюции. Независимо от способа репрезентации смысла в представленных фрагментах очевидно достижение коммуникативной цели речевого акта и интенции автора дискурса (разрешение с учетом соблюдения всех необходимых условий со стороны говорящего и принятие этих условий со стороны реципиента).

Представленный анализ позволяет подвести некоторый промежуточный итог.

Семантико-синтаксические и логико-семантические значения представляют собой результативно-статическое свойство смысла, поскольку они передают объективную информацию, зафиксированную согласно определенным условиям и правилам употребления языковых единиц и не отражающую ее субъективное восприятие участниками коммуникации. Прагма-семантический смысл, однако, отличается своей динамичностью, поскольку актуализирует языковые механизмы в индивидуальном акте употребления языка в той или иной коммуникативной ситуации, порождающей те или иные смысловые приращения. Прагма-семантический смысл включает в себя пропозиции как компоненты содержания, присущие предложению как таковому, и прагматические компоненты, проявляющиеся при его актуализации в речевом акте [Богданов 1990; Храмченко 2014]. Именно в сфере прагматики фокус внимания перемещается с объекта репрезентации и языковых средств этой репрезентации на конкретную ситуацию и условия репрезентации, а также на когнитивные особенности

участников коммуникации. Формирование, трансформация и интерпретация дискурсивного смысла, таким образом, зависят от параметров, обусловливающих когнитивные и эмоциональные реакции участников коммуникации, которые кодируют и декодируют значения и через которые определяются семантические компоненты.

Формируемый определенными языковыми средствами смысл соотносится с коммуникативным намерением (интенцией, замыслом), информационным содержанием и целью сообщения. Поскольку референциальное соотнесение языковых единиц осуществляется конкретными участниками коммуникации, контекст формирования смысла необходимо рассматривать с учетом интенционального состояния говорящего – его желаний, чувств, намерений и т.д. Интенциональность можно представить как состояние, выражающее определенную ментальную направленность субъекта к действительности [Searle 1990]. Значения образуются при передаче интенционального содержания посредством определенной формы, а затем через контекстуальное окружение трансформируются в смыслы.

Далее рассмотрим применение функционально-интегративного анализа функционального сдвига в процессе формирования смыслового пространства с точки зрения функциональной эволюции английского дискурса.

(1) He got to Orly to find the flight was delayed for half an hour. *(2)* There was fog at Heathrow. *(3)* David hated airports at the best of times, the impersonality, herding, sense of anonymous passage; the insecurity. *(4)* He stood by the window of the visitors' lounge, staring out into the flat distances. *(5)* Dusk. *(6)* Coët was in another universe; one and an eternal day's drive away (J. Fowles).

В первом (базовом) предложении задается тема приведенного коммуникативного блока, которая далее раскрывается совокупным взаимодействием компонентов дискурсивной системы. Высказывание *(2)* поясняет смысловое содержание предыдущего высказывания и линейно развивает смысловое пространство дискурса, поскольку дает объяснение

причины сложившейся ситуации (задержка рейса из-за тумана). Однако уже в высказывании *(3)* наблюдаются функциональные колебания – происходит переключение с описания событий на описание внутреннего состояния героя (его отношение к аэропортам), что нарушает равновесность сформированной к этому моменту смысловой системы, усиливает ее нелинейность и переводит на траекторию, направленную к другой (промежуточной для данного этапа смысловой эволюции) цели-аттрактору – раскрытие мыслей Дэвида. Употребленное в данном предложении выражение *at the best of times*, с одной стороны, дает ретроспективную отсылку к предыдущему опыту героя и, с другой стороны, подчеркивает особую подавленность героя именно в данной ситуации.

Формируемый на данном участке новый прагма-семантический смысл дискурса (переживания героя) усиливается введением таких элементов, как *impersonality, herding, anonymous, insecurity*. При этом точка с запятой повышает обособленность элемента *insecurity*, который не только является элементом в последовательной цепочке, но как будто «вбирает» все предыдущие элементы и представляет собой некое обобщение. На данном этапе эволюции смысловая система снова приходит в состояние равновесности – закрепляется новый вектор движения элементов дискурса к промежуточному аттрактору. Однако изначально заданный смысловой вектор (перечисление действий Дэвида) не пресекается, а вновь проявляется в *(4)*. Здесь явно наблюдается нелинейность взаимосвязи двух пересекающихся смысловых подсистем (исходной и вторичной), когда для первой подсистемы хаотизирующим компонентом оказывается *(3)*, а для второй (после восстановления смысловой равновесности) – высказывание *(4)*. При этом компонент *flat distances* в *(4)* выступает как связующий элемент для обеих подсистем, так как подстраивается под достижение второго аттрактора (передачи раздражения героя из-за необходимости ожидания в аэропорту): нетипичное сочетание прилагательного *flat* с существительным *distance* и употребление существительного *distance* во множественном числе

подчеркивает безликость и унылость для героя повествования всего окружающего. Когерентное нелинейное взаимодействие конституентов дискурсивной системы обусловливает формирование эмоциональной составляющей фрагмента, то есть представляет его как мультимодальное целое.

Предложение *(5)* является, с одной стороны, продолжением линейного развертывания событий – семантически указывает на поздний час и невозможность для героя видеть, что происходит снаружи здания (своего рода параллелизм с его внутренним ощущением пустоты); однако с другой стороны, мы наблюдаем функциональный сдвиг от семантики к прагматике дискурса, поскольку формируется прагматическое значение ощущения бесконечности дня и нахождения героя в пути, невозможности достижения им своей цели. Это подтверждается употребляемыми в высказывании *(6)* словосочетаниями *another universe, one and an eternal day's drive away*.

Опираясь на изложенный анализ прагма-семантической эволюции приведенного фрагмента дискурса, мы можем далее перейти к ракурсу более абстрактного осмысления дискурсивных процессов и рассмотреть каркас формируемых в дискурсе функциональных отношений на уровне логических обобщений, что дает возможность проследить встраивание формируемого в тексте смыслового пространства в общую логику мышления человека.

Как отмечено ранее, логико-семантические отношения функционируют как общие параметры порядка дискурса. В данном фрагменте между пропозициями высказываний формируются следующие типы связей (в приводимых ниже схемах мы используем сокращенные номинации отношений) (Рис.4):

(1)-(2) – соподчинение (соподч.), пересечение (пересеч.)

(2)-(3) – соподчинение (соподч.), включение (включ.)

(3)-(4) – соподчинение (соподч.)

(4)-(5) – пересечение (пересеч.)

(5)-(6) – пересечение (пересеч.), соподчинение (соподч.)

(1)-(3) – включение (включ.)

(1)-(4) – соподчинение (соподч.)

(1)-(5) – исключение (исключ.)

(1)-(6) – пересечение (пересеч.)

(2)-(4) – исключение (исключ.)

(2)-(5) – исключение (исключ.)

(2)-(6) – исключение (исключ.)

(3)-(5) – исключение (исключ.)

(3)-(6) – исключение (исключ.)

(4)-(6) – соподчинение (соподч.)

Рис. 4. Логико-семантические отношения в повествовательном дискурсе

В качестве еще одного примера формирования логико-семантических отношений между пропозициями высказываний дискурса приведем текст диалогического характера. В случае диалогического общения выстраивается смысловое пространство, которое образуется слиянием двух дискурсивных подсистем (речевой деятельности каждого из партнеров). Как известно, Принцип Кооперации, сформулированный Г. Грайсом, гласит: коммуникативный вклад каждого участника в конкретный момент речевого общения «должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 222]. Учитывая этот принцип, в функционально-синергетическом анализе диалога «коммуникативный вклад» каждого из партнеров следует рассматривать, с одной стороны, как дискурсивную подсистему, обладающую определенной целостностью, с другой стороны, – как часть общей системы диалогического дискурса, придающую целостность общему смысловому пространству диалога во взаимодействии с подсистемой партнера. Отсюда следует возможность выявления функциональных отношений не только в рамках каждой из речевых подсистем участников ситуации, но и между репликами, направляемыми коммуникантами друг другу.

(1) “You must be Robert.”

(2) “Rob, yeah.”

(3) “I’m Yvonne. *(4)* Your host. *(5)* Hostess … *(6)* You’re the one who works in the music industry, am I right?” …

(7) “Not really, no. *(8)* I own a record shop.” (N. Hornby).

Базовое высказывание задает тему фрагмента – первая встреча двух людей, этап знакомства. Предложения *(2)*-*(5)* способствуют линейной эволюции смысловой системы, ее продвижению к выбранному аттрактору – обмену личностной информацией.

Высказывание *(6)* вносит некоторые хаотизирующие колебания в смысловое пространство дискурса, определенное отклонение от первоначального вектора – стремление одного из участников коммуникации

получить больше информации о партнере. На этом этапе наблюдаем функциональный сдвиг – семантика дискурса усложняется дополнительным прагматическим значением: формируется ретроспективная связь (становится очевидным факт того, что говорящий обладает некоторыми сведениями о партнере; сигнал об этом прозвучал еще в первом высказывании как модальный глагола *must* в так называемой вторичной функции strong supposition). Это обусловливает нелинейную связь между *(1)-(6)* в динамике дискурсивного смысла и активизацию продвижения к аттрактору. Пропозиция предложения *(7)* включает отрицание, что несколько нарушает равновесность смысловой системы, но разъяснение в *(8)* служит стабилизирующим компонентом, укрепляющим равновесное развитие смысловой системы дискурса.

Данный хотя и небольшой фрагмент диалога несет довольно красноречивые характеристики его участников.

Так, реплики Ивон показывают:

- подчеркнутую грамматическую правильность речи (*You must be, you are the one who, am I right*);
- стремление к точности формулировок (*You must be, host, hostess*);
- склонность к классической стилистике речи.

В свою очередь реплики Роберта показывают:

- упрощенное грамматическое оформление (*Rob, yeah*);
- склонность к молодежной стилистике речи (*yeah*);
- способность смягчать противоречия (*Not really, no*).

Подобный диалог позволяет читателю, даже не знающему, что из себя представляют эти персонажи, сделать довольно правдоподобное предположение об их личностях: можно предположить, что Ивон и Роберт – представители поколений отцов и детей, что женщина имеет хорошее образование, а молодой человек, возможно, менее образован, но хорошо воспитан.

На уровне логико-семантических отношений в данном фрагменте диалогического дискурса складывается комплекс связей таких типов, как (Рис. 5):

(1)-(2) – тождество (тождест.)

(2)-(3) – соподчинение (соподч.)

(3)-(4) – включение (включ.)

(4)-(5) – пересечение (пересеч.)

(5)-(6) – соподчинение (соподч.)

(6)-(7) – пересечение (пересеч.)

(7)-(8) – пересечение (пересеч.)

(1)-(3) – соподчинение (соподч.)

(1)-(4) – исключение (исключ.)

(1)-(5) – исключение (исключ.)

(1)-(6) – пересечение (пересеч.)

(1)-(7) – пересечение (пересеч.)

(1)-(8) – пересечение (пересеч.)

(2)-(4) – соподчинение (соподч.)

(2)-(5) – соподчинение (соподч.)

(2)-(6) – пересечение (пересеч.)

(2)-(7) – пересечение (пересеч.)

(2)-(8) – включение (включ.)

(3)-(5) – пересечение (пересеч.)

(3)-(6) – соподчинение (соподч.)

(3)-(7) – исключение (исключ.)

(3)-(8) – соподчинение (соподч.)

(4)-(6) – соподчинение (соподч.)

(4)-(7) – исключение (исключ.)

(4)-(8) – исключение (исключ.)

(5)-(7) – исключение (исключ.)

(5)-(8) – исключение (исключ.)

(6)-(8) – пересечение (пересеч.)

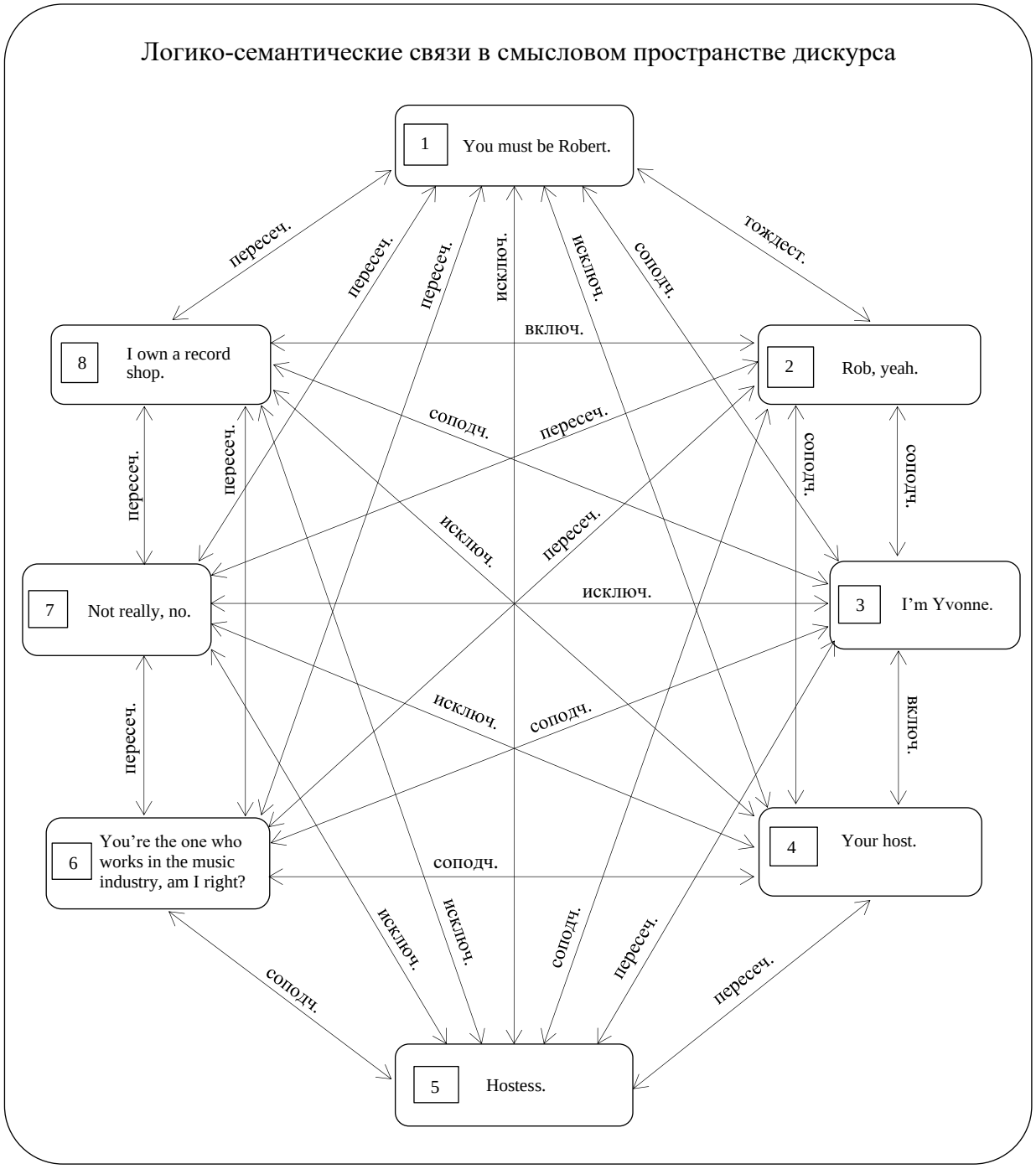

Рис. 5. Логико-семантические отношения в диалогическом дискурсе

Подобный анализ может применяться универсально, независимо от регистра, жанра, типа текста, так как алгоритм взаимодействия высказываний наблюдается в повествовательных, диалогических текстах, текстах акционального характера, в которых описывается развитие некой ситуации, последовательность событий, а также текстах-рассуждениях, что будет рассмотрено далее.

В русле поставленных в данном исследовании задач больший интерес представляет уровень прагма-семантических отношений (специальных параметров порядка) английского дискурса, поскольку уровень логико-семантических связей является более абстрактным по сравнению с уровнем прагма-семантических связей, на котором создается сложная и иерархически организованная система функциональных отношений. Рассмотрим сказанное на примерах.

В следующем фрагменте излагаются размышления человека, анализирующего собственную реакцию на возмущения и упреки жены в безразличии к ней.

(1) He felt them as a physical pain – all the things that came tearing at him impossibly together. *(2)* Her words were a plea, he thought – and he felt the dark, hot flow of guilt. *(3)* He felt pity – the cold ugliness of pity without affection. *(4)* He felt a dim anger, like a voice he tried to choke, a voice crying in revulsion: Why should I deal with her rotten, twisted lying? – why should I accept torture for the sake of pity? – why is it I who should have to take the hopeless burden of trying to spare a feeling she won't admit, a feeling I can't know or understand or try to guess? – if she loves me, why doesn't the damn coward say so and let us both face it in the open? *(5)* He heard another, louder voice, saying evenly: Don't switch the blame to her, that's the oldest trick of all cowards – you're guilty – no matter what she does, it's nothing compared to your guilt – she's right – it makes you sick, doesn't it, to know it's she who's right? *(6)* Let it make you sick, you damn adulterer – it's she who's right! (A. Rand).

Первая фраза заявляет тему данного коммуникативного блока, вводит в дискурсивное пространство, то есть сообщает о главной мысли, которая будет далее разносторонне раскрываться. Высказывание *(2)* поясняет компонент *felt them as a physical pain* базового предложения, взаимодействуя с ним по типу функциональных отношений экспликации, что настраивает читателя на линейное восприятие описания эмоционального состояния героя. Словосочетания *as a physical pain* и *tearing at him* выступают частными

компонентами общей ситуации и функционируют как экспликаторы тематической составляющей дискурса – задают определенное направление развития смыслового пространства: формируется прагма-семантика эмоционального страдания, отчаяния, растерянности. Существительные *plea*, *guilt* (усиленное прилагательными *dark, hot* и сочетанием *flow of*), *pity* стабилизируют эволюцию смысловой системы дискурса в этом направлении и способствуют продвижению к аттрактору (коммуникативной цели). На данном этапе смысловая система находится в состоянии стабильности (равновесности). Этому также способствуют многочисленный повтор глагола *feel* и словосочетания *things that came* и *impossibly together*.

Однако введение далее таких компонентов как *ugliness, cold* (резкое противопоставление прилагательному *hot*), *without affection* вызывает в системе функциональные колебания и дестабилизирующие тенденции (неравновесность); возникает точка бифуркации (точка ветвления), которая предполагает вариативность, то есть возможность выбора дальнейшего пути смыслового развития дискурса. Данные компоненты воспринимаются как хаотизирующие дискурсивное пространство факторы, создающие новые приращения семантики, что модифицирует прагматику и нарушает линейность изложения и восприятия, поскольку дополнительные смыслы не соответствуют первоначальным ожиданиям (описанию физических страданий, причиняемых раскаянием). Они выполняют функцию операторов трансформации прагматики и смыслового пространства дискурса, усиливая неравновесное состояние дискурсивной системы и обусловливая появление функционального сдвига. Между пропозициями предложений *(2)* и *(3)* формируются функциональные отношения нарастания – определенное усиление степени негативных эмоций героя.

Далее базовая семантика снова обогащается дополнительными прагматическими значениями, наблюдается очередной функциональный сдвиг – система стремится к новому аттрактору и переходит в новую фазу развития: актуализируется значение раздражения, несогласия, злости,

дополняющее общий функционально-смысловой план дискурса прагматикой напряжения, накала, на основе этого между пропозициями предложений *(3)* и *(4)* формируются функциональные отношения продвижения, реконструкции и каузации. С этой позиции хаотические элементы и вызываемые ими флуктуации (колебания) выполняют конструктивную роль в процессе формирования смыслового плана дискурса. Стабилизирующими смысловую систему и способствующими достижению нового аттрактора компонентами на этом этапе являются сочетания *dim anger*, *crying in revulsion*, *rotten twisted lying*, *torture*, *hopeless burden*, *damn coward*. С точки зрения эволюции дискурса, движения к аттрактору и реализации коммуникативного замысла данные компоненты задают определенный функционально-прагматический вектор развития коммуникативного блока, дополняя исходную информативно-содержательную нагрузку дискурса и существенно ее преображая.

Начиная с предложения *(4)* первоначально заданный функционально-прагматический вектор коммуникативного блока корректируется дополнительной информативно-содержательной нагрузкой. Между пропозициями предложений *(4)* и *(5)* формируются функциональные отношения продвижения, реконструкции, каузации, между пропозициями предложений *(5)* и *(6)* – отношения прагматического комментария.

Формирование смыслового пространства дискурса также усложняется взаимодействием связей дистантных (несмежных) предложений фрагмента (Рис. 6):

(1)-(3) – экспликация (эксплик.)

(1)-(4) – продвижение (продв.), экспликация (эксплик.), реконструкция (реконстр.)

(1)-(5) – продвижение (продв.), оппозиция (оппоз.)

(1)-(6) – прагматический комментарий (прагм. комм.), экспликация (эксплик.)

(2)-(4) – продвижение (продв.), экспликация (эксплик.)

(2)-(5) – экспликация, (эксплик.), продвижение (продв.), оппозиция (оппоз.)

(2)-(6) – прагматический комментарий (прагм. комм.), каузация (кауз.)

(3)-(5) – экспликация (эксплик.), продвижение (продв.), оппозиция (оппоз.)

(3)-(6) – прагматический комментарий (прагм. комм.), каузация (кауз.)

(4)-(6) – прагматический комментарий (прагм. комм.), каузация (кауз.)

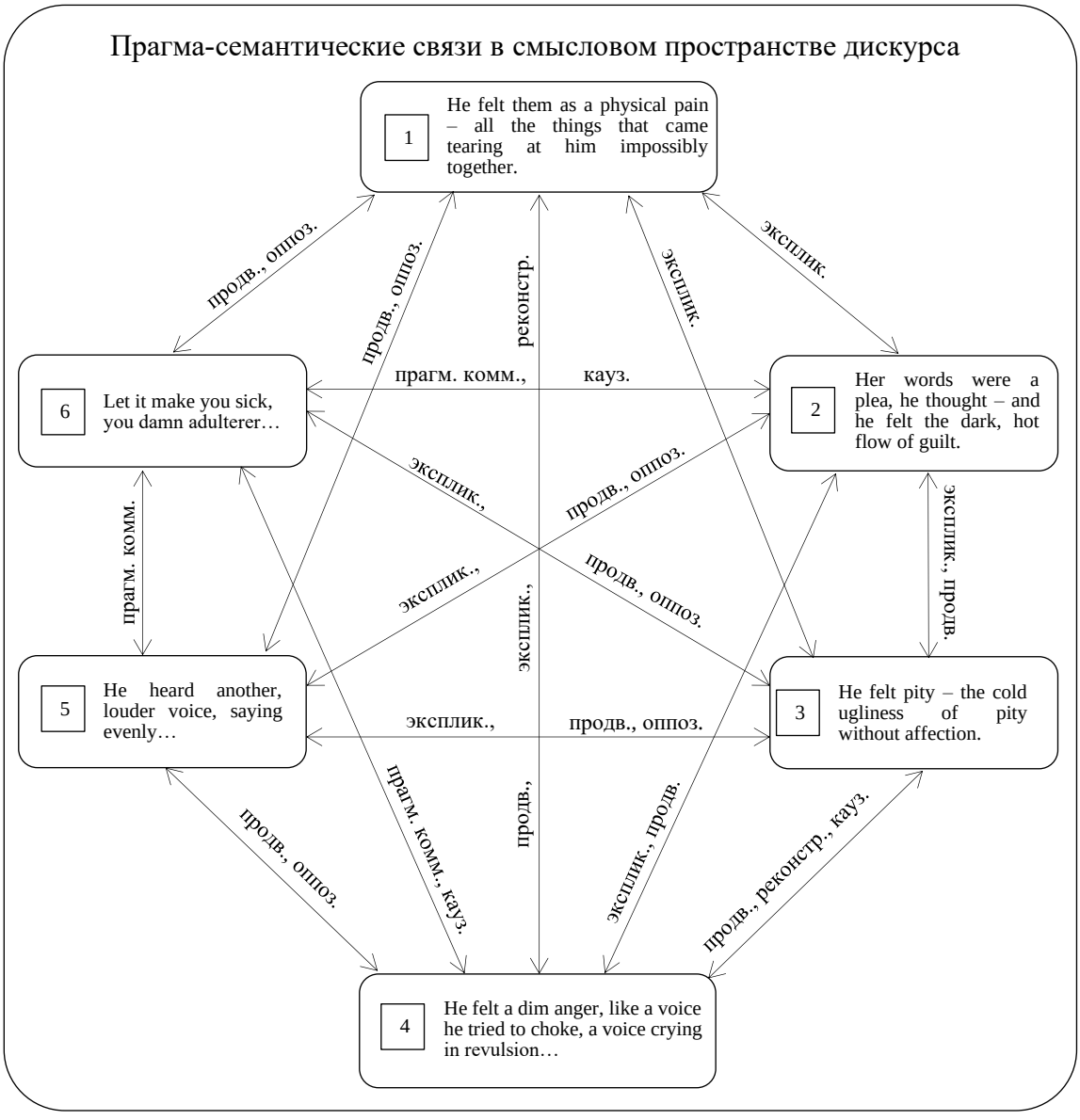

Рис. 6. Прагма-семантические отношения в повествовательном дискурсе

На рисунке 6 показаны направления и квалификация функциональных связей между высказываниями в приведенном выше фрагменте дискурса.

При этом учитывается, что последовательно соединенные в тексте высказывания образуют двунаправленные связи: рассматриваемые отношения выстраиваются, с одной стороны, от предыдущего высказывания к следующему за ним, с другой стороны – именно наличие этого следующего высказывания и делает возможной актуализацию функциональной связи между смежными предложениями. Такое двунаправленное взаимодействие компонентов дискурса наблюдается в процессе развертывания всей речевой цепи.

В ходе этого процесса смысловая нагрузка каждого следующего высказывания интегрируется в сформированное до него смысловое пространство и дополняет его своими смысловыми приращениями. Естественно, что каждое следующее высказывание вступает в определенное взаимодействие не только со смежными, но и со всеми предыдущими компонентами дискурса вне зависимости от степени содержательной близости пропозиций взаимодействующих предложений. Поэтому представленная на рисунке 6 схема отражает направления функционального взаимодействия дистантно расположенных компонентов текста как ретроспективную связь, то есть от последующего высказывания к предыдущим.

Далее мы снова наблюдаем многочисленное повторение одной и той же структуры *Why should I, why is it I who should* – риторического вопроса, обращенного говорящего к самому себе. Прагматическая нагрузка повтора с включением новых элементов (*anger*, *revulsion*, *lying, torture*, *burden*, *coward*) заключается в отражении эмоционального состояния героя и обоснованности его чувств (усиление иллокутивного эффекта дискурса). В то же время не исчезает ощущение того, что все приводимые факты являются не чем иным, как доводами в свое оправдание. Структурирование нескольких предложений в виде одного, оформленного с помощью тире, передает быстро сменяющие друг друга мысли и формирует мультимодальность дискурса, способствующую созданию соответствующего эмоционального фона героя:

напряжение, раздраженность, раздосадованность. На данном этапе достигается новое упорядоченное стабильное состояние дискурсивной системы.

Однако предложение *He heard another, louder voice, saying evenly* вновь приводит к флуктуации и появлению новой точки бифуркации. Смысловая система снова приходит в неравновесное состояние и стремится к новому аттрактору – реальному объективному взгляду героя на ситуацию и свою роль в возникшей проблеме. Этому способствуют включение сочетаний *switch the blame to, the oldest trick, nothing compared to your guilt, she's right*, употребление существительного *coward* уже не в адрес жены, а в свой, а также обращение к себе как третьему лицу – взгляд на самое себя со стороны, осознание своих ошибок и своей неправоты, но в какой-то степени нежелание их признавать (например, прилагательное *sick* выражает не «муки совести» от собственного проступка, а осознания того, что жена права в своих обвинениях; это показывает определенную слабость характера главного героя). Компоненты активно направлены к достижению общей коммуникативной цели и способствуют нарастанию нелинейных эволюционно-динамических процессов в прагматике дискурса.

Следующее далее словосочетание *damn adulterer* расставляет все по своим местам и стабилизирует смысловую систему дискурса: в некоторой степени происходит ретроспективное восстановление событий общей ситуации. Система переходит на новую фазу развития и стабильного состояния. Происходит упорядочивание системных свойств дискурса и актуализируется семантика обобщения всего предыдущего дискурса; смысловая система приобретает завершенный, целостный характер.

Следует отметить, что в данном фрагменте функциональный сдвиг от семантики к прагматике наблюдается на протяжении всего процесса эволюции смысловой системы. Происходит постоянная смена смыслового вектора (функциональные колебания) переживаний героя – семантически репрезентируется отсутствие у него каких-либо теплых чувств, любви по

отношению к жене (что подтверждается, например, введением в дискурс таких компонентов, как *pity without affection, dim anger, voice crying in revulsion, rotten, twisted lying, it makes you sick*); однако прагматически выражается его привязанность к ней (возможно, он больше не испытывает к ней любви как таковой, но в прагматике дискурса ощущается его понимание своей вины перед ней, чувство стыда за содеянное и, что не исключено, желание вернуть прежние отношения между ними) – *physical pain, hot flow of guilt, torture, hopeless burden, spare a feeling, Don't switch the blame to her, nothing compared to your guilt, damn adulterer*. Стиль изложения всего дискурса – репрезентация ярости героя, бессилия, обиды – также подчеркивает тот факт, что жена все еще небезразлична ему.

Таким образом, смысловое пространство английского дискурса определяется сложным взаимодействием разнообразных элементов/компонентов/частей системы между собой, а также с внешними факторами. Как показывает представленный анализ, в конкретной коммуникативной ситуации дискурс либо соответствует прогнозам, ассоциациям, ожиданиям участников коммуникации, либо вступает с ними в конфликт (чередование равновесных и неравновесных состояний системы, возникновение бифуркаций и т.д.). По мнению Т. ван Дейк, мы продвигаемся от понимания слов и составных частей предложений к последовательности предложений и внешним структурам текста; понимание значения языковой единицы и ее функции в предложении зависит от функциональной структуры предложения и далее текста в целом, включая синтаксический, семантический и прагматический уровни [van Dijk 2011].

Процесс смыслообразования осуществляется на фоне динамически меняющихся контекстов, и понимание зачастую основано на столкновении привычного и нового, узнаваемого и скрытого, на соотнесении сообщения с нормативно-ценностными установками социокультурных систем определенной среды и со всей сферой когнитивного. Поскольку когнитивные факторы составляют только часть общей модели изменения значений, для

полноты смысловой картины необходимы собственно языковые, а также социокультурные аспекты, действующие параллельно с факторами когнитивными. Узнавание, интерпретирование и реконструкция описываемой ситуации общения, отрезка действительности и смысла, таким образом, обусловливаются социально-коммуникативными и другими знаниями реципиента [там же]. При этом невозможно четко разграничить собственно языковое и экстралингвистическое знание.

Рассмотрим еще один пример применения алгоритма трансформации к анализу формирования смыслового пространства английского дискурса.

(1) Here's what I caught myself thinking about in meditation this morning. *(2)* I was wondering where I should live once this year of traveling has ended. *(3)* I don't want to move back to New York just out of reflex. *(4)* Maybe a new town, instead. *(5)* Austin is supposed to be nice. *(6)* And Chicago has all that beautiful architecture. *(7)* Horrible winters, though. *(8)* Or maybe I'll live abroad. *(9)* I've heard good things about Sydney… *(10)* If I lived somewhere cheaper than New York, maybe I could afford an extra bedroom and then I could have a special meditation room! *(11)* That'd be nice. *(12)* I could paint it gold. *(13)* Or maybe a rich blue. *(14)* No, gold. *(15)* No, blue… *(16)* Finally noticing this train of thought, I was aghast. *(17)* I thought: Here you are in India, in an Ashram in one of the holiest pilgrimage sites on earth. *(18)* And instead of communing with the divine, you're trying to plan where you'll be meditating a year from now in a home that doesn't yet exist in a city yet to be determined. *(19)* How about this, you spastic fool – how about you try to meditate right here, right now, right where you actually are? *(20)* I pulled my attention back to the silent repetition of the mantra. *(21)* A few moments later, I paused to take back that mean comment about calling myself a spastic fool. *(22)* I decided maybe that wasn't very loving (E. Gilbert).

Первые два предложения формулируют основную тему фрагмента дискурса, поэтому их можно квалифицировать как базовые. Определяется общая семантическая направленность коммуникативного блока – описание процесса медитации и расслабления, задающее исходное (равновесное)

состояние смысловой системы. Однако это состояние не является одноаспектным, поскольку уже в первом высказывании на основе базовой семантики происходит приращение дополнительных прагматических значений через такие компоненты, как *caught myself* и *thinking about*, представляющие собой хаотизирующие факторы и вызывающие функциональные флуктуации в дискурсивной системе и ее удаление от равновесного состояния: происходит переключение фокуса внимания с действий героини на ее мысли. С другой стороны, хаотизация не является деструктивной – она выстраивает смысловое пространство за счет появления новых (эмерджентных) функциональных характеристик дискурса, которые превращаются в цель-аттрактор и продвигают авторский замысел – фокализация на разрозненных чувствах и эмоциональном напряжении героини, стабилизировать которые бессильна даже медитация. Употребление глагола *wonder* в форме Past Continuous продвигает систему к вновь выбранному аттрактору и усиливает иллокутивный эффект, что приводит к приращению прагматического значения комичности ситуации, поскольку, как известно, медитация призвана останавливать бесконтрольный поток мыслей. Использование данных языковых средств, которые в определенном смысле вызывают хаотические колебания системы, придает дискурсу юмористическую стилистическую окраску, меняет его семантическую нагрузку (происходит функциональный сдвиг) и воздействует на формирование общего функционального поля. Включение этих элементов в пространство дискурса обусловливает несколько несерьезное (вопреки ожиданию, а потому нелинейное) восприятие описываемой ситуации. Юмористический эффект проявляет эмерджентные (спонтанные) свойства функционального пространства системы дискурса.

Прагматическая перспектива рассматриваемого дискурса раскрывается также через выбор языковых средств: модальное слово *maybe* и его многочисленное повторение, форма модального глагола в сослагательном наклонении *could*, выражение *is supposed*, союз *or* образуют функционально-

смысловую область, в которой формируется прагма-семантический смысл растерянности, нерешительности, неспособности принять однозначное решение, неуверенности в собственном будущем. Синергийное взаимодействие составных частей смысловой системы, функциональная иерархия ее элементов и компонентов организуют дискурс как семантико-структурное целое и способствуют осуществлению общего коммуникативного замысла.

По смысловой нагрузке данный фрагмент можно разделить на пять коммуникативных миниблоков (подсистем, функциональных микрополей): предложения *(1)-(2)* (введение в коммуникативную ситуацию, дискурсивное пространство, заявление темы – процесс медитации), предложения *(3)-(9)* (рассуждения героини о возможном городе ее дальнейшего проживания), предложения *(10)-(15)* (размышления о создании пространства для медитации), предложения *(16)-(19)* (переключение внимания героини на происходящее в настоящий момент и попытка остановить бесконечный поток мыслей), предложение *(20)* и до конца фрагмента (появление новых мыслей, касающихся уже собственной личности и отношения героини к самой себе). Логико-семантическое пространство каждого из миниблоков определяет содержательную и прагматическую перспективу и, следовательно, коммуникативно-смысловую направленность рассматриваемого фрагмента.

Согласованное, когерентное функционирование элементов и частей смысловой системы дискурса обеспечивается логико-семантическими отношениями, создающими основу для реализации прагма-семантических связей. Формируемые в линейном и дистантном соотношении функциональные связи также способствуют смысловой трансформации в системе данного миниблока дискурса. Так, функциональное взаимодействие представлено следующими прагма-семантическими отношениями (Рис. 7):

(1)-(2) – репрезентация (репрез.), специализация (специал.)

(2)-(3) – специализация (специал.)

(3)-(4) – оппозиция (оппоз.)

(1)-(3) – специализация (специал.), партитивность (партитив.)

(1)-(4) – специализация (специал.), партитивность (партитив.)

(2)-(4) – специализация (специал.), партитивность (партитив.)

(4)-(5) – экземплификация (экземпл.)

(5)-(6) – альтернатива (альтерн.)

(6)-(7) – продвижение (специал.), оппозиция (оппоз.)

(7)-(8) – переключение (переключ.)

(8)-(9) – экземплификация (экземпл.)

(9)-(10) – экспланация (эксплан.)

(10)-(11) – прагматический комментарий (прагм. комм.)

(11)-(12) – экспланация (эксплан.), каузация (кауз.)

(12)-(13) – альтернатива (альтерн.)

(13)-(14) – альтернатива (альтерн.)

(14)-(15) – альтернатива (альтерн.)

Чтобы избежать излишней перегруженности анализа большим количеством аналитических операций, продемонстрируем практическое применение функционально-интегративного метода на примере данного коммуникативного миниблока дискурса.

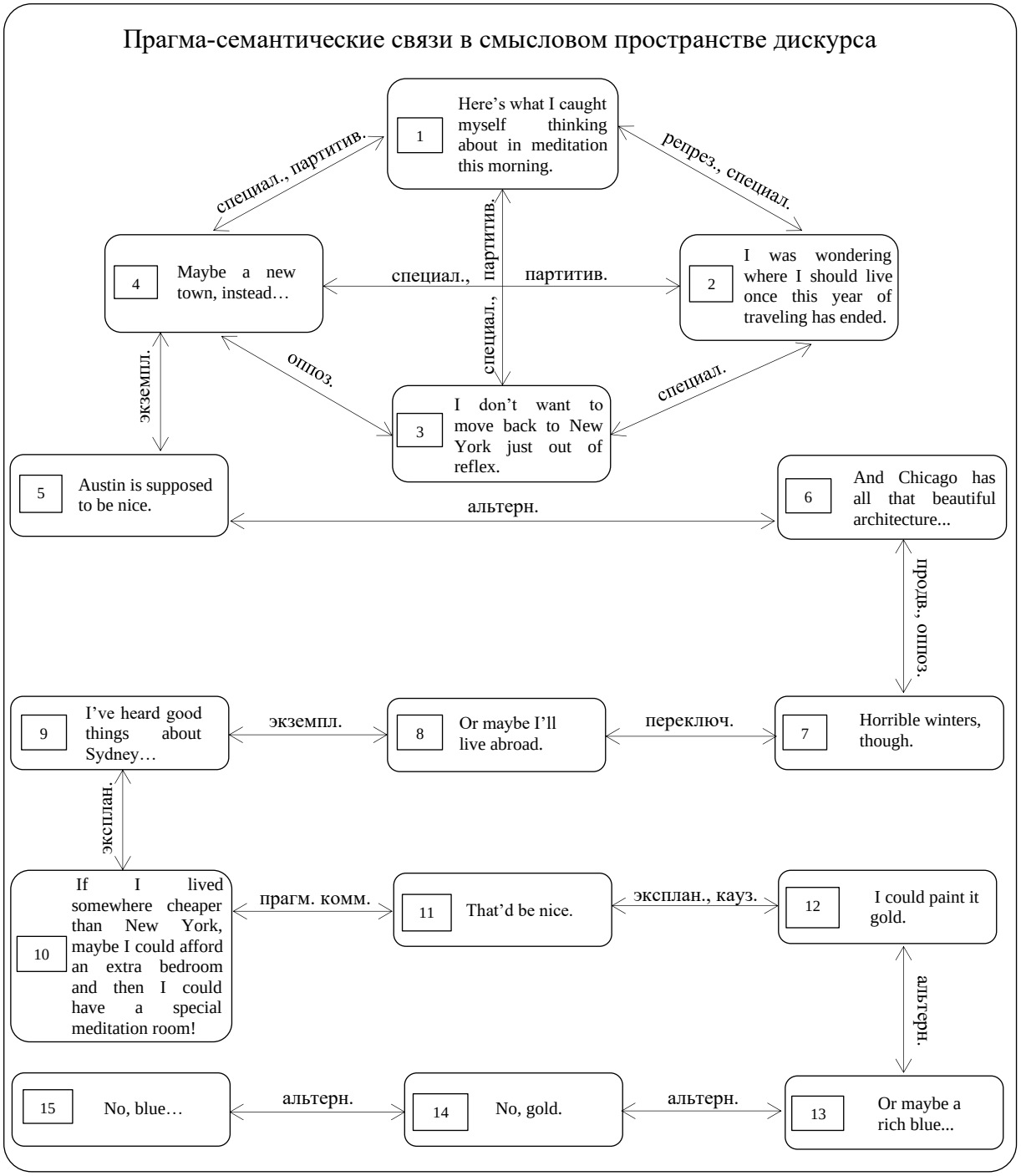

Рис. 7. Прагма-семантические отношения в повествовательном дискурсе

Аналогичным образом можно раскрыть взаимодействие компонентов дискурса и порождение его общего смыслового пространства на уровне всего фрагмента.

Поскольку уже в первом высказывании проявляются разные направления эволюции смыслового пространства дискурса, переход от *(1)* к

(2) представляет собой точку бифуркации (ветвления) – система выбирает вектор дальнейшего развития (продолжение медитативного расслабления или все-таки процесс размышлений). Направление функциональной динамики коммуникативного блока обусловливается параметрами порядка (функциональными связями дискурса), которые на данном этапе находятся в состоянии конкуренции. Выбор системой пути развертывания пропозиции размышлений генерирует функциональные отношения репрезентации и специализации *(1)-(2)*. Формируемые далее отношения специализации *(2)-(3)*, партитивности *(3)-(4)*, экземплификации *(4)-(5)*, альтернативы *(5)-(6)*, продвижения и оппозиции *(6)-(7)*, переключения *(7)-(8)*, экземплификации *(8)-(9)* выводят эволюцию системы на уровень относительного равновесного развития (описание интенсивного процесса обдумывания, граничащего с мечтаниями, и развертывание смыслового миниблока рассуждения героини о возможном городе ее дальнейшего проживания).

Функциональные отношения экспланации *(9)-(10)* приводят к флуктуации (колебаниям) в смысловой эволюции дискурса: хотя система продолжает движение по вектору описания рассуждений героини, происходит переход от размышлений о городе проживания к мечтам о создании собственного пространства для медитации. Но даже с учетом острого желания иметь подобную возможность (подтверждение этому служат отношения прагматического комментария *(10)-(11)* и экспланации и каузации *(11)-(12)*), сознание героини продолжает бесконечно перескакивать с одного на другое, не в силах остановиться на чем-либо конкретном, что отражается в конструировании отношений альтернативы *(12)-(13)*, *(13)-(14)* и *(14)-(15)*.

Функциональное пространство данного миниблока выстроено таким образом, что взаимодействие его частей приводит к функциональному сдвигу от семантики наличия множества возможностей, открывающихся перед героиней (*Maybe a new town, Austin is supposed to be nice, And Chicago has all that beautiful architecture, Or maybe I'll live abroad, maybe I could afford an*

extra bedroom, I could have a special meditation room, I could paint it gold, Or maybe a rich blue), к прагматике ее растерянности, непонимания того, чего же она в действительности хочет, неспособности сделать выбор в пользу какого-либо развития событий (обилие модальных слов и глаголов со значением сомнения, неоднократное употребление альтернативного союза *or*).

В завершающей части фрагмента появляются сочетания, которые расширяют объем дискурса и общей коммуникативной ситуации. Эти речевые средства являются функциональными операторами, модифицирующими прагматическое воздействие дискурса и усиливающими неравновесность и напряжение смысловой системы. После равномерного изложения размышлений героини в дискурс включаются единицы, которые привносят новые смысловые компоненты:

- чувство ошеломления (*I was aghast*);
- взгляд на себя со стороны (переключение с местоимения первого лица *I* на местоимение второго лица *you*);
- резкая самокритика (*spastic fool*; *instead of communing with the divine*);
- недоумение от неуместных фантазий (*trying to plan*; *home that doesn't yet exist*; *a city yet to be determined*);
- попытка заставить себя вернуться в состояние медитации (анафоры *"how about this" – "how about you try"*, *"right here" – "right now" – "right where"*; *pulled my attention back*);
- желание восстановить душевное равновесие (*to take back that mean comment*; *wasn't very loving*).

Как видим, ранее сформированные значения, выполнив свою функцию, становятся избыточными для данной системы, поэтому они теряют актуальность и нивелируются (происходит диссипация значений во внешнее пространство, то есть они «забываются» системой) – описываемый ход мыслей героини уходит от изначально заданного направления; система приближается к точке бифуркации (моменту выбора дальнейшего

направления развития смыслового поля). Пройдя этап ветвления, который открывает разные, конкурирующие между собой, направления смысловой эволюции системы, дискурс выбирает новый вектор дальнейшего развития – понимание героиней того, что с ней происходит, ее попытки контролировать свои мысли и чувства и даже одержать над ними верх. Возможность актуализации подобного рода дополнительных значений определяется свойствами нелинейности, открытости системы дискурса, благодаря которым смысловое пространство образуется как совокупность прагма-семантического потенциала всех используемых речевых средств, реализуемого в зависимости от каждой конкретной коммуникативной ситуации. В результате смысловая система приведенного текста самоупорядочивается и восстанавливает состояние равновесности на новом уровне развития, что отражает высказывание *I pulled my attention back to the silent repetition of the mantra*.

В данном миниблоке формируются следующие прагма-семантические функциональные отношения (Рис. 8):

(16)-(17) – продвижение (продв.), экспликация (эксплик.)

(17)-(18) – продвижение (продв.), оппозиция (оппоз.)

(18)-(19) – оппозиция (оппоз.), прагматический комментарий (прагм. комм.)

(19)-(20) – продвижение (продв.), переключение (переключ.)

(20)-(21) – продвижение (продв.)

(21)-(22) – прагматический комментарий (прагм. комм.)

(16)-(18) – каузация (кауз.)

(16)-(19) – прагматический комментарий (прагм. комм.), переключение (переключ.)

(16)-(20) – продвижение (продв.)

(16)-(21) – продвижение (продв.)

(16)-(22) – продвижение (продв.), специализация (специал.), прагматический комментарий (прагм. комм.)

(17)-(19) – прагматический комментарий (прагм. комм.), партитивность (партитив.)

(17)-(20) – продвижение (продв.)

(17)-(21) – продвижение (продв.), переключение (переключ.)

(17)-(22) – прагматический комментарий (прагм. комм.), переключение (переключ.)

(18)-(20) – продвижение (продв.)

(18)-(21) – продвижение (продв.), оппозиция (оппоз.)

(18)-(22) – продвижение (продв.), прагматический комментарий (прагм. комм.)

(19)-(21) – продвижение (продв.), прагматический комментарий (прагм. комм.)

(19)-(22) – прагматический комментарий (прагм. комм.)

(20)-(22) – прагматический комментарий (прагм. комм.)

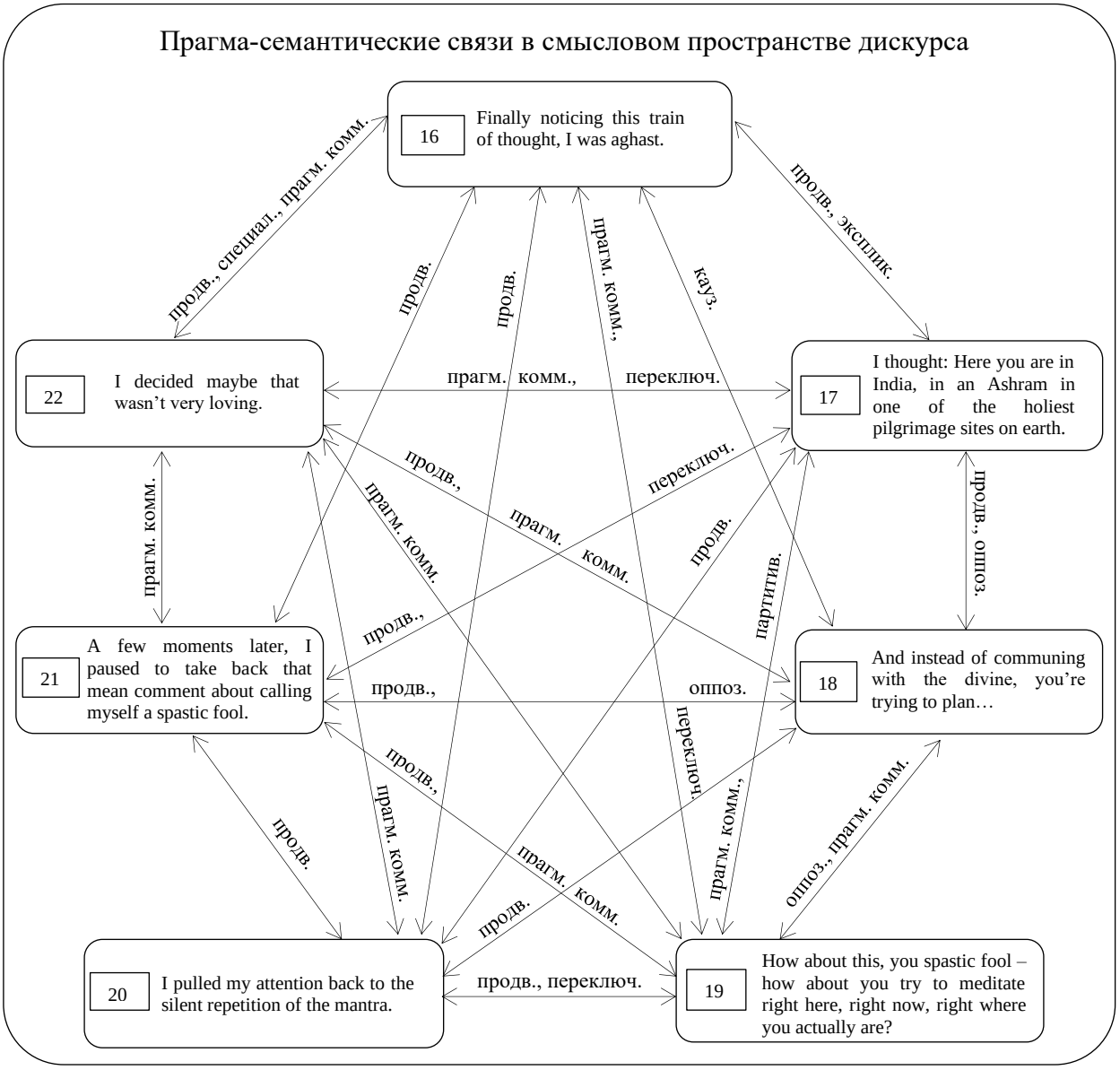

Рис. 8. Прагма-семантические отношения в повествовательном дискурсе

Функциональные связи обусловливают смысловые колебания (флуктуации) и способствуют продвижению смысловой эволюции системы дискурса. Описание попытки героини сконцентрироваться на настоящем моменте привносит в систему некоторую хаотизацию, на данном этапе появляется область бифуркации: система стремится к новому аттрактору – желание героини остановить поток мыслей и все-таки завершить расслабляющий медитативный процесс. Однако появление новых мыслей, касающихся уже собственной личности и отношения героини к самой себе, снова уводят ее в противоположную сторону. Функциональный план дискурса передает напряженность, нервное состояние героини, даже в некоторой степени ее злость на себя за невозможность «выключить» сознание и позволить себе хотя бы недолгое расслабление.

Очевидно, что функциональное взаимодействие представляет собой двунаправленный процесс: параметры порядка обусловливают использование тех или иных языковых средств, а функционирование речевых образований, в свою очередь, генерирует определенные параметры порядка [Пономаренко 2015].

Синергийное взаимодействие частей, компонентов, отношений дискурса способствует полноценной актуализации функционально-прагматического пространства системы: описанные сомнения, метание, беспокойство героини раскрывают человеческую природу – неспособность жить в настоящем моменте и получать удовольствие от того, чем занимаешься, постоянное планирование будущего, поиск лучшего и большего, иногда даже несуществующего. Все этапы функциональной эволюции дискурса направлены на передачу основной идеи – попытки героини осмысления дальнейшего жизненного пути. На основе этого проецируется еще один (невербализованный, подразумеваемый, субтекстовый) эмерджентный компонент функциональной перспективы – идея о необходимости для каждого человека осознать свои потребности и место в жизни.

Эволюция смыслового пространства представленного фрагмента дискурса отражает сложный механизм изменения его семантики и прагматики. Текст включает компоненты определенной семантики, которые в общем контексте описываемой ситуации вступают во взаимодействие с элементами прагматики, что приводит к прагматическим приращениям на основе базовой семантики и функциональному сдвигу. Прагматика актуализирует семантику; в результате семантика либо остается исходной (базовой), либо подвергается прагматическим приращениям и модифицирует прагматику.

Хотя базовая (изначальная) семантика предложенного фрагмента (описание процесса медитации), по сути, не подвергается существенным изменениям, она значительно обогащается за счет прагматических приращений, которые приводят к смысловой трансформации в системе – наблюдается функциональный сдвиг от представления собственно медитативного процесса к описанию через «воспаленное» сознание и бесконечный поток мыслей героини ее нервного, напряженного состояния.

Функциональный сдвиг в смысловом пространстве английского дискурса может также наблюдаться, когда семантические функциональные отношения под действием прагматического фактора могут менять свой характер. Рассмотрим ряд примеров.

Of course, sometimes I really do become overcome with lust. I walk past an average of about a dozen Italian men a day whom I could easily imagine in my bed. Or in theirs. Or wherever (E. Gilbert).

В приведенном фрагменте на семантико-синтаксическом уровне формируется значение перечисления. Однако союз *or* выступает оператором функционального сдвига в сторону отношений альтернативы, что дополняет смысловую подсистему данного коммуникативного блока.

То же самое наблюдаем и в следующем отрывке, с той лишь разницей, что актуализируется соотношение не разных объектов, а номинаций одного объекта:

All stupid bastards. Or just bastards (J.D. Salinger).

В данном случае наблюдается функциональный сдвиг от значения вариативности номинаций к прагматике презрительного отношения к описываемым людям.

В представленном далее примере формируется семантическое значение контрадикторной оппозиции, о чем свидетельствует формант *although*:

[Not trying to judge!] It's just – we did crazy things back then. Things I think maybe you don't remember. No, no! … Not *that.* Although I will say, you are the only boy I have ever been in bed with! (D. Tartt).

Тем не менее, прагматически в данном контексте пропозиция последнего предложения скорее уточняет пропозицию базового, а не противопоставляется ей.

Важным фактором, воздействующим на динамику смыслового пространства дискурса, является категория оценки. Оценка сопровождает любое высказывание, поскольку оно представляет собой результат речевой деятельности субъекта и определяется содержанием, формируемым индивидуумом. Поэтому оценка изначально субъективна и по форме, и по содержанию [Артамонов, Уба 2020; Колшанский 2014; Комиссарова, Якупова 2018]. По сути, описание невозможно без оценивания, так как в процессе речевой деятельности сознание непроизвольно проявляет способность субъетивно-рефлектирующего порождения/восприятия собственно информативного содержания. Оценка сигнализирует о том, что участниками коммуникации произведена интеллектуальная или эмоциональная обработка определенного фрагмента дискурса или дискурса в целом [Артамонов, Уба 2020; Комиссарова, Якупова 2018]. Таким образом происходит разграничение двух зон – зоны фактов и концептуальной зоны (зона точки зрения, отношения, оценки). Например:

(6) The film's OK, better than I thought it would be … (N. Hornby).

(7) She's a good girl, and she has a sweet and gentle nature. I think she would make me very happy (S. Maugham).

(8) I could have had alimony, but I got the divorce the quickest way … It isn't right (E. Hemingway).

(9) I know that to be a fact. It's an awful thing … (J. Cheever).

(10) Elizabeth is a food writer. With an apartment in Rome, a house in Umbria, an Italian husband and a job that requires her to travel around Italy eating food and writing about it for Gourmet, it appears that … Elizabeth must have saved a lot of orphans from drowning during a previous lifetime (E. Gilbert).

В примерах (6-9) оценка выражается посредством языковых средств и отражает положительное (6-7) и отрицательное (8-9) отношение автора дискурса к объекту речи.

В примере (10) оценка репрезентирована имплицитно, поскольку автор дискурса не выражает прямо ни хорошего, ни плохого отношения к героине. В то же время очевидна позиция автора: с одной стороны, восхищение достижениями знакомой и даже зависть, а с другой, непонимание того, как у одних все может быть настолько прекрасно, когда в жизни других случаются настоящие трагедии. При этом для правильной интерпретации оценочной составляющей данного дискурса необходим экстралингвистический фактор – знание хотя бы основ буддийской религии, согласно которой судьба человека в текущей жизни зависит от его поступков в предыдущих. Выбор подобного способа выражения оценочной категории в данном дискурсе создает юмористический эффект. Также интересным является сопоставление лексико-семантического (*it appears*) и лексико-грамматического (*must have saved*) средств в выражении разной степени уверенности относительно объекта речи. То есть в данном фрагменте функциональный сдвиг от семантики к прагматике выражается через категорию оценки: семантически дается описание, характеристика человека (подруги героини), тогда как прагматически создается юмористический эффект и формируется значение отношения (оценки) героини к этому человеку.

Оценочный критерий, или категория оценки, позволяет отразить семантический объем формируемых значений и смыслов под разным углом

зрения, на разных основаниях. Представляя собой некую квалификацию, оценка предполагает многогранность и разнонаправленность субъективного восприятия, обусловленного как логической (интеллектуальной, рациональной) интерпретацией, так и разными видами эмоциональной (иррациональной) реакции [Зимина 2019; Комиссарова 2018]. Оценка отражает субъективную обработку объективного информативного содержания дискурса. Привнесение оценки в осмысление семантического значения способствует вычленению смыслового потенциала (ассоциативных смысловых линий), необходимого для функционирования целостного дискурса [Лабзина 2012; Рябцева 2019]. Это обусловливает реализацию синергийного принципа формирования смыслового пространства дискурса, развитие которого находится в зависимости как от процесса порождения дискурса, так и от его восприятия и интерпретации. Здесь очевидно интегрирующее действие человеческого фактора в процессе формирования смыслов, способствующего «движению» прагматики навстречу семантике – приращению прагматических значений на основе семантических, что обогащает формируемые смыслы функциональным потенциалом и включает оценочный (эмоциональный) аспект.

Актуализация прагматических операторов модифицирует, усложняет, структуру дискурса и, соответственно, формируемые смыслы. К этому также присоединяется психическая сфера участников коммуникации, прежде всего слушающего, их интеллект и эмоциональное состояние, что активизирует определенные сферы знания субъектов коммуникации и оказывает воздействие на восприятие значений, которые могут отличаться разнонаправленностью и содержательной глубиной [Шаховский 2018; Khramchenko 2019; Pradhan 2019]. В итоге проецируется прагматический эффект сообщаемого. Происходит соприкосновение семантического, прагматического и оценочного квалификаторов, взаимообусловливающих друг друга: с одной стороны, семантика сообщаемого способствует актуализации прагматических критериев, присутствующих в структуре

высказывания; с другой стороны, прагматический потенциал модифицирует семантику объекта с подключением оценивающего компонента. Кроме того, на реализацию функций обозначенных квалификаторов значительное воздействие оказывают синтаксические условия. Подобное взаимодействие можно рассматривать как фактор композиционно-смысловой организации дискурса.

В обобщенном виде процесс трансформации смыслового пространства дискурса и эволюции функциональных свойств дискурсивной системы (функциональный сдвиг) можно представить следующим образом.

Первое (возможно в сочетании с последующим) предложение представляет собой базовый (тематический) компонент дискурса и отражает исходное, относительно равновесное состояние системы смыслов коммуникативного блока. На этом этапе формируются семантико-синтаксические и логико-семантические значения, и реципиент прогнозирует (как бы находится в «режиме ожидания») дальнейшее развитие коммуникативной ситуации.

Следующие высказывания соподчиняются базовому, но при этом могут представлять происходящее в других ракурсах, вводить новые факты, опосредованно связанные с общей коммуникативной ситуацией, или даже переключаться на описание других объектов/фактов/событий. Это способствует зарождению динамических процессов (смысловых подвижек) и приращению дополнительных прагматических значений. За счет подобных хаотизирующих элементов появляются функциональные флуктуации (колебания) и эмерджентные (спонтанные) функциональные свойства, что вызывает неравновесное состояние системы и возникновение точек бифуркации (ветвления), предоставляющих системе возможность выбора дальнейшего направления смысловой эволюции. Поэтому хаотизирующие (нарушающие равновесность) элементы системы не являются деструктивными – наоборот, они способствуют появлению новых возможных

путей эволюции смысловой системы, тем самым реализуя свойство нелинейности, присущее открытым неравновесным системам.

Первоначальные значения могут оказаться избыточными или даже неблагоприятными с точки зрения новой тенденции развития системы, которая стремится избавиться от излишков информации (как от траты ресурсов на самоизменение) с целью сохранения смысловой целостности дискурса. Происходит диссипация (рассеивание, «забывание») выполнивших свою задачу и утративших свою функциональную значимость для конструктивного развертывания дискурса значений во внешнюю среду – воспринятые адресатом, значения уходят «на периферию» сознания, чтобы не провоцировать энтропию (разупорядоченность) и возможное разрушение смысловой системы [Пономаренко 2004].

На этапе бифуркации смысловая система дискурса осуществляет окончательный выбор эволюционного направления, с большей определенностью продвигается к аттрактору (цели, результату), переходит на новый фазовый уровень развития и достигает равновесного состояния. Происходит формирование прагма-семантического и коммуникативно-функционального пространств.

Развитие и стабильность системы определяются параметрами порядка – логико-семантическими отношениями (общие параметры порядка) и реализуемыми ими прагма-семантическими связями (специальные параметры порядка). Они создают основу для когерентного функционального взаимодействия компонентов и частей дискурса и усиливают динамику прагма-смыслового развития. В итоге системная эволюция дискурса через этапы неравновесности, хаотизации и нелинейности приводит смысловую систему к равновесному упорядоченному состоянию на новом уровне.

Последовательность этапов формирования и трансформации смысловой системы английского дискурса и их анализа не является жестко фиксированной. Алгоритм трансформации смыслового пространства дискурса позволяет не только описать особенности самих этих процессов, но

и отразить ментально-психические особенности коммуникантов, их влияние на структурирование дискурса и его ответное воздействие на когнитивную систему участников коммуникации.

Как показывает проведенный анализ, построение смыслового пространства английского дискурса в значительной степени зависит от системного взаимодействия его компонентов, что является необходимым условием динамики функциональной перспективы дискурса, достижения коммуникативной цели и необходимого воздействия на реципиента. Когерентность связей дискурсивных конституентов способствует саморегулированию и стабилизации смысловой системы дискурса, адекватной передаче информативно-смыслового содержания коммуникативного блока, а также выстраиванию эмоционально-экспрессивной составляющей. Синергетический и функционально-интегративный анализ дискурса позволяет установить роль и степень участия в процессе формирования смыслового пространства максимального количества применяемых дискурсивных средств, обеспечивающих системность дискурса. Становится возможным выявить разноплановые (структурные, семантические, прагматические) характеристики конституентов дискурса, когерентное взаимодействие которых способно модифицировать его функциональную перспективу и воздействовать на формирование единого функционального пространства. Функциональный анализ дискурса, в свою очередь, дает возможность раскрыть природу синергийного взаимодействия частей дискурсивной системы.

Выводы по главе IV

1. Интегративная научная парадигма позволяет рассматривать объект с разных точек зрения с целью его наиболее полного, мультимодального описания, учитывая разнообразие языковых и экстралингвистических факторов. Совокупность языковых и неязыковых способов выражения в процессе коммуникации способствует трансформации значений в новые

динамичные и гибкие смыслы, создает эмоциональную основу коммуникации.

2. Функционально-интегративный подход позволяет систематизировать представления об интегрировании разных ракурсов функционального анализа (семантического, прагматического, когнитивного) и адекватной интерпретации мультимодальности смыслового пространства английского дискурса, а также способствует углублению понимания отправной точки формирования значений и смыслов, причин функциональных сдвигов в смысловом пространстве дискурса, способов отражения в дискурсе неязыкового фона коммуникации.

3. Раскрытию специфики формирования функционально-смыслового пространства английского дискурса способствует перспективность метода функционального сдвига. Актуальность и целесообразность применения метода заключается в возможности всестороннего изучения формирования смыслового пространства английского дискурса и установления факторов, влияющих на его трансформацию.

4. Метод функционального сдвига помогает выстроить алгоритм трансформации отдельных значений в общий дискурсивный смысл, структурировать процесс формирования функциональных отношений дискурса, описать особенности интерпретации и понимания дискурсивного смысла участниками коммуникации.

5. Метод функционального сдвига позволяет охарактеризовать динамику формирования смысловой системы английского дискурса, раскрыть набор факторов, вызывающих изменения его структуры и функций, проанализировать процесс структурирования функционального плана дискурса как мультимодального целого на основе применения функционально-интегративной парадигмы.

6. Языковые средства, употребляемые в определенном дискурсе, формируют значения, которые под действием прагматических и экстралингвистических (психологических, социальных, политических и т.д.)

факторов трансформируются в более широкие смыслы. Процесс коммуникации также предполагает использование участниками коммуникации различных невербальных способов, усиливающих репрезентируемые значения, что может влиять на конечный смысл дискурса и результат коммуникации в целом. Все это приводит к моделированию языковых процессов более высокого уровня, понять и охарактеризовать которые помогает функционально-интегративная методология.

7. Основными значениями, ложащимися в основу формирования общего смысла дискурса, являются семантические, семантико-синтаксические, логико-семантические, прагматические значения. Трансформация значений опосредована динамикой развертывания функционального пространства английского дискурса под действием множества факторов лингвистического и экстралингвистического порядка. За счет этого смысловое пространство дискурса приобретает многоаспектный, мультимодальный характер.

8. Формирование смысла осуществляется в триаде: семантика (контекстно-свободное значение) – синтаксис (форма) – прагматика (контекстно-зависимое значение). Функциональный сдвиг зависит от контекстуального окружения, конкретной коммуникативной ситуации. То есть семантические значения наращивают дополнительные прагматические значения, далее преобразуемые в прагма-семантический и коммуникативно-функциональный смыслы.

9. Смыслы формируются с помощью разных ресурсов, каждый из которых предлагает свои возможности и ограничения. Средства репрезентации смыслов коррелируют и дополняют друг друга, что приводит к структурированию единого дискурсивного целого, иерархически организованного и кодирующего определенные функциональные сферы. Трансформация смыслового плана опосредована взаимодействием языковых данных дискурса с экстралингвистическими сведениями и факторами, а также прагматическим потенциалом самого дискурса.

10. Смысловое пространство дискурса, являясь индивидуальным и ситуативно обусловленным, оперирует больше смыслам, чем значениями. Значение и смысл являются категориями, формирующимися в ходе и результате коммуникативной деятельности и когнитивных процессов, поэтому эффективность коммуникации зависит от правильного порождения, передачи и декодирования значений и общего смысла, несводимого к сумме формирующих его значений.

11. Создание адекватных коммуникативной цели и коммуникативной ситуации значений и смыслов обусловливают построение определенных функциональных отношений дискурса, которые также воздействуют на трансформацию смысла (функциональный сдвиг) и общую динамику дискурса.

12. Функциональный сдвиг смыслового содержания коммуникативного блока на основе приращения (интегрирования) дополнительных смысловых характеристик (значений) может менять первоначальный план дискурса и вносить новые функциональные свойства, за счет чего смысловая система дискурса выходит на новый уровень эволюции.

13. Процесс функциональной эволюции системы дискурса включает следующие основные, с допустимой вариативностью, этапы: равновесное состояние системы (базовое высказывание) → развитие темы (приращение прагматических значений, трансформация смыслов → функциональные колебания, неравновесность, хаотизация → функциональные колебания (флуктуации) в зоне бифуркации (ветвления) → режим с обострением → рема (выбор новой цели-аттрактора) → фазовый переход → новый уровень равновесного состояния системы → достижение аттрактора.

14. Алгоритм функционально-интегративного анализа смыслового пространства английского дискурса включает ряд этапов: определение базовых (семантических) значений высказываний; анализ семантико-синтаксических и логико-семантических значений; определение коммуникативной цели (аттрактора) дискурсивной системы; обобщение

трансформации значений в смыслы (характеристика функционального сдвига), динамики общего смыслового пространства и анализ типа функциональных отношений между высказываниями (параметров порядка) дискурса; оценка результативности коммуникативного акта как достижения функционально равновесного/неравновесного состояния смысловой системы дискурса.

15. Функциональная эволюция английского дискурса обусловлена синергийным взаимодействием его элементов, частей, формированием функциональных отношений, что генерирует смысловое наполнение системы дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что функциональная эволюция английского дискурса обусловливается формированием значений, обогащающихся за счет дополнительных смысловых приращений и трансформирующихся в общее смысловое пространство дискурса. Для понимания сущности значения важным явилось установление степени взаимодействия и взаимозависимости между типами значений и определение факторов, воздействующих на трансформацию и переход одного типа значения в другой, то есть то, что именно способствует реализации значений разных уровней. В качестве основных значений, ложащихся в основу формирования общего смысла дискурса, мы выделили семантическое, семантико-синтаксическое, логико-семантическое, прагматическое значения. Под влиянием факторов языковой и неязыковой природы происходит переход одного типа значений в другой, что в итоге приводит к модификации прагма-семантического и коммуникативно-функционального (смыслового) пространства дискурса, в котором, в свою очередь, структурируются функциональные отношения между высказываниями. Функциональная эволюция, динамика смыслового развития дискурса наблюдается, таким образом, на всех уровнях организации речи.

Анализ формирования смыслового пространства дискурса позволил выявить оптимальные способы его адекватной вербализации, повышения эффективности коммуникации и достижения цели речевого акта. Важными в этом отношении являются выбор языковых средств, роль контекста и влияние лингвистических и экстралингвистических факторов.

Для продвижения понимания того, каким образом в определенных контекстуальных условиях на разных уровнях происходит модификация значений, реализующих смыслы, выражение коммуникативной установки и осуществление коммуникативного замысла, в работе предложен аналитический метод функционального сдвига, который мы характеризуем как функционально-интегративный. В основе данного метода лежит

синергетическое понимание комплексного когерентного функционирования всех элементов дискурсивной системы, взаимодействующих на разных уровнях системы, которое приводит к переходу (сдвигу) от семантического уровня смысловой организации текста к прагматическому, то есть наблюдается функциональный синергизм семантики и прагматики дискурса.

Возможность репрезентации одного и того же смысла разными языковыми средствами (например, лексическими единицами в своем буквальном значении или метафорическом использовании, фразеологически передаваемыми концептами, креолизованным контентом) в терминах лингвосинергетики можно объяснить принципом необходимого разнообразия, согласно которому устойчивое и динамичное развитие любой системы (в нашем случае дискурса) требует определенного разнообразия ее элементов, частей или подсистем с целью приращения новых прагматических значений и обогащения новыми прагма-семантическими оттенками смыслового пространства дискурса. В этом раскрывается прагматический потенциал и синергийные свойства дискурса. Кроме того, это подтверждает представление о дискурсе как об открытой самоорганизующейся системе, поддерживаемой в состоянии равновесия параметрами порядка (функциональными отношениями между высказываниями) и находящейся в тесной взаимосвязи с внешней средой (компонентами которой являются взаимодействующие между собой коммуникативная ситуация, общий менталитет коммуникантов, текущее состояние языковой системы).

Под действием внутренних процессов смысловой системы дискурса и внешней среды в системе возникают функциональные флуктуации (колебания), приводящие к отклонению от равновесного состояния (первоначальных тенденций смыслового развития дискурса). Возникающие в дискурсе хаотизирующие смысловые компоненты порождают эмерджентные (спонтанные) значения и приводят к появлению точек бифуркации (вероятного ветвления смыслов). Тем самым хаотические компоненты

способствуют либо продвижению смысловой системы к цели-аттрактору общения (наиболее устойчивому и подходящему для данного функционального пространства дискурсивному смыслу) и гармонизации взаимодействия коммуникантов (конструктивное воздействие), либо нарушению процесса коммуникации и удалению от заданной коммуникативной цели, разрушению прагма-семантической системности дискурса (деструктивное воздействие). Соответственно, порождение спонтанных функциональных свойств дискурса либо усиливает, либо ослабляет его прагматический потенциал и воздействие на реципиента.

К числу дискурсивных механизмов и приемов, с одной стороны, усложняющих смысловую систему дискурса и ее интерпретацию адресатом, но с другой, прагматически обогащающих и во многих случаях помогающих ее адекватному восприятию, относятся полисемия, метафоризация, фразеологически репрезентируемые концепты, семантическая транспозиция, косвенные речевые акты и коннотации, интердискурсивность и включение в дискурс мультимодального контента (креолизованных текстов, минитекстов, разных режимов оформления дискурса и т.п.), ирония, сочетание функционально разнородных дискурсивных элементов, другие средства образности.

Поскольку любая система стремится к самосохранению (в случае с дискурсом – к удержанию диапазона смыслов в определенных рамках, позволяющих осуществить коммуникативный замысел автора), нерелевантные смыслы рассеиваются во внешнюю среду, то есть происходит диссипация («забывание») излишних значений. Из внешней среды (сигналы от партнера или развитие речевой ситуации), в свою очередь, в систему поступает дополнительная информация (дополнительные смыслы), способствующая, с одной стороны, стабилизации системы, нивелированию смысловой разупорядоченности, стабилизации системы и, с другой, – ее обогащению новыми значениями и смысловыми нюансами, стимулирующими движение смыслового пространства к заданному

аттрактору; то есть очевиден двусторонний характер формирования дискурсивного смысла – когда, с одной стороны, все системное пространство дискурса воздействует на трансформацию смысла, а модифицируемые смыслы, с другой стороны, структурируют общий функциональный план английского дискурса и обогащают его дополнительными функциональными свойствами.

Синергийное взаимодействие всех этих факторов модифицирует формируемые прагма-семантические смыслы в релевантный и адекватный для данного дискурсивного пространства. За счет этого смысловая система дискурса выходит на новый этап развития и упорядоченности и самоорганизуется в конструктивном для эффективной коммуникации ключе. В противном случае – если в ходе развертывания дискурса хаотизирующие элементы вызывают слишком сильное отклонение от заданного вектора смыслового развития и восстановления системного движения к аттрактору не происходит, – смысловое пространство дискурса претерпевает столь сильные модификации, что эволюция дискурса меняет свою направленность и коммуникативный замысел остается нереализованным.

Благодаря функционально-синергетическому подходу нам удалось интегрировать в исследование анализ элементов хаотизации и процессов стабилизации системы, представив сложную модель формирования дискурсивного смысла на основе кооперативного функционально-смыслового взаимодействия компонентов дискурса, их языкового и неязыкового выражения, что в результате порождает новые дискурсивные свойства смысловой системы. Также данный подход, учитывая многообразие сопутствующих факторов и внутренние процессы развития прагма-семантической системы дискурса с целью достижения оптимального результата общения, способствует пониманию специфики коммуникативного взаимодействия партнеров. Исследование функционально-прагматической эволюции английского дискурса в предложенном ключе вносит очевидный

вклад в развитие функциональной лингвосинергетики и синергетического направления в целом.

Функциональная эволюция английского дискурса обусловлена функциональной нелинейностью формируемого смыслового пространства (несводимостью общего смысла к механической сумме частных смыслов), которая является одним из важнейших свойств дискурса как системы. В настоящем диссертационном исследовании впервые описанию подвергаются механизм синергийного перехода семантики текста в прагматику дискурса и дискурсивные операторы трансформации значений в смыслы, а также условия эффективного взаимообмена между системой смыслов дискурса говорящего/пишущего и сознанием реципиента, опосредующего целостное, «холистическое», восприятие дискурсивного смысла, его адекватное декодирование и полноценную интерпретацию всей глубины нелинейной семантики и прагматики дискурса.

Применение лингвосинергетического анализа фрагментов английского дискурса как функционально-интегративного анализа позволило установить функциональную нагрузку операторов модификации смыслового пространства дискурса, что обогатило представление о функциональной перспективе дискурса, повышении его экспрессивности и возможностях прагматического усложнения коммуникации. Динамико-системный подход, и в частности интегративная функционально-синергетическая парадигма в изучении смысловой системы современного английского дискурса, открывает широкие перспективы в исследовании специфики механизмов трансформации значений в смыслы и сопутствующих сложных внутренних системных процессов.

Использование принципов функциональной лингвосинергетики при описании процесса трансформации дискурсивного смысла, проведение комплексного функционально-синергетического анализа эмпирического материала в настоящей диссертационной работе позволило представить модель поэтапногоформирования функциональной системы английского

дискурса, который схематично можно изобразить следующим образом (Рис. 9):

Рис. 9. Алгоритм формирования смыслового пространства английского дискурса

Согласно предложенной нами модели, базовым уровнем формирующегося дискурсивного смыслового пространства является семантический, на котором элементы дискурса реализуют свой семантический потенциал, начиная от актуализации лексикографического значения и заканчивая воздействием синтаксического фактора; в результате такого взаимодействия порождаются семантико-синтаксические и логико-семантические значения. На следующем уровне семантическое значение обогащается прагматическими значениями – происходит приращение дополнительных прагматических оттенков и формирование прагма-семантических смыслов. Сопутствующие экстралингвистический и оценочный факторы приводят к усложнению функциональной перспективы дискурса и его дальнейшей эволюции – прагма-семантические смыслы дополняются коммуникативно-функциональным смыслом. Очевиден переход от лексики к семантике, от семантики к логике и далее к прагматике. Тесное

переплетение, взаимодействие и взаимозависимость всех уровней приводит к сложности и иерархичности трансформируемого из отдельных значений общего смысла. Многослойная структура смыслового пространства дискурса, находящегося под воздействием внутренних и внешних процессов, еще раз подтверждает открытость и нелинейность дискурса как динамической системы. Семантическое значение, синтаксическая сочетаемость и логический модус представляют собой языковое кодирование, тогда как прагматическое значение за счет дискурсивного плана трансформирует логико-семантические связи в прагма-семантический смысл и выстраивает функциональные отношения английского дискурса.

Анализ функциональных отношений английского дискурса с позиций функциональной лингвосинергетики, или динамико-системного подхода, предполагает определение параметров порядка системы, которые обусловливают процесс самоорганизации дискурса. Данный процесс можно представить как последовательность этапов функциональной эволюции английского дискурса: (относительное) равновесие системы, отклонение системы от равновесного состояния под действием хаотизирующих элементов, хаотизация системы и появление функциональных колебаний (флуктуаций), изменение вектора дальнейшего пути развития системы в точке бифуркации и движение системы к цели-аттрактору (либо изначально заданному, либо новому), диссипация (рассеивание) излишних значений во внешнюю среду, фазовый переход смысловой системы в новое функциональное состояние равновесия и выход системы на новый уровень.

Как показывает проведенное исследование, функциональные отношения (связи) дискурса, выступающие в роли параметров порядка смысловой системы, в значительной степени формируют функциональную перспективу и системные свойства дискурса.

Традиционно в синергетике параметры порядка подразделяют на общие и специальные. Под общими параметрами порядка мы, вслед за Е.В. Пономаренко, понимаем логико-семантические отношения, приводящие

смысловую систему порождаемого дискурса в определенное соответствие с внешней средой (общим менталитетом коммуникантов и протекающей ситуацией общения), упорядочивая внешние (макро-)связи дискурса. Данный вид параметров порядка регулирует не конкретное лексико-семантическое взаимодействие предложений, а объемное соотношение пропозиций высказываний, соотносящихся с фрагментами действительности (реальной или конструируемой автором дискурса), которые являются референтами коррелирующих фраз. Функциональные отношения между высказываниями, сопоставляемые по такому принципу, представлены в формальной логике такими видами связи, как тождество, включение, пересечение, соподчинение, исключение, обладающими своими специфическими характеристиками в процессе речевой репрезентации.

Под специальными параметрами порядка системы функциональных связей английского дискурса понимаются прагма-семантические отношения между высказываниями с опорой на лексическую семантику их компонентов в определенном контексте, что обеспечивает смысловую целостность и системное взаимодействие частей конкретного дискурса. В данной диссертации авторская типология прагма-семантических отношений включает такие отношения как пояснение (репрезентация, экспликация, реконструкция), уточнение (специализация, партитивность, экземплификация), нарастание (количественное и качественное (вывод и результат)), каузация, последовательность, противопоставление (контрадикторное и неконтрадикторное), альтернатива, переключение, прагматический комментарий. Кроме того, нами рассмотрены случаи контаминации разных прагма-семантических связей, поскольку в сознании человека на фоне определенной коммуникативной ситуации смысловые отношения дискурса, как правило, не поддаются жесткой детерминации и разграничению; актуализация комплексных смысловых отношений в дискурсе – вполне закономерный, естественный для человеческого мировосприятия процесс.

Функциональные отношения образуют сложную сетку дискурсивных взаимосвязей и обладают дуальной природой, что проявляется, с одной стороны, в их воздействии на эволюцию смысловой системы дискурса и, с другой стороны, – в формировании самих отношений под влиянием синергийного взаимодействия элементов и частей смысловой системы. Таким образом реализуется механизм обратной связи в развитии функциональных систем, что подтверждает представленный в диссертации лингвистический анализ фрагментов английского дискурса.

В нашей работе предложен алгоритм структурирования смысловой системы английского дискурса, охватывающий выстраивание как его семантики и прагматической перспективы, так и функциональных связей.

Результативное исследование трансформации функционального пространства английского дискурса возможно с применением синергетического функционально-интегративного анализа, главным методом которого мы видим метод функционального сдвига. Он включает ряд аналитических этапов:

- определение базовых (семантических) значений высказываний;
- анализ семантико-синтаксических и логико-семантических значений;
- определение коммуникативной цели (аттрактора) дискурсивной системы;
- обобщение трансформации значений в смыслы (характеристика функционального сдвига), динамики общего смыслового пространства и анализ типа функциональных отношений между высказываниями (параметров порядка) дискурса;
- оценка результативности коммуникативного акта как достижения функционально равновесного/неравновесного состояния смысловой системы дискурса.

Благодаря такому комплексному анализу функционального сдвига в смысловом пространстве английского дискурса удалось проследить и охарактеризовать системное взаимодействие конституентов дискурса, представляющее собой сложный иерархический конструкт, охватывающий и семантическое наполнение, и синтаксическое выстраивание, и модификацию разноуровневых значений в общее дискурсивное смысловое пространство, а также обусловленный контекстуальными условиями, в том числе экстралингвистическими и оценочными факторами. Функциональный сдвиг (модификация смыслов коммуникативного блока) осуществляется на основе приращения (интегрирования) дополнительных прагматических характеристик (значений) к семантическим и может менять первоначальный план дискурса и вносить новые функциональные свойства, за счет чего система дискурса выходит на новый уровень эволюции в ее движении к аттрактору. Изучение отдельных аспектов в подобной синергийной взаимосвязи позволяет рассматривать систему английского дискурса как единое многоуровневое сложное функциональное пространство.

Подводя общий итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие основные выводы:

1) функциональная лингвосинергетика и динамико-системный подход в целом представляют собой перспективную парадигму изучения функциональных свойств английского дискурса как открытой сложной самоорганизующейся динамической системы;
2) функционально-интегративный подход и метод функционального сдвига как вариант синергетического дискурс-анализа позволяют проследить регулятивные процессы при взаимодействии элементов и частей дискурса на различных уровнях организации смысловой системы, раскрыть набор факторов, вызывающих изменения (сдвиг) его структуры и функций, проанализировать процесс выстраивания смысловой системы дискурса как мультимодального целого;

3) смысловое пространство английского дискурса формируется за счет разноплановых (языковых и неязыковых) ресурсов на основе нелинейности дискурса и функционального сдвига – обогащения семантических (семантико-синтаксических и логико-семантических) значений прагматическими значениями;
4) одним из важнейших факторов функционального сдвига и эффективного выстраивания общего смыслового пространства английского дискурса является формирование функциональных отношений, представляющих собой параметры порядка системы английского дискурса;
5) трансформация значений отражает динамику развертывания функционального пространства английского дискурса под действием множества факторов лингвистического и экстралингвистического порядка. За счет этого смысловое пространство приобретает нелинейный многоаспектный, мультимодальный характер. Модификация смыслового пространства дискурса на основе приращения (интегрирования) дополнительных смысловых характеристик (значений) может менять первоначальный план дискурса и вносить новые функциональные свойства.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает и дополняет гипотезу, выдвинутую нами на начальном этапе работы: эволюция английского дискурса осуществляется в процессе взаимодействия прагма-семантических отношений через приращение семантических значений прагматическими, что составляет механизм функционального сдвига в смысловом пространстве дискурса.

Анализ поэтапного формирования смыслового пространства английского дискурса с привлечением методологического аппарата функциональной лингвосинергетики позволил расширить и углубить понимание механизмов трансформации смыслового пространства дискурса и

роли операторов языкового и неязыкового характера в процессе коммуникации. Это позволило создать целостную картину сложных (синергийных) процессов динамики прагма-смыслового пространства английского дискурса с учетом тенденций развития и вероятных изменений в системе смыслов дискурса.

Перспективы изучения данной проблематики включают следующие вопросы:

- специфика функционального сдвига в зависимости от жанровых особенностей дискурса;
- соотношение разных типов значений, повышающее эффективность коммуникативных стратегий и тактик, применяемых как в бытовом, так и в профессиональном общении;
- специфические черты конкретных операторов функционального сдвига в смысловом пространстве дискурса;
- функциональное сопоставление определенных семантических связей относительно конкретных прагматических связей;
- соотношение хаотизирующих и стабилизирующих смысловую систему элементов дискурса и внешней среды;
- применение лингвистических данных и результатов исследования модификации смыслового пространства английского дискурса в процессе обучения общению на английском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова, О.В. Изучение языка как важнейшей составляющей филологической науки / О.В. Александрова // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 10-18.
2. Александрова, О.В. Когнитивно-дискурсивные технологии в интерпретации языка и речи / О.В. Александрова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 23. – С. 59-63.
3. Александрова, О.В. Особенности политического дискурса в современных СМИ / О.В. Александрова // Российская пиарология-4: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора Л.В. Минаевой. – Санкт-Петербург, 2017 а. – С. 16-20.
4. Александрова, О.В. Лексико-грамматическая система языка как основа его коммуникативно-когнитивного функционирования / О.В. Александрова // Когнитивные исследования языка. – 2017 б. – № 29. – С. 461-467.
5. Александрова, О.В. Изучение языка в новых условиях знания о нем и его функционировании / О.В. Александрова // Когнитивные исследования языка. – 2018 а. – № 32. – С. 20-25.
6. Александрова, О.В. Дискурс и текст: общее и различное / О.В. Александрова // Когнитивные исследования языка. – 2018 б. – № 33. – С. 28-32.
7. Александрова, О.В. Языковая личность как отражение когнитивно-коммуникативной деятельности человека / О.В. Александрова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 33-36.
8. Алефиренко, Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 1 (21). – С. 5-14.
9. Алефиренко, Н.Ф. Лингвосинергийное структурирование картины мира / Н.Ф. Алефиренко, И.Ф. Аглеев, Й. Кеснер // Известия

Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 23-31. DOI: https://doi.org/10.31161/1995-0667-2018-12-4-23-31.

10. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. В 2-х томах / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 472 с.
11. Апресян, Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. В 2-х томах / Ю.Д. Апресян. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – Т. 1. Парадигматика. – 568 с.
12. Аристотель. Категории: С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Аристотель. – Москва: URSS, 2016. – 80 с.
13. Артамонов, В.Н. Лингвистический анализ текста. Категория оценки / В.Н. Артамонов, Е.В. Уба // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 2. – С. 6-12. DOI: https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-6-12.
14. Арутюнова, Н.Д. Номинация, референция, значение / Н.Д. Арутюнова // Языковая номинация. Общие вопросы. – Москва: Наука, 1977. – С. 188-229.
15. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Москва: Наука, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
16. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 341 с.
17. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
18. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 137.

19. Арутюнова, Н.Д. Речевой акт / Н.Д. Арутюнова // Большая российская энциклопедия. 2004. Электронный ресурс: http:// bigenc.ru/linguistics/text/3508126 (дата обращения: 29.01.2019).
20. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – 6-е изд. – Москва: URSS, 2009. – 382 с.
21. Бабаян, В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В.Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 76-81.
22. Базылев, В.Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках / В.Н. Базылев. – Москва: Диалог – МГУ, 1998. – 180 с.
23. Барышников, П.Н. От теорий логоцентризма к феноменологии дискурса / П.Н. Барышников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология». – 2011. – № 15. – С. 217-226.
24. Беловольская, Л.А. Синтаксис словосочетания и простого предложения / Л.А. Беловольская. – Таганрог, 2001. – 55 с.
25. Белоусов, В.А. Проблема определения сущности связи / В.А. Белоусов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2007. – № 1. – С. 129-134.
26. Беляевская, Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (Критерии выбора метода) / Е.Г. Беляевская // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. – Москва, 2008. – С. 64-81.
27. Беляевская, Е.Г. Лексико-семантическое варьирование в традиционной и когнитивной перспективе / Е.Г. Беляевская // Норма и вариативность в языке и речи: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН.

Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Казак Е.А. – Москва, 2017. – С. 60-78.

28. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист [Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова; пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др.]. – 2-е. изд., стер. – Москва: УРСС, 2002. – 446 с.
29. Березин, Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. / Ф.М. Березин // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров (Сер.: «Теория и история языкознания») / исслед. Отдел языкознания, Редколл.: Березин Ф.М., отв. ред. и др. – Москва, 2000. – С. 9-25.
30. Бирвиш, М. Семантика / М. Бирвиш [Перевод с английского И.Г. Сабуровой] // Новое в зарубежной лингвистике / Составление, общая редакция и вступительная статья В.А. Звегинцева. – Москва: «Прогресс», 1981. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – С. 177-199.
31. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 87 с.
32. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4 (49). – С. 10-20.
33. Болдырев, Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2 (51). – С. 5-14.
34. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1978. – 176 с.
35. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале рус. яз. / А.В. Бондарко. – Москва: Яз. славян. культуры, 2002. – 736 с.

36. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике: монография / В.Г. Борботько. – 3-е изд., испр. – Москва: URSS, 2009. – 286 с.
37. Бронник, Л.В. Когнитивно-синергетический подход к языку: философско-методологический анализ: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.08 / Бронник Лариса Васильевна; Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2013. – 51 с.
38. Булыгина, Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т.В. Булыгина // Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. – Москва, 1980. – С. 320-355.
39. Бутакова, Л.О. Когнитивная природа восприятия полимодального текста и его психолингвистическое моделирование / Л.О. Бутакова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – Вып. 4. – С. 21-32.
40. Варшавская, А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка) / А.И. Варшавская. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1984. – 136 с.
41. Вдовиченко, А.В. Факт сознания и коммуникативное действие: краткий эксперимент / А.В. Вдовиченко // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 2 (40). – С. 30-40.
42. Вдовиченко, А.В. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор / А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 4 (34). – С. 22-39.
43. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая [Пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой]. – Москва: Русские словари, 1997. – 416 с.
44. Виноград, Т. К процессуальному пониманию семантики / Т.К. Виноград // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. В.А. Звегинцев. Переводы с англ. языка под ред. и с предисловием Б.Ю. Городецкого. – Москва, 1983. – Вып. XII. Прикладная лингвистика. – С. 123-170.

45. Вишнякова, О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале английского языка): монография / О.Д. Вишнякова. – Москва: МАКС Пресс, 2002. – 380 с.
46. Вишнякова, О.Д. О роли языкового знака в процессе интерпретации акта мысли / О.Д. Вишнякова // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 44-48.
47. Вишнякова О.Д. Национально-культурные аспекты лингвокреативного осмысления действительности / О.Д. Вишнякова, Е.А. Вишнякова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38. – № 1. – С. 23-34.
48. Влавацкая, М.В. Синтагматика vs комбинаторика: основы комбинаторной лингвистики / М.В. Влавацкая // Научный диалог. – 2017. – № 1. – С. 35-45.
49. Воейкова, М.Д. Санкт-Петербургская Школа функциональной грамматики: история и перспективы развития / М.Д. Воейкова, В.В. Казаковская // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2019. – № 1. – С. 86-97.
50. Володина, М.Н. О языке как инструменте познания / М.Н. Володина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филологи. – 2016. – № 3. – С. 38-46.
51. Воркачев, С.Г. Дискурс и его типология в российской лингвистике / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 14-21. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21.
52. Воронцова, И.И. Культурно обусловленные коммуникативные неудачи: культура – текст – интерпретация / И.И. Воронцова // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2018. – № 3 (13). – С. 31-40. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-3-31-40.

53. Всеволодова, М.В. Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение) / М.В. Всеволодова, Е.Н. Виноградова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 69-100.
54. Гак, В.Г. Повторная номинация на уровне предложения / В.Г. Гак // Синтаксис текста. – Москва: Наука, 1979. – С. 91-102.
55. Гак, В.Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века: от ситуации к высказыванию / В.Г. Гак. – 2-е изд., испр. – Москва: URSS, 2009. – 366 с.
56. Гвишиани, Н.Б. Прагматика речеупотребления в когнитивном освещении / Н.Б. Гвишиани // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Т. 36. – С. 140-157.
57. Гвишиани, Н.Б. Лингвопрагматические особенности взаимодействия вербального и невербального компонентов мультимодального ‘текста’ в коммуникативном пространстве различных типов дискурса / Н.Б. Гвишиани // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 15-17.
58. Голубева, О.В. Адресат и адресант: поиск взаимопонимания / О.В. Голубева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 13 (807). – С. 51-62.
59. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217-237.
60. Гребенкина, О.С. Коммуникативно-прагматическая интерпретация многозначного высказывания с позиций контрадиктно-синергетического подхода: автореф. дис. ... канд. филол. наук:

10.02.19 / Гребенкина Ольга Семеновна; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 20 с.

61. Григорьева, В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Григорьева Валентина Сергеевна; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2018. – 38 с.
62. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк [Перевод с англ. Т.Д. Корельской] // Новое в зарубежной лингвистике / Составление, общая редакция и вступительная статья Т.М. Николаевой. – Москва: «Прогресс», 1978. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – С. 259-336.
63. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез [Пер. с фр. Я.И. Свирского]. – Москва: Академический Проект, 2011. – 472 с.
64. Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В.З. Демьянков. – Москва: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – Вып. 2. Методы анализа текста. – 288 с.
65. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – Москва, 2002. – № 3. – С. 32-43.
66. Демьянков, В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – Вып. 4. – С. 5-13.
67. Демьянков, В.З. Лингвистическая теория: Теория языка и теория лингвистики / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Т. 32. – С. 63-84.

68. Демьянков, В.З. Приемлемость, уместность и адаптация текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 9-19.

69. Демьянков, В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – Вып. 4. – С. 5-21. DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-4-5-21.

70. Дорджиева, Е.В. Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дорджиева Елена Владиславовна / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2005. – 179 с.

71. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / Под общ. ред. Е.Ф. Серебренниковой. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – 285 с. DOI: https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285.

72. Доброва, В.В. Семантические метаязыки: Сущность и особенности / В.В. Доброва, О.А. Кистанова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 114-117.

73. Домброван, Т. Лингвосинергетика: Язык как синергетическая система / Т. Домброван. – LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 308 с.

74. Дубровская, О.Г. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта как прием анализа социокультурной специфики дискурса / О.Г. Дубровская // Когнитивные исследования языка. – 2021. – Т. 46. – № 4. – С. 535-542.

75. Елацков, А.Б. Отношение, связь и обособленность: философские категории в современном дискурсе / А.Б. Елацков // Философия и общество. – 2016. – № 2. – С. 64-82.

76. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев [Пер. с англ. В.А. Звегинцева и др]. – Москва: URSS, 2005. – 243 с.

77. Ермолаева, Е.В. Вариативность в концептуализации каузации пространственного перемещения при помощи конструкций с английскими фразовыми глаголами / Е.В. Ермолаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 6. – С. 139-142. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.28.

78. Ефименко, Т.Н. Вербальные и невербальные средства коммуникации как операторы смысла в англоязычном деловом дискурсе (на материале публичных выступлений) / Т.Н. Ефименко, Ю.Е. Иванова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 1. – С. 15-28. DOI: https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-1-15-28.

79. Журавлев, И.В. Органы сознания и механизм объективации / И.В. Журавлев // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). – С. 141-150.

80. Журавлев, И.В. К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы / И.В. Журавлев, Ю.В. Журавлева // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 33. – С. 48-61.

81. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – Москва: Изд. МГУ. – 1976. – 306 с.

82. Зимина, Е.А. Лексические способы реализации категории оценки в немецкоязычном газетном дискурсе / Е.А. Зимина // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – Т. 17. - № 1. – С. 19-25. DOI: https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-1-17-19-25.

83. Илюхина, Н.А. О проекциях ментальной структуры на язык и речь (на примере концепта-пропозиции) / Н.А. Илюхина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 70-79.

84. Ирисханова, О.К. Стратегии порождения и интерпретации дискурса как отражение эвристичности вербального общения / О.К. Ирисханова // Актуальные проблемы современной лексикологии и

фразеологии. Тезисы докладов Международной научной конференции к 100-летию профессора И.И. Чернышовой. – 2011. – С. 89-96.

85. Кант, И. Сочинения. В 8-ми томах / И. Кант [Под общ. ред. проф. А.В. Гулыги]. – Москва: ЧОРО, 1994. – Т. 3. Критика чистого разума. – 741 с.
86. Карасик, В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: Социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998. – С. 185-197.
87. Карасик, В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 56-77. DOI: https://doi.org/10.22363/231291822016204567.
88. Карпов, В.А. Язык как система / В.А. Карпов. – 2-е изд., испр. – Москва: Едито-риал УРСС, 2003. – 304 с.
89. Карташкова, Ф.И. Косвенная номинация в английском языке: деятельностно-процессный подход: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 / Карташкова Фаина Иосифовна / С.-Петерб. гос. ун-т. – Иваново, 2001. – 391 с.
90. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – Москва: Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
91. Кашкин, В.Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. – Москва: Восточная книга, 2010. – 152 с.
92. Киклевич, А. Притяжение языка. В 3-х томах / А. Киклевич. – Ольштын, 2007. – Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – 411 с.
93. Киклевич, А. Притяжение языка. В 3-х томах / А. Киклевич. – Ольштын, 2008. – Т. 2. Функциональная лингвистика. – 391 с.
94. Кириченко, Н.Л. Отношения включения и способы его языкового выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кириченко

Нина Леонидовна / ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1987. – 28 с.

95. Киров, Е.Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении / Е.Ф. Киров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 15-25. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2.
96. Князева, Е.Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – Москва: Книжный дом «ЛИБРО-КОМ», 2010. – 256 с.
97. Князева, Е.Н. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – Москва: КомКнига, 2011. – 272 с.
98. Козлова, Е.Д. Пресуппозициональный аспект прагматической аргументации / Е.Д. Козлова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – Вып. 3. – С. 135-140.
99. Козловский, Д.В. Сущность лингвистической синергетики / Д.В. Козловский // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 245-247.
100. Колесов, И.Ю. Интерпретирующая функция языка: Перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира / И.Ю. Колесов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 1 (37). – С. 67-81. DOI: https://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.37.1.08.
101. Колодина, Н.И. Структурная организация смысла в процессе интерпретации текста / Н.И. Колодина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2015. – № 2 (26). – С. 69-73. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.9.

102. Колшанский, Г.В. Паралингвистика: монография / Г.В. Колшанский. – 5-е изд. – Москва: Ленанд, 2014. – 100 с.

103. Кольцова, Е.А. Особенности функционирования внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах / Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 55-73. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04.

104. Комарова, З.И. Язык, языковая система, лингвистика в зеркале синергетики / З.И. Комарова // Вестник пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 116-122.

105. Комиссарова, Н.Г. Оценочность в дискурсе СМИ / Н.Г. Комиссарова, Д.Р. Якупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2 (80). – Ч. 1. – С. 83-87.

106. Корниенко, Е.Р. Дискурс как продукт речемыслительной деятельности языковой личности / Е.Р. Корниенко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 264-267.

107. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история = Sincronía, diacronía e historia: проблема языкового изменения / Э. Косериу [Пер. с исп. И.А. Мельчука]. – 3-е изд. – Москва: Едиториал УРСС, 2009. – 204 с.

108. Которова, Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации / Е.Г. Которова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian journal of linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 98-115. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115.

109. Кочетова, М.Г. Вариативность в современном английском языке в лингвокультурном контексте / М.Г. Кочетова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 73-79.

110. Красина, Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт / Е.А. Красина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 91-102.
111. Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Красных Виктория Владимировна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 388 с.
112. Кригер, Е.И. К вопросу о прагматической функции языковых единиц / Е.И. Кригер // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 11 (115). Электронный ресурс: https://web.snauka.ru/issues/2020/11/93898 (дата обращения: 15.08.2020).
113. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука в конце 20 века. – Москва, 1995. – С. 144-238.
114. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс. Речь. Речевая деятельность: сб. обзоров / Исслед. отдел языкознания. Редкол.: Березин Ф.М. отв. ред. и др. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.
115. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – Москва, 2001. – Т. 1. – С. 72-81.
116. Кубрякова, Е.С. Синтагматика / Е.С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Рос. энциклопедия, 2002. – С. 447-448.
117. Кубрякова, Е.С. Парадигматика / Е.С. Кубрякова // Большая российская энциклопедия. 2004. Электронный ресурс: https://bigenc.ru/linguistics/text/2706665 (дата обращения: 25.08.2020).
118. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика

художественного текста. Доклады VII-й Международной конференции. – Москва, 1999. – С. 186-197.

119. Кубрякова, Е.С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков // В поисках сущности языка: когнитивные исследования. Авторский сборник статей. Серия «Разумное поведение языка». – Москва, 2012. – С. 95-112.
120. Куликова, О.В. Каузальность как основа репрезентации событийной цепочки в аргументативном дискурсе / О.В. Куликова // Вестник МГЛУ. – 2016. – Вып. 7 (746). – С. 134-140.
121. Лабзина, П.Г Оценка как основная категория прагматики / П.Г. Лабзина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 11 (66). – С. 130-132.
122. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз [Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева]. – Москва, 1978. – 543 с.
123. Лакофф, Дж. О генеративной семантике / Дж. Лакофф // Семантика: междисциплинарное пособие по философии, лингвистике и психологии / Под ред. Д.Д. Стейнберге, Л.А. Якобовице. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1971. – С. 232-296.
124. Левин, Г.Д. Философские категории в современном дискурсе / Г.Д. Левин. – Москва: Логос, 2007. – 224 с.
125. Левицкий, А.Э. Языковая личность как лингвокультурный феномен / А.Э. Левицкий // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2 (45). – С. 342-353.
126. Леденева, С.Н. О факторах коммуникативной эффективности текста / С.Н. Леденева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2017. – Т. 23. – № 2. – С. 97-101.
127. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – Москва: Книга по Требованию, 2012. – 479 с.

128. Лузина, Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л.Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. – Москва, 2008. – С. 40-48.
129. Ляпон, М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон / Отв. ред. И.И. Ковтунова. – Москва: Наука, 1986. – 199 с.
130. Магировская, О.В. Принципы когнитивной организации дискурса / О.В. Магировская, О.Г. Дубровская // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 526-529.
131. Майнцер, К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер [Пер. с англ. К. Майнцера; под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого]. – Москва: Книжный дом «ЛИБРО-КОМ», 2009. – 464 с.
132. Макаров, М.Л. Коммуникативная структура текста / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1990. – 52 с.
133. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
134. Малахова, В.Л. Функциональные свойства категории притяжательности в английском дискурсе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Малахова Виктория Леонидовна; Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. – Самара, 2011. – 187 с.
135. Малюга, Е.Н. Лингвокультурные параметры профессиональной коммуникации / Е.Н. Малюга, С.Н. Орлова // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве. – Москва, 2020. – С. 28-29.
136. Малюга, Е.Н. Стилистические приемы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на

материале англоязычных экономико-политических медиаресурсов) / Е.Н. Малюга, Е.В. Пономаренко, А.А. Минаева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26. – № 4. – С. 82-87. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87.

137. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы = The fractal geometry of nature / Б. Мандельброт. – Москва: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
138. Манерко, Л.А. Понимание функциональной природы речемыслительной деятельности / Л.А. Манерко // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 35. – С. 52-59.
139. Манерко, Л.А. Описание мыслительной деятельности в когнитивных исследованиях (в лексикографических источниках, художественном и специальном дискурсах на английском языке) / Л.А. Манерко, Ли Сяошуай // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Т. 41. – №. 2. – С. 252-256.
140. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание: учебник для филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. 4-е издание, стереотипное / Ю.С. Маслов. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
141. Матвеев, М.О. Смысловое восприятие креолизованного текста / М.О. Матвеев, А.А. Нистратов, Д.М. Поликарпов, Е.Ф. Тарасов // Филологические науки в МГИМО. – 2021. – Т. 7. - № 1. – С. 45-59. DOI: DOI: https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-45-59.
142. Матвеева, Н.В. Механизмы формирования содержания и смысла текста в процессе его восприятия: психолингвистический подход / Н.В. Матвеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 82-92. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.8.

143. Миронова, А.А. Семантика и семасиология в современной научной парадигме: учебно-практическое пособие / А.А. Миронова. – Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2021. – 96 с.
144. Миронова, Ю.В. Художественный дискурс как когнитивный диалог о «языке – доме духа» / Ю.В. Миронова, Т.И. Сокольская // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2021. – № 3 (2). – С. 33-42. DOI: https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-33-42.
145. Михайлов, В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности / В.А. Михайлов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1992. – 200 с.
146. Монахова, Е.В. Лингвистические средства и когнитивные основания выражения контраста / Е.В. Монахова // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2. – С. 64-67.
147. Моррис, Ч.У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия / Ч.У. Моррис // Семиотика: антология / Сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 129-141.
148. Моташкова, С.В. Лингвосинергетика: в поисках универсального языка коммуникации / С.В. Моташкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 11-16.
149. Мустафина, А.Р. Семантический анализ причинно-следственной связи в лингвистике сквозь призму философской научной мысли / А.Р. Мустафина, И.В. Эделева // Преподаватель XX ВЕК. – 2019. – № 2 (2). – С. 325-334.
150. Мышкина, Н.Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Мышкина Нэлли Леонидовна; Перм. гос. тех. ун-т. – Пермь, 1999. – 428 с.

151. Натяженко, Е.В. Базовые когнитивные модели развертывания локутивного акта в дискурсе: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Натяженко Елена Владимировна; Нижегор. гос. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2008. – 21 с.
152. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – Москва: Высшая школа, 1988. – 168 с.
153. Норман, Б.Ю. Синтактика, когниция и композиционная семантика / Б.Ю. Норман // Russian journal of linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 714-730. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-714-730.
154. Обухова, Е.Ю. Уточнение в английском языке: функциональные и семантические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Обухова Елена Юрьевна; Киев. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1990. – 19 с.
155. Олизько, Н.С. Синергетика языка / Н.С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 15 (370). Филология. Искусствоведение. – Вып. 96. – С. 64-68.
156. Опарина, О.И. Языковая личность и модели трансфера знаний в специальном дискурсе / О.И. Опарина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 39. – С. 09-215.
157. Павилёнис, Р.И. Язык. Смысл. Понимание / Р.И. Павилёнис // Язык. Наука. Философия. Логикометодологический и семиологический анализ. – Вильнюс, 1986. – С. 240-263.
158. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева / Отв. ред. В.А. Успенский. – 6-е изд., испр. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.

159. Пахомова, О.М. Проблемы вариативности как универсального средства языковой системы / О.М. Пахомова, А.Н. Чернышева // Научные труды КУБГТУ. – 2016. – № 6. – С. 299-307.

160. Пивоваров, Д.В. Отношение, связь, свойство, вещь (категориальный анализ) / Д.В. Пивоваров // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 «Общественные науки». – 2013. – № 1. – С. 63-72.

161. Пирс Ч. Что такое знак? Перевод с англ. А.А. Аргамаковой / Ч. Пирс // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». – 2009. – № 3 (7). – С. 88-95.

162. Пищальникова, В.А. Научные модели сознания: от образа к паттерну активации / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин, К.С. Карданова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. – Москва, 2008. – С. 158-182.

163. Пономаренко, Е.В. Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): монография / Е.В. Пономаренко. – Москва: МГУ-Академия ФПС России, 1999. – 144 с.

164. Пономаренко, Е.В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Пономаренко Евгения Витальевна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2004. – 447 с.

165. Пономаренко, Е.В. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики / Е.В. Пономаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2006. – № 2. – С. 22-27.

166. Пономаренко, Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса / Е.В.

Пономаренко // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 13 (156). – Вып. 18. – С. 131-140.

167. Пономаренко, Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики: учебное пособие: спецкурс по специальности 10.02.04 (германские языки) / Е.В. Пономаренко. – Москва: МГИМО-Университет, 2015. – 317 с.
168. Пономаренко, Е.В. Отношения прагматического комментария в системе функциональных связей английского дискурса / Е.В. Пономаренко // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – Т. 24. – № 2. – С. 153-157. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-153-157.
169. Попова, З.Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2011. – 176 с.
170. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Москва: Лабиринт, 2007. – 256 с.
171. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – Москва: Рефл-бук: Ваклер, 2001. – 651 с.
172. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – 2-е изд., стер. – Москва: СмартБук, 2009. – 430 с.
173. Протасова, Е.Ю. Функциональная прагматика в XXI веке / Е.Ю. Протасова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2015. – № 1 (25). – С. 61-71. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.7.
174. Прохорова, О.Н. Отражение познания в языке: в поисках концептуальных оснований / О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай, Ж. Багана, И.А. Куприева, Е.А. Сапронова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 24 (143). – С. 104-110.

175. Прядеин, В.С. Синергетика и пути ее применения в историографической практике / В.С. Прядеин // История и современное мировоззрение. – 2019. – С. 28-37.
176. Радюк, А.В. Типы речевого воздействия (На примере стратегии поиска решений) / А.В. Радюк, А.Е. Конькова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2017. – № 25. – С. 40-55.
177. Райбекас, А.Я. Категории вещь, свойство, отношение. Историко-философский очерк: Монография / А.Я. Райбекас. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000. – 140 с.
178. Раренко, М.Б. Лингвистика текста и теория ментальных пространств / М.Б. Раренко // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. – Москва, 2008. – С. 142-157.
179. Реформатский, А.А. Лексические мерисмы и семантическая редукция / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – Москва, 1973. – С. 268-278.
180. Родина, В.В. Дискурс: Генезис, природа и содержание, обзор научных школ / В.В. Родина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 1 (109). – С. 101-111.
181. Русская грамматика / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва: Наука, 1980. – Т. II. Синтаксис. – 709 с.
182. Рябцева, Н.К. Язык и метазнание: когнитивно-дискурсивный аспект / Н.К. Рябцева // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 32. – С. 110-117.
183. Рябцева, Н.К. «Когнитивные эмоции», полимодальность научного дискурса и прагмаэстетические эффекты / Н.К. Рябцева // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 155-162.

184. Свидерский, В.И. О диалектике отношений / В.И. Свидерский. – Москва, 1983. – 137 с.

185. Свинцов, В.И. Логика: Учебник для вузов гуманитарного профиля / В.И. Свинцов. – Москва: Мир кн., 1995. – 257 с.

186. Селезнева, Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса / Л.В. Селезнева // Вестник СВФУ. – 2014. – Т. 11. – № 5. – С. 67-75.

187. Серебренникова, Е.Ф. Текст и дискурс: на пути к формированию методологии и инструментария лингвоаксиологического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика. Сборник научных статей в честь юбилея доктора филологических наук, профессора Ларисы Георгиевны Викуловой / Под общ. ред. Е.Г. Таревой. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 34-45.

188. Серебренникова, Е.Ф. Ценностное измерение языка: Проекции на реализацию дискурса в коммуникации / Е.Ф. Серебренникова // Пространство коммуникации: Язык, литература, медиа. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета. – 2018. – С. 561-567.

189. Серебрякова, А.Ю. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач / А.Ю. Серебрякова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12. – № 4. – С. 34-37. DOI: https://doi.org/10.14529/ling150407.

190. Слюсарева, Н.А. Проблемы лингвистической семантики / Н.А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 13-23.

191. Солнышкина, М.И. Сложность текста как междисциплинарная проблема / М.И. Солнышкина, В.Д. Соловьев, Э.В. Гафиятова, Е.В. Мартынова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 18-39.

192. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – 7-е изд. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 310 с.

193. Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – Изд. стер. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – 168 с.
194. Сулайманова, Н.Ж. Способы выражения локативности в современном английском языке / Н.Ж. Сулайманова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. – № 9-3 (17). – С. 74-77.
195. Сулейменова, Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике / Э.Д. Сулейменова. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
196. Сусов, И.П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения в современном немецком языке) / И.П. Сусов. – Тула, 1973. – 141 с.
197. Тарасов, Е.Ф. Онтологические предпосылки теории речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Вопросы прсихолингвистики. – 2017. – Вып. 2. – № 32. – С. 160-166.
198. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – Москва: Прогресс, 1988. – 656 с.
199. Тимофеева, М.К. О границах и содержании прагматики / М.К. Тимофеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 5-18.
200. Тимощук, А.С. Феноменология дискурсемы / А.С. Тимощук, Е.А. Тимощук // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры. Сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 71-81.
201. Тимощук, Е.А. Дискурсы и коммуникация: Современное состояние и перспективы / Е.А. Тимощук // Философия в современном мире: Сборник научных докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию семинара «Проблема обоснования знания» и 70-летнему юбилею профессора Кудряшева

Александра Федоровича. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – Ч. 3. – С. 182-189.

202. Торжок, А.Г. Прагматическая направленность пояснительной связи / А.Г. Торжок // Современная коммуникативистика. – Москва: ИНФРА-М, 2015. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 19-25.
203. Туманова А.Б. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация / А.Б. Туманова, Т.В. Павлова, Н.Ю. Зуева // Неофилология. – 2019. – Т. 5. – № 18. – С. 131-138. DOI: https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-18-131-138.
204. Турбина, О.А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 44-49. DOI: https://doi.org/10.14529/ling170206.
205. Уемов, А.И. Вещи, свойства и отношения / А.И. Уемов. – Москва: Книга по Требованию, 2013. – 184 с.
206. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике / Составление, общая редакция и вступительная статья В.А. Звегинцева. – Москва: Прогресс, 1981. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – С. 369-495.
207. Фурс, Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 74-78.
208. Фреге, Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / Г. Фреге [Пер. с нем. Б.В. Бирюкова]. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
209. Хайруллина, Д.Д. Ключевые проблемы изучения дискурса в современной лингвистике / Д.Д. Хайруллина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 10 (133). – С. 85-89.
210. Харьковская, А.А. Функциональная парадигма малоформатных англоязычных текстов / А.А. Харьковская // Язык – текст – дискурс:

Традиции и новаторство. Материалы международной лингвистической конференции; под ред. проф. Н.А. Илюхиной. Самарский государственный университет; Самарский научный центр Российской академии наук. – 2009. – С. 14-19.

211. Харьковская, А.А. Концептуальная организация дискурса социальных сетей (на материале социальной сети FACEBOOK) / А.А. Харьковская, И.Б. Кривченко // Вопросы прикладной лингвистики. – 2017. – № 3 (27). – С. 60-77. DOI: https://doi.org/10.25076/vpl.27.05.
212. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский [Пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева]. – Москва: Изд-во Москва. ун-та, 1972. – 129 с.
213. Храмченко, Д.С. Нетрадиционные приемы деловой риторики (на материале английского языка) / Д.С. Храмченко // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. Материалы международной конференции. – 2011. – С. 344-349.
214. Храмченко, Д.С. Нелинейность смыслового пространства как базовое свойство английского делового дискурса / Д.С. Храмченко // Filologos. – 2013. – № 19 (4). – С. 82-86.
215. Храмченко, Д.С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Храмченко Дмитрий Сергеевич; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – Москва, 2014. – 448 с.
216. Храмченко, Д.С. Кооперативный эффект прагматического воздействия в английском дискурсе масс-медиа / Д.С. Храмченко // Вопросы прикладной лингвистики. – № 3 (27). – 2017. – С. 86-95.
217. Худяков, А.А. Проблема смысла в свете знаковой теории языка / А.А. Худяков // Язык и речевая деятельность. – 2000. – Т. 1. – № 3. – С. 1-22.

218. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: Традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, 2002. – С. 230-232.
219. Черняевская, В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе / В.Е. Чернявская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 83-93. DOI: https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
220. Чупрына, О.Г. Язык. Культура. Текст / О.Г. Чупрына. – Москва: Флинта, 2020. – 104 с.
221. Шарандин, А.Л. Типы знаний в контексте теории интерпретации / А.Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 10-18.
222. Шатуновский, И.Б. Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами / И.Б. Шатуновский // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». – 2016. – № 1. – С. 64-73.
223. Шаховский, В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В.И. Шаховский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 54-79.
224. Шаховский, В.И. Язык как система: значение и смысл / В.И. Шаховский, П.С. Волкова // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 48-62. DOI: https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-48-62.
225. Широков, В.А. Язык. Информация. Система: Трансдисциплинарность в лингвистике / В.А. Широков. – Palmarium Academic Publishing, 2017. – 280 с.
226. Шубина, Э.Л. Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса / Э.Л. Шубина // Научный диалог. – 2021. – № 11. – С. 183-200.

227. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 428 с.

228. Alba-Juez, L. Discourse analysis and pragmatics: Their scope and relation / L. Alba-Juez // Russian journal of linguistics. – 2016. – Vol. 20. – Issue 4. – P. 43-55.

229. Alba-Juez, L. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // Russian journal of linguistics. – 2018. – Vol. 22. – No 1. – P. 9-37. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

230. Alba-Juez, L. Pragmatics: Cognition, context and culture / L. Alba-Juez, J.L. Mackenzie. – Madrid: McGraw Hill, 2016. – 324 p.

231. Aleksandrova, O.V. On the problem of contemporary discourse in linguistics / O.V. Aleksandrova // Journal of Siberian federal university. Humanities & social sciences. – 2017. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 298-302.

232. Aleksandrova, O.V. Text and discourse: Common and different / O.V. Aleksandrova // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 28-32.

233. Aleksandrova, O.V. Expressive syntactic devices as means of forming advertising discourse / O.V. Aleksandrova, E.A. Korableva, A.A. Kharkovskaya // Functional approach to professional discourse exploration in linguistics / Ed. by E.N. Malyuga. – Springer, 2020. – P. 59-93.

234. Aliyeva, N. A view on the syntactical relations / N. Aliyeva // American journal of linguistics. – 2014. – Vol. 3. – No 2. – P. 41-45. DOI: https://doi.org/10.5923/j.linguistics.20140302.02.

235. Amaral, P. Expressive meaning / P. Amaral // Handbuch Pragmatik / Ed. by F. Liedtke, A. Tuchen. – Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. – P. 325-333. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_32.

236. Ahmad, Z. Stylistics and discourse analysis: A contribution in analysing literature / Z. Ahmad. – 2016. Электронный ресурс:

https://apnaorg.com/research-papers/zulfiqar-1/ (дата обращения: 25.03.2021).

237. Andreeva, M.I. Language text comprehension: Differences between different generations of a society / M.I. Andreeva, E.V. Martynova, O.D. Vishnyakova O.D., M.I. Solnyshkina // International journal of society, culture and language. – 2021. – Vol. 9. – Issue 3. – P. 82-90.
238. Angermuller, J. Discourse studies / J. Angermuller // International encyclopedia of the social & behavioral sciences. 2nd edition. – 2015. – P. 510-515.
239. Austin, J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – 2nd edition. – Harvard University Press, 1975. – 168 p.
240. Arundale, R. Against (Gricean) intentions at the heart of human interaction / R. Arundale // Intercultural pragmatics. – 2008. – Issue 5. – P. 231-260.
241. Arundale, R.B. Towards a pragmatics of relating in conversational interaction / R.B. Arundale // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – No 179. – P. 19-25. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.04.018.
242. Barron, A. Discourse pragmatics: Signposting a vast field / A. Barron, K. Schneider, P. Klaus // Pragmatics of Discourse / Ed. by P. Klaus, K. Schneider, A. Barron. – Berlin; München; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. – P. 1-34. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110214406-002.
243. Bates, E. Functionalism and the competition model / E. Bates, B. MacWhinney // The crosslinguistic study of sentence processing / Ed. by E. Bates, B. MacWhinney. – New York: Cambridge University Press, 1989. – P. 3-73.
244. Bayat, N. A study on the use of speech acts / N. Bayat // Procedia – social and behavioral science. – 2013. – Vol. 70. – P. 213-221. DOI: https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.01.057.
245. Beaugrande, R. de. New foundations for a science of text and discourse: Cognition, communication, and the freedom of access to knowledge and

society. Volume LXI. Series Advances in discourse processes / R. de Beaugrande. – Ablex, 1997. – 670 p.

246. Benz, A. Implicature and discourse structure: An introduction / A. Benz, K. Jasinskaja, F. Salfner // Lingua. – 2013. – Vol. 132. – P. 1-12.
247. Biber, D. Grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, F. Finegan. – John Benjamins Publishing Company, 2021. – 1220 p. DOI: https://doi.org/10.1075/z.232.
248. Birner, B.J. Introduction to pragmatics / B.J. Birner. – Wiley-Blackwell, 2013. – 326 p.
249. Bishop, R.C. Metaphysical and epistemological issues in complex systems / R.C. Bishop // Philosophy of complex systems. Handbook of the philosophy of science / Ed. by C. Hooker. – Amsterdam: Elsevier, 2011. – Volume 10. – P. 105-136.
250. Blakemore, D. Understanding utterances: An introduction to pragmatics / D. Blakemore. – Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. – 191 p.
251. Bloor, M. Practice of critical discourse analysis: An introduction / M. Bloor, Th. Bloor. – 1st edition. – Routledge, 2015. – 216 p.
252. Brody, M. Lexico-logical form: A radically minimalist theory / M. Brody. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. – 155 p.
253. Brown, G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
254. Bublitz, W. Introduction: The burgeoning field of pragmatics / W. Bublitz, N.R. Norrick // Foundations of pragmatics / Ed. by W. Bublitz, N.R. Norrick. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. – Vol. 1. – P. 1-22.
255. Butler, C.S. Structure and function: A guide to three major structural-functional theories / C.S. Butler. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003 a. – Part 1. Approaches to the simplex clause. – 573 p.
256. Butler, C.S. Structure and function: A guide to three major structural-functional theories / C.S. Butler. – Amsterdam; Philadelphia: John

Benjamins, 2003 b. – Part 2. From clause to discourse and beyond. – 593 p.

257. Burton-Roberts, N. Varieties of semantics and encoding: Negation, narrowing and numericals / N. Burton-Roberts // Pragmatics / Ed. by N. Burton-Roberts. – Houndmills: Palgrave Macmillan. – 2007. – P. 90-114.
258. Burton-Roberts, N. Meaning, semantics and semiotics / N. Burton-Roberts // Perspectives on linguistic pragmatics. Perspectives in pragmatics, philosophy & psychology / Ed. by A. Capone, F. Lo Piparo, M. Carapezza. – Springer, 2013. – P. 1-22. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-01014-4_1.
259. Bybee, J.L. Language, usage and cognition / J.L. Bybee. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 262 p.
260. Candlin, C.N. General editor's preface / C.N. Candlin // The construction of professional discourse / Ed. by B.-L. Gunnarsson, P. Linell, B. Nordberg. – London: Longman, 1997. – P. ix-xiv.
261. Capone, A. Speech acts: Classification and definition / A. Capone // Encyclopedia of language & linguistics. – 2nd edition. – Elsevier, 2006. – P. 681-684.
262. Carston, R. Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication / R. Carston. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2002. – 432 p.
263. Chafe, W. Prosodic and functional units of language / W. Chafe // Talking data: Transcription and coding in discourse research / Ed. by J. Edwards, M. Lampert. – London: Hillsdale, 1993. – P. 33-44.
264. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press. – 1994. – 327 p.
265. Chesnokova, O.S. Professional discourse: functional-linguistic perspective (Based on academic discourse) / O.S. Chesnokova, D.S. Khramchenko, M.E. Kupriyanova // Functional approach to professional

discourse exploration in linguistics / Ed. by E.N. Malyuga. – Springer, 2020. – P. 21-57.

266. Chomsky, N. Knowledge of language: Its nature, origin, and use / N. Chomsky. – New York: Praeger, 1986. – 307 p.
267. Chomsky, N. Language and interpretation / N. Chomsky // New horizons in the study of language and mind / Ed. by N. Chomsky, N.V. Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 46-74.
268. Chomsky, N. Rules and representations / N. Chomsky, N. Hornstein. – New York: Columbia University Press, 2005. – 299 p.
269. Clark, H.H. Using language / H.H. Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 432 p.
270. Clark, H.H. Working together / H.H. Clark, T. Henetz // Oxford handbook of language of social psychology. – 2014. – P. 85-97.
271. Coecke, B. Generalized relations in linguistics & cognition / B. Coecke, F. Genovese, M. Lewis, D. Marsden, A. Toumi // Theoretical computer science. – Elsevier, 2018. – No 752. – P. 104-115. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tcs.2018.03.008.
272. Coffman, J.A. On causality in nonlinear complex systems: The developmentalist perspective / J.A. Coffman // Philosophy of complex systems. Handbook of the philosophy of science / Ed. by C. Hooker. – Amsterdam: Elsevier, 2011. – Vol. 10. – P. 287-309.
273. Cope, B. Making sense. Reference, agency, and structure in a grammar of multimodal meaning making / B. Cope, M. Kalantzis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 364 p.
274. Coulthard, M. An introduction to discourse analysis (Applied linguistics and language study) / M. Coulthard. – Routledge, 1985. – 228 p.
275. Cresswell, T. Discourse / T. Cresswell // International encyclopedia of human geography / Ed. by A. Kobayashi. – 2nd edition. – Elsevier, 2019. – P. 373-376.

276. Crible, L. Introduction: Discourse-pragmatics markers in speech and sign / L. Crible, S.E. Blackwell // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2020. – Vol. 156. – P. 24-27.

277. Croft, W. Lexical and grammatical meaning / W. Croft // Halbband: Ein interationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / Ed. by G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, W. Kesselheim, S. Skopeteas. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2008. – P. 257-263. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110111286.1.4.257.

278. Crystal, D. A Dictionary of linguistics and phonetics / D. Crystal. – 6th edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2008. – 560 p.

279. Cruse, A. Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics (Oxford textbooks in linguistics) / A. Cruse. – Oxford University Press, 2004. – 441 p.

280. Culpeper, J. Pragmatics: Data trends / J. Culpeper, M. Gillings // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2019. – Vol. 146. – P. 4-14. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.01.004.

281. Dascal, M. The marriage of pragmatics and rhetoric / M. Dascal, A.G. Gross // Philosophy and rhetoric. – 1999. – Vol. 32. – Issue 2. – P. 107-30.

282. Davidson, D. Inquiries into truth and interpretation / D. Davidson. – 2nd edition. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 320 p.

283. Davies, C. Semantic as well as referential relevance facilitates the processing of referring expressions / C. Davies, A. Richardson // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – Issue 178. – P. 258-269. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.024.

284. Denkel, A. Causation / A. Denkel // The natural background of meaning / Ed. by A. Denkel. – Springer, 1999 a. – P. 194-212.

285. Denkel, A. Natural meaning and evolution / A. Denkel // The natural background of meaning / Ed. by A. Denkel. – Springer, 1999 b. – Vol. 197. – P. 86-116.

286. Dijk, T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T.A. van Dijk. – The Hague; New York: Mouton, 1981. – 331 p.

287. Dijk, T.A. van. Ideology. Multidisciplinary approach / T.A. van Dijk. – London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1998. – 365 p.

288. Dijk, T.A. van. Introduction: The study of discourse / T.A. van Dijk // Discourse studies: A multidisciplinary introduction / Ed. by T.A. van Dijk. – 2nd edition. – SAGE Publications Ltd, 2011. – P. 1-7.

289. Dijk, T.A. van. Critical discourse studies: A sociocognitive approach / T.A. van Dijk // Methods of critical discourse studies (Introducing qualitative methods series) / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. – 3rd edition. – London, SAGE Publications Ltd, 2015. – P. 63-85.

290. Dik, S.C. On the notion ‘functional explanation’ / S.C. Dik // Belgian journal of linguistics. – 1986. – Vol. 1. – P. 11-52. DOI: https://doi.org/10.1075/bjl.1.02dik.

291. Dik, S.C. Functional grammar / S.C. Dik // Linguistic theory and grammatical description / Ed. by F. Droste, J. Joseph. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1991. – P. 247-274.

292. Dik, S.C. The theory of functional grammar / S.C. Dik. – Walter de Gruyter, 1997. – 1026 p.

293. Dombrovan, T. An introduction to linguistic synergetics / T. Dombrovan. – Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 152 p.

294. Drew, P. Conversation analysis / P. Drew // Rethinking methods in psychology / Ed. by J.A. Smith, R. Harré, L.V. Langenhove. – London: Sage, 1995. – P. 64-79. DOI: http://dx.doi.org/10.4135/9781446221792.n5.

295. Duffley, P. Logical form – Not logical enough for logic, not linguistic enough for linguistics / P. Duffley // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – Vol. 182. – P. 163-175. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.019.

296. Ehlich, K. Vom Nutzen der “Funktionalen Pragmatik” für die angewandte Linguistik / K. Ehlich // Medium Sprache im Beruf / Ed. by M. Becker-Mrotzek, Ch. Doppler. – Tlibingen: Narr, 1999. – P. 23-36.
297. Ehlich, K. Sprachliche Handlungsmuster / K. Ehlich, J. Rehbein // Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften / Ed. by H.-G. Soeffner. – Stuttgart: Metzler, 1979. – P. 243-274.
298. Eijck, J. van. Discourse representation in context / J. Eijck, H. Kamp // Handbook of logic and linguistics / Ed. by J. van Benthem, A. ter Meulen. – 2nd edition. – Elsevier, 2011. – P. 181-252.
299. Fairclough, N. Discourse and social change / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press 1992. – 259 p.
300. Fairclough, N. Language and power / N. Fairclough. – 3rd edition. – London: Routledge, 2015. – 264 p.
301. Fasold, R. Sociolinguistics of language / R. Fasold. – Oxford: Blackwell Publishers. 1990. – 342 p.
302. Foley, W.A. Functional syntax and universal grammar / W.A. Foley, R. van Valin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 416 p.
303. Fontaine, L. Analysing English grammar: A systemic functional introduction / L. Fontaine. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 294 p.
304. Forceville, Ch. Visual and multimodal communication: Applying the relevance principle / Ch. Ch. Forceville. – New York: Oxford University Press, 2020. – 313 p.
305. Ford, C.E. The language of turn and sequence / C.E. Ford, B.A. Fox, S.A. Thompson. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 304 p.
306. Foucault, M. The archaeology of knowledge and the discourse on language / M. Foucault, A.M.S. Smith. – Vintage, 1982. – 256 p.
307. Frege, G. Der Gedanke. Eine logische Untersuchung / G. Frege. – GRIN Verlag, 2007. – 36 s.

308. Fried, M. Construction grammar. A thumbnail sketch / M. Fried, J.-O. Ostman // Construction grammar in cross-language perspective / Ed. by M. Fried, J.-O. Ostman. – Amsterdam: Benjamins, 2004. – P. 11-86.
309. Geeraerts, D. Theories of lexical semantics / D. Geeraerts. – Oxford University Press, 2010. – 362 p.
310. Gee, J.P. An introduction to discourse analysis: Theory and method / J.P. Gee. – London; New York: Routledge, 1999. – 176 p.
311. Givón, T. Coherence in text vs. coherence in mind / T. Givón // Coherence in spontaneous text / Ed. by M.A. Gernsbacher, T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – P. 59-115.
312. Givón, T. The adaptive approach to grammar / T. Givón // Oxford handbook of linguistic analysis / Ed. by B. Heine, H. Narrog. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 27-49.
313. Goddard, C. Polysemy: A problem of definition / C. Goddard // Polysemy and ambiguity. Theoretical and applied approaches / Ed. by Y. Ravin, C. Leacock. – Oxford: Oxford University Press. – 2000. – P. 129-151.
314. Goddard, C. Semantic analysis / C. Goddard, A.C. Schalley // Handbook of natural language processing / Ed. by N. Indurkhya, D.F.J. Chapman. – 2nd edition. – Taylor & Francis Group, 2010. – P. 93-120.
315. Gonzálvez-García, F. Mapping functional-cognitive space / F. Gonzálvez-García, C.S. Butler // Annual review of cognitive linguistics. – 2006. – No 4. – P. 39-96.
316. Grice, H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // Syntax and semantics. Vol. 3. Speech acts / Ed. by P. Cole, J.L. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
317. Grice, H.P. Studies in the way of words / H.P. Grice. – Cambridge; London: Harvard University Press, 1991. – 406 p.
318. Griffiths, P. An introduction to English semantics and pragmatics / P. Griffiths. – Edinburgh University Press, 2006. – 193 p.

319. Haken, H. Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems / H. Haken. – 2nd enlarged edition. – Berlin: Springer, 2000. – 222 p.

320. Halliday, M.A.K. Explorations in the function of language / M.A.K. Halliday. – London: Arnold, 1973. – 143 p.

321. Halliday, M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.

322. Halliday, M.A.K. Linguistic studies of text and discourse (Collected works of M.A.K. Halliday) / M.A.K. Halliday / Ed. by J. Webster. – London, New York: Continuum, 2006. – Vol. 2. – 312 p.

323. Halliday, M.A.K. Cohesion in English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – 374 p.

324. Halliday, M.A.K. Halliday's introduction to functional grammar / M.A.K. Halliday, C.M.I.M. Matthiessen. – 4th edition. – London: Routledge, 2013. – 808 p.

325. Harris, D.W. Speech acts: The contemporary theoretical landscape / W.D. Harris, D. Fogal, M. Moss // New work on speech acts / Ed. by D. Fogal, W.D. Harris, M. Moss. – Oxford: Oxford University Press, 2018. Электронный ресурс: https://philpapers.org/archive/HARSAT-41.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

326. Hartog, J. Beyond 'misunderstandings' and 'cultural stereotypes': Analysing intercultural communication / J. Hartog // Beyond misunderstanding: Linguistic analyses of intercultural communication. In 2 parts / Ed. by K. Bührig, J.D. ten Thije. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. – Part two. Interactive analyses of intercultural discourse. – P. 175-188. DOI: https://doi.org/10.1075/pbns.144.08har.

327. Haspelmath, M. On system pressure competing with economic motivation / M. Haspelmath // Competing motivations in grammar and usage / Ed. by

B. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 197-208.

328. Haude, K. On discourse-semantic prominence, syntactic prominence, and prominence of expression / K. Haude // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2019. – Vol. 154. – P. 22-38.
329. Haugh, M. Speaker intentions and intentionality / M. Haugh, K.M. Jaszczolt // The Cambridge handbook of pragmatics / Ed. by K. Allan, M.K. Jaszczolt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 87-112.
330. Haugh, M. The pragmatics of initial interactions: Cross-cultural and intercultural perspectives / M. Haugh, V. Sinkeviciute // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – Vol. 185. – P. 35-39. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.004.
331. Huang, Y. Speech acts / Y. Huang // Encyclopedia of language & linguistics. – 2nd edition. – Elsevier, 2006. – P. 656-665.
332. Heim, I. File Change semantics and the familiarity theory of definiteness / I. Heim // Formal semantics: The essential readings / Ed. by P.H. Portner, B.H. Partee. – John Wiley & Sons, 2008. – P. 223-248. DOI: https://doi.org/10.1002/9780470758335.ch9.
333. Heller, M. Linguistic minorities and modernity: A sociolinguistic ethnography / M. Heller. – 2nd edition. – New York: Continuum, 2006. – 233 p.
334. Hengeveld, K. Functional discourse grammar: A typologically-based theory of language structure / K. Hengeveld, J.L. Mackenzie. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 528 p.
335. Hobbs, J.R. Coherence and coreference / J.R. Hobbs // Cognitive science. – 1979. – Issue 3. – P. 67-90.
336. Hoffmann, L. Der Mensch und seine Sprache – eine anthropologische Skizze / L. Hoffmann // Diskurse und Texte / Ed. by A. Redder. – Tiibingen: Stauffenburg, 2007. – P. 21-36.

337. Hofstetter, E. Sequence organization: Understanding what drives talk / E. Hofstetter // The Cambridge handbook of discourse studies / Ed. by A. De Fina, A. Georgakopoulou. – Cambridge University Press, 2020. – P. 121-143.

338. Hopper, P.J. Emergence of grammar / P.J. Hopper // International encyclopedia of linguistics / Ed. by W. Bright. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. – P. 364-367.

339. Horn, L. Pragmatics, discourse, and cognition / L. Horn, I. Kecskes // The language-cognition interface / Ed. by A. Stephen, R.J. Moeschler, F. Reboul. – Geneva-Paris: Librairie Droz, 2013. – P. 353-375.

340. Husserl, E. Preliminary remarks about the systematic theory of forms of meanings / E. Husserl // Logic and general theory of science / Ed. by E. Husserl. – Springer, 2019. – P. 129-140.

341. Irmer, M. Inferring implicatures and discourse relations from frame information / M. Irmer // Lingua. – 2013. – Vol. 132. – P. 29-50.

342. Jackendoff, R.S. Semantic structures / R.S. Jackendoff. – Cambridge, MA: MIT Press. – 1992. – 338 p.

343. Jelec, A. Cognitive discourse analysis: An introduction / A. Jelec // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – Vol. 181. – P. 3-5.

344. Johnson, M.N.P. Discourse analysis / M.N.P. Johnson, E. McLean // International encyclopedia of human geography / Ed. by A. Kobayashi. – 2nd edition. – Elsevier, 2019. – P. 377-383. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10814-5.

345. Johnson-Laird, P.N. Mental models in cognitive science / P.N. Johnson-Laird // Cognitive science. – 2010. – No 4 (1). – P. 71-115. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0401_4.

346. Johnson, M. Using sociocultural discourse analysis to analyze professional discourse / M. Johnson, N. Mercer // Learning, culture and social interaction. – 2019. – Vol. 21. – P. 267-277. DOI: https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2019.04.003.

347. Johnstone, B. Discourse analysis (Introducing linguistics) / B. Johnstone. – 3rd edition. – Wiley-Blackwell, 2018. – 304 p.

348. Jorgensen, M.W. Discourse analysis as theory and method / M.W. Jorgensen, L. Phillips. – 1st edition. – SAGE Publications Ltd, 2002. – 230 p.

349. Jucker, A.H. Pragmatics in the history of linguistic thought / A.H. Jucker // The Cambridge handbook of pragmatics / Ed by K. Allan, K.M. Jaszczolt. – Cambridge University Press, 2012. – P. 495-512.

350. Jaszczolt, K.M. Functional propositions: A new concept for representing discourse meaning / R.M. Jaszczolt // Journal of pragmatics. – 2021. – Vol. 171. – P. 200-214. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.10.010.

351. Kamp, H. From discourse to logic: An introduction to modeltheoretic semantics, formal logic and discourse representation theory / H. Kamp, U. Reyle. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. – 717 p.

352. Kang, S. Hierarchical speech-act classification for discourse analysis / S. Kang, Y. Ko, J. Seo // Pattern recognition letters. – 2013. – Vol. 34. – Issue 10. – P. 1119-1124. DOI: https://doi.org/10.1016/j.patrec.2013.03.008.

353. Kecskes, I. The paradox of communication: A socio-cognitive approach / I. Kecskes // Pragmatics & society. – 2010. – No 1. – P. 50-73.

354. Kecskes, I. Interculturality and intercultural pragmatics / I. Kecskes // The Routledge handbook of intercultural communication / Ed. by J. Jackson. – London: Routledge, 2011. – P. 67-84.

355. Kecskes, I. A dialogic approach to pragmatics / I. Kecskes // Russian journal of linguistics. – 2016. – Vol. 20. – Issue 4. – P. 26-42.

356. Kharkovskaya, A.A. Language picture of the world: The global language monitor project / A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, O.V. Aleksandrova // Proceedings of the philological readings (PhR 2019). –

London: Orenburg State University, 2020. – P. 62-68. DOI: https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.8.

357. Kharkovskaya, A.A. Minitexts in modern educational discourse: Functions and trends / A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, A.V. Radyuk // Training, language and culture. – 2017. – Vol. 1. – No 1. – P. 62-76. DOI: https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.4.
358. Khramchenko, D.S. Planning the functional field of business English discourse: Linguosynergetic approach / D.S. Khramchenko // Вопросы прикладной лингвистики. – 2015. – № 18. – С. 151-163.
359. Khramchenko, D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse / D.S. Khramchenko // Professional discourse & communication. – 2019. – Vol. 1. – No. 1. – P. 9-20. DOI: https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20.
360. Khramchenko, D. The synergy of modern business English discourse: Holistic approach to teaching unconventional business rhetoric / D. Khramchenko, A. Radyuk // Proceedings of INTED2014 Conference 10th-12th March 2014, Valencia, Spain. – 2014. – P. 6779-6783.
361. Kibrik, A.E. Grammatical relations / A.E. Kibrik // International encyclopedia of the social & behavioral sciences / Ed. by N.J. Smelser, P.B. Baltes. – Pergamon, 2001. – P. 6342-6348. DOI: https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/02953-3.
362. Kirchner, C. Meaning and relations: An introduction to the study of language, discourse and networks / C. Kirchner, J.W. Mohr // Poetics. – 2010. – Vol. 38. – Issue 6. – P. 555-566.
363. Kissine, M. Sentences, utterances, and speech acts / M. Kissine // The Cambridge handbook of pragmatics / Ed. by K. Allan, M.K. Jaszczolt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 169-190.
364. Klymenko, O. Synergetic linguistics as a new philosophy of language studies / O. Klymenko, S. Yenikeyeva // Theory and practice in language

studies. – 2022. – Vol. 12. – No. 2. – P. 417-423. DOI: https://doi.org/10.17507/tpls.1202.28.

365. Knott, A. The classification of coherence relations and their linguistic markers: An exploration of two languages / A. Knott, T. Sanders // Journal of pragmatics. – Elsevier, 1998. – Vol. 30 (2). – P. 135-175. DOI: https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00023-X.
366. Knott, A. Levels of representation in discourse / A. Knott, T. Sanders, J. Oberlander // Cognitive Linguistics. – 2001. – No 12. – P. 197-209.
367. Kress, G. What is mode? / G. Kress // A handbook of multimodal analysis / Ed. by C. Jewitt. – London: Routledge, 2009. – P. 54-67.
368. Kress, G. Multimodal discourse analysis / G. Kress // The Routledge handbook of discourse analysis. – Routledge, 2011. – P. 3-50. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203809068.ch3.
369. Kuno, S. Functional syntax: Anaphora, discourse and empathy / S. Kuno. – University of Chicago Press, 1987. – 320 p.
370. Kuzeev, S. Language and consciousness: Towards the path of synergy / S. Kuzeev // Argumentum. – 2020. – Vol. 16. – P. 230-240.
371. Labov, W. Sociolinguistic patterns / W. Labov. – Oxford: Blackwell, 1978. – 344 p.
372. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
373. Lakoff, M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London: University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
374. Langacker, R.W. Discourse in cognitive grammar / R.W. Langacker // Cognitive Linguistics. – 2001. – No 12. – P. 143-88.
375. Lascarides, A. Temporal interpretation, discourse relations and common sense entailment / A. Lascarides, N. Asher // Linguistics and philosophy. – 1993. – No 16.5. – P. 437-493.

376. Lașcu, T. The scope of stylistic and discursive analyses of the literary text: Interrelation and inconsistency / T. Lașcu, O. Gherlovan // InterConf. – 2021. – No 60. – P. 88-94. DOI: https://doi.org/10.51582/interconf.7-8.06.2021.010.

377. Ledeneva, S. Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics / S. Ledeneva // 5th International multidisciplinary Scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018, Conference Proceedings. – 2018. – Vol. 5. Science & Society. – Issue 3.6 Language & Linguistics. – P. 3-10.

378. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – Routledge, 2016. – 249 p.

379. Levinson, S. Three levels of meaning / S. Levinson // Grammar and meaning / Ed. by F. Palmer. – Cambridge University Press, 1995. – P. 90-115. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511620638.006.

380. Levinson, S. From outer to inner space: Linguistic categories and non-linguistic thinking / S. Levinson // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts, E. Pederson. – Cambridge University Press, 1997. – P. 13-45.

381. Lukin, A. Ideology and the text-in-context relation / A. Lukin // Functional linguistics. – Springer, 2017. – No 4. – P. 1-16. DOI: https://doi.org/10.1186/s40554-017-0050-8.

382. Lüngen, H. Discourse relations and document structure / H. Lüngen, M. Bärenfanger, M. Hilbert, H. Lobin, C. Puskäs // Linguistic Modeling of Information and Markup Languages. Contributions to Language Technology / Ed. by A. Witt, D. Metzing. – Dordrecht: Springer, 2010. – Vol. 41. – Text, Speech and Language Technology. – P. 97-123.

383. Lyons, J. Language, meaning and context / J. Lyons. – London: Fontana, 1982. – 256 p.

384. Maienborn, C. Meaning in linguistics. Volume 1. Handbooks of linguistics and communication science / C. Maienborn, K. von Heusinger, P.H. Portner // Semantics: An international handbook of natural language

meaning / Ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P.H. Portner. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011. – P. 1-10.

385. Malyuga, E.N. Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication / E.N. Malyuga, S.N. Orlova. – Springer International Publishing, 2018. – 145 p.
386. Malyuga, E.N. Functional and linguistic features of humour in economic discourse / E.N. Malyuga, A. Krouglov, M.V. Ivanova // Functional approach to professional discourse exploration in linguistics / Ed. by E.N. Malyuga. – Springer, 2020. – P. 95-129.
387. Manerko, L.A. Specialized discourse, its development and multimodality / L.A. Manerko // LATEUM-2015. Research and practice in multidisciplinary discourse. Conference proceedings. Материалы XII международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М.В. Ломоносова. Ответственный редактор О.В. Александрова; редакторы: Е.В. Михайловская, И.Н. Фомина. – 2015. – С. 64-69.
388. Mann, W.C. Relational propositions in discourse / W.C. Mann, S.A. Thompson // Discourse Processes. – 1986. – Vol. 9. – Issue 1. – P. 57-90.
389. Mann, W. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization / W. Mann, S. Thompson // Text. – 1988. – No 8 (3). – P. 243-281.
390. Marcu, D. Perlocutions: The Achilles' heel of speech act theory / D. Marcu // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2000. – Vol. 32. – Issue 12. – P. 1719-1741.
391. Marmaridou, S. Pragmatic meaning and cognition / S. Marmaridou. – Amsterdam: John Benjamins, 2000. – 322 p.
392. Martin, J.R. The Discourse semantics of attitudinal relations: Continuing the study of lexis / J.R. Martin // Russian journal of linguistics. – 2017. – No 21 (1). – P. 22-47.

393. Mathesius, M. New currents and tendencies in linguistic research / M. Mathesius // Praguiana: Some basic and less known aspects of the Prague Linguistic School / Ed. by J. Vachek, L. Dušková. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1983 a. – P. 45-64.

394. Mathesius, M. Functional linguistics / M. Mathesius // Praguiana: Some basic and less known aspects of the Prague Linguistic School / Ed. by J. Vachek, L. Dušková. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1983 b. – P. 121-144.

395. Matthiessen, C.M.I.M. Key terms in systemic functional linguistics / C.M.I.M. Matthiessen, K. Teruya, M. Lam. – London; New York: Continuum, 2010. – 308 p.

396. Matthiessen, C.M.I.M. The way into systemic functional linguistics / C.M.I.M. Matthiessen, Wang B., Ma Y., Mwinlaaru I.N. // Systemic functional insights on language and linguistics / Ed. by C.M.I.M. Matthiessen, Wang B., Ma Y., Mwinlaaru I.N. – Springer, 2022 a. – P. 3-27. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8713-6_1.

397. Matthiessen, C.M.I.M. Some conceptual issues in systemic functional linguistics / C.M.I.M. Matthiessen, Wang B., Ma Y., Mwinlaaru I.N. // Systemic functional insights on language and linguistics / Ed. by C.M.I.M. Matthiessen, Wang B., Ma Y., Mwinlaaru I.N. – Springer, 2022 b. – P. 93-124. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8713-6_4.

398. Matthiessen, C.M.I.M. Cognition in systemic functional linguistics / C.M.I.M. Matthiessen, Wang B., Ma Y., Mwinlaaru I.N. // Systemic functional insights on language and linguistics / Ed. by C.M.I.M. Matthiessen, Wang B., Ma Y., Mwinlaaru I.N. – Springer, 2022 c. – P. 147-195. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8713-6_6.

399. McConachy, T. Cross-cultural and intercultural pragmatics / T. McConachy, H. Spencer-Oatey // The Cambridge handbook of sociopragmatics / Ed. by M. Haugh, D. Kádár, M. Terkourafi. –

Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 733-757. DOI: https://doi.org/10.1017/9781108954105.037.

400. McDonald, E. Syntagmatic and paradigmatic relations: Structure and system / E. McDonald // Grammar west to east. The M.A.K. Halliday library functional linguistics series. – Springer, 2020. – P. 217-226. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-7597-2_14.
401. McSweeney, M.A. The pragmatics of text messaging: Making meaning in messages / M.A. McSweeney. – New York: Routledge, 2018. – 181 p.
402. Mey, J.L. Pragmatic act / J.L. Mey // Encyclopedia of language and linguistics. – 2nd edition. – Elsevier, 2006. – P. 5-12.
403. Mey, J. Concise encyclopedia of pragmatics. / J. Mey. – Amsterdam: – 2nd edition. – Elsevier, 2009. – 1100 p.
404. Mustajoki, A. A multidimensional model of interaction as a framework for a phenomenon-driven approach to communication / A. Mustajok // Russian journal of linguistics. – 2021. – No 25 (2). – P. 369-390. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-369-390.
405. Nerlich, B. History of pragmatics / B. Nerlich // The pragmatics encyclopedia / Ed. L. Cummings. – London, NY: Routledge, 2010. – P. 192-195.
406. Newmeyer, F.J. Language form and language function / F.J. Newmeyer. – MIT Press, 2000. – 428 p.
407. Nickles, M. Ontologies across disciplines / M. Nickles, A. Pease, A.C. Schalley, D. Zaefferer // Ontolinguistics: How ontological status shapes the linguistic coding of concepts / Ed. by A.C. Schalley, D. Zaefferer. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 23-67.
408. Nichols, J. Functional theories of grammar / J. Nichols // Annual review of anthropology. – 1984. – No 13. – P. 97-117.
409. Nichols, J. What, if anything, is typology? / J. Nichols // Linguistic typology. – 2007. – No 11. – P. 231-238.

410. Nida, E.A. A Componential analysis of meaning: An introduction to semantic structures / E.A. Nida. – Walter de Gruyter, 1979. – 272 p.
411. Nord, Ch. Meaning, sense, function – what is transferred? / Ch. Nord // Procedia – social and behavioral sciences. – Elsevier, 2016. – No 231. – P. 3-10.
412. Nuyts, J. Cognitive linguistics and functional linguistics / J. Nuyts // The Oxford handbook of cognitive linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford University Press, 2007. – P. 543-565.
413. O'Keeffe, A. Introducing pragmatics in use / A. O'Keeffe, B. Clancy, S. Adolphs. – 2nd edition. – London; New York: Routledge, 2020. – 260 p.
414. Paltridge, B. Genre, frames and writing in research settings / B. Paltridge. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. – 198 p.
415. Philipsen, J.S. Co-operative action / J.S. Philipsen // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2018. – Vol. 138. – P. 176-178. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.10.007.
416. Poesio, M. Semantic analysis / M. Poesio // Handbook of natural language processing / Ed. by R. Dale, H. Moisl, H. Somers. – New York; Basel: Marcel Dekker, 2000. – P. 93-122.
417. Polanyi, L. A formal model of the structure of discourse / L. Polany // Journal of pragmatics. – Elsevier, 1988. – Vol. 12. – P. 601-638. DOI: https://doi.org/10.1016/0378-2166(88)90050-1.
418. Ponomarenko, E.V. Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics / E.V. Ponomarenko // SGEM2016 Conference Proceedings. – 2016. – No 3. – P. 355-362. DOI: https://doi.org/10.5593/sgemsocial2016/B13/S03.042.
419. Ponomarenko, E.V. Discourse functional relations revisited: mastering causativity as means of communicative impact / E.V. Ponomarenko // 9th International conference on education and new learning technologies (Barcelona, Spain, 3-5 July, 2017). EDULEARN17 Proceedings. –

IATED, 2017. – P. 4706-4712. DOI: https://doi.org/10.21125/edulearn.2017.2041.

420. Ponomarenko, E.V. The notion of functional synergism in linguistics / E.V. Ponomarenko // SGEM2018 Conference proceedings. – 2018. – Vol. 5. – Issue 3. – P. 501-508. DOI: https://doi.org/10.5593/SGEMSOCIAL2018H/31/S10.063.
421. Ponomarenko, E.V. Introduction: Professional discourse in the focus of functional linguistics / E.V. Ponomarenko, O.V. Magirovskaya, S.N. Orlova // Functional approach to professional discourse exploration in linguistics / Ed. by E. Malyuga. – Springer, 2020. – P. 1-20. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9103-4_1.
422. Pradhan, R.Ch. Mind, meaning and world: A transcendental perspective / R.Ch. Pradhan. – Springer, 2019. – 142 p.
423. Prague Linguistic Circle. Theses presented to the First Congress of Slavists held in Prague in 1929 // Praguiana: Some basic and less known aspects of the Prague Linguistic School / Ed. by J. Vachek, L. Dušková. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1983. – P. 77-120.
424. Prince, E. Toward a taxonomy of given-new information / E. Prince // Radical pragmatics / Ed. by P. Cole. – New York: Academic Press, 1981. – P. 223-255.
425. Quirk, R. A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London; New York: Longman, 1985. – 1779 p.
426. Redder, A. Functional pragmatics / A. Redder // Handbook of interpersonal communication. Series Handbooks of applied linguistics / Ed. by G. Antos, E. Ventola. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 133-178.
427. Rehbein, J. Theorien, sprachwissenschaftlich betrachtet / J. Rehbein // Texte und Diskurse / Ed. by G. Brtinner, G. Graefen. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. – P. 25-67.

428. Reich, W. The cooperative nature of communicative acts / W. Reich // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2011. – Vol. 43. – Issue 5. – P. 1349-1365. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.10.024.

429. Renkema, J. Discourse studies: An introductory textbook / J. Renkema. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1993. – 224 p.

430. Renkema, J. Introduction to discourse studies / J. Renkema, Ch. Schubert. – New edition. – John Benjamins, 2018. – 453 p.

431. Ripley, D. 'Transitivity' of consequence relations / D. Ripley // Logic, rationality, and interaction. 5th International workshop, LORI 2015, Taipei, Taiwan, October 28-30, 2015. Proceedings. – Springer, 2015. – P. 328-340.

432. Stadler, S.A. Coding speech acts for their degree of explicitness / S.A. Stadler // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2011. – Vol. 43. – Issue 1. – P. 36-50. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.08.014.

433. Saeed, J.I. Semantics / J.I. Saeed. – 3rd edition. – Wiley-Blackwell, 2009. – 456 p.

434. Salmon, W. Social markers and dimensions of meaning / W. Salmon // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2022. – Vol. 192. – P. 98-115. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.02.014.

435. Sanders, T. Discourse and text structure / T. Sanders, W. Spooren // The Oxford handbook of cognitive linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford University Press, 2007. – P. 916-941.

436. Sauerland, U. Pragmatics: Theory and experiment growing together / U. Sauerland, P. Schumacher // Linguistische Berichte. – 2016. – No 245. – P. 3-24.

437. Sbisá, M. Speech acts in context / M. Sbisá // Language & communication. – 2002. – Vol. 34. – Issue 10. – P. 421-436.

438. Sbisà, M. Presupposition and implicature: Varieties of implicit meaning in explicitation practices / M. Sbisá // Journal of pragmatics. – Elsevier,

2021. – Vol. 182. – P. 176-188. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.05.027.

439. Schiffrin D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
440. Schiffrin, D. Approaches to discourse / D. Schiffrin. – Cambridge: MA; Oxford: Blackwell, 1994. – 470 p.
441. Scollon, R. Intercultural communication: A discourse approach / R. Scollon, S.W. Scollon, R.H. Jones. – 3rd edition. – Wiley-Blackwell, 2012. – 336 p.
442. Scott, K. Referring expressions, pragmatics and style: Reference and beyond / K. Scott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 189 p.
443. Searle, J.R. Collective intentions and actions / J.R. Searle // Intentions in Communication / Ed. by P. Cohen, J. Morgan, M. Pollack. – Cambridge, MA: MIT Press, 1990. – P. 401-416.
444. Searle, J.R. Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts / J.R. Searle. – Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. – 196 p.
445. Searle, J.R. What is language: some preliminary remarks / J.R. Searle // Explorations in pragmatics: Linguistic, cognitive and intercultural aspects / Ed. by I. Kecskes, L.R. Horn. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 7-37.
446. Shi-xu. Beyond competence: A multiculturalist approach to intercultural communication / Shi-xu // Beyond misunderstanding: Linguistic analyses of intercultural communication. In 2 parts / Ed. by K. Bührig, J.D. ten Thije. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. – Part two. Interactive analyses of intercultural discourse. – P. 313-330. DOI: https://doi.org/10.1075/pbns.144.14shi.
447. Shmeleva, Zh.N. Studying discourse as a mechanism of language actualization in teaching “philosophy of language” / Zh.N. Shmeleva //

Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 3 (28). – С. 199-204.

448. Silverstein, M. The three faces of “function”: Preliminaries to a psychology of language / M. Silverstein // Social and functional approaches to language and thought / Ed. by M. Hickman. – Orlando; FL: Academic Press, 1987. – P. 17-38.
449. Sinkeviciute, V. The pragmatics of initial interaction: Cross-cultural and intercultural perspectives / V. Sinkeviciute, M. Haugh // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – Vol. 185. – P. 35-39. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.004.
450. Sokolova, N. Multimodal IT marketing discourse: An integrated approach investigation / N. Sokolova // Russian journal of linguistics. – 2020. – No 24 (2). – P. 366-385. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088- 2020-24-2-366-385.
451. Stenström, A.-B. An introduction to spoken interaction / A.-B. Stenström. – London: Longman, 1999. – 239 p.
452. Stubbs, M. Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language / M. Stubbs. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 272 p.
453. Taavitsainen, I. Trends and developments in historical pragmatics / I. Taavitsainen, A.H. Jucker // Handbook of historical pragmatics. Series Handbooks of pragmatics / Ed. by A.H. Jucker, I. Taavitsainen. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Vol. 8. – P. 3-30.
454. Tannen, D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse (2nd ed., Studies in interactional sociolinguistics) / D. Tannen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 244 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511618987.
455. Tantucci, V. Language and social minds: The semantics and pragmatics of intersubjectivity / V. Tantucci. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 187 p.

456. Terkourafi, M. Pragmatics as an interdisciplinary field / M. Terkourafi // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2021. – Vol. 179. – P. 77-84. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.04.015.

457. Tikhomirova, A. How culture and trustworthiness interact in different e-commerce contexts: A comparative analysis of consumers' intention to purchase on platforms of different / A. Tikhomirova, J. Huang, S. Chuanmin, M. Khayyam, H. Ali, D.S. Khramchenko // Frontiers in psychology. – 2021. – No 12. DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.746467.

458. Tindale, C.W. Rhetorical argumentation and the nature of audience: Towards an understanding of audience – Issues in argumentation / C.W. Tindale // Philosophy and rhetoric. – 2013. – Vol. 46. – Issue 4. – P. 508-532.

459. Tracy, K. Studying interaction in order to cultivate communicative practices. Action-implicative discourse analysis / K. Tracy, R.T. Craig // New adventures in language and interaction. – 2010. – P. 145-166. DOI: https://doi.org/10.1075/pbns.196.07tra.

460. Traugott, E. The state of English language studies: A linguistic perspective / E. Traugott // English now: Selected papers from the 20th IAUPE Conference in Lund 2007. Lund: Lund Studies in English / Ed. by M. Thormählen. – 2008. – P. 199-225.

461. Trnavac, R. Discourse relations and evaluation / R. Trnavac, D. Das, M. Taboada // Corpora. – 2016. – No 11 (2). – P. 169-190. DOI: https://doi.org/10.3366/cor.2016.0091.

462. Valin, R.D. van. A synopsis of role and reference grammar / R.D. van Valin // Advances in role and reference grammar / Ed. by R.D. van Valin. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993. – P. 1-164.

463. Valin, R.D. van. Semantic macroroles in role and reference grammar / R.D. van Valin // Semantische rollen / Ed. by R. Kailuweit, M. Hummel. – Tübingen: Narr, 2004. – P. 62-82.

464. Valin, R.D. van. Syntax: Structure, meaning and function / R.D. van Valin, R.J. LaPolla. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 713 p.

465. Verschueren, J. Understanding pragmatics / J. Verschueren. – Oxford University Press Inc., 1999. – 295 p.

466. Verschueren, J. Introduction: The pragmatic perspective / J. Verschueren // Key notions for pragmatics / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman. – Amsterdam; Philadelphia: PA; John Benjamins, 2009. – P. 1-27.

467. Wegmann, A. Detecting different forms of semantic shift in word embeddings via paradigmatic and syntagmatic association changes / A. Wegmann, F. Lemmerich, M. Strohmaier // The Semantic Web – ISWC 2020. Lecture notes in computer science. – Springer, 2020. – Vol. 12506. – P. 619-635. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-62419-4_35.

468. Wetherell, M. Debates in discourse research / M. Wetherell // Discourse theory and practice: A reader / Ed. by M. Wetherell, S. Taylor, S. Yates. – London: Sage Publications, 2001. – P. 380-399.

469. Wharton, T. Pragmatics and non-verbal communication / T. Wharton. – Cambridge University Press, 2009. – 219 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511635649.

470. Widdowson, H. G. Text, context, pretext: Critical issues in discourse analysis / H.G. Widdowson. – Blackwell Publishing, 2008. – 200 p.

471. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and universals / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 500 p.

472. Witek, M. Linguistic underdeterminacy: A view from speech act theory / M. Witek // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2015. – Vol. 76. – P. 15-29. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.11.003.

473. Wittgenstein, L. Über Gewissheit / L. Wittgenstein // Bemerkungen über die Farben / Bearbeitet von G.E.M. Anscombe, G.H. von Wright. – Suhrkamp, 2011. – Band 8. – 575 s.

474. Wodak, R. Pragmatics and critical discourse analysis. A cross-disciplinary inquiry / R. Wodak // Pragmatics & cognition. – 2007. – No 15. – P. 203-225.

475. Wodak, R. Critical discourse analysis: History, agenda, theory and methodology / R. Wodak, M. Meyer // Methods of critical discourse analysis / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. – 2nd edition. – London: Sage, 2009. – P. 1-33.

476. Young, M. A logical semantics for nonmonotonic sorts / M. Young, W. Rounds // Proceedings of the 31st annual meeting of the Association for computational linguistics (acl-93). – Columbus; Ohio, 1993. – P. 209-215.

477. Yuan, W. Speech act matters: Commitment to what's said or what's implicated differs in the case of assertion and promise / W. Yuan, S. Lyu // Journal of pragmatics. – Elsevier, 2022. – Vol. 191. – P. 128-142. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.01.012.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

478. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Сов. энциклопедия, Ин-т языкознания АН СССР, 1990. – 683 с.
479. Cambridge dictionary. Электронный ресурс: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 15.09.2021).
480. Finch, G. Key concepts in language and linguistics / G. Finch. – 2nd edition. – Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 249 p.
481. The American heritage science dictionary. Электронный ресурс: http://www.dictionary.com/browse/attractor (дата доступа 10.06.2021).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

482. Austen, J. Sense and sensibility / J. Austen. – New York: Penguin Books, 2003. – 409 p.
483. Backes, Ch. Administrative law / Ch. Backes, M. Eliantonio // Introduction to law / Ed. by J. Hage, B. Akkermans. – Springer, 2014. – p. 157-188.
484. Bollen, N.P.B. How much for a haircut? Illiquidity, secondary markets, and the value of private equity / N.P.B. Bollen, B.A. Sensoy. – Ohio State University: Fisher College of Business Working Paper, 2016. – 58 p.
485. Bond, M. Monsieur Pamplemousse hits the headlines / M. Bond. – Allison & Busby, 2006. – 213 p.
486. Bradbury, R. Death is a lonely business. Книга для чтения на английском языке / R. Bradbury. – Санкт-Петербург: Каро. – 384 с.
487. Brooks, T. The wishsong of Shannara / T. Brooks. – London: Orbit, 2006. – 576 p.
488. D. Brown I – Brown, D. Deception Point / D. Brown. – London: Corgi Books, 2009. – 592 p.
489. D. Brown, II – Brown, D. The lost symbol / D. Brown // Anchor Books, 2009. – 671 p.
490. Cheever, J. The stories of John Cheever / J. Cheever. Электронный ресурс: https://www.pdfdrive.com/the-stories-of-john-cheever-e193144778.html (дата обращения: 12.03.2021).
491. Conan Doyle, A. The adventure of the blanched soldier / A. Conan Doyle. – Createspace Independent Publishing Platform, 2016. – 104 p.
492. Damodaran, A. Investment valuation: Tools and techniques for determining the value of any asset / A. Damodaran. – New Jersey: John Wiley and Sons, Ltd., 2012. – 992 p.
493. Daryl, Gr. Second person, present tense / Gr. Daryl. – New Jersey: Fictionwise, 2007. – 32 p.

494. DeChancie, J. Paradox alley / J. DeChancie. – New York: Ace Books, 1987. – 320 p.
495. DeLillo, D. Underworld / D. DeLillo. – Scribner, 2003. – 848 p.
496. Dickens, Ch. The life and adventures of Martin Chuzzlewit / Ch. Dickens. – Wordsworth classics, 1997. – 850 p.
497. Dickson, G.R. The dragon at war / G.R. Dickson. – New York: Ace Books, 1993. – 375 p.
498. Dreiser, T. The Titan / T. Dreiser. – Classic Books Library, 2008. – 592 p.
499. Durden, T. Trump's condition substantially improved, but he's "not out of the woods yet", doctor says / T. Durden. Электронный ресурс: https://www.zerohedge.com/political/sen-ron-johnson-kellyanne-conway-test-positive-24-infected-white-house-covid-19-outbreak (дата обращения: 29.07.2021).
500. Egan, J. A visit from a goon squad / A. Egan. – New York: Knopf, 2010. – 288 p.
501. Follett, K. Storm Island / K. Follett. – Macdonald & Jane's, 1978. – 320 p.
502. Fowles, J. The ebony tower / Башня из черного дерева (на англ. яз.) / J. Fowles. – Москва: Менеджер, 2000. – 256 с.
503. Franzen, J. The corrections / J. Franzen. – Picador, 2002. – 576 p.
504. Gaiman, N. Stardust / N. Gaiman. – Harper Perennial, 2006. – 248 p.
505. Gaubatz, K.T. Democratic states and commitment in international relations (1996) / K.T. Gaubatz // International law and international relations / Ed. by B.A. Simmons, R.H. Steinberg. – New York: Cambridge University Press, 2007. – P. 43-64.
506. Gilbert, E. Eat, pray, love / E. Gilbert. – New York: Penguin Group, 2010. – 445 p.
507. Goldstein, J. Legalization, trade liberalization, and domestic politics: a cautionary note (2000) / J. Goldstein, L.L. Martin // International law and international relations / Ed. by B.A. Simmons, R.H. Steinberg. – New York: Cambridge University Press, 2007. – P. 157-187.

508. Green, J. The fault in our stars / J. Green. – Boston: Dutton Books, 2012. – 318 p.
509. Grisham, J. The street lawyer / J. Grisham. – Ransom House, 2019. – 440 p.
510. Hailey, A. The final diagnosis / A. Hailey. Электронный ресурс: https://thelib.ru/books/hailey_arthur/the_final_diagnosis-read.html (дата обращения: 12.03.2021).
511. Hemingway, E. The sun also rises / E. Hemingway. – New York: Scribner, 1995. – 251 p.
512. Hornby, N. High fidelity / N. Hornby. – New York: Riverhead Books, 1996. – 340 p.
513. Hunter, S. The 47th samurai / S. Hunter. – Simon & Schuster, 2007. – 370 p.
514. Huxley, A. Brave new world / A. Huxley. – New York: Vintage Books, 2007. – 229 p.
515. Ishiguro, K. A Pale view of hills / K. Ishiguro. – London: Faber and faber, 2005. – 183 p.
516. Joyce, J. Ulysses / J. Joyce. – New York: Vintage, 1990. – 783 p.
517. S. King I – King, S. The dead zone / S. King. – New York: Penguin Books, 1980. – 402 p.
518. S. King II – King, S. Hearts in Atlantis / S. King. – New York: Hodder & Stoughton, 2011. – 671 p.
519. Knight-Jadczyk, L. The secret history of the world and how to get out alive / L. Knight-Jadczyk. – Red Pill Press, 2005. – 812 p.
520. Legro, J.W. Which norms matter? Revisiting the “failure” of internationalism (1997) / J.W. Legro // International law and international relations / Ed. by B.A. Simmons, R.H. Steinberg. – New York: Cambridge University Press, 2007. – P. 205-232.
521. Maanen, G.E. van. Tort law / G.E. van Maanen, J. Hage // Introduction to law / Ed. by J. Hage, B. Akkermans. – Springer, 2014. – p. 101-120.

522. Marr, M. Wicked Lovely / M. Marr. – New York: Harper Collins, 2008. – 352 p.
523. Maugham, S.W. Sixty-five short stories / S.W. Maugham. – London: Heinemann/Octopus, 2008. – 937 p.
524. McEwan, I. Atonement / I. McEwan. – First Anchor Books Edition, 2003. – 351 p.
525. Mead, R. Succubus on top / R. Mead. – New York: Kensington Publishing Corporation, 2008. – 314 p.
526. Moran, M. Economic institutions / M. Moran // The Oxford handbook of political institution / Ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 144-162.
527. O.Henry. Short stories from 100 selected stories / O.Henry. Электронный ресурс: https://www.pdfdrive.com/short-stories-from-100-selected-stories-by-o-henry-e33412190.html (дата обращения: 21.05.2021).
528. Rand, A. Atlas shrugged / A. Rand. – Boston: Dutton, 2003. – 1200 p.
529. V. Roth I – Roth V. Insurgent / V. Roth. – New York: Katherine Tegen Books, 2012. – 592 p.
530. V. Roth II – Roth V. Divergent / V. Roth. – New York: Harper Collins Publisher, 2015. – 490 p.
531. Rowling, J.K. The casual vacancy / J.K. Rowling. – Little, Brown and Company, 2012. – 503 p.
532. Salinger, J.D. The catcher in the rye / J.D. Salinger. – New York: Back Bay Books, 2001. – 277 p.
533. Sharma, R.S. The monk who sold his Ferrari: A fable about fulfilling your dreams & reaching your destiny / R.S. Sharma. – HarperSanFrancisco, 1999. – 198 p.
534. Sharpe, W.F. Investments / W.F. Sharpe, J.W. Bailey, G.J. Alexander. – 6th edition. – Prentice Hall, 1998. – 962 p.
535. Slane, R. NYT claims Haspel’s CIA showed Trump (fake) pictures of dead ducks, sick kids to get firm response to Skripal poisoning / R. Slane.

Электронный ресурс: https://www.sott.net/article/411328-NYT-claims-Haspels-CIA-showed-Trump-fake-pictures-of-dead-ducks-sick-kids-to-get-firm-response-to-Skripal-poisoning (дата обращения: 13.07.2021).

536. Spark, M. The only problem / M. Spark. – London: Triad Grafton Books, 1985. – 189 p.
537. Spencer, L. Separate beds / L. Spencer. – New York: Putnam Adult, 2003. – 464 p.
538. Stanford, J. Economics for everyone: A short guide to the economics of capitalism / J. Stanford. – London: Pluto Press, 2008. – 360 p.
539. Tolkien, J.R.R. The Hobbit, or there and back again / J.R.R. Tolkien. – Houghton Mifflin, 2002. – 366 p.
540. Tartt, D. The goldfinch / D. Tartt. – Little, Brown and Company, 2013. – 881 p.
541. K. Vonnegut I – Vonnegut, K. Cat’s cradle / K. Vonnegut. Электронный ресурс: https://www.pdfdrive.com/cats-cradle-e194625859.html (дата обращения: 09.04.2021).
542. K. Vonnegut II – Vonnegut, K. The sirens of Titan / K. Vonnegut. – Gollancz, 1999. – 224 p.
543. Wilde, O. The complete short stories of Oscar Wilde / O. Wilde. – New York: Dover Publications, 2006. – 208 p.
544. Wilson, P. Conspiracies / P. Wilson. – Stuttgart: Holtzbrink, 2008. – 405 p.